

Министерство образования и науки Российской Федерации
Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
Нижневартовский государственный университет

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

г.Нижневартовск, 8 февраля 2013 года

Часть II

**ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА
ТЕОРИЯ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИЯ,
МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Издательство
Нижневартовского
государственного
университета
2013

ББК 72я43
К 90

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

К 90 **Культура, наука, образование: проблемы и перспективы:** Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г.Нижевартовск, 8 февраля 2013 года) / Отв. ред. А.В.Коричко. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2013. Ч. II. История идей и история общества. Теория истории, историография, методология исторического исследования. Проблемы отечественной истории. — 218 с.

ISBN 978-5-00047-010-7

Часть II издания включает статьи участников конференции секций «История идей и история общества. Теория истории, историография, методология исторического исследования. Проблемы отечественной истории». Авторы освещают актуальные вопросы теории истории, историографии и проблемы отечественной истории.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

ББК 72я43

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 06.06.2013
Формат 60×84/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 27,25
Тираж 300 экз. Заказ 1446

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

ISBN 978-5-00047-010-7

© Издательство НВГУ, 2013

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

П.А.Быковских
г.Нижневартовск
МОСШ № 7

ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ 1569 г. И РОССИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Люблинская уния 1569 г. между Литвой и Польшей стала крупным событием в истории Восточной Европы второй половины XVI в. Соглашение между Литвой и Польшей оказало существенное влияние на внутреннюю жизнь обеих стран и на внешнеполитическую обстановку в период Ливонской войны.

В советской историографии Люблинская уния не получила широкого освещения, а рассматривалась на фоне главных событий Ливонской войны.

С.Ф.Платонов Люблинскую унию не упомянул, в трактовке же Р.Ю.Виппера образование Речи Посполитой явилось неприятным сюрпризом для Ивана Грозного [1].

В советской историографии 1940-х гг. соглашение между Литвой и Польшей 1569 г. рассматривалось на фоне Ливонской войны. В частности, С.В.Бахрушин в книге «Иван Грозный» отметил, что Люблинская уния 1569 г. оказала влияние на ход Ливонской войны, [2] но ученый не раскрывал значения этого соглашения. Ю.В.Готье не придавал особого значения образованию Речи Посполитой, по мнению автора, более значимым стало избрание в 1575 г. на польский престол избрание Стефана Батория [3]. (Именно избрание нового польского короля в Речи Посполитой ознаменовало окончание польского бескорольева, которое мешало новому государству вести слаженную внешнюю политику).

Л.А.Дербов подчеркнул, что на новом этапе балтийской войны (с начала 60-х гг.) особо важное, решающее значение приобрели взаимоотношения России с Польско-Литовским государством, которое было наиболее сильным и опасным противником Москвы в борьбе за овладение Ливонией и выходом к морю. Ученый находит, что главными участниками этой борьбы оказались Россия и Польша, соотношение сил которых определяло военную и политическую конъюнктуру в Восточной Прибалтике в течение всей второй половины XVI века. Таким образом, историк признает значение Люблинской унии 1569 г. для хода Ливонской войны, но не рассматривает соглашение между Литвой и Польшей как фактор, который повлиял на неблагоприятный исход для России Ливонской войны [4].

Наиболее обстоятельно и подробно влияние государственного объединения Литвы и Польши изложил В.Д.Королюк на его взгляд 1569 года события в Прибалтике для Русского государства развивались относительно благоприятно, но с заключением польско-литовской унии положение для России стало меняться к худшему. Её непосредственной соседкой оказалась Польша и столкновение между ними из-за украинских земель становилось неизбежным. Литва не могла вести войну без богатых украинских земель, и у неё оставалось много путей, как подчиниться условиям Польши. Ливония же автоматически становилась общим владением Литвы и Короны.

Как находил В.Д.Королюк, в лице Речи Посполитой с её шестимиллионным населением Русское государство приобрело сильного и опасного противника. Правда, в 1569 году Речь Посполитая ещё стремилась отсрочить момент решительного столкновения. Используя эти обстоятельства, а также болезнь короля Сигизмунда II Августа, правительство Ивана IV в мае 1570 г. заключило трехлетнее перемирие с Речью Посполитой. Оно было выгодным для Московского государства, распространяясь на все завоёванные русскими территории. В 1571 году условия перемирия были подтверждены польским королём. Несмотря на то, что это соглашение не привело к полному прекращению военных действий, а война на море, где обе стороны завели капёров, вообще продолжалась, русское правительство могло надеяться на то, что до решающего столкновения в ближайшее время между Россией и Речью Посполитой дело не дойдёт. Таким образом, В.Д.Королюк связывал Люблинскую унию с польским бескорольевым, о нём предшествующие историки напрямую не писали.

Литература

1. Володихин Д.М. История книги Р.Ю.Виппера «Иван Грозный» // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 77.
2. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 284.
3. Готье Ю.В. Балтийский вопрос в XIII—XIV вв. // Историк-марксист. 1941. № 6. С. 92.

4. Дербов Л.А. Борьба Русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-х годах XVI в. // Уч. зап. Саратов. гос. ун-та. Харьков, 1956. Т. 47. С. 150.
5. Королюк В.Д. Ливонская война. М., 1954. С. 51.

*Е.А.Давыденко
г.Нижевартовск*

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ О КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДАХ СЕВЕРА, ИХ ПРИРОДОСООБРАЗНОСТИ И РОЛИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Современные ученые указывают на то, что сегодня общество наблюдает феномен этнического возрождения, повышения роли этнических сообществ в общественных процессах. Это способствует повышению интереса к истории, культуре, традициям, обычаям, коренных малочисленных народов. Их адаптации в современном обществе, социально-политической и экономической жизни.

Бескрайние северные пространства с его жителями всегда представляли для исследователей, путешественников большой интерес. На протяжении многих столетий на северных территориях проживают коренные малочисленные народы. Благодаря трудам известных исследователей-путешественников их историю можно изучить от их полной самобытности до вхождения этих народов в состав современных государств.

Одним из первых кто, обозначил феномен природы идентичности, был У.Джейм. Ученый, изучая психологию и историю развития личности, выделил социальный фактор и обозначил его как один из определяющих элементов. В его идеях заложены основы принципа социальной природы идентичности личности и принадлежности ее к своему этносу.

З.Фрейд в своей работе «Тотем и табу» уточнил понятие этнической идентификации. По его мнению, идентификация — это не только механизм формирования личности, но так же механизм формирования родовой сплоченности, основа родового самосознания.

Позже известный ученый последователь психоаналитического направления Э.Эриксон развил и дал расширенное понятие теории идентичности. Он указывал на то, что человеческой идентичности присуща внутренняя непрерывность и тождественность самому себе. Личность тождественна своему этносу и историческому статусу. Понимание феномена идентичности затрагивает глубинные процессы осознания этноса и его роли, в историческом развитии.

О модели стадийного формирования этнической идентичности впервые заговорила Дж.Финни. Она указывает на то, что достижения реализованной этнической идентичности могут совпадать с личностной идентичностью. Для этого человек определенного этноса должен обладать устойчивым чувством «Я» и быть уверен в своей значимости для жизни своего этноса.

В жизни северных аборигенов этнические особенности имеют немаловажное значение. Основными идентифицирующими признаками северных этносов является язык, культура, историческое прошлое, традиционный образ жизни и даже черты характера.

Немаловажную роль в идентификации играют этнопсихологические особенности индивида, которые в первую очередь, у коренных малочисленных народов, заключаются в природосообразности их жизнедеятельности.

В словаре С.И.Ожегова толкование слов «природа» и «сообразный» выглядит следующим образом. Природа — это все существующее во вселенной, это органический и неорганический мир. Основное свойство, природы — ее сущность. Сообразный — согласующийся с чем-нибудь. Таким образом, под природообразованием мы понимаем согласование, соответствие основному свойству, сущности, всему существующему во вселенной (в данном случае человеку) [1, 286].

Термин «природосообразность» зародился в античности. Древнегреческий ученый Демокрит, писал том, что у человека три души: растительная (питание и размножение), животная (ощущения и желания), разумная (мышление). Природа тесно связала их. Следовательно, рассматривая вопросы жизнедеятельности и воспитания, необходимо вести опираясь в первую очередь на природу человека [2, 199].

Принцип природосообразности воспитания, более четко сформировал в XVII веке ученый, педагог Ян Амос Коменский. Под этим принципом ученый понимал — принцип рационального знания, который оформлялся в научном сознании в ходе исследования природного мира, требовал учитывать универсальные законы природы, человека и законы природного самовоспитания [2, 186].

Мыслитель указывал на то, что в данном контексте возникает обширное смысловое поле, которое сосредоточило в себе философские, психологические и педагогические знания. Он пишет, о том, что общее свойство природы целесообразность, самопроизвольное движение каждой «вещи» к своему предназначению,

потенциальная возможность стать такой, какой она должна быть. В искусстве воспитания это означает — развивать то, что заложено в человеке природой, не толкать природную сущность туда, куда она не стремится.

Еще дальше в разработке теории природосообразности продвинулся Фридрих Вильгельм Адольф Дистерверг, он писал, что самое важное — узнать природу человека вообще и в частности. Природа — это сила. И в человеке природа также сила. Неправильное обращение с человеческой природой может убить отдельных людей, но человечество убить нельзя. Горе тому, кто, будучи облечён властью, способный на зло употребления, не понимает природы народов, человечества! Природа не любит насмешек, ничего не оставляет она не отомщенным. Противоестественный и поэтому злой поступок может породить только зло [3, 136—203].

Исследовав вопрос о сохранении жизни коренных малочисленных народов, с точки зрения феномена этнической идентичности и природосообразности северных этносов зарубежные ученые выделили несколько составляющих обязательных для сохранения их жизнедеятельности в рамках современной цивилизации.

Первая составляющая — это сохранение, традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов севера. Как показывает опыт, всеобщая индустриализация приводит к тому, что целые народности растворяются в рамках цивилизации. Этому способствует ряд причин: ассимиляция, а так же перемещение малых народов на другие территории проживания;

Вторая составляющая — сохранение культуры коренных малочисленных народов посредством предоставления им возможности выбора проживания в неразрывной связи с природой, сохранение природных богатств северных территорий, уважительное отношение к традициям и культуре;

Третья составляющая — воспитание и обучение подрастающего поколения кмнс в русле национальных традиций, сохранение национальных школ, изучение хантейского и мансийского языков, обучение навыкам охоты, рыбной ловли, знаниям основ национальной кухни и т.д.;

Четвертая составляющая — пропаганда правовой и экономической грамотности в среде северных народностей. Обучение знанию нормативно-правовых документов по вопросам регулирования жизни коренных малочисленных народов в международном сообществе. Оказание помощи в организации национальных артелей, обучение навыкам предпринимательства основанного на национальном промысле — охоте, рыбной ловле, изготовлении сувенирной продукции и т.д.;

Пятая составляющая — предоставление коренным малочисленным народам возможности почувствовать себя хозяевами на территории Севера, предоставления выбора быть или не быть полноправными членами современного цивилизованного сообщества. Именно их свобода как показывает история, попиралось целыми столетиями. И такие черты как непосредственность, простота быта, рассматривались как проявления невежества.

Соблюдение этих жизненно важных составляющих способствует сохранению природы идентичности в среде малых северных народностей и позволит уйти от рассуждений о маргинальности личности, понятие, которое, когда-то, обозначил Р.Парк и Е.Стоунквист. Они писали, что маргинальная личность — дуальная личность и находится на границе двух конфликтующих между собой культур. Маргинальная личность обладает двойственным сознанием и имеет двойственные установки и восприятия.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений (Отдельные издания). М., 2011.
2. Мудрик А.В. Обобщение в процессе воспитания. Учебное пособие. М., 2001.
3. Дистерверг А. Избранные педагогические сочинения // Правила обучения, относящиеся к ученику, к субъекту. М., 1956.

*Н.А.Ерохина
г.Нижний Тагил
Институт развития образования*

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ И ЭФФЕКТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Для любой развивающейся системы (от организма до организации) существует проблема недостатка ресурсов, и время являлось таким дефицитным ресурсом всегда; сегодня управление становится своеобразным искусством опережать время, причем в любой форме: от предвосхищения событий и умения предугадывать ситуацию, до построения и планирования сложных систем тайм-менеджмента.

Рабочее время большинства современных руководителей уплотнено до предела, рабочий день не нормирован, и все же часто не удается завершить все намеченные дела к заданному сроку. При этом нарастает такое

ощущение беспомощности перед лавиной проблем, срочно требующих твоего вмешательства и чувство того, что нехватка времени как нехватка воздуха ведет к тому, что проблемы просто-напросто задавят человека. Все это ведет к стрессовому состоянию, еще более усугубляющему положение.

Такая ситуация в современном обществе носит массовый характер и не только среди руководителей. Наверняка каждый человек может вспомнить немало случаев, когда в один день он должен был решить массу проблем, побывать во множестве мест, при этом он никак не мог решить, в какой очередности лучше всего все это сделать и осознание того, что невозможно сразу и быстро решить проблему распределения времени, что из-за этого можно не успеть или пропустить что-то важно очень сильно угнетает, заставляет нервничать, портит настроение, что в конечном итоге отрицательно сказывается на самочувствии, работоспособности и уменьшает вероятность того, что все задуманное на день будет реализовано. Наверняка почти каждый человек может вспомнить и массу дел, отложенную им «на потом», а, по сути «в долгий ящик», которые вроде бы нужно сделать, но вот все «никак руки не доходят» [1].

В такой ситуации единственным решением может стать только применение специальных приемов и методов, имеющих общее название тайм-менеджмент. Само слово «тайм-менеджмент» переводится с английского языка как «управление временем», однако следует заметить, что временем управлять невозможно. Действительно, каждый человек имеет строго определенное количество времени, и у всех людей оно одинаковое. Невозможно как-то повлиять на его количество или скорость его течения. «Управление временем» — это просто громкое название того, что по сути своей является управление самим собой, организацией, людьми с целью ускорения решения проблем, осуществления мероприятий, выполнения работ, действий. Это управление по наиболее рациональному использованию времени [2].

Условием сокращения потерь рабочего времени является обеспечение эффективного сочетания элементов производственного процесса — средств, предметов труда и самого труда. Этому будет способствовать высокий уровень организации рабочего места и его обслуживания, а так же устранение факторов оказывающих негативное влияние на эффективное использование рабочего времени, которые представлены ниже.

Многие руководители сталкиваются с дефицитом рабочего времени, который незаметно перестает в отсутствие у них свободного времени. Классические признаки дефицита времени у руководителя — постоянная спешка — всегда нахватает одного часа, одного дня, чтобы выполнить задуманную работу. Большой поток рутинных дел и срочных вопросов, работа над которыми отнимает большую часть времени; руководитель постоянно дописывает бумаги дома и, как правило, по ночам, в окружении «поглотителей времени»: телефоны; сотрудники, отвлекающие внимание; руководство, вызывающее на незапланированные и длительные заседания.

В каждой организации можно обнаружить названные проблемы, в которые вовлечен весь персонал организации. Поэтому тайм-менеджмент необходимо распространить на всю организацию, так как отдельные островки его применения пользы ощутимой никогда не дают.

Тайм-менеджмент в классическом понимании этого слова включает в себя всю совокупность технологий планирования, которые применяются сотрудником организации самостоятельно для повышения эффективности использования рабочего времени. При этом применение тайм-менеджмента не является обязательным [4].

Будет заблуждением считать, что природа нехватки времени у сотрудника организационная. Нехватка времени — проблема скорее психологическая — человек недостаточно уверен в себе, у него нет четкого представления о своих целях, он не в состоянии расставить приоритеты, поэтому у него ни на что не хватает времени.

Эффективный тайм-менеджмент начинается с материализации задач, мыслей, планов, договоренностей. Наличие всех задач на внешних носителях (желательно электронных) позволяет в личной работе освободить мышление для приоритетных вопросов и сократить расходы времени на поиск информации. В командном тайм-менеджменте материализация помогает избежать «незаменимости от неорганизованности», легко передавать задачи по горизонтали. В частности, грамотно налаженная материализация задач снижает ряд рисков, связанных с увольнением сотрудников.

Тайм-менеджмент часто отождествляют с жестким планированием, «расписыванием себя по минутам». Но план — не самоцель. Планы как в личной, так и в командной работе должны быть максимально простыми, гибкими, позволяющими легко «ловить» возникающие возможности.

Предлагаемые направления улучшения использования рабочего времени:

- обеспечение оптимальной и равномерной загрузки исполнителя;
- оснащение рабочего места всем необходимым и его рациональное размещение;
- обеспечение всем необходимым бесперерывного трудового процесса;
- совершенствование приемов и методов труда;
- комплексное обоснование необходимых затрат труда;
- создание благоприятных условий труда и сохранения здоровья работающего;
- использование рабочих в соответствии с их способностями и квалификацией;
- соответствие количества и качества труда его оплате.

Все выше перечисленные условия могут прямо или косвенно повлиять на улучшение использования рабочего времени [3, 72—74].

Итак, тайм-менеджмент как система управления временем включает в себя ряд элементов, которые, будучи использованными, в совокупности дают значительное сокращение времени, необходимого для осуществления различных производственных процессов. К этим элементам относятся, анализ использования рабочего времени, постановка целей, которые хочет достигнуть руководитель в ходе использования тайм-менеджмента, планирование рабочего времени, выработка различных методов борьбы с причинами нерационального использования временного ресурса. Однако, несмотря на такую довольно стройную систему тайм-менеджмента не следует воспринимать его как аксиому, потому, что каждый человек является единственным, кто может решить для него проблему рационального использования времени наилучшим образом и поэтому наиболее эффективным является личный тайм-менеджмент, который в каждом отдельном случае индивидуален. Однако в общем случае можно применять указанные выше элементы тайм-менеджмента.

Тайм-менеджмент представляет из себя целостную структуру и применять его следует не исключая никаких его элементов. Применение тайм-менеджмента предполагает, что человек будет творчески подходить к его использованию [5, 6].

Основным методом, помогающим эффективно использовать рабочее время, является планирование времени. Планирование есть структурирование времени для наиболее хозяйственного его использования при достижении каких-либо целей и задач, стоящих перед руководителем или организацией. Планирование может быть долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным.

Главное преимущество, достигаемое путем планирования работы, состоит в том, что планирование приносит выигрыш во времени. Опыт показывает, что увеличение затрат времени на планирование приводит в конечном счете к экономии времени в целом.

Сам процесс планирования заключается в том, что формулируются результаты и устанавливаются сроки, которые отводятся для их достижения. Результаты должны соответствовать целям. При этом желательно соблюдать некоторые правила планирования.

1. Следует осуществлять планирование в письменном виде. Чтобы план был не просто перечнем дел, которые необходимо выполнить за день, стоит его делать еще и мотивирующим инструментом — ориентировать его на результат. Например, писать в списке не «сделать то-то», а «то-то сделано», чтобы по окончании дела можно было поставить рядом с этой записью жирную галочку. Это одно из сильных мотивирующих средств.

2. Следует учитывать результаты предшествовавшего анализа использования рабочего времени. В процессе данного анализа выявляются ошибки, присущие данному руководителю в планировании своего рабочего времени и способы нейтрализации последствий этих ошибок.

3. Не следует планировать полностью весь свой рабочий день. Считается, что следует планировать не более 60% своего времени, а 40% оставить незапланированным: 20% непредвиденное время и 20% спонтанное время.

4. Следует устанавливать четкие временные нормы на выполнение дел и решение проблем, которые не допускали бы доделку недоделанного и решение недорешенного в незапланированное время. Если эти дела и вопросы должны были быть решенными в запланированное время. Практика показывает, что на любое дело тратится ровно столько времени, сколько его есть в распоряжении, поэтому следует устанавливать четкие временные рамки, которые бы позволяли выполнить необходимое, и при этом не превышали необходимое для выполнения время.

5. Для решения вопроса, о перепоручении дел следует разделить дела по степени их срочности и важности. При этом наиболее срочные и важные задачи следует решать руководителю немедленно. Важные, но не срочные можно отложить, остальные же 2 категории дел (неважные, но срочные и неважные и несрочные) следует передавать для решения подчиненным. Несрочные дела следует проранжировать по времени, необходимому для каждого из них и при появлении свободного времени можно заняться сокращением этого списка — для этого желательно всегда иметь его под рукой.

6. Следует регулярно пересматривать планы, так как в виду постоянного изменения окружающей среды может оказаться так, что некоторые планы руководства организации и менеджера уже не будут соответствовать целям организации и соответственно будут нуждаться в корректировке.

7. Планы должны быть реалистичными и согласованными, причем согласованными не только друг с другом, но и с планами коллег, подчиненных, более высокого уровня руководства [7].

Тайм-менеджмент в масштабах организации — это движение с нижних слоев иерархии. Действительно, невозможно заставить работников экономить собственное время и таким образом увеличить их производительность труда. У организационного менеджмента есть ряд возможностей для оптимизации временного ресурса, однако это связано с такими понятиями как управление проектами, технологиями производства и т.п., оно не относится к тайм-менеджменту. Тайм-менеджмент же должен начинать свое движение по организации снизу. Для этого следует заинтересовать людей. Работники рассматривают свое рабочее время как «проданное» работодателю время, однако можно внушить им, что хотя оно, и «продано» работодателю, но это по-прежнему

невосполнимый ресурс жизни человека. После этого в сотруднике компании достаточно быстро пробуждается понимание, что его ценнейший и невозполнимый ресурс безвозвратно тратится из-за окружающего беспорядка — отсутствия должностных инструкций, нормального корпоративного планирования, и т.п. Поняв и прочувствовав на себе значение организации и планирования, человек гораздо более спокойно и конструктивно воспринимает новации в этой области, исходящие от руководства. Теперь для него внедрение управления проектами, или корпоративной информационной системы, или системы менеджмента качества — не «блажь начальства», а вполне понятный и естественный шаг развития. Даже если первоначально таких людей в организации мало, 5—10%, они вполне способны заразить своим пониманием данной проблемы и энтузиазмом большую часть персонала организации. Глеб Архангельский называет подобную технологию внедрения тайм-менеджмента «бациллой», объясняя сходство действия подобных единичных сотрудников с действиями, производимыми бациллами.

Литература

1. Архангельский Г.А. Организация времени: от личной эффективности к развитию фирмы / Г.А.Архангельский. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 442 с.
2. Архангельский Г. Тайм-менеджмент для офисных работников / Глеб Архангельский // Секретарское дело. 2008. С. 6—8
3. Глеб Архангельский: «Тайм-менеджмент позволяет выделить время на главное в жизни» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ubo.ru/articles/?cat=118&pub=1037>
4. Корпоративный тайм-менеджмент [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cfin.ru/management/people/corp_tm.shtml
5. Тайм-менеджмент как инструмент развития фирмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.b-seminar.ru/article/show/65.htm>
6. Четыре принципа эффективного тайм-менеджмента [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ubo.ru/articles/?cat=118&pub=2617&srb=1>
7. Управление временем [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тайм-менеджмент>

В.Н.Ерохин

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭТНОСА

Проблемы происхождения этноса и этничности относятся к кругу наиболее актуальных и значимых для большинства современных обществ, в том числе и для российского общества. Этническая составляющая буквально пронизывает многие сферы общественной жизни, причем независимо от того, сознают это люди или не сознают. В случаях, когда доводится обсуждать возможные подходы к изучению общества с этнологами, многие из них убежденно отстаивают мнение, что весь ход мировой истории демонстрирует значимость этнографического подхода к анализу общественных явлений. В мировой истории действуют народы, отличающиеся друг от друга мировоззрением, материальной и духовной культурой, и поэтому для более глубокого понимания наполняющих мировую историю примеров сотрудничества и конфликтов разных народов надо изучать этнографию. Более удовлетворительная по содержанию всеобщая история вообще может быть написана только с учетом этнографического ракурса в ее изучении, поскольку у всех общественных процессов есть этнокультурная составляющая. В этом отношении вся мировая история — это понята в широком смысле, наполненная конкретным фактическим материалом этнография. При всей полемической заостренности такого подхода нельзя не признать за ним определенную познавательную продуктивность.

В последние несколько десятилетий при изучении тенденций общественного развития в самых разных регионах мира внимание специалистов в области социальных и гуманитарных наук все в большей степени стала привлекать интенсификация этнических чувств, что нередко приводило к возникновению националистических движений. Распространение национализма в современном мире связывают с влиянием ряда факторов: с распадом крупных полиэтничных государств (таких, как СССР и СФРЮ) в начале 1990-х годов, под влиянием чего элитарные группы некоторых этносов, лишенных государственности, решили, что наступил благоприятный момент для реализации притязаний на политическое самоопределение; с влиянием глобализации, побочным продуктом которой в некоторых случаях стало ущемление этнических чувств; с распространением новых способов коммуникации, которые дают различным политическим силам возможность быстрее мобилизовать своих сторонников в тех случаях, когда предоставляется возможность использовать задетые и растревоженные эмоции и чувства большинства. Причины роста национализма в современном мире — тема для отдельного специального исследования. При этом с необходимостью возникает потребность

разобраться в том, что представляют собой этнос, этничность, этнические чувства, энергию которых использует национализм.

В обыденном словоупотреблении в русском языке часто путают понятия «этнос» и «нация». Понятие «этнос» запустившие его в оборот древние греки использовали для обозначения других народов, а впоследствии оно вошло в словарный состав других европейских языков. Сами греки в древности единым народом не стали, сохраняя в самосознании представление о принадлежности к одному из четырех племен: дорийцев, ионийцев, ахейцев, эолийцев. В европейских языках есть понятия, близкие по смыслу понятию «этнос» — французское *peuple*, особенно же немецкое *Volk*. Под влиянием идей Великой Французской революции для западноевропейской политической и исторической мысли стало типичным использование понятий «нация» и «народ» как синонимов, когда эти понятия приобрели особую коннотацию и стали пониматься как «нация, состоящая из граждан». Но следует иметь в виду, что нация (лат. *natio* — рождение, происхождение) — это сообщество, которое, имея под собой, как правило, этническую основу и общность происхождения, еще дополнительно скрепляется территориальными, экономическими, политическими, культурными связями, то есть представляет собой не чисто этническое, но также политическое и социально-экономическое явление. Нация может быть и нередко бывает полиэтничной. Поэтому различение понятий «этнос» и «нация» позволяет точнее анализировать соответствующие явления. Нация является политической и социально-экономической формой существования этнической группы, достигающей более высокой стадии развития, и тогда к этой развитой этнической группе могут потянуться другие этнические группы. В толковании М.Вебера, «нация является общностью, основанной на чувстве, которое может быть адекватно выражено в собственном государстве. Следовательно, нация — это общность, которая, как правило, стремится создать собственное государство». Это стремление к государственности отличает нации от других форм сообществ, основанных на солидарности. Для того, чтобы превратить этническую группу в нацию, по словам М.Вебера, необходимы политическая и особенно военная активность [7, 41].

Одним из продуктивных способов понимания изучаемого явления, в том числе и этноса, может быть использование генетического метода, то есть рассмотрение происхождения изучаемого феномена. В социальных науках к настоящему времени обычно выделяют три основных теоретических подхода к определению понятий «этнос» и «этничность», объясняемых через их происхождение: примордиализм, конструктивизм и инструментализм.

Примордиализм (англ. *primordial* — изначальный) — подход, в соответствии с которым этнос рассматривается как общность людей, формирующаяся на основе наличия у них объективно существующих, особых неповторимых специфических признаков в материальной и духовной культуре, психологическом складе и поведенческих характеристиках, проявляющихся в реальной жизни в наблюдаемых исторических формах, позволяющих определить принадлежность человека к тому или иному этносу и отличить один этнос от другого. К примордиализму примыкает еще перенниализм (англ. *perennial* — вечный, неуываемый; нечто неумирающее, нестаряющееся, неизменное). Перенниалисты, признавая «вечность» этнических сообществ, считают этнические группы и нации исключительно историческими и социальными, а не естественными, природными по своей основе феноменами, как полагают примордиалисты.

В рамках примордиализма существует широкий спектр теорий, которые разделяют на два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое (называемые также расово-биологическим и социоисторическим, или биосоциальным и культурным).

Представители социобиологического направления примордиализма признают этничность как изначально данную, органичную, неизменную и свойственную для биологического вида *homo sapiens* характеристику человеческих сообществ. Осознание своей этнической принадлежности, по мнению представителей этого направления, изначально заложено в генетическом коде человека, с момента его рождения соединяя людей в особые биологические кровнородственные сообщества. Эта биологическая сторона человеческой природы и обуславливает многие связанные с ней явления общественной жизни. Среди зарубежных представителей этого направления наиболее известен Пьер ван ден Берг [14; 15, 246—263; 16, 401—411]. Из отечественных исследователей к этому направлению относят Л.Н.Гумилева и его последователей.

Представители эволюционно-исторического направления примордиализма рассматривают этнос и этничность не как природные, а как социальные сообщества, сложившиеся в результате общественно-исторического развития под воздействием конкретных социально-исторических условий, позволяющих выделить содержание и существенные черты культуры этих сообществ и отдельных индивидов. Самые известные представители этого направления — К.Гирц, Э.Смит, Ю.В.Бромлей и отечественные этнографы-марксисты [2; 7; 13].

Примордиалистский подход был господствующим в социально-гуманитарных науках до 60—70-х годов XX века, а в отечественной науке до рубежа 1980—90-х годов вообще не имел альтернатив. Хотя в 1970—80-х годах официальная этнографическая наука в СССР отрицательно относилась к рассуждениям Л.Н.Гумилева по теории этноса, тем не менее, и критиковавший Гумилева глава советской этнографической науки, директор Института этнографии АН СССР Ю.В.Бромлей, и сам Л.Н.Гумилев рассматривали этнос как реальное, онтологическое, бытийственное явление, то есть были по своим взглядам примордиалистами.

Конструктивизм — альтернативный примордиализму подход в понимании происхождения этноса, явственно проявившийся к началу 80-х годов XX века в Западной Европе и США. Одной из самых ярких и резонансных работ, возвестивших о появлении и развитии конструктивизма, стала книга Б.Андерсона «Воображаемые сообщества», опубликованная первым изданием в 1983 году (вт. изд. 1991) — в 2001 году появился ее русский перевод [1]. Представители конструктивизма трактуют этнос не как объективно сложившуюся и существующую общность людей, а как социальный и интеллектуальный конструкт, искусственное социальное образование, созданное в результате целенаправленной деятельности интеллектуальных и политических элит. Используя существующую образовательную систему, средства массовой информации, представители элит ради достижения своих, в том числе нередко эгоистических целей, стремятся воздействовать на сознание индивидов для осуществления их политической мобилизации на этнической основе, чтобы организовать коллективное общественно-политическое действие, направленное к нужным элите результатам. Этнос тут становится своего рода подспорьем для достижения элитами политических целей.

Для обоснования своих взглядов конструктивисты активно используют в качестве аргументации факты создания и внедрения этнических традиций, опыт формирования и построения этносов (например, украинцев активно конструировали в конце XIX — начале XX века националистические силы, поощряемые австрийскими властями в Галиции), а также западноевропейских наций в рамках национальных государств (во Франции, Германии, которые тоже были как нации в известном смысле слова сконструированы, поскольку еще в XIX веке в этих странах был силен этнический регионализм). В мировой истории случалось, что группа сторонников удачливого организатора, завоевателя приобретала этнические характеристики, не имея единого происхождения, наиболее ярким примером чего может послужить объединение, сложившееся во второй половине XIII века вокруг бея Османа, превратившееся в этническую группу османлы, давшую название крупному государству — Османской империи. Отличить один этнос от другого такого же искусственного конструкта, по мнению конструктивистов, все же можно с помощью признаков, именуемых этническими маркерами, к числу которых относят физический облик, язык, религию, культуру, общее название, происхождение, общую историческую память, географическую территорию, ареал проживания. Наряду с Б.Андерсоном, яркими представителями конструктивизма являются Э.Геллнер, Э.Хобсбаум, а также нынешний директор Института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишков — автор многих теоретических работ, в том числе содержательной, но в немалой степени провокационной по названию работы «Реквием по этносу», шокировавший порой при своих публичных выступлениях слушателей заявлениями, например, о том, что никаких природных русских нет: это люди самого разного происхождения объединились когда-то в русском государстве вокруг привлекательной политической программы, предлагавшейся московскими князьями, затем российскими императорами, советской властью, а когда предлагавшаяся политическая программа перестала быть привлекательной, государство и этнос стали рассыпаться [4; 9; 10]. Так русский человек, слушающий эти речи, узнавал, что его, оказывается, и нет, но объективно не существующими при таком подходе оказывались, конечно, и другие этносы, что у неискушенного в теоретических вопросах слушателя способно вызвать, и вызывает просто бурю возмущения. Идеи конструктивистов в наши дни всячески припевают сторонники глобализации, считающие сохраняющиеся национальные государства препятствием для развития глобализационных процессов и деятельности транснациональных корпораций по выкачиванию прибыли из разных регионов мира.

Инструментализм — сложившийся в 70-х годах XX века подход, рассматривающий этнос и этничность как инструмент для достижения различными элитами, социальными группами, отдельными людьми тех или иных экономических, политических и других целей — повышения своего социального статуса, удовлетворения потребностей в борьбе за власть и привилегии. Инструментализм выявляет этнос как факт, данность, и стремится прояснить те функции, которые могут выполняться этнической общностью. Инструментализм фактически не интересуется вопросом о том, есть ли какая-то объективная основа для существования этноса. Исследователи выделяют в качестве разновидностей гедонистический, ситуационистский, мобилизационистский, элитарный, экономический и другие инструментализмы. Наиболее известными представителями инструменталистских воззрений являются Дэниел Белл, Ник. Ник.Чебоксаров, С.А.Арутюнов [12].

В отечественную науку понятие «этнос» ввел этнограф-эмигрант Семен Мих.Широкогоров, оказавшийся после гражданской войны в Китае и опубликовавший в 1923 году одноименную работу, переизданную в 2010 году. В ней этнос определен следующим образом: «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых ею от таковых у других групп» [11, 16]. Понимание этноса и нации в отечественной исторической науке советского периода опиралось на высказывание И.В.Сталина, который считал, что «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [8, 296]. Замечено, что на подобной теоретической основе трудно объяснить феномен, скажем, цыган или евреев, уже давно вопреки этому определению товарища Сталина шествующих по мировой истории, по большей части не имея в течение многих веков своего существования ни общей территории, ни общей экономической жизни, теряя порой знание общего языка, при этом не теряя общности психического склада

и общности культуры. По всему миру рассеяны армянские диаспоры, не теряющие своей этнической идентичности. Проблематичным на такой основе становится даже объяснение существования, скажем, швейцарской нации с тремя государственными языками — ведь они осознают себя именно швейцарцами, а соответствующего языка вообще нет. Язык, как видно, не следует считать важнейшим этническим маркером. Затруднительно при таком подходе также и достаточно убедительное объяснение того, чем же отличаются от нации племена и народности, ведь формационные в марксистском смысле характеристики общества существенным образом не меняют этническое сознание, в результате чего, например, в русских с XIV—XV веков по сей день есть основания видеть именно русских, а не другой этнос.

Марксистский подход также провоцировал своего рода экономический редукционизм в понимании причин возникновения националистических движений и привел к широкому распространению мнения о том, что возникновение, обострение национализма связано с экономическими трудностями, а смягчение экономических проблем способствует искоренению националистических настроений. Эту причинно-следственную цепочку надо иметь в виду, и в некоторых случаях, когда границы проблемных в социально-экономическом отношении регионов и границы распространения этнических сообществ совпадают, региональное экономическое неравенство может быть направлено местными элитами в русло националистических движений. В то же время, история XX века в ряде случаев продемонстрировала, что национализм с большой силой может возникать в регионах, которые являются более высокоразвитыми по сравнению с соседними, какими были Словения и Хорватия в составе СФРЮ, Прибалтика в составе СССР, и остаются Страна басков и Каталония в Испании. Подобные примеры не единичны.

Но экономического неравенства недостаточно, чтобы пробудить этническую солидарность и этнический национализм. Более того, национализм может возникать и усиливаться как раз по мере того, как экономические трудности преодолеваются, и повышается культурный уровень региональных этнических сообществ. В сущности, по такой схеме неожиданным для себя способом, способствуя экономическому и культурному развитию отсталых прежде регионов, национализм взрастила Советская власть. На Балканах во второй половине XX века косовские албанцы, все больше получая от югославских властей, становились все более националистически настроенными, а после открытия в Приштине, административном центре Косово, в 1968 году университета это учебное заведение, как отмечают, стало просто рассадником национализма. В неевропейском мире лидерами национально-освободительного движения в XX веке, которое привело к распаду колониальной системы, в значительном количестве случаев были получившие европейское по содержанию образование представители местных элит.

В происхождении национализма также велико влияние религиозно-культурных факторов. Национализм не сводится к экономическому ориентированному поведению. Большинство разновидностей национализма пробуждает у своих адептов огромные способности к самопожертвованию, что не позволяет редуцировать мотивы таких поступков к рациональным мотивам, как это проявляется в действиях человека в экономической сфере. Рационально-экономически мыслящий индивид хочет лучше жить в этом мире, между тем как националист готов умирать, лишаясь жизни за то, что, в сущности, относится к идейно-эмоциональной сфере, нематериально по своему характеру.

Следует также иметь в виду, что национализм не всегда имеет форму этнического национализма. Встречается и государственный национализм, носители которого придерживаются убеждения, что государство, к которому они принадлежат, обладает наилучшей формой политической и экономической организации, наилучшим образом обеспечивает реализацию прав и свобод человека вне зависимости от личной этнической и расовой принадлежности индивида, создало условия для ведения наиболее совершенного образа жизни. В результате такое государство, как считают представители его политической элиты, пропагандистски обрабатывая при этом остальных граждан и окружающий мир, обладает мессианской ролью в мире, призвано способствовать утверждению элементов этого самого совершенного образа жизни во всем мире, даже насильственными методами. Наиболее наглядными образцами такого гражданско-политического национализма западные исследователи считают французский и американский национализмы, упуская из виду, что гражданско-политического национализма в чистом виде, похоже, не бывает. В каждом из государств стержнем общественной организации является доминирующая этническая, культурная, вероисповедная группа, сформулировавшая для остальных граждан привлекательную политическую программу и обеспечивающая необходимые для этого финансовые вливания в экономику страны. Если во Франции доминирующей группой перестанут быть французы, а в США белые, англо-саксы, протестанты, гражданско-политический национализм будет трудно продолжать поддерживать.

До начала 70-х годов XX века в отечественной этнографической науке для обозначения этнических общностей употреблялись понятия «племя», «народность», «нация», а затем развернулся спор о том, является ли этнос природной или социальной категорией, происходивший все же в рамках примордиалистской парадигмы. Один из известных отечественных этнографов-теоретиков Ник. Ник. Чебоксаров определял этнос как «осознанную культурно-языковую общность». Глава советской академической этнографии Ю.В.Бромлей отстаивал позицию, согласно которой этносы могут существовать в двух смыслах: узком (в виде этникоса) и в широком (в виде этносоциального образования (ЭСО). Этникос (этнос) трактовался Бромлеем как «исторически

сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (то есть самосознанием), фиксируемым в самоназвании (этнониме)» [2, 57—58]. Этносы, как считалось, могли существовать при любых общественно-экономических формациях, поскольку основа этноса — передача этнокультурной информации от поколения к поколению. ЭСО же, как считалось, базируются, наряду с этническими (культурными), также на территориальных, политических, экономических и социальных связях. Ю.В.Бромлей понимал под ЭСО, возникающим в результате взаимодействия этнической общности с социальными институтами, «ту часть соответствующего этноса, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет, таким образом, определенную социально-экономическую целостность» [2, 15, 63—71; 3, 137]. ЭСО — это племя, народность, нация, существование которых связано с определенными общественно-экономическими формациями.

Возмутитель спокойствия в советской этнографии Л.Н.Гумилев не считал этнос социальной категорией в марксистском смысле и не связывал его с развитием общественно-экономических формаций. Этнос у Гумилева оказывался особой социобиологической формой существования биологического вида *homo sapiens*. Гумилев не приравнивал этнос к популяции, поскольку этнос проявлял себя через социальные формы, в каждом случае всегда оригинальные, так как хозяйство страны всегда связано, по его словам, «с кормящим ландшафтом, уровнем развития техники и характером производственных отношений» [6, 224—225]. Гумилев определял этнос как «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности». Под комплиментарностью Гумилев понимал «ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на «своих» и «чужих» [6, 497, 500]. Именно по принципу комплиментарности происходит первичное объединение людей при возникновении этнической целостности из «людей смешанного происхождения, разного уровня культуры и различных способностей... Рождению любого социального института предшествует объединение какого-то числа людей, симпатичных друг другу» [5, 60—62]. Индикаторами этнической принадлежности Гумилев считал, таким образом, оригинальный стереотип поведения, а также противопоставление этносом себя всем другим подобным коллективам на основании подсознательной симпатии (антипатии). Это по-своему глубокий взгляд на природу этноса, поскольку действительно порой можно обнаружить яркие примеры того, что тот или иной язык можно освоить, но не исчезают поведенческие характеристики человека, связанные с этничностью. Думается, что влияние на понимание поведенческих характеристик человека как этнического признака оказал лагерный опыт Гумилева, дающий такое понимание этнических явлений, которое затруднительно в ординарных условиях.

По мнению Гумилева, нет единственного признака для определения этноса, применимого ко всем известным случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Все эти признаки надо рассматривать в комплексе. Всегда проявляется у представителей одного этноса лишь мысль о том, что «мы такие, а все прочие — другие», что как считал Гумилев, отражает некую физическую или биологическую реальность. На взгляд Гумилева, в мире нет и не было человеческой особи, которая была бы внеэтнична. Рациональным сознательным путем объединиться в этнос, как считал Гумилев, нельзя, так как принадлежность к тому или иному этносу воспринимается субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению. Следовательно, в основе этнической принадлежности лежит ощущение, и человек принадлежит к своему этносу в результате того, что стал человеком как членом общности в рамках данного этноса. Гумилев отрицал факт генетического наследования этнических признаков через кровь и отводил ведущую роль «кормящему и вмещающему ландшафту», выступающему как биофизическая основа. Ребенок по мере воспитания входит в существующее этническое поле. Среди генетиков используется понятие сигнальной наследственности, которая является основой социализации в данном этническом поле. Через это понятие сигнальной наследственности Гумилев пытался осмыслить вхождение формирующегося человека в то или иное этническое поле [6, 241—243, 305].

В отечественной этнографической науке еще в советское время было выделено несколько уровней этнической организации. Теоретизированием в этом вопросе занимались и Ю.В.Бромлей, и Л.Н.Гумилев. Обычно выделяют суперэтносы как группы этносов, возникшие одновременно и представляющие собой родственные по языку и культуре общности (например, славянские, романские, германские народы), этносы, состоящие из субэтносов, или этнографических групп — территориально-культурных подразделений внутри народов (например, в составе русских это поморы, казаки различных групп в разных регионах страны, которые существуют, лишь входя в единство этноса, без которого они теряют смысл). Выделяют еще консорции (лат. *consortio* — соучастие, сотоварищество, общность) — долго существующие артели, банды, секты, придворные группировки, конвиксии (лат. *convictio* — совместная жизнь, постоянное общение) — группы людей, объединенных однотипным бытом и семейными связями, что может привести к формированию субэтноса.

В целом в отечественной науке к основным этническим признакам, маркерам этноса, способным в комплексе служить его скрепляющими основами, относят:

- кровное (генетическое) родство;
- общность происхождения и исторической судьбы;
- единство языка;
- единство территории;
- устойчивая межпоколенческая преемственность;
- общность культуры и традиций;
- общее самосознание, позволяющее осуществить этническую идентификацию и самоидентификацию, выражающуюся в самоназвании;
- оригинальный стереотип поведения;
- противопоставление себя всем другим подобным коллективам на основании подсознательной симпатии (антипатии) людей, распознающих друг друга по принципу «свой-чужой».

Следует иметь в виду, что понятие «этнос» — это идеально-типическая конструкция, исследовательская категория, позволяющая взглянуть на социальную реальность под определенным углом зрения. В понимании этноса следует избегать реификации (овеществления) понятий, не приписывая какому-то одному понятию этноса с жестко зафиксированным набором признаков объективного существования именно в таком виде. Понятие «этноса» следует использовать как идеальный тип с набором характеристик, которые выявлены в качестве этнических маркеров, и в практике конкретного исследования рассматривать, как эти этнические маркеры своеобразно сочетаются в конкретном изучаемом этносе, представители которого осознают свою принадлежность к нему. В реальности есть не «этнос» вообще, а конкретные этносы.

Все современные теории происхождения этноса имеют определенное познавательное значение, хотя и не равнозначны по своим познавательным возможностям. Эти теории, наряду с научно-академическим значением и содержанием, используются для артикуляции и репрезентации различных политических программ.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1965.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
5. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
7. Смит Э.Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий нации и национализма. М., 2004.
8. Сталин И. Марксизм и национальный вопрос // И.В.Сталин. Соч. М., 1951. Т. 2.
9. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
10. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
11. Широкогоров С.М. Этнос. М., 2010.
12. Bell D. Ethnicity and Social Change // Nathan Glazer and Daniel Moynihan (Eds). Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975.
13. Geertz C. The Interpretation of Cultures. London, 1973.
14. van den Berghe, P. The Ethnic Phenomenon. New York, 1979.
15. van den Berghe, P. Ethnicity and the Sociobiology Debate // John Rex and David Mason (Eds). Theories of Ethnic and Race Relations. Cambridge, 1988.
16. van den Berghe, P. Race and Ethnicity: a Sociobiological Perspective // Ethnic and Racial Studies. Vol. I. № 4.

В.Н.Зубов

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

Л.Е.ВЕРЕИН И ПРИСОЕДИНЕНИЕ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ К РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ 30—50-х гг. XX в.

В 1552 и 1556 гг. к России были присоединены Казань и Астрахань. Успехи внешней политики неофициального околоправительственного кружка сподвижников Ивана Грозного («Избранной Рады») в Поволжье, обратили на себя внимание «пропагандистской машины» И.В.Сталина, что проявилось в формировании отечественной историографией 30—50-х гг. XX века набора идеологием [1, 396—416; 8]. В данной работе представлена попытка персонифицированного изучения роли и места отдельного историка в русле обозначенного процесса.

Л.Е.Вереин (который работал в вузах Астрахани, преподавал политэкономия, защитил в 1947 г. кандидатскую диссертацию, с этого времени и по 1966 г. являлся заведующим и доцентом кафедры марксизма-ленинизма при медицинском институте Астрахани) в 1958 г. издал брошюру «Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани», очевидно, приуроченную к юбилею города: 400 лет назад «в низовьях Волги была построена небольшая русская крепость, обнесенная деревянным тыном». В данной работе представлено развитие Астрахани в XV — начале XVII вв. [3, 2].

Л.Е.Вереин основывается на общепринятых идеологических конструкциях современной ему историографии, апеллируя при этом к работам К.Маркса и В.И.Ленина. По мнению Л.Е.Вереина, «Русское централизованное государство на феодальной основе сложилось в конце XV в., а русская монархия с сословным представительством сложилась в России в середине XVI в. в период правления Ивана IV Грозного. В эти же годы Русское государство с включением в его орбиту народов Севера и Востока превращается в многонациональное» [3, 6].

Ссылаясь на В.И.Ленина, историк пишет о том, что «к концу XVI в. процесс экономической консолидации русской народности еще не был закончен. Национального государства как такового не существовало. Предстояла еще длительная борьба с пережитками и большими остатками феодальной раздробленности, политическим выразителем которой было русское боярство» [3, 6].

Отражением незавершенности строительства русского национального государства Л.Е.Вереин считает то, что оно «к началу XVI в. оказалось в неблагоприятной международной обстановке... было отрезано от южных и западных морей». Соответственно, по мнению историка, к середине XVI столетия перед российской внешней политикой стояли такие задачи, как «борьба с набегами татарских ханов, укрепление от них южных и восточных границ, оборона этих границ. Предстояла борьба за возвращение в состав русского государства отторгнутых ранее Польшей и Литвой русских земель, борьба против Ливонского ордена — стародавнего врага народов Прибалтики и славян» [3, 6]. Л.Е.Вереин повторяет тезис С.В.Бахрушина о прорусском и антирусском лагерях среди элиты татар, возводя, однако, эту тенденцию ко временам Золотой Орды.

Л.Е.Вереин указывает на то, что «Астраханское ханство к началу 50 годов шестнадцатого века было одним из наиболее слабых татарских ханств. Оно по существу не было даже самостоятельным. Частые набеги еще более его обессиливали. В Астрахани правили часто те, кого сажали на престол победители. С падением Казани и присоединением Казанского ханства к русскому государству в Астрахани особенно активизируется при поддержке Турции крымская политика, рассчитанная на присоединение Астраханского ханства к Крыму» [3, 9].

Историк впервые в историографии отмечает, что «господство как Крыма, так и ногаев подрывало экономику Астраханского ханства». Этим он подчеркивает естественность образования промосковской партии в составе местной элиты: «Частые набеги крымских татар, вытеснение астраханских татар ногаями с лучших земель вынудили астраханских татарских князей искать защиты у Москвы образовалась прогрессивная группа татарской знати, искавшей выхода из междоусобиц, погромных набегов в союзе с Москвой» [3, 14]. Историк особо делает акцент на то, что подобного союза искали «ногайские мурзы в лице Измаила... и некоторые народы Северного Кавказа». Подкрепляет это заключение историк так: «Их заставляла делать это агрессия со стороны Турции, Крыма и Ирана... Народы Кавказа видели в лице России защитника и покровителя торговли, центром которой для народов Северного Кавказа была Астрахань» [3, 15]. Из этого можно сделать вывод о том, что Л.Е.Вереин солидарен с основополагающими идеями, изложенными в трудах Е.Н.Кушевой и М.В.Фехнер [5—7]. Но при этом он пытается дополнить их противоречивым, но крайне современным для историографии того времени тезисом о том, что «в Нижнем Поволжье и на всем Юго-Востоке Россия находила поддержку народных масс». Периодическое похолодание отношений между Москвой и Астраханью он связывает не только с деятельностью крымского хана, но и турецкого султана [3, 17].

Л.Е.Вереин пишет о временном потеплении этих отношений при Ямгурчее в 1551 г., что выразилось в отправке русского посла С.Авраамова в Астрахань. Историк отмечает, что ногайский князь Исмаил давно «лелеял мысль о захвате Астрахани, но за отсутствием собственных военных сил решил захватить ее при помощи русских войск» [3, 18]. Традиционно Л.Е.Вереин указывает на то, что преемником Ямгурчя Москва видела в Астрахани Дервиш-Али. Историк особо указывает на то, что, как осознавало русское правительство, «Астрахань стала яблоком раздора между татарскими ханствами», а это «мешало Сулейману Великолепному создать единый татарский союз против Москвы», почему «междоусобица татарских ханов может быть использована для более самостоятельной внешней политики в отношении Нижнего Поволжья» [3, 19]. Именно этим объясняет историк миссию Тургенева в Ногайскую Орду, а вовсе не попыткой добиться изоляции Казани накануне ее «взятия», да и то, что на переговорах в 1552 г. в Москве «на просьбу Дервиша об оказании ему помощи в возврате Астраханского ханства он получил ответ, что необходимо повременить... как только представится удобный случай, он с русскими войсками будет направлен для завоевания Астрахани, а пока его пожаловали Звенигородом». При этом указывается, что Москва выполнила данное обещание уже после «казанского взятия» [3, 19]. Дополнительно историк пишет о том, что тогда же Исмаилу было сообщено о согласии русского правительства на совместный поход на Астрахань: «Намечен был план совместного

похода, по которому русские войска с Дервишем Али должны были отправиться к Астрахани водой и встретиться с конницей мурзы Измаила у Переволоки» [3, 20].

Историк обращает внимание на колебания Исмаила. Ученый указывает на вынужденность отправки Москвой небольшого корпуса для захвата Астрахани в 1554 г.: «Ямгурчей после присоединения Казани все же вошел в союз с Крымом», а «восстания на Средней Волге и постоянная угроза со стороны Крыма не дали возможности послать большую армию». Исследователь утверждает, что Москва изначально не планировала отдавать Астрахань Исмаилу. Историк связывает с «астраханским взятием 1554 г.» последующее разрешение «мурзе Измаилу ... в течение трех лет беспошлинно торговать в Москве» [3, 21].

Естественно, Л.Е.Вереин подробно освещает астраханское взятие, как он считает, осуществленное сборным войском из дворян, детей боярских, стрельцов, а также казаков (под командованием атамана Ф.Павлова) и вятичей (под предводительством князя Вяземского) во главе с Ю.И.Пронским-Шемякой, причем без поддержки ногайского князя Исмаила. Историк отмечает, что «астраханское взятие» произошло без боя, носам Ямгурчей до подхода московских войск сумел воспользоваться их задержкой и бежать на Терек. Историк замечает, что среди захваченных вместе с ханским гаремом «было много татарского духовенства, которое также признало власть Дервиша Али» [3, 20].

Последний, по указанию историка, «при всех» дал присягу московскому правителю, обещая «собирать и отправлять в Москву ежегодную дань в размере сорока тысяч алтын и трех тысяч рыб... Все русские пленные возвращались на родину... решался вопрос о правах рыболовства русских в пределах Астраханского ханства... «безданно и явочно» на равных правах с татарским населением». Историк явно поторопился, заявив, что «Астраханское ханство теперь находилось в полной зависимости от русского государства». Правда, он поясняет, что «Дервиш Али не получил права престолонаследия и в случае его смерти хан назначался по усмотрению русского правительства» [3, 21]. Историк указывает на то, что представителями Москвы в Казани стали воевода П.Тургенев и атаман Ф.Павлов с отрядом казаков.

В представлении Л.Е.Вереина полное присоединение Нижнего Поволжья к Москве произошло в 1556 г, опять-таки «без боя». Историк отмечает, что недолгое правление Дервиш-Али связано с тем, что тот перешел на сторону Крыма после того, как вероломно расправился со своими противниками в борьбе за астраханский престол: «Дервиш Али уничтожил своего противника Ямгурчей и вынудил Измаила к бегству далеко за пределы Астраханского ханства». При этом Л.Е.Вереин отмечает, что Ямгурчей собрал разнородную коалицию «из крымцев, турецких янычар и небольшого отряда, возглавляемого изгнанными из Шийдяковской Орды детьми Юсуфа». Историк сообщает, что в низовья Волги дополнительно из Москвы был послан отряд «на помощь Тургеневу и Павлову ... под командованием Григория Кафтырева» [3, 22].

Л.Е.Вереин признавал своеобразие позиции Москвы по отношению к Дервиш-Али, которая заключалась в том, что «не имея должных вооруженных сил в низовьях Волги, в Москве решили выйти из конфликта мирно. Было объявлено о неизбежности власти Дервиша, на год была снята дань, в Астрахань возвращены пленные жены астраханской знати». Историк подчеркивает, что именно из-за решительной позиции ногайского князя Исмаила состоялось окончательное присоединение Астраханского ханства к Москве в ходе «второго взятия» города в 1556 г. русскими войсками под командованием И.Черемисинов. Историк подчеркивает, что казаки первыми вступили в бой с силами Дервиш-Али, едва ли не впервые в советской историографии прямо пишет о том, что «население — простолюдины — черные люди, говорит летопись, добровольно признали необходимость присоединения к Русскому государству». При этом Л.Е.Вереин единственный раз позволяет себе не просто сослаться на мнение исследователя, а привести и название работы Е.П.Карновича «Покорение царства Астраханского». Историк заимствует из этой работы обширную цитату, при этом не оговаривая, что Карнович — дореволюционный исследователь [3, 23].

Л.Е.Вереин не только указывает на то, что «к осени 1557 года и закончилось существование Астраханского ханства», но и прямо заявляет: «... народы Нижней Волги — ногаи и астраханские татары, мирно присоединились к Русскому государству», более того, «присоединение Казани и Астрахани и ряда приволжских народов, совместно с русским народом боровшихся с крымско-турецкими феодалами, является большим успехом внешней политики русского государства», а «у русского населения, прибывшего на поселение а новый край, вскоре устанавливаются добрососедские отношения с коренным населением...» [3, 24]. Обоснование необходимости строительства русской Астрахани как крепости историк видит не только в крымской опасности, но и в набегах с Северного Кавказа.

Именно отдаленностью края, слабым развитием сообщения с Москвой из за «действий» не только крымцев и ногаев, но и казаков, историк объясняет то, что первый воевода Астрахани И.Черемисинов получал лишь самые общие инструкции: «распоряжения из Москвы сводились к тому, «чтобы жили себе бережно» и незамедлительно «сообщали в Москву о всем происходящем в крае и по его соседству и «без вести не держали».

Историк отмечает, что «для управления Астраханским краем было организовано в Москве высшее правительственное учреждение, ведавшее делами казанскими и астраханскими, — Казанская изба», правда, не приводя дату возникновения этого органа управления.

Ссылаясь на Ключаревскую летопись, Л.Е.Верейн указывает, что «строительство новой крепости началось весной 1557 года, и к 1558 году новая крепость была готова». Именно поэтому 1558 г. для историка — это время становления «русской Астрахани» [3, 26].

Л.Е.Верейн привлекает свидетельство английского дипломата А.Дженкинсона для описания начального этапа русской Астрахани. Со строительством русской крепости, по мнению историка, не только «стали прибывать купцы из Шемахи, Дербента, Тюменя и других городов Кавказа и Средней Азии», но и «потянулись через Астрахань посольства от народов Северного Кавказа — Кабарды, пятигорских черкесов и других, что способствовало мирному присоединению некоторой части народов Северного Кавказа к русскому государству» [3, 26].

Тяготение Исмаила к Москве в 1558 г. Л.Е.Верейн связывает с наступившим у ногаев голодом. Именно желанием сохранить дружбу с Исмаилом ученый объясняет замену И.Черемисинова И.Г.Выродковым на посту астраханского воеводы. Историк считает причиной этой замены практику укрывательства в Астрахани беглых из Ногайской Орды, а не, например, переход к оборонительной политике. При этом не указывается на роль этого талантливого дьяка в истории русского Поволжья. Недовольство Исмаила, а не, например, падение «Избранной Рады», историку кажется главной причиной отстранения И.Выродкова и передача функций астраханского воеводы его заместителям И.Заболоцкому и Г.Злобину. К лету 1561 года воеводой в Астрахань был назначен князь Ф.В.Сисеев [3, 27—28].

Прогрессивное значение интеграции Поволжья в состав Московского государства, по мнению историка, заключается главным образом в том, что «в русской торговле» основное место «...принадлежало вывозу товаров русского происхождения и ввозу товаров иностранного производства... Астрахань в ввозе и вывозе товаров с Востока и на Восток занимала одно из первых мест». Историк акцентирует внимание на том, что Астрахань сделалась центром торговли европейцев с Востоком: «В 50-х годах XVI века через Россию в Персию ездили итальянские купцы. Права транзитной торговли с Восточными странами от России добывались и купцы шведские. Наиболее удачно развивалась транзитная торговля с Востоком у английских купцов. Они завязали торговые сношения с Ираном. Торговые отношения с Ираном у них установились в результате путешествия Дженкинсона. Английские купцы от транзитной торговли «Московской компании» с Ираном получали большие доходы. Это заставило русское правительство отменить беспошлинность торговли и была установлена обязательная уплата половинной пошлины при проезде через Казань и Астрахань» [3, 36].

Таким образом, Л.В.Верейн развивает концептуальные выводы «сталинской» историографии включения Среднего и Нижнего Поволжья в состав России, привлекая фактические данные, собранные еще в дореволюционной исторической науке, в основном используя выводы из книг современников, особенно положения Е.Н.Кушевой и С.В.Бахрушина [2; 4].

Литература

1. Анчабадзе Ю.Д. Е.Н.Кушева и русское кавказоведение XX века // Русско-чеченские отношения второй половины XVI—XVII вв.: Сб. док. / Сост. Е.Н.Кушева. М., 1997.
2. Бахрушин С.В. Расширение русского государства при Иване IV // Пропагандист. 1939. № 1.
3. Верейн Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958.
4. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922; Ташкент, 1942; М., 1944.
5. Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI—XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. 1943. № 1.
6. Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34.
7. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока. М., 1952.
8. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

Л.Г.Зырянова

Р.Г.СКРЫННИКОВ О РОЛИ СЫНОВЕЙ Н.Р.ЮРЬЕВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Известный специалист по истории России XVI—XVII в. Р.Г.Скрынников, изучая время правления Федора Ивановича и Бориса Годунова, писал и о потомках первой жены Ивана Грозного Анастасии. Два ее родных брата Д.Р.Юрьев и Н.Р.Юрьев служили при дворе Ивана IV, а дети Н.Р.Юрьева даже входили в число лиц, претендовавших на трон после смерти Федора Ивановича.

По мнению Р.Г.Скрынникова, с коронацией Федора (31 мая 1584 г.) власть перешла в руки регентов, назначенных Иваном Грозным, одним из которых был Н.Р.Юрьев. Вскоре Н.Р.Юрьева хватил удар, и его место

занял Борис Годунов. Беспокойство за будущее молодых сыновей подталкивало Н.Р.Юрьева искать союз с Б.Годуновым [2, 402].

Родня царя Федора, писал Р.Г.Скрынников, — Годуновы и Романовы, объединившись вокруг трона, преодолели династический кризис, сопутствовавший утверждению у власти недееспособного сына Грозного. Союз этот продержался в течение десятилетия.

Историк указывал, что старший сын Никиты Романова Федор еще при жизни отца получил боярский чин, а его брат Александр был пожалован в кравчие [2, 541].

С точки зрения Р.Г.Скрынникова, Романовы были наиболее вероятными претендентами на трон, и раздор между ними и Б.Ф.Годуновым стал неизбежен, как только вопрос о престолонаследии приобрел практическое значение.

Примерно за год до смерти Федора Ивановича Ф.Н.Романов был послан на границу как второй воевода полка правой руки. Несмотря на то, что он занял не слишком высокий пост, со всех сторон немедленно посыпались местнические жалобы. На Романова (отца будущего царя Михаила) били челом даже люди, не обладавшие ни думными чинами, ни особыми заслугами. Р.Г.Скрынников заключил, что вдохновителями местнической интриги против Романовых были Годуновы [1, 93].

В представлении историка среди братьев Романовых Федор Никитич был самой примечательной фигурой и подавал большие надежды. По желанию Н.Р.Юрьева английский агент Дж.Горсей написал для Федора Никитича латинскую грамматику славянскими буквами. Как видно, указывал Р.Г.Скрынников, отец стремился дать сыну серьезное образование. По замечанию И.Массы, каждый из братьев Никитичей отличался приветливостью в обращении и «держался как царь». Федор отлично сидел на коне, был красив и статен, отличался особым щегольством. Любимым развлечением боярина была охота — псовая и соколиная [2, 542].

По мнению историка, в качестве двоюродных братьев и любимцев государя Романовы занимали особое положение при дворе. Родство с государем и союз с Годуновыми позволили Федору Никитичу надеяться на блистательную карьеру. Поначалу эти надежды оправдали себя. Несмотря на молодость, Ф.Н.Романов выслужил чин главного дворового воеводы и считался одним из трех «великих ближних бояр» — руководителей Ближней думы. Но подспудная династическая борьба надломилась успешно начатую карьеру. В книгах Разрядного приказа, отметил Р.Г.Скрынников, имя Романова стало фигурировать преимущественно в связи со зваными обедами у государя [2, 542].

Царь Федор Иванович не оставил завещания. По слухам Федор назвал в качестве преемника одного из своих братьев [1, 110].

Агенты оршанского старосты Л.Сапеги, писал ученый, дознались, что перед смертью царь Федор назвал четырех возможных преемников — Федора или Александра Никитичей, Мстиславского и Годунова. Воеводы и думные бояре, сообщал литовский лазутчик, согласны были выбрать одного из братьев Романовых, а чернь и стрельцы стоят за Бориса [1, 110].

По замечанию Р.Г.Скрынникова, борьбу вели между собой ближайшие родственники умершего царя — его шурины и двоюродные братья, не принадлежавшие к княжеской аристократии.

Если вспомнить время царя Ивана, то Романовы представляли земщину, а Б.Ф.Годунов — опричнину и «двор». Старый конфликт приобрел новую форму [2, 580].

Историк полагал, что сыновья Никиты унаследовали от отца популярность имени и располагали реальными шансами на избрание, хотя были сравнительно молодыми людьми [1, 114].

Р.Г.Скрынников находил, что Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с резкими нападениями на правителя Бориса Годунова. Историк ссылаясь на слухи, которые ходили по Москве, о том, что в думе боярин Федор Никитич якобы бросился с ножом на Годунова, когда речь зашла о царевиче Дмитрие [1, 110].

Р.Г.Скрынников опровергает предположение А.А.Зиминова о том, что Федор Никитич и связанная с ним группа знати в конечном счете «присоединились к тем, кто настаивал на избрании Бориса», указывая на донесения литовских разведчиков, где упоминается об объединении Романовых с Б.Я.Бельским, дабы не допустить воцарения Годунова [2, 594].

Р.Г.Скрынников, однако, пришел к выводу, что сближение Романовых с Бельским понизило шансы Федора Никитича на трон [2, 595].

По данным историка, в марте 1598 г. в Москву поступили первые донесения о готовящемся нападении крымского хана Казы-Гирея на Россию. 7 мая уже избранный царем на Земском соборе Борис выступил с полками в Серпухов. Там Годунов добился больших дипломатических успехов. Этот поход, по определению Р.Г.Скрынникова, стал важным этапом избирательной кампании Бориса Годунова. Он постарался удовлетворить честолюбие руководителей Боярской Думы. Федор и Александр Романовы участвовали в походе как дворовые воеводы. Им подчинялся царев полк, включавший отборные части, преданные правителю. Годунов оказал честь Никитичам, чтобы постоянно держать их при себе и не спускать глаз со своих главных соперников. Но в списке членов царской свиты Федор Никитич был записан предпоследним [2, 597].

По мнению Р.Г.Скрынникова, летняя присяга Б.Годунова нейтрализовала интригу Романовых и Бельского [2, 600].

Историк указывал, что по случаю коронации царь Борис пожаловал высшие боярские и думные чины многим знатным лицам. В лице удостоенных особых милостей были и Романовы: из кравчих Александра Никитича произвели в бояре, Михаил Никитич Романов стал окольным [2, 601].

В представлении Р.Г.Скрынникова, однако, Годунов не забыл о том, что после смерти царя Федора претендентами на трон выступили двое старших братьев — Федор и Александр Романовы [2, 608].

Уже в первые годы царствования Бориса в Москве произошло несколько «колдовских» процессов, указывал историк.

По его мнению, жертвами одного из них стали Романовы. Историк ссылается на подлинные документы о ссылке Никитичей и слова телохранителя Бориса К.Буссова, который отмечал, что опальных Романовых обвинили в намерении «извести» царскую семью [1, 134].

Р.Г.Скрынников заключил, что русские источники дают лишь приблизительные сведения о времени падения Романовых, и заполнить этот пробел помогает вновь найденный источник — дневниковые записи польского посольства в Москве.

Наибольший интерес из них представляет запись, датированная 26 октября (2 ноября) 1600 г. Этой ночью правительственные войска напали на подворье Романовых [1, 134].

Польские послы получили неточную информацию относительно судьбы Александра Романова, будто бы казненного десять дней спустя. В действительности, писал Р.Г.Скрынников, этот боярин стал главным обвиняемым в затеянном властями «колдовском» процессе [1, 135]. По царскому приказу особая боярская комиссия во главе с М.Г.Салтыковым произвела обыск на подворье Романовых и обнаружила в казне Александра Никитича «ведовские корешки».

В Боярской думе у Романовых нашлось много противников. Окольничий М.Г.Салтыков непосредственно участвовал в розыске об их измене. Боярин князь П.И.Буйносов-Ростовский распорядился на опальном дворе Федора Романова после его ареста.

Р.Г.Скрынников полагал, что Романовы имели все основания жаловаться на знать, верховодившую в Боярской думе. Княжеская аристократия давно выражала недовольство чрезмерным возвышением Никитичей и теперь помогла Борису избавиться от них [1, 135].

Ученый пишет, что братьев Романовых обвинили в тягчайшем государственном преступлении — покушении на жизнь царя. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Борис долго колебался, не зная, как ему поступить с Никитичами. Опальные оставались в столице в течение нескольких месяцев. Наконец, Федора Романова постригли в монахи и заточили в отдаленный северный монастырь, младших Никитичей отправили в ссылку [1, 135].

Александр, Михаил и Василий Романовы умерли в изгнании. Их смерть поспешили приписать царю. Любопытным Р.Г.Скрынников счел не факт гибели ссыльных, а то, что некоторые из них уцелели, поскольку осужденных везли в Сибирь либо на берег Студеного моря, причем по бездорожью, в тяжких цепях, в лютые морозы [1, 136].

По мысли Р.Г.Скрынникова, судьба Федора Романова служит веским доводом против предположения, будто Борис намеревался использовать ссылку, чтобы без шума уничтожить своих противников. Старший из «Никитичей» был главным претендентом на трон, но его Годунов отправил не в ссылку, а в монастырь. Вышло так, заключил историк, что монашеский куколь спас жизнь Федору Никитичу, но отнял у него шансы на обладание тронном. Надеть на себя корону расстрига не мог, и Борису этого было достаточно [1, 136]. Царь подверг и подлинному разгрому романовскую партию в думе.

Р.Г.Скрынников писал, что через несколько месяцев после суда царь Борис распорядился смягчить режим заключения опальных, вернул из ссылки Ивана Романова и нарядил следствие по поводу жестокого обращения приставов с больным Василием Романовым [1, 137].

Детям Федора Никитича и вдове Александра Никитича разрешили покинуть белоозерскую ссылку и уехать в одну из родовых вотчин. Филарета Романова царь велел содержать в Антониево-Сийском монастыре так, чтобы ему «не было нужи» [1, 137].

Р.Г.Скрынников считал, что уже упомянутые дневниковые записи польских послов раскрывают подлинные причины гонений на братьев царя Федора: тяжелая и длительная болезнь Годунова подала Никитичам надежду на то, что они вскоре смогут вступить в борьбу за обладание короной [1, 138].

Говоря о связи Романовых и самозванца, Р.Г.Скрынников напомнил о мнении С.Ф.Платонова, который возлагал ответственность за самозванческую интригу на этих бояр (С.Ф.Платонов считал, что подготовку самозванца следует приписать тем боярам, во дворах которых служил Григорий Отрепьев) [2, 673].

Р.Г.Скрынников не согласился с взглядом С.Ф.Платонова, ссылаясь на рассказ «царевича Дмитрия», записанный князем Адамом Вишневецким. Историк предположил, что если бы Романовы были причастны к интриге, ее картина была бы совсем иной. При этом Р.Г.Скрынников заметил, что именно от Никитичей и их родни Лжедмитрий усвоил взгляд на Бориса как узурпатора и проникся ненавистью к новой династии Годуновых [2, 673].

Р.Г.Скрынников пришел к выводу, что сыновья Н.Р.Юрьева-Захарьина располагали реальными шансами на российский трон. Ученый относил Романовых к числу богатейших людей своего времени, полагая, что они затра- тили много сил и средств, чтобы заполучить власть в 1598 г., и не оставили надежды на это и впоследствии.

Литература

1. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983.
2. Скрынников Р.Г. Иван Грозный: Борис Годунов. Василий Шуйский. М., 2005.

Е.П.Казанова

г.Владивосток

Дальневосточный федеральный университет

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Актуализация «вечной» проблемы идентификации и идентичности личности объективно обусловлена: особым состоянием современного общества, характеризующегося высокой динамичностью происходящих в нем изменений и их значимостью; ростом общего напряжения; разрывом общественных связей и отношений; разрушением прежде устойчивых структур, что привело к нестабильности этого состояния, и одновременно освоением новых пространств видения человеком себя, мира и себя в мире. Современный человек вынужден динамично действовать и активизировать процессы объединения и разногласий позиций, сил, интересов, целей индивидов, групп, государств, различного рода объединений и т.д., т.е. событий, предполагающих повышение значимости выбора человеком своего места, определения и самоопределения, выявление своих позиций и соотнесения их. Проблемы идентичности молодого человека тесно связаны с социальными, экономическими, и политическими переменами в России и мире в целом.

Особую актуальность в методологическом плане приобрел адекватный для российского общества выбор приоритетов развития системы школьного исторического образования. Перенос центра тяжести в системе исторического образования на проблемы человека, направленность образования на овладение языком отечественной и мировой культуры, духовным опытом человечества, на восприятие целостной картины мира и формирование у учащихся системного мышления — важнейшие факторы, определившие новую траекторию в развитии школьного исторического образования, в которой дискуссия по проблеме «воспитания Историей» на всем протяжении 1990-х оставалась актуальной. Дискуссии первой половины 1990-х гг. выявили разнообразную и противоречивую палитру мнений по проблеме «воспитания историей» и изменили вектор развития исторического образования в сторону формирования особой формы общественного сознания, раскрывающей смысл «вечных» истин — верности, долга, любви к Родине. В мировом развитии появились факторы и тенденции, которые должны были быть учтены при разработке новых образовательных стандартов, расширение масштабов межкультурного и межконфессионального взаимодействия предполагало формирование информационно-коммуникативной культуры и воспитание молодых граждан России на принципах толерантности, диалогичности, конструктивного сотрудничества.

В новых Государственных образовательных стандартах (так называемые «стандарты первого поколения» 1998—1999 гг.) впервые в современной России были предъявлены основные требования к содержанию, в том числе, исторического образования, но «*сформулированные в соответствии с логикой исторического познания ...*» [1, 28].

Важно, что главным результатом изучения истории в средней школе стало рассматриваться «*формирование у школьников собственного опыта оценочной деятельности*». Речь идет о сложном личностном новообразовании, в котором «*оценка предполагает выбор объекта, сравнение объекта с другими, с нормой, идеалом, формирует установку на активную деятельность. Опыт соотнесения себя с чем-то другим, отличным, вырабатываемый при изучении истории, является школой самопознания и самоопределения в многоликом и меняющемся мире, формирует у молодого человека культуру отношения к окружающей действительности и общения между людьми*» [2, 36].

О главной цели изучения истории в школе российские ученые заговорили как:

о «*приобщении школьников к национальным и мировым культурным традициям, овладении ими языком культуры;*

о «*воспитании гражданина и патриота Отечества, ценностно-ориентированной личности, обладающей нравственными качествами, способной к самореализации в условиях современной российской социокультурной ситуации. Иными словами, с помощью исторических знаний человек должен самоопределить себя в окружающем мире и интегрировать себя в этот мир*» [4, 6];

о формировании *ценностного сознания*, которое «является результатом сложной и напряженной внутренней работы и образования [7, 41].

Обобщая итоги реформирования исторического образования, мы соглашаемся с профессором Е.Е.Вяземским в том, что к началу 2000-х гг. «политические задачи разоблачения прошлого, характерные для 1990-х, хотя и не потеряли свою значимость, но явно ушли на второй план, а *темы воспитания национальной и гражданской гордости, российской идентичности стали четко позиционироваться государством и восприниматься обществом как приоритетные*» [5, 15].

С началом нового века потребность в определении концептуальных подходов к школьному историческому образованию в России была усилена не только современными научными взглядами на природу и функции исторического знания, но и ростом социального разнообразия, процессами интеграции и глобализации, ориентацией государства и общества на демократические и гуманитарные ценности.

В 2004 г. был утвержден федеральный компонент ГОС ОО (далее — ФК ГОС ОО). Воспитательные задачи каждого учебного предмета соответствовали государственному и общественному заказам к школьному образованию в РФ. В отличие от нормативных документов предшествовавших лет, в формулировках целей и задач изучения истории в стандартах основного общего и среднего (полного) общего образования термин «идентичность» используется или подразумевается не один раз, например: «воспитание национальной идентичности», «осознание себя как представителя исторически сложившегося гражданского, этнокультурного, конфессионального сообщества, гражданина России», «воспитание общероссийской идентичности» [9, 25] и т.п.

В итоге «целью, ценностью и результатом современного общего образования мыслился уже не один жестко определенный вид самоопределения (государственно-национальный), а *мультиидентичная личность*» [8, 11].

В середине 2000-х гг. существенный шаг был сделан к осознанию российскими педагогами потенциала исторического образования в деле воспитания идентичности школьников, но недостаточно определенными оставались связанные с этой задачей понятия «общероссийская идентичность», «гражданская идентичность», «национальная идентичность», «этнокультурная идентичность». Не ясными оставалась и связь новых ценностно-целевых приоритетов с традиционной миссией Истории, заключающейся в «воспитании патриотизма и гражданственности».

«В июне 2009 года были подведены итоги разработки Федерального государственного образовательного стандарта общего образования. Появились новые подходы к проектированию и оценке образовательных результатов, в основе которых — процесс развития личности как цель и смысл образования» [6, 13]. Постепенный переход от идеи стандарта как фактора обеспечения целостности федерального образовательного пространства к стандарту как «общественному договору» развернул педагогическое сообщество в сторону признания идеи, что исторические знания дают возможность ученику двигаться от понимания мировых проблем к проблеме собственного «Я» в стране и многополярном мире, к конструированию собственной множественной идентичности. Современное понимание целей и задач исторического образования изменило принципы моделирования учебного предмета История — в которых главная цель исторического образования основана на единстве знаний и качественных характеристик личности ученика. Вопрос: зачем учить историю? снимается вопросом: каким я стану? Активизация личностного начала, движение от предмета к ученику через личностно-значимую деятельность.

Таким образом, в будущем историческое познание, сформированное в соответствии со стандартами второго поколения, может стать основой — **«исторической социализации личности школьника»**. *«Этот аспект шире истории как отдельной дисциплины, как отдельного предмета в школе. Благодаря методологии исторического анализа, благодаря тому, что сейчас проходят исторические эпистемологии как зарекомендовавшего ценностного направления познания, мы сегодня должны сделать так, чтобы школьные предметы стали точкой опоры и могли поселиться в картине мира личности»* [3, 6].

Литература

1. Алексашкина Л.Н. Оценка качества подготовки выпускников основной школы по истории. М., 2000.
2. Алексашкина Л.Н. Методологические основы курса истории в современный период. М, 1999.
3. Асмолов А.Г. Выступление на заседании Общественного совета по социально-гуманитарному образованию. М., 2012.
4. Вяземский Е.Е. и др. «Проект государственного образовательного стандарта. Образовательная область «Общество» (история) // История. 1997. № 2.
5. Вяземский Е.Е. и др. «Проект государственного образовательного стандарта. Образовательная область «Общество» (история) // История. 2012. № 1.
6. Вяземский Е.Е. Государственный образовательный стандарт общего образования второго поколения: инновационный характер, функции, особенности // Преподавание истории в школе. 2009. № 8.
7. Следзевский И.В. Образование в условиях роста многонациональности Московских школ // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 7.
8. Стрелова О.Ю. Школьное образование для жизни в поликультурном обществе. Хабаровск, 2004.
9. Федеральный компонент государственного стандарта среднего (полного) образования по истории (базовый уровень). М., 2004.

ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Одной из проблем молодежи в современном обществе является определение своей идентичности. Глобализация, которую Энтони Гидденс определял как интенсификацию социальных отношений по всему миру, связывающих отдаленные местности таким образом, что местные события зависят от тех, которые происходят за много миль отсюда, и, наоборот, — в настоящее время признается ключевым фактором, влияющим на жизнь молодых людей [1].

В Великобритании, как и во многих западных странах, влияние глобализации присутствует на всех уровнях: социальном, экономическом, культурном. Наблюдается неоднозначность определения понятия идентичности (Identity) и ощущения своего места в мире. Споры об идентификации личности, рост экономической миграции, международный терроризм, непростые взаимоотношения между представителями разных рас и религий ставят перед британским обществом вопрос о «британскости» (Britishness), то есть о сохранении британской культуры и самобытности.

В статье приводятся данные исследований, проводимых в Великобритании для оценки воздействия глобализационных процессов на молодежь. Исследователи отмечают, что жизнь каждого человека формируется под воздействием сил глобализации, роста миграции и большого социального плюрализма, следовательно, школы и учебные программы должны адаптироваться к современному мультикультурному обществу [2].

В то же время в материалах исследований отмечается недостаточное внимание к данному вопросу со стороны образовательных институтов, а также некоторые трудности в «глобальной работе с молодежью», особенно по признанию важности идентификации и роли личности в осмыслении глобального общества, в котором молодые люди живут.

Поскольку путешествия становятся доступны многим людям, а коммуникационные технологии позволяют осваивать разнообразные мировые культурные ценности, формируя множественные идентичности, — комментирует Алессандра Буонфино, — вопрос о принадлежности (Belonging) становится все более сложным и более центральным в дискуссии о возможности сосуществования в рамках одной локальности [3].

Говоря о «принадлежности», исследователь имеет в виду другой язык и другое построение мысли. Принадлежность является базовой системой отсчета; это человеческая потребность, связанная с желанием быть частью сообщества, семьи, группы или даже банды.

Интересные примеры влияния глобализации приведены в работе Анупа Найяка [4]. Он отмечает три модели уникальных молодежных субкультур в Северо-Восточной Англии:

- Geordies (так называют жителей Ньюкасла) — субкультура белой молодежи из рабочего класса;
- Chaveng — ребята в полуспортивной одежде, с которыми ассоциируют неприятности и негативные образы;
- wannabies (белые парни с окраин, подражающие «черным», например, афро-американским исполнителям хип-хопа).

Исследования показывают сложные пути, которыми различные группы молодых людей, в зависимости от их социального, экономического и культурного положения в рамках определенного сообщества, адаптируют глобальные процессы для создания собственной идентичности, а также приспособливают их к своей местности.

Опросы подростков показывают любопытные результаты. Например, многие коренные белые ученики имеют негативное восприятие собственной личности. Например, белая британская ученица после обсуждения в классе семейных корней (известно, что, например, в лондонских школах до 70% учащихся — выходцы из разных стран мира), сказала, что она «родом ниоткуда, и ей скучно от своей английской идентичности». Проводя аналогию с Россией, следует отметить тенденцию к изменению идентичности у русских девушек, стремящихся выйти замуж за мусульман. Они согласны носить хиджаб и перейти в другую веру, видя в смене идентичности определенную привлекательность.

В книге «Гражданство подростков» (Teenagers' Citizenship) Сюзи Веллер говорит о необходимости борьбы с господствующей концептуализацией гражданства. Ее исследования показывают, что взаимосвязь глобальных и локальных влияний является ключом к становлению идентичности молодых людей, но этой точке зрения противоречит постоянно растущее влияние Интернета и киберпространства. С.Веллер предполагает, что они открывают новые пространства и формы идентичности, на которые не влияют государственные границы [5].

Профессоры Джей Кенвэй и Элизабет Буллен также отмечают влияние киберпространства и важность для молодых людей быть не только наблюдателями, но и критическими участниками процесса понимания мира в целом. Адаптируя термин «фланер» (человек, прогуливающийся где-либо), они предлагают концепцию

«молодых киберфланеров» (cyberflaneurs), идентифицирующую молодежь как граждан мира, использующих новые технологии в качестве элементов глобальной культурной экономики [6].

Хотя молодые люди не бессильны в отношении глобальных изменений, их экономическое положение таково, что они более уязвимы, чем многие другие социальные группы, перед неопределенностью и рисками, связанными с экономической и культурной глобализацией. С другой стороны, как уже упоминалось, молодые люди зачастую находятся на переднем крае технологических и культурных изменений, которые могут быть связаны с глобализацией. Не удивительно, что они используют широкий диапазон глобальных социальных сетей (например, Facebook, Google), чтобы выразить себя, завести друзей в других странах и узнать больше о жизни сверстников.

Современная молодежь воспринимает земной шар как арену социальных действий, активно сочувствуя таким проектам, как «Сделаем бедность историей» (Make Poverty History) или акциям «зеленых» против изменений климата (Green the World) [7]. Однако, быть активным — не значит быть могущественным, и это особенно верно в контексте глобализации. Риторика, связанная с якобы гражданством молодых людей в мировом сообществе, как правило, не соответствует действительности. Молодые люди, в каком-то смысле граждане глобальной культуры, но в то же время они борются за принятие их новой идентичности местными сообществами. Для молодежи это, в конечном итоге, парадокс глобализации.

Литература

1. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Polity Press. Cambridge, 1991.
2. Bourn D. *Global Perspectives in Youth Work // Youth and Policy*. 2003. Vol. 80. P. 6—21.
3. Buonfino A (with Thomson L.) *Belonging in Contemporary Britain*. Commission on Integration and Cohesion. London, 2007.
4. Nayak A. *Race, Place and Globalization*, Berg. Oxford, 2003.
5. Weller S. *Teenagers' Citizenship*. Abingdon, 2007.
6. Kenway J & Bullen, E. *The Global Corporate Curriculum and the Young Cyberflaneur as Global Citizen // Dolby, N & Rizvi, F (eds.) Youth Moves — Identities and education in global perspectives*. New York, 2008.
7. Micklem P. *Public Perceptions of Make Poverty History // Development Education Journal*. 2006. Vol. 13. № 1. P. 34—35.

Л.Г.Корсунская

г. Нижневартовск

*Нижневартовский филиал Тюменского государственного
нефтегазового университета*

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА В ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Человек и бог, отношение между ними — вот что лежит в основе ранневедийской модели мира. Ведийские гимны — это священный рассказ о небесной обители, о могуществе небожителей и просительная молитва. В сакральной поэзии Индии господствует убеждение соответствия правды гимна правде бытия, закона мироздания. Знакомство с разными сторонами бытия индуиста и их социоприродными опосредованиями выявляет подчас их удивительную созвучность некоторым современным проблемам, в частности фундаментальной проблеме изучения биосферы и общества как единой системы, которая включает в себя и человека с его общественными структурами в качестве частного случая или, по словам астрофизика Карла Сагана, как «отдельную мелодическую линию» в космической «симфонии жизни». Здесь хочется процитировать Н.К.Рериха: «Человек — прежде всего, обитатель Космоса, и только потом житель планеты Земля» [1, 109]. Именно на такую перспективу, связанную с чувством интимной сопричастности природному окружению, ориентировал своих адептов индуизм. Не об этом ли писал П.А.Флоренский: «Различными путями мысль приходит все к одному и тому же признанию: идеального сродства мира и человека друг с другом, их существенной связанности между собой». Человек по ведийским представлениям — это человек космический, равноправным образом включенный во всеединство изменчивого мира.

Складывается впечатление, что в индийской культуре максимально реализовалась вся та совокупность социоприродных измерений человека, которая свидетельствовала о его включенности в многообразие космопланетарных ритмов. Если во многих других историко-культурных регионах в разные периоды истории человечество упорно уничтожало возможные остатки своего космопланетарного видения, следуя то ли «космической мимикрии», то ли случайности, то ли роковым подменам, то ли удручающему проявлению каких-то не вполне понятных законов эволюции, то Древняя Индия составила исключение из этого общего правила. Там не было фатальной ошибки «забывания традиций» и не было тотального вытеснения старого новым, а было бережное сохранение старого в новом. Вместо привычной для нас борьбы противоположностей был иной уровень их взаимодействия — равновесие.

В особенности все эти замечания относятся к индуистским взглядам на человека.

Индуистское мирозерцание зиждется на представлении о человеке как о микрокосме, точном подобии макрокосма, который являл собой не что иное, как одно живое тело. Микрокосм воспринимался как бесконечный в своем разнообразии и равномогущий по своей творческой энергии макрокосму. Между процессами в человеческом организме и в космосе существует полное соответствие, если не глубокое совпадение. Мир — единый континуум человеческого и космического, и в этом общем пространстве постоянно происходит взаимовлияние и взаимопроникновение энергии. Таков был исходный постулат всех разнообразных подходов к феномену человека в Древней Индии и позже.

По древним сакральным текстам и иным свидетельствам складывается впечатление, что в Древней Индии всякий человек, считая себя органической частью окружающего мира, жил или, по крайней мере, старался жить в едином ритме, в унисон со всем сущим, следуя дхарме, закону космической целесообразности. Все, что происходило в мире, находило в нем отклик, и все что происходило в человеке, отдавалось эхом в космических просторах. Эти две грани человеческого существа и составляли главную загадку — загадку его бесконечности. Человек мыслился чем-то безусловно большим, чем он представляется нам сейчас, и его физическое тело явно не воспринималось как его последняя граница [2, 108]. Отсюда выводилась и общая парадигма человеческого существования — пребывание в потоке бытия, все части которого захвачены общим движением и неизбежно взаимодействуют друг с другом.

В индуизме не было мифа о грехопадении (основной организующий миф Запада), а отсюда и не было мучительного картезианского раздвоения духовного и телесного. Точно также не было и подавляющей антиномии западного мышления: имманентное (природа) — трансцендентное (бог); она снималась в объединяющих эту оппозицию понятиях, например Атмана и Брахмана. Вот почему применительно к индуизму можно говорить о всеохватывающей идее некоего интегрального, социоприродного жизненного состояния, которая принималась всеми априорно. Как представляется, именно в этой идее, стержнем пронизывающей мироощущение всей индийской цивилизации, в наибольшей мере воплотилось наследие мифологической эпохи, причем не просто механически воспринятое последующими эпохами, но творчески усвоенное и переведенное на язык космологии, ритуала, религиозных доктрин, философских дискурсов и даже психологических тренингов.

Формирующей основой этой идеи, насколько можно судить по разным сохранившимся историческим источникам, было представление о таинственной сверхъестественной силе, некоей всепроникающей магической потенции, которая все наполняет собой и движется все и вся.

Отсюда следует полное отсутствие антропоцентризма практически во всех индуистских установлениях: он был чужд им изначально.

Человек расценивался — и принимал себя — как одно из звеньев природы с которой он образует нерасторжимое целое. В системе природа — общество — человек последнему звену отводилась роль скорее посредника и интерпретатора, нежели центра мира и венца творения, не желающего ждать милости от природы и повергающей ее во прах. Это положение отнюдь не обезличивало человека, а, напротив, ко многому его обязывало. Специфика восприятия человека состояла еще и в том, что он рассматривался не как обособленная индивидуальность, а как особая форма бытования мыслящего существа в земном мире, и форма эта подчинялась общим иерархическим законам, следуя которым она возникала, развивалась и прекращала свое существование.

К тем же архаическим истокам возводимы и цели, провозглашаемые идеальными и конечными в индуизме, буддизме и джайнизме — достижение мокши и нирваны, т.е. такого состояния сознания, при котором человек как бы редуцирует свои бытийные отличия от абсолютного мирового первоначала.

Трансформация этих архаических представлений о таинственной, сверхъестественной силе в древности не была завершена. Ее чисто эмпирическое восприятие позже сменилось этико-спекулятивной идеей религиозного абсолюта — единой сокровенной основы движения мира. Связи с древним магико-онтологическим мышлением еще долго оставались различимыми и в некоторых философских построениях индуизма, как, впрочем, и буддизма, и джайнизма; в них философия сращивается с мифологией (непредставимое для западной мысли сочетание) по принципу дополнительности. Уделом же человека стало познание этой силы.

Если задаваться целью сконструировать некую идеальную модель человека в индуизме, то нужно было бы показать всю его изначально заданную микрокосмическую безбрежность в гармоническом единстве космологических, физиологических и нравственных категорий, причем каждая из них отражалась бы и в человеческом организме, и в качествах личности, и в поведенческих стереотипах, и в других его проявлениях, — в общем, была бы именно «мелодической линией», вплетенной в космическую «симфонию жизни». Бесспорно, все эти темы — общечеловеческие, но законы их композиции, сочетания в образе человека в Древней Индии имели свой местный колорит.

Космоцентристские установки индуизма предполагают переживание мира как высшей гармонии и, понятно, как таинства, неподвластно человеку, а также как эталона для социального порядка. Вот почему общество в индуизме никогда не рассматривалось само по себе как явление самостоятельное, независимое от законов природы. Более того, многомерная общественная структура выстраивалась по природному образцу:

в едином биосоциальном организме все было взаимообусловлено и пронизано тем же стремлением трансцендентной гармонии, что и вся древнеиндийская культура.

Предпосылки для понимания особенностей индуизма присутствуют, как мне кажется, в глубинном слое «культурного бессознательного», хранящегося в исторической памяти нашей современной культуры, а она уходит корнями в древнейшие пласты индоевропейского единства: там же таятся и кони индуизма.

Таким образом, на примере этой удивительной традиционной культуры, религии и философии Индии, мы можем по-новому взглянуть на внутреннюю, духовную и внешнюю, общественную жизнь человека, взяв за шкалу сравнения индуизм, где смысл и правда человеческого бытия всегда заключались в традиции, то есть в том богатейшем антропозологическом опыте, который накапливался веками и предавался из поколения в поколение. Может быть, многие истины и ценности прошлого, сохраненные индуизмом, помогут нам сейчас взглянуть на нынешнее тупиковое техногенно-потребительское движение, захватившее нашу цивилизацию. И, может быть, индуистские традиции вечноприемства жизни убедят нас, что важнее думать и говорить не о внешнем и поверхностном «гуманизме», а о хранящейся глубоко в сердце подлинной человечности.

Литература

1. Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974.
2. Корсунская Л.Г. Культурообразующая роль сакральных текстов Древней Индии. Тюмень: ТюмГНГУ, 2012.

В.В.Кузь

г. Мурманск

Мурманский государственный гуманитарный университет

КУМРАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

Раннехристианские исследования в России XX столетия прошли сложный путь развития. Их эволюция имеет в свою очередь, богатую историографическую традицию [12; 14; 16; 18; 19; 25; 26; 27]. Одним из ключевых моментов развития советской историографии раннего христианства стал кризис мифологической доктрины в 1960-е гг.

С момента своего становления раннехристианские исследования в советской науке были почти полностью ориентированы на так называемую мифологическую теорию. Ее популяризация в 1920-е гг. («временный союз с “Древесами”»), по выражению В.И.Ленина) эволюционировала в дальнейшем по направлению к полному отождествлению теории мифа с марксистским представлением об истории религии. Вместе с тем, к концу 1930-х гг. проблема историчности Иисуса Христа и других евангельских персонажей утратила ключевое значение в советской литературе, уступив это место вопросу о происхождении христианства.

На рубеже 1950—60-х гг. в советской науке произошел надлом мифологической доктрины. Как представляется, главным из многочисленных факторов этого кризиса стали кумранские исследования. Эта проблема уже поднималась отечественными авторами [24], однако ее анализ будет интересен в общем контексте кризиса теории мифа в советской науке.

Советские ученые приняли активное участие в кумранских исследованиях: ими был проведен историко-филологический анализ кумранских текстов, на его основе была воссоздана подробная история кумранской секты, ее организация, социальный и этнический состав, идеология и культ; исследовались также проблема взаимосвязи кумранского учения с ортодоксальным иудаизмом и идеологией ессеев и вопрос о месте кумранитов в духовной жизни Палестины и Ближнего Востока; было дано описание археологических раскопок в Палестине и истории исследования кумранских текстов за рубежом [1—10; 15; 17; 21—23].

Решение главного вопроса о влиянии кумранской идеологии и организации на раннее христианство лежало изначально в казалась бы единственно возможной для советских ученых плоскости позиционирования кумранской проблемы как блестящего подтверждения мифологической доктрины. Таким образом, существовавшая в советской науке концепция происхождения христианства как будто получила дополнительные аргументы в свою пользу. Складывалось следующее представление о возникновении христианства. Одной из иудейских сект середины I в. н.э. было иудео-христианство, «связь которого с кумранской общиной, по видимому, не может вызывать сомнений» [13, 95]. Как разновидность иудейского сектанства оно возникло на территории Палестины в связи с местными политическими условиями. Положения этого религиозного учения, обогащенные кумранским кругом идей, попали в среду еврейского населения диаспоры; там происходит новое их обогащение греко-римскими, иранскими, египетскими и другими неиудейскими элементами. Постепенно это учение теряет ограниченный иудейский характер и превращается в мировую религию. Таким образом, христианство лишь суммировало накопленный ко времени его возникновения религиозный

опыт Востока и античности. Идеология кумранской общины, особенно сказания об ее «Учителе праведности», стали одним из компонентов формирования «легенды о Христе».

Очень скоро, однако, у специалистов — даже тех, кто поначалу был сторонником указанных выше позиций, — нарастает скептицизм в отношении столь поспешного решения проблемы. Прежде всего, само по себе признание Кумранской секты предшественницей раннего христианства ставило под вопрос тезис о происхождении христианства за пределами Палестины, который был одним из важнейших аргументов мифологической теории [20, 246—243]. Обнаруживалось противоречие и с другим тезисом теории мифа, утверждающим вектор развития религии по направлению от Бога к человеку, — а ведь именно такое понимание эволюции религии, казалось бы, полностью соответствовало марксистской идее о невозможности создания религии одним человеком. Концепция персонафикации божества не подтверждалась на кумранском материале, т.к. получалось, что иудейская секта обожествила конкретного человека — «Учителя праведности». Кумранская идеология, видимо, демонстрирует обратный процесс развития религиозной идеологии — от человека к Богу. Таким образом, само признание сходства Кумранской общины и раннего христианства подрывало основы теории мифа.

Одновременно началась критика поспешно сделанного вывода о Кумранской секте как идеологическом и организационном первоисточнике раннего христианства. Уже в 1960 г. И.Д.Амусин высказывается против отождествления Кумранской общины и раннего христианства: в порядке рабочей гипотезы, полагал он, можно говорить о наличии определенного заимствования христианами некоторых идеологических и организационных традиций многочисленных сект Палестины, одной из которых была и кумранская [3, 46—49]. В течение 1960—70-х гг. именно этот подход стал господствующим в советской науке. «Необходимо предостеречь, — писал И.Д.Амусин в дальнейшем, — от чрезмерного увлечения элементами сходства, против тенденции выводить чуть ли не все раннехристианское движение из Кумрана как его «колыбели» [8, 223]. Что же касается элементов сходства, то они вполне объяснимы примерно одинаковыми социально-политическими условиями и общим идеологическим фоном. «Ожидание мессии, — отмечал И.Д.Амусин, — является выражением не только религиозно-мифологической идеи. Социальный смысл и содержание мессианских чаяний заключается в глубокой жажде перемен, в мечте о переустройстве мира...» [8, 162]. В этой связи значительное сходство двух идеологий — кумранской и раннехристианской — не должно служить основанием для выводов о прямых заимствованиях.

Безусловно, советские ученые признавали, что на раннем этапе развития христианство эволюционировало во многом под влиянием кумранской и других сходных с ней идеологий, иногда принимая их и преломляя через свои представления, иногда полемизируя с ними. Однако все более очевидным становился тот факт, что фундаментальным различием между кумранитами и ранним христианством стало именно отношение к ожиданию Мессии. Вообще сама по себе идеология кумранитов была ориентирована более на личность Мессии и его приверженцев, являясь в этом смысле новой по сравнению с ортодоксальным иудаизмом. Однако если кумранская идеология пронизана верой в его грядущий приход, то христианство есть вера в уже состоявшееся пришествие Спасителя. Таким образом, важнейшим критерием «новизны» христианства является сама личность Иисуса Христа как основателя новой религии. Подобный тезис, конечно, подрывал самые основания теории мифа. По мнению того же И.Д.Амусина, «такая позиция может, с одной стороны, привести к утверждению полной независимости Нового Завета от его ессеиско-кумранских предшественников..., но, с другой, — она может способствовать и кристаллизации *исторической* (выделено нами — В.К.) позиции» [8, 224].

Дискуссия о проблеме происхождения христианства активизировалась, причем она все дальше уводила советских ученых от теории мифа. Крупнейшие специалисты по раннему христианству именно в процессе работы над кумранскими исследованиями постепенно переходят на позиции исторической концепции, признающей реальность существования самого основателя христианства и всех евангельских персонажей. Как отмечал А.П.Каждан уже в 1966 г., «христианство — если оно не свалилось к нам с неба..., должно было иметь своего основателя» [11, 10].

Таким образом, кумранские исследования вновь сделали актуальной проблему историчности Христа, которая была ключевой для советской литературы о раннем христианстве 1920-х гг., а в ходе анализа кумранской проблемы стала решаться в пользу исторической позиции. В процессе исследования кумранских текстов были опровергнуты основные положения мифологической школы, имманентные советской историографии раннего христианства 1920—50-х гг. (идея внепалестинского происхождения христианства; представление о христианстве как сумме религиозно-философских воззрений Востока и античности; концепция антропоморфизации мифа как основной вектор развития религии и т.д.).

Литература

1. Амусин И.Д. Рукописи Хирбет Кумрана и Айн-Фешхи // Советская археология. 1960. № 2.
2. Амусин И.Д. Документы из Вади-Мурабаат // Вестник древней истории. 1958. № 1; 1961. № 4.
3. Амусин И.Д. Находки у Мертвого моря. М., 1960.
4. Амусин И.Д. Рукописи Мертвого моря. М., 1960.

5. Амусин И.Д. К определению идеологической принадлежности кумранской общины // Вестник древней истории. 1961. № 1.
6. Амусин И.Д. Кумранский комментарий из Наума // Вестник древней истории. 1962. № 4.
7. Амусин И.Д. Кумранские комментарии // Вестник древней истории. 1968. № 4.
8. Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983.
9. Варшавский А.С. Рукописи Мертвого моря. М., 1960.
10. Елизарова М.М. Община терапевтов. М., 1972.
11. Каждан А.П. Историческое зерно предания об Иисусе Христе // Наука и религия. 1966. № 2.
12. Кашаева М.В. Теория интерполяции в отечественной историографии раннего христианства: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Барнаул, 2001.
13. Ковалев С.И., Кубланов М.М. Находки в Иудейской пустыне. М., 1964.
14. Коржева К.Г. Проблемы первоначального христианства в советской историографии // Вопросы истории. 1982. № 1.
15. Крывелев И.А. Раскопки в «библейских» странах. М., 1965.
16. Ленцман Я.А. Изучение советскими учеными раннего христианства // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4.
17. Лившиц Г.М. Кумранские рукописи и их историческое значение. Минск, 1959.
18. Лившиц Г.М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970.
19. Петрова А.Г. Борьба марксистской историографии против буржуазной по основным проблемам первоначального христианства. Л., 1954
20. Ранович А.Б. О раннем христианстве. М., 1959. С. 236—243.
21. Старкова К.Б. Дополнения к «Уставу» кумранской общины // Палестинский сборник. 1960. Вып. 5.
22. Старкова К.Б. Рукописи из окрестностей Мертвого моря // Вестник древней истории. 1956. № 1.
23. Тексты Кумрана / Под ред. И.Д.Амусина. М., 1971.
24. Усольцев С.А. Влияние кумранских находок на отечественную историографию генезиса образа Христа // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия: Сб. научн. трудов молодых ученых АГУ / Под ред. А.А.Тишкина. Барнаул, 2001.
25. Усольцев С.А. Проблема генезиса образа Христа в отечественной историографии раннего христианства: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Барнаул, 2003.
26. Фролов Э.Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999
27. Шаляева Ю.В. Советская историография раннего христианства: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Томск, 1998.

Е.Г.Лысенко
г.Сочи

*Сочинский филиал Российского государственного
социального университета*

ПОНЯТИЕ «МАРГИНАЛЬНОСТЬ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Центром любой культуры является человек со всеми его жизненными потребностями и целями. Вследствие этого одно из важных мест в социальной действительности занимают вопросы освоения индивидом культурной среды, проблемы, связанные с достижением им высокого качества в процессе создания и восприятия культурных ценностей. Освоение культурных богатств прошлого выполняет интегрирующую функцию в жизнедеятельности каждого общества, гармонизирует бытие людей, пробуждает в них потребность в постижении мира как единого целого.

Социальное влияние культуры приобретает, прежде всего, в организации совместной деятельности людей, и, следовательно, ее регулирование определенными правилами, аккумулированными в знаковых и символических системах, традициях. Взаимодействие разных культур, этнических и расовых меньшинств, социальных слоев в XX веке было ознаменовано появлением и развитием новых течений в общественных науках — социологии, исторической антропологии, исторической лингвистике, политологии, рассматривающих вопросы маргинальности.

Роберт Эзра Парк, впервые использовавший новый термин «маргинальность» в своем труде «Человеческая миграция и маргинальный человек», [5, 881—893] вряд ли мог предположить многофункциональность и многомерность понятия. Подтвердив появление нового маргинального типа личности — (лат. *margo* — край), находящегося на грани двух различных, нередко конфликтующих между собой культур, он создал направление в социологии. В современной науке термин «маргинальность» стал использоваться в самых разных ее областях — истории, социологии, политологии, антропологии, философии, психологии. Исследователи пытаются разрабатывать концепцию маргинальности в соответствии с убеждениями, взглядами и принципами собственной науки. Этот процесс ведет к искажению родового понятия маргинальности, размытости его границ. Таким образом, «маргинальный человек» был найден не только среди представителей этнических волн 20 гг. XX века Гавайи и Южной Америки (Р.Э.Парк), но и в разных исторических эпохах, цивилизациях, культурах.

Следует определить особенности применения термина «маргинальность» в современных социально-гуманитарных дисциплинах. Социология сохраняет девственные корни. Данное промежуточное понятие определяет состояние групп людей или личностей, поставленных общественным развитием на грань двух культур, участвующих во взаимодействии этих двух культур, но не примыкающих ни к одной из них. Обычно маргиналы и маргинальная культура возникают при миграциях, вступлении в межэтнические и межнациональные браки. Примерами служат этнические и расовые меньшинства [4]. Социология выделяет маргинальный психический тип личности, который наделяет творческим потенциалом, ведь люди этого типа становятся руководителями этнических групп, национальных движений, видными деятелями культуры. Следовательно, маргинальная личность — следующее звено в цепи социальной революции. Процесс глобализации неизменно приводит к смешиванию культур, рас, государств, создавая бесчисленное множество новых представителей социальной стратификации общества.

Гендерная антропология применяет термин «маргинальность» по отношению ко многим типам социального окраинного положения, при описании положения национальных и сексуальных меньшинств, людей с ограниченными возможностями, женщин.

Культурология предлагает основные концепты маргинальности: инновации (согласие с целями общества, но отрицание социально одобренных способов их достижения); ритуализм (отрицание ценностей общества, но согласие использовать социально одобренные средства); ретритизм (одновременное отвержение и целей и средств в обществе — бродяги, наркоманы); бунт — (тотальное отрицание, ведущее к формированию новых целей, средств, новой идеологии).

Культурология предполагает, что маргинальность присуща также людям и группам, которые сознательно принимают для себя различные по характеру культурные традиции, нормы, модели поведения (этнические, конфессиональные) и отрицают необходимость следовать им в своей жизни — в ситуациях смешанных браков, миссионерства [2].

Однако не все дисциплины используют положительные критерии при толковании термина. Юриспруденция определяет маргинальность крайностью социально значимого поведения — (попрошайничество, проституция, наркомания, алкоголизм и т.п.). Политология предложила свой вариант интерпретации латинского выражения «marginal» — «отщепенец». Менеджмент предполагает, что «маргинальность» — пребывание у низшего предела: почти убыточность — для предприятия, около черты бедности — для населения; понятие необходимо для определения предельных величин при анализе экономических явлений (предельной полезности, предельной производительности, предельной ликвидности).

Психология использует термин с конца XIX века, полагая, что он необходим для определения статуса личности, которая находится между двумя отчетливыми культурными группами и сталкивается с дилеммой, к какой из них присоединиться, культурные ценности и нормы какой из них принять. Считается, что жизнь на границе вызывает значительные эмоциональные конфликты. У маргинальной личности не сформирована прочная, однозначная, согласованная система социальных идентичностей и ценностных ориентации, в силу чего, как предполагается, она испытывает когнитивные и эмоциональные проблемы, затруднения, внутренний разлад. А.В.Сухарев предложил понятие этнической маргинальности (рассогласование в системе отношений человека к элементам культуры, природной среды, «природы» человека, имеющим этническое значение), прилагаемое не только к отдельным личностям, но и к социальным группам. В первой половине XX века психология изображала маргинала исключительно как ущербную и нуждающуюся в помощи психотерапевта или психиатра личность, однако, впоследствии, представила большое количество фактов из биографий выдающихся людей, показывающих, что маргинальность служит мощным стимулом развития личности и, может быть, сознательным принципом творческой личности [4].

Следовательно, хотя концепция маргинальности сыграла важную роль в истории науки, до сих пор не существует канонического определения этого термина. В практике использования самого термина сложилось несколько дисциплинарных подходов, что придает самому понятию общий, междисциплинарный характер. В процессе развития понятия утвердилось несколько значений, относящихся к различным типам маргинальности. Нечеткость, неопределенность понятия делает сложным измерение самого явления, его анализ в социальных процессах.

Литература

1. Большой психологический словарь. М., 2004.
2. Культурология. 20 век. Словарь. М., 1997.
3. Оксфордский толковый словарь по психологии. М., 2002.
4. Социологический словарь / Под ред. Осипова Г.В. М., 1995.
5. Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago, 1928. Vol. 33. № 6.

ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В конце XX в. — начале XXI в. в среде носителей научно-исторического сознания начался процесс глубокой внутренней трансформации, которая ярко проявилась в смене интеллектуальных ориентаций и исследовательских парадигм, поиске пути преодоления крайних позиций в отношении исторического прошлого и методах его исследования. Большинство ученых видели выход в синтезе наиболее значимых элементов тех или иных концепций представителей различных школ и направлений методологии истории, которая представляла довольно пеструю картину самых разнообразных версий, как содержания, так и структуры методологии исторического исследования [9, 82].

Попытаемся рассмотреть некоторые направления в методологии истории, которые сложились в отечественной науке и уже имеют определенные наработки и традиции.

Процесс крушение марксизма породил в нашей стране широкий спектр отношения к методологии истории: от сохранения в слегка перелицованном виде марксистских, точнее «истматовских», концептуальных основ до отрицания необходимости методологии как самостоятельной учебной дисциплины и возрождение сознательного или бессознательного, позитивистско-ранкеанского представления о беспроблемности исторического познания (задача историка — собирать факты, критически анализировать их, писать) [5, 7]. По мнению Л.П.Репиной, «многое из марксистского социального анализа было воспринято немарксистами и даже враждебными критиками и нашло свое выражение в развитии целого ряда теорий среднего уровня, способных иметь дело с эмпирическими данными и конкретными ситуациями в анализе индивидуальной и групповой деятельности, сочетая анализ структур с изучением общественного сознания» [15, 5].

Важным направлением в методологии истории стало формирование так называемого постмодернизма, возникшего в исторической науке под влиянием интенсивного использования в исторических исследованиях источников литературного происхождения с помощью теорий и методов, заимствованных из современного литературоведения и лингвистики. Постмодернистская парадигма распространила свое влияние на все сферы гуманитарного знания и поставила под сомнение сложившиеся представления об исторической реальности, об идентичности историка, его профессиональном суверенитете; критерии достоверности источника (размыв границ между фактом и вымыслом), веру в возможность исторического познания и стремления к объективной истине.

Процессы, происходящие в отечественной исторической науке привели к «раскованности мысли и воображения историков, обращению к любым исследовательским стратегиям, созданным современной наукой, пристальному вниманию к историческим текстам, развитию диалогических форм исторического познания, его эстетизации, расширению и переосмыслению междисциплинарных связей в изучении прошлого, бурному распространению микроисторических исследований и многому другому, из которого может вырасти новая парадигма истории, отвечающая современным научным и социальным реалиям» [6, 4]. Наряду с этим, по мнению некоторых исследователей, началось разрушение целостности исторической науки, признаком которого стало возникновение множества «субдисциплин» от клиометрии до психоистории, представлявших угрозу существованию истории как науки (Н.Б.Селунская, Л.П.Репнина, Б.Г.Могильницкий).

Под влиянием наметившихся тенденций, в рамках поиска наиболее эффективного научно-исторического метода начались серьезные изменения в сфере профессионального сознания и самосознания историков. «Постмодернистский вызов» заставил пересмотреть традиционно сложившиеся представления о собственной профессии, о месте истории в системе гуманитарно-научного знания, о ее внутренней структуре и статусе ее субдисциплин, о своих исследовательских задачах. Угроза социальному престижу исторического образования, статусу истории как науки обусловила остроту реакции и довольно быструю перестройку рядов внутри профессионального сообщества, а психологический аспект переживания смены парадигм сыграл в этом процессе решающую роль.

В рамках постмодернизма складывается так называемый метаисторический метод, который в отечественной науке метаисторический подход представлен работой экономиста И.В.Можайсковой, которая посредством метаисторического анализа пытается выявить закономерности развития экономических систем. Суть ее теории заключается в интеграции знаний современной науки и религии, с целью формирования адекватного миропонимание. Таким образом, была предпринята попытка «соединить религиозные знания с конкретным историческим материалом русской истории многих столетий», а также историей других цивилизаций.

Наука и религия, по мнению автора метаисторического анализа цивилизаций, представляют собой дополняющие друг друга способа познания мира. Они отличаются своими целями, формами деятельности, но их совмещение, по мнению И.В.Можайсковой вполне оправдано, так как оно имеет место в сознании и в душе конкретного субъекта. Ученый, занимаясь разработкой той или иной проблемы, может получить

сигнал — интуицию, догадку, гипотезу из высших, Божественных сфер, и развивать их как научное знание, используя характерные для науки способы деятельности, аргументы, доказательства и эксперименты. Вера дополняет науку через постижения, ощущаемые верующим ученым как откровения, через его стремление как можно лучше и честнее выполнить свое дело, реализуя «Божий промысел».

И.В.Можайскова, в процессе апробации своего метода интегрирует «новые методологические подходы к пониманию смысла истории, которые появились только в XX в. (цивилизационная школа, школа «Анналов»)), с теми наработками, которые обозначились в русской религиозно-философской и мистической литературе», вынуждена констатировать, что такой подход «требует художественно-поэтических форм для своего выражения» [7, 595—597]. По мнению С.Г.Кирдиной, «этим ставится преграда дальнейшей формализации метаисторического анализа цивилизаций, а, следовательно, и использованию данного подхода другими исследователями, он становится авторской точкой зрения, персональной метафорой, методически нерасчленимым образом». В своих работах И.В.Можайскова отражает современную тенденцию российского обществоведения поиска научного знания «за пределами предмета», что выражается в распространении междисциплинарных исследований и отражает попытки субъекта научно-исторического сознания, особенно старшего поколения, вырваться из тисков марксистской парадигмы.

Влияние постмодернизма на отечественную историографию выразилось в развитии такого метода как устная история. Основа исторических знаний в этой области являются свидетельства, полученные от живого человека, а не из письменных документов. По мнению представителей этого подхода, устные свидетельства должны выступать в качестве полноценных исторических источников и корректировать данные, как письменных источников, так и представления самих историков [14, 35].

На формирование методологии устной истории оказывают влияние несколько факторов: современные условия развития науки; специфика избранного ареала источников, а так же профессионализм историка в период сбора и анализа материала. Историк, занимающийся сбором информации должен в совершенстве владеть знанием по изучаемому предмету и из других официальных источников. При беседе с респондентами необходимо учитывать их возраст, социальный статус и их происхождение.

Устная история как метод нередко рассматривается как деструктивный фактор, так как она заменяет «императив науки» на «логику памяти». В связи с этим в гуманитарных науках актуализируется проблематика аутентичности источника, поскольку, с точки зрения Н.Б.Селунской, пересмотр приоритетов структуры источниковой базы исторических исследований влияет на развитие методологии источниковедения, стимулирует разработку проблем, переоценку роли источников личного происхождения, инициирует методологию исследования «свидетельств живого наблюдателя», участника событий, для процесса исторического познания [10, 35—36].

Неудовлетворенность эвристическими возможностями существующих методологических теорий, дала толчок дальнейшим попыткам объяснить исторический процесс и неудачи в реформировании с точки зрения социокультурных особенностей страны. Наиболее полно и последовательно социокультурный подход представлен в работах отечественных исследователей А.С.Ахизера и Н.И.Лапина. Правомерность отнесения работ названных авторов к социокультурному подходу подтверждается тем, что они свои исследования идентифицируют с этим направлением. Особенности этого подхода заключаются в универсализме, позволяющем рассматривать культурные, политические, хозяйственные, и прочие элементы общественного целого. Одновременно сущность социокультурного подхода, по определению Н.И.Лапина, состоит в рассмотрении общества как единства культуры и социальности. Согласно его определениям, под культурой в данном случае понимается совокупность способов и результатов деятельности человека, в том числе идеи ценности, нормы, образцы, а под социальностью — совокупность взаимоотношений социальных субъектов.

Следующая особенность социокультурного подхода состоит в том, что он имеет многомерный характер, и может объединять в единое целое, например, цивилизационный и формационный подходы, или же историческое и социологическое рассмотрение общества. Это позволяет принимать во внимание «всю сложность и реалистическое многоцветье палитры социальной жизни». В центре внимания социокультурного подхода находятся человек активный являющийся многомерным био-социо-культурным существом и субъектом действия, а также его нравственность и ценности, составляющие основание любой культуры.

В рамках этого подхода предпринимается попытка выявить сущностные ценностные и этические характеристики социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом, поскольку культура, как справедливо замечают сторонники данного подхода, пронизывает все без исключения состояния социально-экономической жизни. В социокультурном подходе обязательно присутствует сопоставительный анализ изучаемых ценностей социальных групп, с одной стороны, и социокультурных характеристик общественного целого — с другой.

В исследованиях А.С.Ахизера, основным объектом анализа является раскол социокультурной целостности, выражающийся в борьбе этих противоположных идеалов — вечевое (соборное, «либерального») и авторитарное (абсолютистское, тоталитарное). Раскол между ними обуславливает, по А.С.Ахизеру, невозможность медиации, но задает циклическое инверсионное развитие. В ходе каждого исторического цикла осуществляется переход от одной крайней точки инверсии — от вечевого идеала к авторитаризму — и обратно.

Развитие представляет собой поиск постоянного компромисса между этими полюсами, более удачный — в период развития страны — и менее удачный — в период катастроф. Именно расколу, по мнению А.С.Ахиезера, принадлежит главная роль в возникновении общественных и экономических кризисов.

Несмотря на некоторые различия в исходной модели общества, которую разрабатывают Н.И.Лапин и А.С.Ахиезер, развиваемые ими подходы к изучению российской хозяйственной истории и современности весьма схожи.

Значение социокультурного подхода заключается в том, что, акцентируя внимание на глубинных исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структурах нашего социума, задающих объективные границы для трансформации российского общества, выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить отклонения реального хода реформ от задуманных планов, объясняя многообразие проявлений магистральных социально-экономических процессов в различном культурно-историческом контексте.

Другим направлением в контексте поисков новой методологии явилось изучение «истории коллективных ментальностей», которая раскрывает эмоциональные, инстинктивное и имплицитное — то есть те области мысли, которые подчас не находят прямого выражения. Причинами, подтолкнувшими ученых к проблеме изучения ментальностей стали развитие количественных методов среди французских историков, ориентация на источники, составляющие большие серии и имеющие широкие хронологические рамки, позволила осуществить изучение изменений в менталитете на основании некоторых видов источников, например личного происхождения. Вторая причина — в растущем и многостороннем влиянии культурной антропологии и антропологов на практику историков [13, 36].

В отечественной науке обращение к «теории ментальностей» связано с пережитым в стране «социальным стрессом» конца XX века. Менталитет отечественные историки отождествляли с групповым сознанием, и исторической памятью, социальной психологией, поведенческими мотивами, мировоззрением и т.д. Как методологическая категория исторического исследования менталитет имел место в работах отечественных историков: А.Я.Гуревича, Ю.Л.Бессмертного, Б.Н.Миронова и др.

В работе Ю.Л.Бессмертного под менталитет представлен совокупностью образов и представлений, которыми руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы, и в которой выражено их понимание мира [1, 45].

Еще одним направлением в методологии истории являются гендерные исследования. Необходимо отметить, что теоретико-методологические положения гендерной истории на сегодняшний день являются предметом многочисленных дискуссий, как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Ярким примером повышенного внимания к этой проблематике стал рост числа публикаций и выпуск альманаха «Адам и Ева» [8, 153—162]. Гендерные исследования стали новым этапом сближения истории и литературы, поскольку методологические проблемы гендерных исследований связаны с анализом литературных текстов, выявлением соотношения «художественного образа» и исторической действительности [11, 38].

Проявлением постмодернизма стала так называемая микроистория, предметом которой становится «незримое», (где гендер, как составная часть, тоже нашел свое выражение и значимость) то, что всегда оставалось в тени, но оказывало непосредственное воздействие на исторический процесс. Главный принцип такого исследования заключается в освещении неизвестных фактов, которые должны дополнить ранее описанную картину того или иного исторического события. В контексте методологии микроистории происходит поиск некоего набора значимых символов, которые впоследствии должны встраиваться в определенную объясняемую структуру. Такой подход, по мнению его сторонников, позволяет делать далеко идущие выводы на основании микроскопического анализа мимолетных событий [12, 34].

Другим методологическим направлением является «многолинейная концепция всеобщей истории и многоуровневая сетевая модель глобальной истории», в которой учитывается разнообразие вещно-энергетических, ролевых, знаково-символических агентов исторических изменений и главное — взаимность любых воздействий на мировом поле взаимодействия исторических сил» [2, 29]. Глобальная история как метод изучения прошлого и прогнозирования будущего, стала выделяться из всеобщей истории в результате нарастающих темпов распространения постмодернистских тенденций в 60—70-е годы XX века. Основной чертой этого направления является понимание и рассмотрение исторического процесса как целостной системы через призму взаимодействия различных культурных общностей.

В рамках глобальной истории выделяется несколько направлений, отличающихся кругом проблем и методами их решения: теория универсального эволюционизма (интеграция идей антропологии, экологии, синергетики (Э.Янч, Н.Н.Моисеев); миросистемная теория (Ф.Бродель, И.Валлерстайном), в центре внимания которой был Мир как целое и эволюция социальных процессов в контексте глобального целого, критика европоцентризма. В рамках этого метода произошла переоценка значимости и влияния Востока на мировую историю. Третье направление — метод исторической геополитики или историко-политический анализ.

Метод универсального эволюционизма в отечественной науке представлен в работах Н.Н.Моисеева и А.П.Назаретяна, которые ставят своей целью «создание различных сценариев развития общества при более осознанном использовании достижений синергетики».

В России миросистемный подход используется при «анализе исторической преемственности и дискретности в истории досоветской, советской и постсоветской России и мирового контекста текущих преобразований в нашей стране (в связи с ее изменяющимся статусом.)» [3, 25]. По мнению представителей этого подхода «адекватной формой осмысления проблемы глобальности является Новая наука, в состав которой входят наряду с классической наукой синергетические и постмодернистские подходы, богословие и эзотерические верования» [17, 23—24].

В центре внимания третьего направления предпосылки и процесс складывания двухполюсного мира, а так же закономерности перехода от многополюсности к двухполюсности. В отечественной науке историко-политологическое направление сосредоточено, прежде всего, на истории России как мировой империи, развивавшейся как противовес западноевропейской капиталистической системе, пытавшейся создать политическую альтернативу Западу. К представителям этого направления относятся такие ученые как А.И.Фурсов, Ю.Л.Пивоваров, В.И.Пантин, В.В.Лапкин, И.Г.Яковенко и др.

На наш взгляд, в контексте данного исследования, необходимо обратить внимание на такое направление в исторической науке, как «альтернативная история», которая также является составным элементом постмодернистской парадигмы. В основе альтернативной истории лежит механизм сочетания недетерминированного и индетерминированного в истории, который Ю.М.Лотман описал в своей статье «Изыявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе)» используя идеи И.Пригожина. По мнению Ю.М.Лотмана, «динамические процессы, протекающие в равновесных условиях, совершаются по детерминированным кривым. Однако по мере удаления от энтропийных точек равновесия движение приближается к критическим точкам, в которых предсказуемость течения процессов понижается. В этих точках процесс достигает момента, когда однозначное предсказание будущего становится невозможным. Дальнейшее развитие осуществляется как реализация одной или нескольких равновероятных альтернатив. В этот момент решающую роль может сыграть случайность... В точках бифуркации вступают в действие не только механизмы случайности, но и механизмы сознательного выбор, который становится важнейшим объективным элементом исторического процесса. В эти моменты поведение отдельных людей, как масс, перестает быть автоматическим, предсказуемым, детерминация отступает на второй план. Историческое развитие следует в эти моменты мыслить не как траекторию, а в виде континуума, потенциально способного разрешиться рядом вариантов. Эти узлы с пониженной предсказуемостью являются моментами революций или резких исторических сдвигов. Выбор того пути, который действительно реализуется, зависит от комплекса случайных обстоятельств, но еще более от сознания актантов» [16, 65]. Таким образом, в истории присутствуют моменты, когда будущее развитие зависит и от случая, и от мыслей и поступков участников событий, становясь не неизбежной, а альтернативной. Можно назвать ряд отечественных представителей научно-исторического сознания, работающих в этом направлении: Л.Баткин, С.Экштут, А.Оболонский и др. В работах этих ученых в рамках альтернативной истории рассматриваются ключевые исторические события, и происходит попытка проанализировать те или иные пути дальнейшего исторического развития. На наш взгляд, альтернативная история как метод исторического познания более активно и плодотворно проявляется в прогностической функции исторической науки.

Другим направлением поиска новой методологии истории стала так называемая теория модернизации, которая стала разрабатываться с конца 50-х до начала 70-х годов XX в. в рамках теории вестернизации, основанной на идее универсальности западного либерализма, полагавшего, что все страны и народы проходят одни и те же стадии роста. Под модернизацией в широком смысле подразумеваются социально-экономическо-технологические революции, которые меняют уклад того или иного социума, вступившего на путь модернизации. Существует точка зрения представителя, которой рассматривают процесс модернизации как процесс включения незападных, неевропейских цивилизаций в сферу влияния западноевропейской цивилизации. В силу этого, модернизация в узком смысле представляет собой продукт эволюции западной цивилизации, которая неотделима от освоения и распространения своего влияния на другие страны [4, 10—11].

На сегодняшний день теория модернизация широко представлена в отечественной науке и существует ряд работ изучающих историю нашей страны в рамках этой концепции. История России, с точки зрения теории модернизации, рассматривается как процесс трансформации аграрного общества в индустриальное общество, со всеми вытекающими отсюда последствиями [18, 15—16].

Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что проблема поиска наиболее эффективного метода исторической науки актуальна и состоит из различных направлений, сформировавшихся под влиянием постмодернизма. Все выше обозначенные направления являются дискуссионными в среде научно-исторического сообщества и находятся в разработке. Особенностью современного метода изучения исторического прошлого стала междисциплинарность. Историческая наука на новом философском уровне возвращается к ценностям точного знания, доказательности, включается в обсуждение научных гипотез и точек зрения с представителями других областей научного знания.

Литература

1. Бессмертный Ю.Л. Кризис «Анналов»? Споры о главном: Дискуссии и настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 4.
2. Ионов И.Н. Основные направления и методология глобальной истории // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 29.
3. Ионов И.Н. Основные направления и методология глобальной истории // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 25.
4. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.; РОССПЭН. 1998. С. 10—11.
5. Могильницкий Б.Г. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 7.
6. Могильницкий Б.Г. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 4.
7. Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России. (Опыт метаисторического исследования). Т. 4. С. 595.
8. Репнина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история // Адам и Ева: Альманах гендерной истории, вып. 1, 2. М., 2001, 2002. С. 153—162.
9. Русакова О.Ф. Предмет философии и методологии истории // Философия и общество. 2001. № 3 С. 82.
10. Селунская Н.Б. Методологические знания и профессионализм историка. Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 35—36.
11. Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка. Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 38.
12. Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка. Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 34.
13. Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка. Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 36.
14. Цит по: Селунская Н.Б. Методологические знания и профессионализм историка. Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 35.
15. Цит. по: Б.Г.Могильницкий. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 5.
16. Цит. по: Харитонович Д.Э. Альтернативная история. Лекция 2. Рассуждения о методе // Искусство и кино. 2003. № 2. С. 65.
17. Чешков М.А. Глобальное видение и Новая наука. М., 1998, С. 23—24.
18. Эволюция государственных и правовых институтов в современной России: Ученые записки. Вып. I / РГЭУ (РИНХ). Ростов н/Д., 2003. С. 15—16.

Е.П.Невельская-Гордеева

г.Харьков

*Национальный университет Юридическая академия Украины
им. Ярослава Мудрого*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АГИОГРАФИИ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ ДИОДОРА ЮРЬЕГОРСКОГО)

Агиография — жизнеописания святых христианской церкви. Не только для художников и литературоведов, но и для историков, житийное описание — источник информации (и не только в рамках методов искусствоведческого анализа и семиотического). Проблема — в методологических походах к анализу этих текстов. В советское время утверждалось, что жития святых нельзя рассматривать в качестве надежного исторического источника [3]. Сегодняшние историки, напротив, активно изучают житийные тексты. Проблема лежит не в том, что современному ученому—историку сложно поставить себя на место человека, жившего даже 400 лет назад, вжиться в его картину мира, и вовсе не потому, что человек с мобильным телефоном и скайпом неспособен познать тяготы крестьянского быта, и не потому, как говорил Ж.Лакан, что одно и то же событие может быть оценено совершенно различно: «взятие Бастилии» — в одну эпоху, и «падение Бастилии» — в другую» [8], а потому, что человек представляет собой соединение трех компонентов: тела, души, духа [9] и нам, не живущим жизнью духовной, никогда не понять людей духовных. Марксистская философия духовной жизни не фиксировала: тело и душа, биологическая составляющая человека и социальная, но не было духовной составляющей, гармонизирующей все остальное.

Житие святых — особый вид литературного творчества, агиография — научная историко-богословская дисциплина. Объект ее исследования — человек, воплотивший в своем земном пути высший нравственный идеал человеческого бытия. Предмет исследования — феномен святости как высшего проявления человеческого

духа [4]. В.О.Ключевский рассматривает житие святого как пример земного носителя идеала духовной жизни: «Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными спутниками, даже путеводителями, и люди целые века благоговейно почитают их память, чтобы не забыть правила, ими завещанные» [6, 310].

Рассмотрим житие святого Диодора Юрьегорского (Каргопольского). Перед читателем предстает человек необычайной душевной чистоты, высокой силы духа, предельной нестяжательности (ничего не имея сам, блаженный не пожалел даже монастырского имущества, хотя ревность по дому Божьему всегда была ему присуща — но духовный мир между братией важнее имущества).

Отца Диодора звали Ерофеем, а мать — Марией. В житии родители подвижника называются благочестивыми, что свидетельствует о глубокой вере их, любви к Богу и ревностном исполнении Его заповедей. Очевидно, семья Диомида (такое имя было наречено ему при святом крещении) была не исключением из общего правила, а типичным образцом православной жизни Каргополя. В подтверждении этого тезиса можно привести следующие исторические факты и логические рассуждения:

1. Каргополь получил официальный статус города в 1613 г. К 17 веку в Каргополе насчитывалось более 20 храмов. В описаниях Каргополя, относящихся к XIX веку и началу XX, очевидцы не раз высказывали не только удивление, но и восхищение обилием церквей: перед революцией при населении около трех тысяч человек, в городе было двадцать две каменных и деревянных церкви, и два монастыря (для сравнения — на 2012 г. в Каргополе насчитывается около 11 тысяч жителей и 2 действующих храма из 11 сохранившихся). В начале XX в. местный краевед Ф.К.Докучаев-Басков писал: «Здесь чувствуется веяние и своеобразная мощь древней Руси... Это маленький, но цельный образчик древней Руси... живая страница истории!» [цит. по 12]. Образчик Руси демонстрировал необычайную приверженность каргопольцев к Божьему храму, к монашествующим — монахинь называли не иначе как невестами Христовыми [5]. В монашество гнала не бедность (известны случаи как из знатных и богатых семей дети по своему желанию шли в монахи, даже против воли родителей — например, Пимен многоболезненный Киево-Печерский), не одиночество (известны случаи, когда один из супругов оставлял семью ради монастырской жизни, например, Алексей человек Божий, блаженная Пелагия Ивановна Девеевская) — но вера и духовный поиск спасения. Рационалисту, незнакомому с духовной жизнью, представляется, что в монашки идут только старые девы, однако в житии святого Серафима Саровского рассказывается, что молодую девушку, приехавшую за благословением выйти замуж, преподобный благословил в монастырь, а уже немолодой женщине, хотевшей стать монахиней, дал благословение создать семью.

2. Картина мира, мировоззрение людей раскрывают сущность массового сознания. Множество церквей — не погоня за количеством, а материальное (точнее — надматериальное) отражение высокой духовной жизни. Воздух, пропитанный благочестием, влияет и на атеистов, и на ученых-историков, и на литературное творчество.

Современному историку-рационалисту [1] сложно понять сюжеты жития святого, отражающие духовную сущность жизни, а не душевную, или телесную:

«Историки путают даже то, как звали преподобного — то ли Диомид, то ли Дамиан, то ли Диодор, путая его мирское, монашеское и схимническое имена» — для агиографии это допустимо — если святой принял схиму или монашеский постриг незадолго до смерти, либо принял тайно — его чаще называют по предыдущему имени (пример — Александр Невский, в схиме — Алексей, Митрофан Воронежский, в схиме — Макарий, великая княгиня Ольга — в крещении была Еленой, и т.д.).

2. Далее автор, забывая о том, что Диомид воспитывался в благочестивой семье, пытается связать уход его, а затем и его отца и брата, с экономическим положением — голодом: «начало XVII в. для Руси стало временем серьезных бедствий вследствие тяжелого неурожая 1601—1603 гг. и страшного голода. По источникам того времени нам известно, что массы крестьян шли в монастыри, чтобы хоть как-то прокормиться работой. Если наше предположение верно, то временем появления преподобного на свет следует признать период между 1586 и 1588 гг., а его пострижение относится к 1605—1607 гг. Косвенно его подтверждает и Житие Диодора, сообщающее, что позднее в обитель пришли его отец Ерофей и брат. Вероятно, они также спасались от голода за стенами обители» [1]. Однако, как говорят монашествующие, если Бог не призвет, то в монастырь никто не пойдет. Экономические причины не могут служить причиной ухода в монастырь, а лишь, в отдельных случаях, поводом. Поскольку ничего не сказано про жизнь матери преподобного, можно предположить, что, овдовев, отец святого решает принять монашеский постриг. И.М.Концевич пишет, что ревность к отшельничеству Диодор «получил под влиянием рассказов своего отца, тоже инока, о житиях отшельников, после его кончины, ушел он в лес» [7], не отрицая и влияния старца Иосифа, под духовным руководством которого окормлялся преподобный Диодор Каргопольский.

3. «Работа в монастырской хлебне и поварне, а затем в квасоварне оставляла ему довольно много свободного времени...» [1] — сразу чувствуется, что сам автор никогда в монастыре не жила — в монастыре время на сон и отдых сведено до предельного минимума: день дан для работы, а ночь — для молитвы — говорил святой XX ст. Амфилохий Почаевский. А вот, что говорит монах, подвизающийся в XXI ст.: «преподобный Иоанн Кассиан Римлянин долго живший среди египетских монахов, говорит, что сутки монаха должны

делиться на 4 равные части: 6 часов необходимо уделять чтению Священного Писания, 6 — молитве, 6 — рукоделию и столько же сну. Понятно, что это идеал, не учитывающий время, которое мы, по необходимости, тратим на что-то другое — на прием пищи, на стирку и проч., ...но важен сам принцип...» [2].

«Он полюбил монастырскую жизнь и трудился в славной обители три года, проходя разные службы с полным послушанием, без всякого прекословия и ропота, за что и любим был всеми. Со страхом Божиим и смирением стоял Диомид в храме, слушая священное пение и чтение» — читаем в житии преподобного. Усердное исполнение возлагаемых на него послушаний: работы в хлебне и поварне никогда не считались легкими, усердное посещение монастырских служб — все это реально забирает очень много сил и времени. Вспомним житие святого Нектария Оптинского (в миру Николай Васильевич Тихонов). У Николая начались сильные головные боли из-за того, что не хватало времени на сон: «Утренняя в Скиту начиналась около часа ночи и продолжалась до половины четвертого утра. Нелегко было мирскому юноше привыкать к строгому уставу святой обители. Простояв на молитве ночь, он приходил в храм полусонный. Случалось, опаздывал в церковь и ходил с заспанными глазами. Братия жаловались на него старцу Амвросию, на что он отвечал: «Подождите, Николка проспится, всем пригодится» [11]. Этот пример ставит под сомнение предыдущее суждение о наличии много свободного времени у Диодора.

5. «Он был без сознания и настолько плох, что к нему даже привели духовника. Тем не менее, юность взяла свое. Дамиан поправился» [1]. Встречающиеся в середине 19 века представления о том, что причащаться надо только перед смертью, относятся к разряду заблуждений. Вспомним преподобного Серафима Саровского: «Кто причащается, на всяком месте спасен будет. А кто не причащается — не мню» [10].

6. «Отец Александр представил его царской матери великой инокине Марфе. Она заинтересовалась Дамианом, поскольку встреча с ним живо напомнила царице о том времени, когда в правление Бориса Годунова ее насильственно постригли и сослали в Заонежье. Она велела снабдить Дамиана церковной утварью, богослужебными книгами, колоколами и дала ему 200 рублей» [1]. Современное рациональное сознание все пытается объяснить с сугубо рациональных или психологических позиций. Между тем принято было жертвовать на монастыри и без всяких воспоминаний, тем более на вновь создаваемые: неслучайно ведь в житии подвижника инокия Марфа называется благочестивой.

Для историка важны даты, для агиографического изложения даты второстепенны, главное — духовная жизнь человека. Методологический подход, основанный на рассмотрении личности как трехкомпонентной структуры: дух, душа, тело, — позволяет адекватно анализировать житийные тексты и не отступать от истины в исторических исследованиях.

Литература

1. Аверьянов К.А. Диодор Юрьегорский // Сб. «Сельская Россия: прошлое и настоящее». М., 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kenozerje.17-71.com/diodor.htm>
2. Арсений (Соколов), игумен. Слово Божие реальность, созидающая церковную жизнь. Интернет-портал «Татьянин день», 20.12.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1953021.html>
3. Атеистический словарь / Под общ. ред. М.П.Новикова. М.: Политиздат, 1986.
4. Иноземцева З.П. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Опубликовано в журнале «Отечественные архивы». № 1 (2005 г.).
5. Кимаев Ю.И. Понятие греховности и праведности в бытийности Каргопольского Успенского девичьего монастыря» в сб. «Святые и святые северорусских земель (по материалам УП научной региональной конференции)». Каргополь, 2002.
6. Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. 621, [2] с.
7. <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1560/t/index.html> — 34 Концевич И.М. Стяжание Духа Святаго в путях древней Руси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/10k/kontcevich/kontcevich1/kontcevich1.pdf>
8. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. 56 с.
9. Лука (Войно-Ясенецкий), епископ. Дух, душа, тело. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1997. 132 с.
10. Почему ты не ходишь в церковь? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ksenia.mrezha.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=51
11. Старцы Оптиной пустыни [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.optina.ru/starets/nektariy_life_full/#6
12. Федоров Б.Н. Каргополь и его окрестности. Л.: Художник РСФСР, 1978. 80 с.

ЛИНГВИСТИКА ‘+’ ИЛИ ‘-’ ИСТОРИЯ? ФЕРДИНАНД ДЕ СОССЮР О РОЛИ ДИАХРОНИИ

Открыв широкий фронт для реформ в области теоретической лингвистики, в ходе осуществляемой им «семасиологической революции» [2, 59—60], Ф. де Соссюр не мог не столкнуться с проблемами, которые затрагивали отношения между историей и языком. Концептуальный фон для размышлений Ф. де Соссюра над феноменом историчности языковой системы был представлен разнообразными и чрезвычайно влиятельными в лингвистике того времени доктринами младограмматизма (*Junggrammatiker*), в которых история рассматривалась как безусловная теоретическая доминанта в науках о языке. Основные идеи младограмматизма изложены в трудах таких немецких лингвистов, как К.Бругман, Г.Остгоф, Г.Пауль, Б.Дельбрюк. В частности, один из признанных каноников младограмматизма Г.Пауль отмечал, что «вообще неизвестно, как можно с успехом рассуждать о языке, не добывая сведений о его историческом становлении» [4, 43]. Попытки младограмматиков редуцировать всю без исключения область лингвистических исследований к истории языка, поскольку помимо исторического не существует никакого другого способа научного изучения языка [4, 42], стали отправной точкой для критики и рассуждений Ф. де Соссюра, сложившихся в оригинальную лингвистическую теорию — структурализм.

К сожалению, в современном языкознании при обращении к идеям структурализма своеобразным общим местом стало верование о свойственном Ф. де Соссюру невнимании и даже намеренном манкировании вопросами истории языка. Такие верования весьма распространены в среде современных языковедов, однако их обоснованность вызывает серьезные сомнения, особенно если принять во внимание *Три Женевские Лекции* Ф. де Соссюра (ноябрь 1891 г.), в которых он недвусмысленно высказывается об отношениях лингвистики и истории: «По мере того как все лучше стали понимать истинную природу фактов языковой деятельности, которые вроде бы так очевидны, но тем больше трудностей представляют для осмысления их сути, становилось все более ясным, что наука о языке является исторической, и только исторической, наукой. Именно на эту принадлежность к историческим наукам приходится ссылаться для того, чтобы обосновать уместность лингвистических исследований на филологическом факультете [курсив мой. — А.Н.]» [8, 39]. В частности, утверждение о том, что Ф. де Соссюр «отдавал приоритет синхронии перед диахронией» [1, 9], зачастую трактуется чрезмерно расширительно как свидетельство *анти*историцистского по своей сути исследовательского подхода структурализма к проблемам языка. Алгебраический образ языка [9, 154], а также идея о том, что все в языке есть только отношения [9, 150], которыми активно пользовался в своих лингвистических штудиях Ф. де Соссюр, служат при этом, пожалуй, основным источником для упрощенных, а иногда и откровенно ложных толкований соссюрианской версии структурализма. Наряду с невниманием к аутентичным высказываниям самого Ф. де Соссюра (содержащимся, например, в его *Заметках по общей лингвистике*), поскольку канонический текст *Курса общей лингвистики*, как известно, не был составлен им лично, а воссоздан его последователями Ш.Балли и А.Сеше. Однако каковы же были в действительности взгляды Ф. де Соссюра на историю и ту роль, которую она играет для системы языка?

Исследуя вопросы языковых изменений, или движения языка (т.е. проблемы так называемой «диахронической лингвистики»), Ф. де Соссюр выдвигает важнейший принцип, определяющий характер отношений между языком и историей. Так, он недвусмысленно отвергает любые ретроспективно понимаемые идеи о «наследственности» в языке, замечая, что причины, влияющие на состояния языка (т.е. непосредственно на его языковые формы) в прошлом не должны нами рассматриваться как причины, что-либо говорящие о его современном состоянии: «...каковы бы ни были эти причины в прошлом, они ничего не могут изменить в современном состоянии языка, о котором идет речь, и они также бессильны что-либо изменить в том будущем состоянии, которое возникнет на основе современного...» [8, 51]. Более того, Ф. де Соссюр специально разъясняет, что: «*диахронические факты носят частный характер* [курсив мой. — А.Н.]; сдвиги в системе происходят от действия событий, которые не только ей чужды, но и сами изолированы и между собою не образуют системы» [9, 127]. Казалось бы, эти и другие подобные им утверждения должны скорее свидетельствовать в пользу распространенных среди языковедов верований о скептическом отношении Ф. де Соссюра к историческим измерениям языковой системы. Это правда, но не вся. Структуралисты, и Ф. де Соссюр в частности, действительно весьма скептически настроены в отношении эвристических возможностей ретроспективной грамматики (этимологии), но это вовсе не предполагает небрежения вопросами диахронии и истории языковой системы. Как раз таки наоборот, именно здесь структуралистская лингвистика Ф. де Соссюра разрабатывает серию очень тонких различий, фиксируемых для понятий «история языка», «изменчивости языка» и «произвольности языкового знака», непонимание и вульгаризация которых неизбежно ведет к искажению до неузнаваемости всех принципов структурализма.

Согласно Ф. де Соссюру, *история* действительно не служит средством объяснения языковых изменений, но именно *история* позволяет открыть более надежные основания для изучения языка — того, что было названо им синхронией, или одновременным существованием языка как системы: «язык должен опираться на совокупность одновременных форм, чтобы создать новую форму <...> вы еще лучше уясните себе истинность нашего принципа, заключающегося в том, что морфологии всегда надо оставаться в пределах одной эпохи, даже если речь идет об изменениях» [7, 77]. Более того, он специально разъясняет ход своей мысли, указывая, что «объединение исторической и этимологической морфологии невозможно, потому что *этимологическая морфология является настоящим отрицанием исторического принципа* [курсив мой. — А.Н.]» [7, 76]. Таким образом, исторический принцип структуралистской лингвистики Ф. де Соссюра отличен и не может быть редуцирован к требованиям ретроспективного анализа (свойственным, например, для этимологических исследований). Но в чем именно тогда он должен заключаться? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо обратиться к центральному положению всей лингвистики Ф. де Соссюра — принципу произвольности языкового знака, именуемому самим Ф. де Соссюром «основным законом языка» [6, 101]. Семиологическое понятие языкового знака и принцип его произвольности принято рассматривать в качестве концептуального ядра всей структуралистской лингвистики Ф. де Соссюра (хотя стоит отдать должное, сам Ф. де Соссюр неоднократно указывал на источник заимствования этой идеи — американского лингвиста У.Д. Уитни); по крайней мере, именно такой точки зрения придерживаются наиболее авторитетные соссюроведы — Р.Годель, Р.Амакер, А.Фрей, Т. де Мауро, Ж.Мунен [3, 109]. Именно это положение позволяет корректно истолковать и связать в единое целое все утверждения, которые делались Ф. де Соссюром о природе языка, связи синхронии и диахронии, изменчивости языка и роли языкового сообщества.

Принцип произвольности языкового знака Ф. де Соссюра устанавливает взгляд на язык как на систему, в которой отсутствует любая положительная значимость: «осмелимся утверждать, что самым фундаментальным законом языка является положение о том, что *один член никогда сам по себе ничего не значит (это прямое следствие того, что языковые символы не связаны с тем, что они должны обозначать)* [курсив мой. — А.Н.] <...> оба члена имеют ценность только в силу своих *отличий* друг от друга» [6, 101]. Это значит, что для Ф. де Соссюра в «языке нет ничего, кроме различий» [9, 152]; он представляет собой систему одних только негативных различий, где *каждый знак составляет только то, что его отличает от всех остальных знаков* [9, 154]. Причина этому проста и очевидна: наша мысль неспособна принять во внимание ничего, кроме различия. Вот как Ф. де Соссюр высказывается на сей счет в своих *Заметках по курсу общей лингвистики*: «дело в том, что элементы *a* и *b* как таковые по отдельности никак не могут дойти до нашего сознания, которое всегда *воспринимает только различие a|b* [курсив мой. — А.Н.]» [6, 102]; и еще, на сей раз уже из канонического текста *Курса общей лингвистики*: «термины *a* и *b* по самой своей сути неспособны проникнуть как таковые в сферу сознания, которое всегда *замечает лишь различие a:b* [курсив мой. — А.Н.]» [9, 150].

Теперь, принимая во внимание принцип произвольности языкового знака и тесно связанного с ним постулата о различии как подлинной природе языка, а также активно используемый Ф. де Соссюром алгебраический образ языка, — согласно которому каждое синхроническое состояние языковой системы можно уподобить математическому уравнению, где между определенными составляющими его единицами распределено целое значение функции, описываемой данным уравнением, — становится возможным корректно реконструировать взгляды Ф. де Соссюра на ту роль, которая исполняется историей для системы языка. Пожалуй, самое тонкое и точное из описаний алгебраического образа языка, используемого Ф. де Соссюром, можно найти в его *Заметках по общей лингвистике*: «Синхронное состояние складывается из определенного числа *членов (termini)*, которые распределяют между собой материю, подлежащую означиванию» [5, 151].

Рассматривая язык как сложное алгебраическое уравнение, Ф. де Соссюр вовсе не ставил перед собой задачу нивелировать и принизить исторический принцип, скорее наоборот, он был ему совершенно необходим, поскольку позволял внести в этот алгебраический образ то, что и составляет подлинную природу языка — *различие и различимость*. Так, если мы имеем перед собой два уравнения: (1) « $x^2y - xy^2z + xz = xy + x^2z$ », (2) « $xy - y^2z + z = y + xz$ », — нам не следует думать, что они тождественны, принимая во внимание то, что (2) является упрощенной формой (1), и уж тем более полагать на этом основании, что (1) есть причина или даже условие для (2), напротив, для подхода, свойственного структуралистской лингвистике Ф. де Соссюра, они различны. И единственный способ их различить между собой и противопоставить друг другу — это диахрония! В данном случае наш пример с уравнениями не стоит воспринимать буквально, но скорее следует воспринимать как аллегория, удобную по форме для демонстрации характера тех отношений, которые, согласно Ф. де Соссюру, существует между синхронией и диахронией.

Используя еще один, любимый Ф. де Соссюром, прием рассуждения — образ шахматной партии, можно утверждать, что событие как факт истории (шахматный ход в партии, или «упрощение» выражения в примере с уравнениями) в отношении состояний языка (шахматных позиций или последовательности уравнений) является условием позволяющим различить эти состояния как вот *эти* или как какие-то вот *те*. Ведь в противном случае чистый ретроспективный анализ заслонит от нас *существующее между ними различие, подменив его фактом тождества* — так как, на деле, возвращая назад ходы в шахматной партии, мы всегда придем к одной и той же позиции (а именно расстановке фигур перед началом игры), а значит, сочтем

уместным *отождествить* любые даже самые разные позиции, возникшие в ходе игры на нашей доске. Но это как-никак — противоречит природе языка.

Таким образом, история, вопреки распространенным в среде языковедов верованиям относительно идей лингвистики Ф. де Соссюра, помимо простого свидетельства непрерывности языковых изменений есть также и *условие, ответственное за различие и различимость в языковой системе*, поскольку именно история делает различными и различимыми для нас состояния системы языка.

Литература

1. Даниленко В.П. Синхрония и диахрония в лингвистике // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. Т. 4. № 16. С. 6—11.
2. Даниленко В.П. Четыре «революции» в европейском языкознании // Филологические науки. 2009. № 2. С. 55—63.
3. Кузнецов В.Г. Учение Ф. де Соссюра в свете соссюрологии // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 106—117.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: ИЛ, 1960. 500 с.
5. Соссюр Ф. де. Афоризмы "item" (1). Языковой знак; изобретение терминологии // Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2001. С. 145—160.
6. Соссюр Ф. де. Заметки к докладу (статья?) об У.Д. Уитни // Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2001. С. 85—105.
7. Соссюр Ф. де. Морфология // Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2001. С. 68—84.
8. Соссюр Ф. де. Три лекции в Женеве, 1891 г. // Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2001. С. 34—61.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31—285.

И.Н.Нехаева

г.Омск

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА КАК СОБЫТИЙНАЯ АУТЕНТИКА ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

Совершенно очевидно, что такой раздел истории как «история искусства» есть специфическая часть общего языкового поля востребования знания. Как известно с середины XIX века *искусствознание* объявляется не только областью сбора и хранения *знания об искусстве* (кумулятивная функция), но в том числе становится специальной сферой, представляющей *интересы искусства в поле науки*. В этом смысле молодая наука еще только делает первые шаги к получению статуса *научной дисциплины*, однако эти «шаги» скорее напоминают *попытки* Русалочки из одноименной сказки Г.Х.Андерсена встать на хвост после его *разделения* на две маленькие ножки, нежели хотя и не твердые, но вполне *естественные* шаги ребёнка. Как известно из сюжета сказки каждый шаг приносил Русалочке невыносимые, но вместе с тем и *неизвестные никому* страдания, поскольку свой *уникальный голос* Русалочка вынуждена была отдать Ведьме в качестве *платы за услугу*.

Следует заметить, что охарактеризованная столь специфическим образом ситуация, к настоящему времени сложившаяся в поле искусствознания, становится поводом для возникновения ряда *ассоциаций*, поскольку очевидно, что пример из сказки взят не случайно, а имеет своей целью вызвать *эмоциональный* отклик, порождающий следующий ряд аналогий. Так, в частности, «разделение» указывает на одну из наиболее существенных функций языка и, как на этот счет отмечает Ф. де Соссюр, «любой языковой факт представляет собой отношение, в нем нет ничего, кроме отношения. Любой языковой факт предполагает существование двух элементов, которые могут быть последовательными или синхронными. У языковых сущностей нет никакого субстрата; они существуют, потому что различаются, и местоимение *они* всегда обозначает только различие» [2, 197].

Соответственно, словосочетание «*неизвестные никому*» означает, что искусствознание, будучи местом осуществления языковой деятельности, хотя и несет некое «знание», однако оно является скорее своего рода этимологическим следствием, нежели раскрытием действительного положения дел, поскольку совершенно очевидно, что знаний об искусстве как художественном действии не существует.

Конечно, данной позиции может быть противопоставлено иное утверждение, в частности, ставшее уже традиционным акцентирование языкового контекста искусства, однако и в этом случае совершенно очевидно, что искусство лишь в качестве удобства описания принимает *образ* своеобразного языка, оставаясь при этом опытом, то есть художественным действием. Вследствие этого обличение искусства в языковые «одежды», служащее ему исключительно временным «маскарадным убранством», тем не менее, заставляет искусство оставаться *немым*, поскольку находясь в *таком* положении, оно *не* говорит ни о чем, кроме как о том, *чем оно не является*, то есть о языке, вовсе не касаясь при этом собственной природы.

Неудивительно поэтому, что история искусства, принимая на себя роль языкового факта и, безусловно подчиняясь (становясь аутентичной) языковой деятельности, поддерживает естественность языкового поведения, о котором, в частности, Ф. де Соссюр отмечает следующее: «В отношении языкового факта *элемент* и *отличительный признак* являются всегда одним и тем же. Языку, как и любой другой семиологической системе, свойственно не проводить никакого различия между тем, что отличает какой-либо предмет, и тем, что составляет его сущность (потому что «предметы», которые мы имеем здесь в виду, — это знаки, и все их предназначение, вся их сущность заключается в том, чтобы быть различными)» [2, 197].

И, наконец, выражение «*уникальный голос* Русалочка вынуждена была отдать Ведьме в качестве *платы за услугу*» следует понимать следующим образом: «*уникальный голос*» — это собственно природа самого искусства, взятого в том его виде (имеется в виду художественное действие), в котором искусство *возникает*, т.е. не тогда, когда оно уже существует в форме «произведения искусства», а когда оно обретает *жизнь*, или становится живым; соответственно, утрата возможности обращения к уникальной природе искусства со стороны самого искусства и является «*платой за услугу*», которую искусство вносит для того, чтобы *быть понятым*, что становится возможным *только в языке*.

Следовательно, наиболее подходящим «местом» реализации исследовательского статуса искусства как опытной сферы языка, оказывается именно *история понятий*, которая, по мнению Х.Э.Бёдекера, «видит в понятии связанность опытов и ожиданий, взглядов и моделей, объяснения исторической действительности...» [1, 45]. Причиной этому как для истории искусства, так и для истории понятий, становится их общее стремление к *пониманию* и *связыванию*, соответственно, искусства и языка. К тому же, существенным моментом на наш взгляд, является возможность использования истории понятий именно для изучения происходящих *изменений* в области опыта, то есть того уровня незаинтересованных отношений, к которому, в частности, с точки зрения Й.Хёйзинги следует относить интересующий его феномен «игры», а вместе с ним и представление о «музыкальном выражении».

В свете данного предложения не случайной является позиция, которую Й.Хёйзинга отстаивает, указывая на необходимость встраивания искусствоведческого пространства именно в границы истории понятий: «Действенность ее (т.е. музыки. — *И.Н.*) форм, ее функция определяются нормами, которые никак не зависят ни от логических понятий, ни от зрительных или осязаемых образов. Лишь собственные, *специфические наименования* (курсив мой. — *И.Н.*) могли бы подойти этим нормам, наименования, одинаково подходящие и музыке, и игре, — *ритм и гармония*» [3, 222].

Следует подчеркнуть, что именно такой раздел исторической дисциплины как «история понятий» позволил автору решить топологическую проблему искусства как *опытной языковой сферы*.

Литература

1. Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010.
2. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 2001.
3. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2011.

Н.В.Платонова

Лилльский университет им. Шарля де Голля 3
Франция

ИСТОРИЯ ПИТАНИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Историки долгое время обходили своим вниманием проблему питания. В замыслы традиционной историографии не входило раскрытие тем, характерных для социальной истории, истории ментальностей и истории культуры, позволяющих увидеть людей прошлого не через призму публичных (государственных) институтов, а живущими в повседневности и с присущей им совокупностью идей, ценностей и представлений, эмоций, традиций, потребностей и навыков. Поворот к истории питания в том виде, в котором мы ее знаем сегодня, обозначился в первой половине XX в. В частности, Альфред Франклэн в своем фундаментальном труде о частной жизни парижан в XII—XVIII вв. [15] и Адам Морицио [17] одними из первых обратились к изучению традиций питания в Европе с древнейших времен. Вильям Ашлей и Рэдклифф Саламан являются пионерами в изучении этой темы в англоязычной историографии. Книга Ашлей «Хлеб наших предков» вышла в свет в 1928 г. и сразу вызвала интерес историков-аграрников [5]. В монографии Саламана, изданной в 1949 г., собраны ценные сведения о мировой истории картофеля, географии его распространения и роли в установлении социальных связей [23]. Также следует отметить труды историка и географа Роже Диона по истории виноделия и вина во Франции [12] и Жана-Поля Арона, который стал изучать французскую гастрономию

и связанные с ней поведенческие формы в контексте расцвета городской буржуазной культуры XIX в. [3, 4]. Автор показал, что в противовес широко распространенному стереотипу ее истоки имеют мало общего с крестьянской кулинарной традицией. Она формировалась под влиянием итальянского кулинарного искусства.

В начале XX в. в разрыве с «состарившейся и прозябавшей в эмбриональной форме повествования» позитивистской историографией основатели школы «Анналов» Марк Блок и Люсьен Февр предложили свой проект многогранной и проблематизирующей истории. Они заложили основы нового подхода к изучению темы питания, где она рассматривается в комплексе с изучением духовных и материальных сторон жизни людей, их знаний о среде обитания, быта и повседневных локальных практик хозяйствования. В своих публикациях во «Французской энциклопедии» [8; 9] Блок и Февр настаивали на более пристальном исследовании социально-культурной функции питания.

Однако, разработка этой проблематики интенсивно развернулась именно в работах второго и третьего поколений «анналистов». Фернан Бродель, возглавивший журнал «Анналы» после смерти Февра в 1956 г., сохраняя преемственность с методологическими установками своих учителей, выступал за расширение междисциплинарного диалога и тематических границ исторических исследований. Свою собственную, новаторскую, концепцию исторического процесса он изложил в трудах «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949), «История и общественные науки. Историческая длительность» (1958) и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв.» (1967—1979). В 1961 г. по его инициативе возникла коллективная исследовательская программа «История материальной жизни и биологических поведений», давшей мощный импульс к разработке истории питания как важного аспекта глобальной истории человечества. Первые результаты исследований, реализованные на этом пути, были опубликованы под рубрикой «История потребления» в двух номерах «Анналов» за тот же год (№ 3, стр. 401—610 и № 4, стр. 723—771) и в сборнике статей под редакцией Жан-Жака Эмарданкэ в 1970 г. [22]. В качестве вступления к четвертому номеру «Анналов» Бродель поместил свою статью «Питание и исторические категории» [10], в которой он призвал анализировать проблему питания в длительной хронологической и широкой географической перспективе, с привлечением самого широкого круга исторических источников. В дальнейшем последовал целый ряд работ [см. 2, 7, 14, 21, 24—25], благодаря которым история питания сложилась как одно из плодотворных направлений исторической антропологии. В 1973 г. состоялся национальный Конгресс историков-экономистов Франции, на котором тема питания была выделена в особую секцию. Ее участниками был затронут широкий спектр вопросов истории питания и ее методологические возможности. Два года спустя наиболее значимые доклады, представленные на конгрессе, были опубликованы в объединенном номере «Анналов» (№№ 2—3, стр. 402—631), в числе которых статьи Жозефа Гуа и Бартоломэ Беннасара о развитии торговых центров и практик потребления пищевых продуктов в Европе с XIV по XIX вв. [16] и Мориса Эмара о составе режима питания европейцев в новое время и его недостатках [6].

С учетом вышеизложенного было бы неправильно считать, что история питания была лишь конъюнктурным явлением, вызванным трансформацией французской историографии в 1960-е и 1970-е гг. Ее появление не было случайностью, но определялось потребностями фундаментального обновления исторического знания и началом нового этапа в развитии движения «Анналов» и исторической антропологии.

Главная задача истории питания — раскрыть связь между историей, культурой и питанием. Однако, в поле зрения специалистов в этой области оказывается не только история продуктов и практик их потребления [11, 13, 24]. Питание рассматривается как особый социальный и культурный феномен, развернутый во времени. Наряду с историческим анализом структуры систем питания и их биологических, демографических и социально-экономических последствий, типологии и основных этапов процесса становления гастрономических культур, приоритетом в этих исследованиях является изучение отношения людей к пище, идей и представлений, привычек, обычаев и ритуалов (в частности, застольный этикет), связанных с питанием, вкусов и предпочтений, распространения знаний о кулинарии и проч. При этом важно понять символические смыслы этих явлений и в какой мере они отражают своеобразие конкретной эпохи и механизмы функционирования общества.

Питание играет важную знаковую роль, указывая на социальный статус потребителя и уровень его жизни. В индийском обществе, например, в древности сформировалась и до сих пор присутствует кастовая структура. К высшим кастам брахманов и кшатриев относились жрецы, воины и правители, к вайшью — торговцы и землевладельцы, к шудрам — крестьяне и ремесленники. В самом низу стояли «неприкасаемые», выполняющие самую грязную работу и считающиеся ритуально не чистыми. Члены каст должны строго соблюдать правила жизни и ограничения своей касты. Браки между людьми разных каст не допускались. В отношении еды, брахманам запрещалось употреблять кушанья, приготовленные вне его касты, но из их рук могли принимать пищу члены всех других каст. Заботясь о сохранении духовной чистоты и целомудрия, брахманы придерживаются вегетарианства на протяжении многих поколений.

С середины XVI в. почти повсеместно в Западной Европе можно наблюдать уменьшение потребления животной пищи и переход к базовому питанию, основанному на зерновых культурах. Эта тенденция происходит на общем фоне изменений в сельском хозяйстве и роста численности населения, что подтверждается различными источниками и исследованиями. Разнообразие рациона и количество употребляемой пищи

подчеркивают социальную дифференциацию общества. Так, во Франции при Старом порядке привилегированные сословия — духовенство и дворянство — питались преимущественно белым хлебом, а беднейшая часть населения — черным.

По подсчетам французских историков, средний пищевой рацион взрослого работающего человека составлял тогда около 3000 ккал. в день. Однако в отдельные годы эти данные значительно колеблются. Речь идет о продовольственных кризисах, характерных для экономики доиндустриальных обществ [подробнее см. 1, 18, 20]. Неурожаи и голод, вызванные климатическими факторами, объясняют увеличение показателей смертности населения в данный период. Вместе с тем, чтобы компенсировать недостаток хлеба, в отдельных местностях начинают выращивать новые культуры. Однако, внедрение картофеля и маиса, попавшие из Америки в Европу в XVI в., длилось более трех столетий [19].

В заключении отметим, что история питания демонстрирует широкий тематический и географический кругозор, что, безусловно, стимулирует интерес к глобально-исторической проблематике. Можно надеяться, что продолжение исследований в этой области поможет преодолеть господствующий в исторической науке евроцентризм и продвинуться в конкретном изучении исторических, культурных и хозяйственных связей между разными народами. Впрочем, совершенно очевидно и то, что историю систем и практик питания можно глубоко изучать только с использованием данных и методов анализа различных наук, в том числе и естественных. Ее предметное поле находится на пересечении социальной, экономической и культурной истории, исторической демографии, экологической истории, а также истории медицины, культурной антропологии и этнологии.

Литература

1. Abel W. Crises agraires en Europe: XIIIe—XXe siècle. Paris: Flammarion, 1974.
2. Abel W. Massenarmut und Hungerkrisen im vorindustriellen Deutschland. Göttingen, 1972.
3. Aron J.-P. Essai sur la sensibilité alimentaire à Paris au XIXe siècle. Paris, 1967.
4. Aron J.-P. Le Mangeur du XIXe siècle. Paris: R.Laffon, 1973.
5. Ashley W. The Bread of Our Forefathers. Oxford: The Clarendon Press, 1928.
6. Aymard M. Pour une histoire de l'alimentation: quelques remarques de méthode // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1975. № 2—3. P. 431—441.
7. Bertin J. (éd.). Atlas des cultures vivrières. Paris: La Haye, 1971.
8. Bloch M. La ségrégation alimentaire dans l'ancienne France / Encyclopédie française. Paris: Labrousse, 1954. T. 14 (chapitre 5). P. 14—40, § 2—3.
9. Bloch M. Les aliments du Français / Encyclopédie française. Paris: Labrousse, 1954. T. 14 (chapitre 5). P. 14—42, § 7—10.
10. Braudel F. Alimentation et catégories de l'histoire // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1961. № 4. P. 723—728.
11. Carrier G. Histoire sociale et culturelle du vin. Paris: Bordas, 1998.
12. Dion R. Histoire de la vigne et du vin en France des origines au XIXe siècle. Paris, 1959.
13. Dobzhansky Coe S., Coe M.D. The true history of chocolate. London: Thames and Hudson, 2000.
14. Flandrin J.-L., Montanari M. (dir.). Histoire de l'alimentation. Paris: Fayard, 1996.
15. Franklin A. La vie privée d'autrefois. Arts et métiers, modes, mœurs, usages des Parisiens du XIIe au XVIIIe siècle d'après des documents originaux ou inédits. Paris: librairie Plon, 1887—1902. T. 6 — La cuisine.
16. Goy J., Bennassar B. Contribution à l'histoire de la consommation alimentaire du XIVe au XIXe siècle // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1975. № 2—3. P. 402—430.
17. Maurizio A. Histoire de l'alimentation végétale. Paris: Payot, 1932 (первое издание вышло на польском языке в 1926 г.).
18. Meuvret J. Le problème des subsistances à l'époque de Louis XIV. Paris, 1977—1988. 3 vol.
19. Morineau M. La pomme de terre au XVIIIe siècle // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1970. № 4. P. 1767—1785.
20. Morineau M. Révolution agricole, révolution alimentaire, révolution démographique // Annales de démographie historique. 1974. P. 335—371.
21. Neveux H. L'alimentation du XIVe au XVIIIe siècle: essai d'une mise au point // Revue d'histoire économique et sociale. 1973. № 51. P. 336—379.
22. Pour une histoire de l'alimentation. Recueil de travaux présentés par Jean-Jacques Hémardinquer. Paris: A.Colin, 1970.
23. Salaman R.N. The History and Social Influence of the Potato. Cambridge: Cambridge university press, 1949.
24. Toussaint-Samat M. Histoire naturelle et morale de la nourriture. Paris: Bordas, 1987.
25. Vandenbroeke C. Agriculture et alimentation dans les Pays-Bas autrichiens. Gand; Louvain: Centre belge d'histoire rurale, 1975.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ

Международное научное сотрудничество возникает в XIX в. как реакция на крупные научные открытия XVIII—XIX вв. в области точных и естественных наук. Прогресс науки и техники в странах Европы в конце XVIII в. требовал расширения рамок национальных границ, а в ряде отраслей точных и естественных наук — непосредственного сотрудничества и кооперации ученых многих стран. В 1864 г. появляется одна из первых международных научных организаций — Международная геодезическая ассоциация. Необходимость развития промышленного сотрудничества (и научно-технического сотрудничества как его составной части) была провозглашена на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемся в 1973 г. в Хельсинки с участием 33 государств.

Международному научно-техническому сотрудничеству сегодня посвящен целый ряд работ российских и зарубежных исследователей. Среди них можно выделить монографии следующих авторов: Лебединой Е.Д., Дежиной И.Г., Ленчук Е.Б., Плетнева К.И., Варшавского А.Е., Вознесенской Н.Н., Дынкина А.А., Кац И.Я., Волинец-Руссета Э.Я., Гусакова Н.П. и Зотовой Н.А, Александрова Д.А., Гвишиани Д.М., Мухопода В.И. Кроме того, можно найти статьи по тематике Белова А.П., Тереховой С.В., Краснова Л.В., Вериги С.А., Авдокушина Е.Ф., Рубан О, Егерова С.В., Шугуровой И., Жиц Г.И., Гумерова Л.А., Гуровой А. и Киселева В., Имамутдинова И., Медовникова Д. и т.д.

Представление о международном научно-техническом сотрудничестве СССР дает работа Лебединой Е.Д. [4]. В ней автор выделяет основные этапы развития международных научных организаций, показывает эволюцию форм международного научно-технического сотрудничества, определяет место России в международной научной кооперации.

История развития международного научно-технического сотрудничества СССР 60—90-х гг. описана в книге Д.М.Гвишиани «Мосты в будущее» [3], который долгое время (1965—1985 гг.) являлся заместителем председателя Государственного Комитета по науке и технике СССР.

Еще одна работа, в которой раскрывается одна из важнейших форм международного научно-технического сотрудничества — совместное предпринимательство, принадлежит перу Вознесенской Н.Н. и называется «Совместные предприятия как форма международного экономического сотрудничества». В данной работе автором рассмотрены особенности правового статуса совместных предприятиях, создававшихся социалистическими странами во второй половине XX в.

Интерес к проблеме международного научно-технического сотрудничества значительно возрос в 1990-е гг., появилось значительное количество работ, посвященных оценке научно-технического потенциала России и интеграции его в мировое научно-технологическое пространство.

Приведем далее несколько наиболее интересных работ, касающихся различных аспектов изучения международного научно-технического развития России.

Изучая научно-технические потенциалы стран-участниц СНГ, Е.Б.Ленчук и Г.А.Власкин [5] делают ряд интересных выводов относительно географических приоритетов международной научно-технической кооперации России. Во-первых, авторы говорят о том, что для подлинного «инновационного прорыва» странам СНГ необходимо активизировать полномасштабную экономическую и научно-техническую интеграцию внутри Содружества, т.к. страны Запада в сотрудничестве с постсоветскими странами преследуют прагматические цели и рассматривают партнеров в качестве стран периферии. Во-вторых, авторы предлагают России, Украине и Беларуси сосредоточить свои усилия на преимущественном развитии сектора научных и технологических разработок, ориентированных на экспорт знаний в виде лицензий, ноу-хау, инжиниринговых и других интеллектуальных услуг. Другие страны СНГ с избыточными трудовыми ресурсами могут перейти к аутсорсингу, т.е. к принятию на своей территории массовых производств высокотехнологичных изделий.

В книге «Наука и инновации: выбор приоритетов» коллектив авторов подытоживает основные положения научно-технической политики России, в т.ч. выделяя инициативы в области развития международного научно-технического развития. В частности, авторы говорят о наметившихся направлениях вовлечения представителей научной диаспоры в развитие российской науки, в частности посредством: 1) поддержки проектов исследований российских команд под руководством приглашенного исследователя, который должен быть представителем русскоязычной научной диаспоры, 2) создания в российских университетах лабораторий, возглавляемых ведущими учеными мира.

В работе «Интеллектуальные продукты научной сферы: потенциал коммерциализации» Волкова Т.И., Усольцев И.А. дают оценку научно-технического потенциала России в сравнении с зарубежными странами и приходят к выводу о том, что творческий потенциал российской науки, особенно фундаментальной,

сохранился и развивается, однако в силу дефицита необходимых условий модель расширенного воспроизводства творческого потенциала отечественной науки не может быть реализована [2, 156].

В качестве проблем, поднимаемых в ходе изучения международного научно-технического сотрудничества России, ученые выделяют следующие:

- обеспечение трансфера перспективных технологий из-за рубежа;
- сотрудничество в области прикладных научных исследований;
- выход национальных производителей на мировые рынки с высокотехнологичной продукцией;
- зарубежное патентование национальных разработок;
- «утечка мозгов» и сотрудничество с научной диаспорой;
- анализ эффективности международной научной кооперации;
- растущая конкуренция со стороны развивающихся стран в области развития науки и техники и т.д.

Не для всех вышеперечисленных проблем ученым удалось найти решение. В качестве основных мер для совершенствования механизма международного научно-технического сотрудничества России можно привести следующие шаги.

Во-первых, для обеспечения трансфера перспективных технологий из-за рубежа и налаживания сотрудничества в области прикладных научных исследований предлагается следующее. Российские высокотехнологичные компании получают большой долгосрочный госзаказ на определенные виды продукции, востребованные на внутреннем рынке (например, компьютерные томографы) с условием постепенного наращивания технологических компетенций и локализации все большей доли компонентов конечной системы в России. Получив гарантии сбыта, российские компании делают зарубежным носителям «предложение» о сотрудничестве. Для последних становится выгодно перенести в Россию не только производство, но и разработки компонентов нового поколения [11, 42].

Во-вторых, для решения задачи выхода национальных производителей на мировые рынки с высокотехнологичной продукцией ученые и предприниматели рекомендуют совершенствовать российское таможенное и налоговое законодательство: в частности, необходимо упростить таможенное оформление ввозимых материалов и оборудования, необходимых для проведения исследований [6, 29].

В-третьих, что касается зарубежного патентования национальных разработок, то некоторые авторы рекомендуют создание фонда зарубежного патентования перспективных национальных технологий, принадлежащих государству [12, 60].

В-четвертых, говоря о противодействии растущей конкуренции со стороны развивающихся стран в области развития науки и техники, можно выделить два подхода. Одни авторы говорят о необходимости активизации сотрудничества научного комплекса России с Китаем [13, 98]. Другие исследователи отдают предпочтение сотрудничеству со странами СНГ, прежде всего с Украиной и Белоруссией [5, 270].

В-пятых, относительно проблемы «утечки мозгов», следует отметить, что сегодня ученые говорят не об эмиграции ученых, а о повышении мобильности российских ученых [8]. Кроме того, требуется коренная модернизация трудового законодательства в части приглашения в Россию зарубежных ученых.

Благодаря вниманию экономистов, ученых к проблеме международного научно-технического сотрудничества России удалось достичь ряд значимых результатов. Во-первых, сформулирована и обоснована актуальность «встраивания» научного сектора России в мировое пространство. Во-вторых, подготовлены многочисленные классификации форм международного научно-технического сотрудничества. Во-вторых, найдены пути сотрудничества российской науки с представителями научной диаспоры. В-третьих, проведен анализ участия России в Рамочных программах ЕС, сделан вывод об экономической нецелесообразности вступления России в ассоциированные члены Седьмой рамочной программы на сегодняшний день [7, 52]. В-четвертых, проведен анализ международного научно-технического сотрудничества российских ВУЗов, определены основные «узкие» места [8, 150]. В-пятых, предложена перспективная модель международного научно-технического сотрудничества России с зарубежными странами в области коммерциализации технологий [10, 43].

Тем не менее, при большом количестве работ, посвященных научно-технической деятельности России и развитию национального научно-технологического потенциала сравнительно немного работ в качестве объекта исследования рассматривают международное научно-техническое сотрудничество России, российских предприятий с зарубежными странами и бизнесом. Нерешенными остаются следующие вопросы:

- существуют методологические «пробелы» в изучении международного научно-технического сотрудничества (нет официального определения понятия «международное научно-техническое сотрудничество», не выражена позиция относительно разницы между понятиями «международное научно-техническое сотрудничество» и «международный научно-технологический обмен» и т.д.);
- отсутствует информационное обеспечение международного научно-технического сотрудничества России (единая база совместных проектов и т.д.);
- отсутствуют модели оценки эффективности различных форм международного научно-технического сотрудничества;
- отсутствует единая позиция в отношении географических приоритетов международного научно-технического сотрудничества России;

— не сформулированы основные страновые модели развития международной научно-технической кооперации и не выбрана наиболее оптимальная для России модель развития международного научного сотрудничества.

В заключение, несколько слов о практическом значении развитии международного научно-технического сотрудничества в России. Наука и научные исследования давно преодолели границы отдельных государств. Появилось даже понятие «megascience» как обозначение для крупномасштабных исследовательских проектах, преимущественно осуществляемых на базе международной кооперации, которые, как правило, невозможно продублировать из-за значительных размеров и затрат на строительство, требующих предварительного создания формальных управленческих структур и нацеленных на «производство нового знания при помощи передовых технологических решений» [10, 32]. России нельзя оставаться в стороне от глобальных научных инициатив и проектов, необходимо широкомасштабное участие страны в совместных научных проектах, которое позволит стране преодолеть увеличение «технологического разрыва» в развитии со странами Запада, снизить опасность попадания в «ловушку» догоняющего развития, а также переломить тенденцию к закреплению за Россией роли ресурсного донора глобальной экономики.

Несмотря на то, что многие исследователи сегодня говорят о важности развития страной международного научно-технического развития, пока относительно мало работ, посвященных данной проблеме. Так, например, автор не смог найти ни одной работы, которая бы давала представление о методиках оценки эффективности международного научно-технического сотрудничества. Большинство авторов ограничивается описанием современных тенденций развития научно-технической кооперации России с зарубежными странами, оценкой научно-технического потенциала России, а также описанием проблем выхода на зарубежные рынки с высокотехнологичной продукцией. Комплексное изучение проблем международного научно-технического сотрудничества России необходимо, поскольку государством сегодня выделяются существенные денежные средства на поддержку такого сотрудничества. Так, например, по данным на начало 2012 г. на средства мегагрантов (размер государственной поддержки составляет до 150 млн. руб.) в стране создается 77 лабораторий с привлечением представителей научной диаспоры [6, 28].

Литература

1. Вознесенская Н.Н. Совместные предприятия как форма международного экономического сотрудничества. М.: Наука, 1989.
2. Волкова Т.И., Усольцев И.А. Интеллектуальные продукты научной сферы: потенциал коммерциализации. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.
3. Гвишиани Д.М. Мосты в будущее. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Лебекина Е.Д. Наука и международное сотрудничество. Деятельность ученых в международных организациях: формы, тенденции, перспективы. М.: Наука, 1983.
5. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Международная кооперация и инновации в странах СНГ. СПб.: Алетей, 2011.
6. Наука и инновации: выбор приоритетов / Отв. ред. Н.И.Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2012.
7. Гурова А., Киселев В. О возможности ассоциированного членства Российской Федерации в седьмой рамочной программе ЕС // Информационно-аналитический бюллетень ЦИСН. 2010. № 2. С. 3—52.
8. Дежина И. «Охота за головами» научной диаспоры [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://www.ng.ru/science/2009-09-23/12_diaspora.html
9. Дежина И. Меняющиеся приоритеты международного научно-технического сотрудничества России // Экономическая политика. 2010. № 5. С. 143—155.
10. Медовников Д., Оганесян Т., Сараев В. Заработать на коллаидере // Эксперт. 2013. № 2. С. 32—35.
11. Рубан О. Возьми, сколько можешь // Эксперт. 2012. № 37. С. 38—43.
12. Ткачева Ю. Российские технологии: зарубежное патентование, статистика, возможная схема государственной поддержки // ИС. Промышленная собственность. 2009. № 1. С. 51—64.
13. Унтура Г.А. Экономика знаний в Китае и России: проблемы и перспективы // Пространственная экономика. 2009. № 4. С. 88—105.

Т.Г.Сологуб

г. Нижневартовск

*Нижневартовский филиал Тюменского государственного
нефтегазового университета*

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Одной из самых популярных тем в современном научном сообществе является глобализация. Глобализация как концепция и как социальный факт вызывает целый ряд философских вопросов: сущность определения, идентичность и различия, роль философии в жизни общества, справедливое распределение благ, эстетика культуры, онтология и философия субъекта и истории.

Так, З.Бауман, пишет, что глобализация — это необратимый процесс, в равной степени и равным образом затрагивающий каждого человека [1, 9]. Н.В.Тишунина определяет глобализацию, как объективный этап развития мирового сообщества, оказывающегося в состоянии транснациональных, трансконтинентальных и транскультурных связей [3, 5—24].

Глобализацию принято считать как процесс диалектики локального и глобального. Это закреплено в термине «глокализация», предложенном английским социологом Р.Робертсоном. Трансформации, порожденные глобализацией, значительно преобразуют современное общество, включая культуру. Трансформация культуры — это глобальная, охватывающая различные стороны национальной культуры реакция на сильное внешнее воздействие, вступающее в конфликт с ранее сложившейся ментальностью. Культура как бы совершает крутой поворот, на котором она вынуждена что-то утратить и что-то изменить в себе, чтобы обрести новую целостность в условиях вторжения в нее чуждых ей существенных новшеств. Такой поворот способна выдержать, не потеряв своего национального лица, лишь достаточно развитая культура, обладающая высоким семантическим потенциалом.

В книге Томаса Фридмана «Лексус и Оливковое дерево» глобализация рассматривается в контексте культурных изменений. Он считает, что технология, репрезентируемая как «Лексус» делает глобализацию неизбежной, но люди хотят, чтобы у них сохранились культурные корни, репрезентируемые как «Оливковые деревья» [6].

Признавая в общей форме ценность культурных контактов и их полезность для развития национальных культур, многие люди, в том числе известные деятели культуры, политики и ученые, нередко выступают против тех или иных конкретных форм внесения в свою культуру инокультурных элементов. А некоторые занимают позицию изоляционизма, считая вредным любые формы воздействия одних культур на другие. Русские мыслители XIX—XX вв., в том числе и западники (К.Кавелин, Б.Чичерин, А.Герцен и др.), решительно возражали против механического копирования опыта западноевропейских стран. Однако они ни в коей мере не умаляли заимствования позитивного опыта других стран мира, так как хорошо понимали, что оно представляет собой органический элемент международных отношений, в этом смысле заимствование является безусловным источником развития любого народа. Отметим, что среди интеллигенции этого периода были и такие, которых по праву можно считать крестными отцами наших реформаторов. Среди них, прежде всего, публицист, литературный критик и общественный деятель Н.В.Щелгунова, который оценивал славянофильство и почвенничество не иначе, как ретроградство. Для него компилирование опыта западноевропейских стран было альфой и омегой развития России, и в этом смысле он разделял тардовское понимание инновационного процесса (научная истина, добытая Западом, по его убеждению, была единственной истиной, которая должна быть ассимилирована другими странами). Исходя из этой посылки, он делает следующее заключение: «Чтобы быть органическими в своем развитии, нам нужно развивать не греко-византийское, допетровское мировоззрение, а, напротив, стать лишь с Западом и его умом излечивать народы и язвы, занесенные к нам с Востока» [5, 107].

Наиболее решительными и бескомпромиссными противниками «европейничанья» были Н.Я.Данилевский, считавший, что все зло в России приходит с «гниющего» Запада, и «евразиец» князь Н.С.Трубецкой. В частности, Н.С.Трубецкой писал, что европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества, что нет «высших» и «низших» культур и народов, а есть лишь культуры и народы более или менее похожие друг на друга. Он полагал, что органическое усвоение романно-германской культуры (как и всякой чужой культуры, вообще), возможно лишь при антропологическом смешении, иначе усваивается лишь «статика» культуры, но не ее «динамика», что предполагает отказ от самостоятельного культурного творчества, обращение в обезьяну, непрерывно подражающую романно-германцам. Следовательно, данный народ будет усваивать и воспроизводить различные этапы их культурного развития всегда с опозданием, что поставит его по отношению к природным «европейцам» в невыгодное, подчиненное положение, в материальную и духовную зависимость от них. Таким образом, рассуждал он, европеизация является безусловным злом для всякого не романно-германского народа и с этим злом можно, а, следовательно, и надо бороться [4, 242—243].

В настоящее время, как никогда ранее, актуально и следующее напутствие И.А.Ильина ученым и всем русским людям: «... хороши мы в данный момент нашей истории или плохи, мы призваны и обязаны идти своим путем, — очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить «в кусочки», собирая на мнимую бедность. Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысл русской идеи» [2, 427].

Влияние глобализации особенно проявляется в политике и экономике, но ее воздействие на мышление и культуру уже проявляется в том, как люди думают и поступают. Религиозный педагог Майкл Уоррен отмечает, что глобализация изменяет мышление человека в трех направлениях: «*Культуры* в формировании восприятия, *языка* в формировании мысли и *гегемонию* в формировании сознания» [7, 515—528].

Социально мы стали более открытыми и толерантными, а те, кто живет в других частях света кажутся более доступными и понятными в связи с небывалым ростом межкультурных контактов во всех сферах «события» человеческого универсума. В широком философском плане межкультурные контакты являются следствием безграничных экономических, политических и коммуникативных сетей, охвативших весь земной шар. Межкультурное взаимодействие рассматривается сегодня не только как взаимодействие между представителями разных государств, но и этнических группировок, профессий или фирм. При этом наблюдаются всевозможные разногласия и столкновения в таких областях, как переговоры, встречи, заключение контрактов, повседневный стиль управления, процессы принятия решений, и даже ежедневный способ мышления. Происходит понимание того, что общение с другими сложнее, чем просто лингвистическая коммуникация. Проблемы возникают из-за культурных различий. Национальный характер, этнические особенности, религиозные взгляды, традиции и обычаи составляют культурную идентичность. Различия в идентичности, однако, не ограничиваются теми, которые встречаются между Востоком и Западом. И в этом случае необходима, так называемая, «третья культура», которая бы устраивала обе стороны. Она должна содержать правила, стандарты поведения, и атмосферу группы, организованной из разных по национальности людей в стремлении к конкретной цели. В случае компании — это так называемая корпоративная культура компании, которая включает в себя основные положения, корпоративную философию и корпоративную миссию. Так для японцев, концепция совместной работы подразумевает стремление к однородности, в котором понятие личности является слабым. Напротив, работа в команде на Западе означает совокупность лиц, объединенных вместе для того, чтобы использовать свою коллективную силу. Уроженцам Запада кажется, что по темпераменту японцы и китайцы — одинаковы. Но сточки зрения японцев, китайцы по темпераменту напоминают жителей запада. Японцы представляют собой гомогенный народ, в то время как Китай — разнообразен и сложен. Более того, китайцы этнически отличаются от японцев и имеют характерные особенности, присущие американцам [8].

Таким образом, в связи с расширением межкультурных контактов, что является следствием глобализации, идет сложный процесс формирования новой культуры, образующейся для достижения определенных целей. В разных странах — разные ценности, следовательно, гетерогенность вполне естественна. Различия необходимо взаимно уважать и признавать. Богатство мира заключается не в однообразии, а в разнообразии. Однако, существует опасение, что глобализация может привести к потере культурной идентичности, так как на западный способ мышления накладывается восточный образ мышления. Следует признать, что она не только модернизует, но и вестернизует коренные культуры, что ведет к лингвистическому и культурному сдвигу.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993.
3. Тишунина Н.В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход. СПб.: Янус, 2003.
4. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Сост. В.М.Живова; Общ. ред. В.М.Живова; Вступ. ст. Н.И.Толстого и Л.Н.Гумилева. М., 1995.
5. Щелгунов Н.В. Новый ответ на старый вопрос: В 5 т. Т. 4. Политическая мысль в России: Вторая половина XIX вв.
6. Friedman T.L. The Lexus and the Olive Tree. New York: Anchor Books, 2000.
7. Warren Michael. Religious Formation in the Context of Social Formation // Religious Education. Vol. 82. № 4. Fall. P. 515—528.
8. Global Cultural Diversity Conference Proceedings, Sydney, When East meets West in the Workplace <http://www.immi.gov.au/media/publications/multicultural/confer/05/speech23a.htm>

*Р.Я.Солодкин, Е.Н.Солодкина
г.Нижневартовск*

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАПИСОК АНГЛИЧАН О «МОСКОВИИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ (ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ И ВОПРОСЫ АРХЕОГРАФИИ)*

**Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации
для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4218.2012.6*

Сочинения английских дипломатов и путешественников о России XVI—XVII вв., известные в отечественной науке со времен В.Н.Татищева, Г.Ф.Миллера и Н.М.Карамзина, а затем в трудах Ю.В.Толстого, В.О.Ключевского и С.М.Середонина ставшие предметом специальных изысканий, неоднократно привлекали внимание и исследователей советской эпохи, начиная с 1930-х гг.

В частности, М.П.Алексеев — один из самых выдающихся ученых прошлого столетия [25, V] — тщательно издал, снабдив их обстоятельными комментариями, посвященные Сибири (ее географии, коренному населению, порядку управления) выдержки — и весьма лаконичные, и порой довольно пространные — из сочинений англичан интересующего нас периода. М.П.Алексеев также постарался выяснить источники компилятивной «Истории Московии» Дж.Мильтона и «анекдотов» об Иване Грозном, запечатленных в начале второй половины XVII в. С Коллинзом, остановился на изображении только что вспыхнувшей в России Смуты в записках о посольстве в Москву Т.Смита, атрибутировав их вслед за И.М.Болдаковым Дж.Уилкинсу [1—3, 36, 803—805, и др.]. М.И.Радовскому принадлежат наблюдения о тематике и значимости для изучения русско-английских культурных связей сочинений Р.Ченслера, его спутника Д.Хесса, С.Бэрроу, А.Дженкинсона, Дж.Флетчера, С.Коллинза. С.К.Росовецкий в отличие от М.П.Алексеева нашел, что предания о первом русском царе, сохраненные книгой Коллинза, могли сложиться не только в Немецкой слободе российской столицы под влиянием аналогичных «устных историй» западноевропейского происхождения, но и среди московского посадского населения, откуда проникли во дворец, где их слышал лейб-медик Алексея Михайловича [26, 10, 12, 14, 19, 32, 34, 36, 37; 27, 71, 73—77, 80, 82—84, 90—91, 93]. Независимо от трудов М.П.Алексеева и английских ученых (что привело его к ряду неверных выводов) Ю.А.Лимонов попытался выяснить источники «Истории Московии» Дж. Мильтона, имевшие и русское происхождение [19; 20, 243—247].

Под редакцией и в переводах Ю.В.Готье, с емкой вступительной статьей Г.А.Новицкого, были изданы первые сочинения англичан, побывавших в России [6]. Эти 17 сочинений, особенно Р.Ченслера и А.Дженкинсона, ранее отчасти опубликованные С.М.Середониным, причем не вполне точно, сохранили ценные сведения о Москве и других русских городах второй половины XVI в. (на что впоследствии обратила внимание Л.Н.Годовикова [8, 72—80]), Поморье и Поволжье того времени. И.И.Смирнов переиздал и постарался определить дату создания, авторство и цели написания «Английского донесения» о восстании И.И.Болотникова. Наблюдения видного историка позднее были восприняты Н.П.Долининым и В.И.Корецким, стремившимся раскрыть общественно-политические тенденции любопытного документа как источника по истории нового этапа гражданской войны в Московском государстве [7, 180—182, 387—389; 10, 485—487; 18, 27, 302—304, 306—309; 34, 291—302]. И.Г.Тишин указал на целесообразность публикации «Дневника» П.Гордона, важность которого для понимания многих событий отечественной истории кануна и начала петровской эпохи подчеркивали еще известные ученые XIX в. [35, 110—112]. Содержание, структура и происхождение этого «Дневника», а также записок Р.Ченслера, А.Дженкинсона, Дж.Бауса, Дж.Горсея, Дж.Флетчера, Дж.Уилкинса, С.Коллинза, Дж.Мильтона обстоятельно рассмотрел М.А.Алпатов, старавшийся уяснить цели английских мемуаристов и степень их объективности в повествовании о Московском царстве [4, 268—342, 439, 441; 5, 71—82, 127—136, 195—197, 332—348, 426]. М.Малин показал, какие стороны русской действительности времени Ивана IV нашли отражение у Ченслера и Дженкинсона [22, 99—102].

Чаще всего исследователи советской эпохи, как и их предшественники, обращались к сочинениям Дж.Горсея и Дж.Флетчера. А.А.Севастьянова, выполнившая новый перевод произведений Горсея, долго жившего в России при Грозном и в начале царствования Федора Ивановича, установила многослойность «Путешествий» англичанина, в которых обнаруживаются фрагменты и 1580-х гг., и уже начала XVII в., очертила круг источников записок, введенных в научный оборот еще Н.М.Карамзиным, выяснила уровень достоверности ряда уникальных свидетельств видного деятеля Московской компании, ставшего дипломатом и королевы Елизаветы, и российских самодержцев. На взгляд А.А.Севастьяновой, если сочинения Горсея и Флетчера можно признать трактатами, то записки Р.Ченслера, А.Дженкинсона, Т.Рандольфа скорее являются путевыми и посольскими дневниками. Как думает А.А.Севастьянова, не лишены тенденциозности заметки Д.Турбельвиля из свиты посла Елизаветы I к Ивану Грозному о быте, занятиях населения, климате, природных условиях в отличие от многих других записок были созданы «без меркантильных целей» и основаны на рассказах англичан, живших в России [9; 28, 63—86; 29, 75—78; 30, 66—70]. В.А.Колобков, придерживавшийся иных методических подходов к трактовке возникновения сочинений Горсея, разошелся с А.А.Севастьяновой и в выводах относительно жанровой принадлежности, времени написания этих произведений и задач их автора [14, 122—141; 15, 9, 13; 16, 224—226]. История создания «Путешествий» занимала также Р.Г.Скрынникова и А.А.Зимина, которые признали сложность состава этого источника и одновременность появления его отдельных слоев. Видные ученые оценили и степень достоверности многих известий Горсея, прежде всего оригинальных [11; 12; 31—33]. В данном ключе А.А.Зимин, Р.Г.Скрынников, а также А.А.Севастьянова, С.Елисеев [24, 616—620] обращались и к знаменитому трактату Дж.Флетчера «О государстве Русском», которому, однако, в рассматриваемый период не было посвящено ни одного специального труда.

А.Н.Медушевский из десятков записок англичан о России 1550-х — 1580-х гг. выделяет произведения Ченслера, Дженкинсона, Рандольфа, Бауса, Горсея и Флетчера как любопытные наблюдения относительно географии страны, быта и нравов русских, военной организации Московского государства, жизни царского двора, посольского церемониала [23, 243—244, 254; ср. 250]. Я.С.Лурье оспорил суждения ряда исследователей по поводу оценки Флетчером русского характера и рассмотрел соображения английского дипломата относительно политической системы России, особенно в пору опричнины [21, 244—245].

Некоторые известия этого мемуариста, а также Р.Ченслера, А.Дженкинсона, Дж.Горсея и Д.Турбельвиля вызывали интерес и у С.Ф.Платонова, Р.Ю.Виппера, В.Трапезникова, С.Б.Веселовского, Я.С.Лурье, Б.Д.Грекова, С.В.Бахрушина, М.М.Денисовой, М.Н.Тихомирова, Г.Б.Гальперина, Г.Д.Бурдея, Н.И.Павленко, А.А.Преображенского, Л.А.Никитиной, В.И.Корецкого, А.И.Клибанова, Л.В.Черепнина, С.О.Шмидта, А.И.Плигузова, Н.М.Рогожина, Г.И.Герасимовой; трактовку ряда показаний Горсея и Флетчера мы встречаем и в исследованиях А.А.Зимины и Р.Г.Скрынникова.

Как отметил В.П.Козлов, в историографии осталось неучтенным принадлежащее англичанину Дж.Стоу описание России с сообщениями о нашествии на Москву в 1571 г. крымского хана Девлет-Гирея. Наконец, С.В.Кондратьев указал, что сведения о России (хотя и не представляющие существенного интереса) содержатся в «Записках о состоянии христианского мира», вероятно, появившихся в Англии в начале 1580-х гг. [13, 57; 17, 45—48].

Таким образом, советскими историками были выполнены новые издания многих произведений англичан о «Московии» второй половины XVI — начала XVII вв., изучены вопросы происхождения сочинений Горсея, Коллинза, Мильтона, донесения (которое зачастую атрибутируется Дж.Меррику) о восстании Болотникова, проблемы достоверности сообщений, в первую очередь уникальных, английских дипломатов и путешественников, оставивших записки о недавно «открытой» Р.Ченслером огромной и удивительной стране.

Литература

1. Алексеев М.П. Борис Годунов и Димитрий Самозванец в западноевропейской драме // «Борис Годунов» А.С.Пушкина. Л., 1936.
2. Алексеев М.П. К анекдотам об Иване Грозном у С.Коллинза // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1936. № 2—3.
3. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарии: XIII—XVII вв. 3-е изд. Новосибирск, 2006 (СО РАН. Избр. тр.) (далее — Алексеев М.П. Сибирь).
4. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973.
5. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII — первая четверть XVIII века. М., 1976.
6. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке (перев. с англ. Ю.В.Гогье). Л., 1938.
7. Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959.
8. Годовикова Л.Н. Иностранцы писатели XVI в. о русском городе // Русский город (исследования и материалы). М., 1986. Вып. 8.
9. Горсей Джером. Записки о России: XVI — начало XVII в. М., 1990.
10. Долинин Н.П. К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И.И.Болотникова 1606—1607 гг. // Международные связи России до XVI в. М., 1961.
11. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986.
12. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
13. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981.
14. Колобков В.А. Мемуары Джерома Горсея о России XVI в. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг (Воспоминания и дневники). Л., 1987.
15. Колобков В.А. Последнее письмо Ивана Грозного и свидетельство очевидца его смерти // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1988.
16. Колобков В.А. Рец.: Горсей Джером. Записки о России: XVI — начало XVII в. // Вопросы истории. 1991. № 11.
17. Кондратьев С.В. Упоминание о России в одном английском трактате конца XVI в. // Общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1990.
18. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975.
19. Лимонов Ю.А. Культурные связи России с западноевропейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978.
20. Лимонов Ю.А. Русские источники «Истории Московии» Джона Мильтона // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти академика Е.В.Тарле. Л., 1972.
21. Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подг. Я.С.Лурье и Ю.Д.Рыков. М., 1981.
22. Малин М. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской Академии наук) // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 3.
23. Медушевский А.Н. /Комментарии // Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
24. Накануне Смуты. М., 1990.
25. От редколлегии // Алексеев М.П. Сибирь.
26. Радовский М.И. Из истории англо-русских научных связей. М.; Л., 1961.
27. Росовецкий С.К. Устная проза XVI—XVII вв. об Иване Грозном — правителе // Русский фольклор. Л., 1981. Вып. 20.
28. Севастьянова А.А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII веков. Разновременные слои источника и их хронология // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974.
29. Севастьянова А.А. Записки о Московии Джерома Горсея (К вопросу о принципах научного перевода терминов при публикации источников) // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977.
30. Севастьянова А.А. Повествовательные источники XVI—XVII вв. и приемы их исторической критики: Уч. пос. по спецкурсу. Ярославль, 1984.
31. Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966.
32. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969.

33. Скрынников Р.Г. Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975.
34. Смирнов И.И. Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова // Исторические записки. М., 1942. Кн. 13.
35. Тишин И.Г. Дневник Патрика Гордона // Советские архивы. 1969. № 2.
36. Шекспир и русская культура / Под ред. М.П.Алексеева. М.; Л., 1965.

С.В.Супрович

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I КОНЦА XVII ВЕКА В РАБОТАХ Б.Б.КАФЕНГАУЗА

В 40-х гг. появился ряд научно-популярных работ известного советского историка Б.Б.Кафенгауза (1894—1969), посвященных Петру I и его внешней политике [2, 195].

Рисуя общую картину состояния Русского государства накануне царствования Петра, Б.Б.Кафенгауз оценивает это состояние как неудовлетворительное. По мнению историка, Россия к концу XVII века сильно отстала во всех отношениях (политическом, экономическом, культурном) от Западной Европы. Отсутствовала промышленность, слабо развитой являлась торговля. Хозяйство не могло развиваться, так как, с точки зрения ученого, страна была отрезана от Балтийского и Черного морей — мировых торговых артерий [1, 1]. Для исправления неблагоприятной ситуации, как писал Б.Б.Кафенгауз, России предстояло неизбежно столкнуться со Швецией и Турцией. Но, констатировал историк, Московскому государству в XVII веке бороться с ними еще было не по силам [1, 2].

Подводя итоги рассмотрения международного положения Московского государства накануне вступления Петра I на престол, Б.Б.Кафенгауз заключает, что существовал только вооруженный путь решения стоявшие перед страной огромные внешнеполитических проблем.

Во внешней политике царя-реформатора главное значение ученый придавал торговым интересам, соглашаясь с К.Марксом, что Петр всегда был ориентирован на завоевание выходов к морям (Черному, Балтийскому, Каспийскому).

Первые внешнеполитические шаги Петра в представлении Б.Б.Кафенгауза были направлены на завоевание побережья Черного моря [1, 3]. Связанные с ними Азовские походы историк рассматривает как внешнеполитическую необходимость, и не только потому, что Москва по договору со своими союзниками обязывалась начать военные действия против татар. Ведь русское правительство, как пишет историк, в 1692 году пыталось заключить мир с Крымским ханством, но переговоры были обречены на провал, поскольку Россия выдвинула неприемлемые для татар условия. Лишь после неудачи переговоров, отмечает Б.Б.Кафенгауз, перед Петром встал вопрос об активизации военных действий. Таким образом, Б.Б.Кафенгауз, видимо, пытался приписать Азовским походам вынужденный характер. Планы предстоящих кампаний по овладению Азовом были разработаны в ближайшем окружении Петра. Ученый видит в этом большую заслугу П.Гордона и Ф.Лефорта, по-видимому, рассматривая их как главных стратегов времени Азовских походов. Причиной выбора этой турецкой крепости как главной цели для удара, по мнению ученого, стали неудачные походы В.Голицына через южно-украинскую степь [1, 4], опыт которых был, видимо, учтен русским командованием. Б.Б.Кафенгауз указал важность захвата русскими войсками в ходе кампании под командованием Б.П.Шереметева днепровских городков (Казыкермень, Таван, Орслан, Шагинкермен) [1, 5] судьба которых в дальнейшем сделалась камнем преткновения в ходе русско-турецких переговоров. Историк отметил выгодное стратегическое положение этих городков и значимость их в последующей внешней политике русского царя.

Взятие Азова Б.Б.Кафенгауз считает лишь началом осуществления планов Петра I; ведь главная задача кампании — приобретение выхода в Черное море — не была еще решена [1, 6].

Великое посольство царя в Западную Европу в работе Б.Б.Кафенгауза рассматривается в русле войны с Турцией за Черное море. Договор с Австрией 29 января 1697 года, продливший военный союз, не остановил намерения Петра посетить европейские страны. Целями русского посольства в Западную Европу ученый считает расширение антитурецкого союза и получение материальной поддержки для ведения в дальнейшем военных действий против турок. Кроме того, историк указывает и на личные цели Петра — изучение кораблестроения [1, 7]. Говоря о пребывании царя в Риге, Б.Б.Кафенгауз упоминает о происшедшем там известном инциденте, связанном с интересом Петра к укреплениям шведской прибалтийской твердыни, что послужило затем (в 1700 г.) поводом для объявления войны Швеции.

Важной вехой внешней политики Петра ученый считает русско-прусские переговоры, когда, по его мнению, впервые у Петра зарождается мысль о войне со Швецией [1, 8]. Бранденбургский курфюрст Фридрих I пытался связать Петра обязательствами следовать агрессивному внешнеполитическому курсу пруссаков, стремившихся завладеть польской и шведской Померанией, что неизбежно влекло за собой столкновение

России с государствами, которым она принадлежала. Если в отношении Швеции Петр мог еще на это согласиться, то Польша в его планах, по-видимому, уже тогда занимала место основного союзника в предстоящей антишведской кампании. На взгляд Б.Б.Кафенгауза, определяющие предложения бранденбургских дипломатов заключались во 2-й и 3-й статьях договора, касавшихся оборонительного союза двух государств и гарантий (со стороны России) закрепления Прусского герцогства за бранденбургским курфюрстом. Но, как отмечалось Б.Б.Кафенгаузом, Петр не согласился на это, предложив в письменный текст договора данные статьи не включать а лишь договориться в устной форме [1, 9]. Б.Б.Кафенгауз усматривает в переговорах Петра с Бранденбургом перемещение эпицентра русской политики с черноморского побережья на Балтику. Ученый, выдавая русско-пруссские переговоры в Кенигсберге за первое свидетельство перемены внешнеполитических планов русского царя, еще не отводил в них Балтийскому вопросу главенствующей роли. Как представлялось историку, черноморское направление для Петра было по-прежнему актуально, но по ходу знакомства с политической обстановкой в Западной Европе его предпочтения менялись в пользу Балтики.

Выборам польского короля, заставшим царя в Пиллау, Б.Б.Кафенгауз не придавал в дипломатии Петра большого значения. Историк бегло касается этого события, упомянув только, что все решилось в пользу саксонского курфюрста, причем благодаря нажиму русского государя на польский сейм [1, 10].

В описании пребывания Петра в Голландии Б.Б.Кафенгауз следует за М.М.Богословским, указывая, что Петр руководил всеми дипломатическими мероприятиями посольства, зорко следил за международной обстановкой. Царь, как продолжал считать ученый, был занят планами организации священного союза против турок, именно это служило целью его дипломатии в Западной Европе. Петр также стремился получить и материальную помощь для войны с султаном, предлагая взамен голландцам право на транзитную торговлю с восточными странами через земли России [1, 11]. Но царь не достиг успеха, ибо Генеральные штаты, опасаясь за свои средиземноморские торговые интересы, отказались ссориться с османами [1, 12].

В ходе русско-австрийских переговоров, по мнению Б.Б.Кафенгауза, Петр старался принудить императора соблюсти условия военного союза с Россией, а поняв невозможность сделать это, вознамерился заполучить желаемое в ходе Карловицкого конгресса. Австрийцы же, лихорадочно готовясь к войне с Францией, не собирались учитывать требования русских в предстоящих переговорах с Турцией [1, 13].

В таком отношении к России со стороны бывших союзников Б.Б.Кафенгауз и видит причину переориентации внешней политики царя на берега Балтики. Петр понимал причины отказа морских держав и Империи в содействии против османов. Он также знал, что Бранденбург и Речь Посполитая с новым королем имеют внешнеполитические интересы на Балтике, а это помогло бы России без труда получить доступ к этому морю с его развитыми торговыми связями с Западной Европой [1, 14].

Встречу в Раве-Русской Петра I и Августа II Б.Б.Кафенгауз считает ключевым, определяющим событием в смене внешнеполитического курса России [1, 15].

Карловицкий конгресс и Константинопольское перемирие в работе Б.Б.Кафенгауза рассмотрены бегло, ученый констатировал лишь общий характер русско-турецких переговоров. П.Б.Возницын, отстаивая русские интересы на Карловицком конгрессе, смог заключить двухлетнее перемирие с турками, и только, ибо бывшие союзники по Священной лиге московского дипломата совершенно не поддерживали [1, 16]. В обстоятельствах отправки посольства Е.М.Украинцева в Константинополь Б.Б.Кафенгауз видит дипломатический прием Петра, который ради устрашения османов велел посольству прибыть в Константинополь по морю, на военном корабле. В представлении историка, этот шаг Петра должен был показать Порте возросшую морскую мощь России, и, следовательно, продемонстрировать ее стремление выйти в Черном море [1, 17].

Русско-турецкие переговоры, по оценке Б.Б.Кафенгауза прошли успешно, и Петр добился выгодного перемирия, поскольку Россия смогла освободиться от войны с Османской империей и переключиться на войну со Швецией. Но все же, констатирует ученый, этот мирный договор не решил главной задачи русской внешней политики — не обеспечил России выхода в Черное море. этот вопрос, ввиду начавшейся Северной войны был отложен [1, 18].

Таким образом, у Б.Б.Кафенгауза черноморское направление во внешней политике Петра выглядит важнейшим, и отказался царь от него якобы только из-за отсутствия внешнеполитических условий для продолжения русско-турецкого конфликта. (Россия осталась без союзников).

В пору дипломатической подготовки Северной войны, на взгляд Б.Б.Кафенгауза, ключевую роль сыграл лифляндский дворянин И.Р. Паткуль. Его ученый считает создателем Северного союза. В своих планах Паткуль готовил для России незавидную роль, как пишет ученый: русская армия должна была стать «пушечным мясом» для шведской армии, пока Август II будет прибираться к рукам Лифляндию [1, 19]. Но неудачные военные действия саксонцев и датчан, а также понимание Петром своих целей нарушили планы Паткуля [1, 20].

Итог дипломатии Петра оценивались Б.Б.Кафенгаузом положительно. Находясь в трактовке вопросов внешней политики Петра I под влиянием М.М.Богословского (Б.Б.Кафенгауз считал себя его учеником) [2, 197] историк в своих оценках не шел дальше. В центре внимания Петра поначалу находилось Черное море. Вся внешняя политика русского царя до свидания в Раве-Русской (в 1698 г.), по мнению Б.Б.Кафенгауза, была направлена на приобретение туда выхода. Только вероломство союзников по антитурецкой коалиции, которые готовились к войне за испанское наследство, вынудило Петра переориентировать дипломатические

и военные усилия на берега Балтики. Ученый видит в северном конфликте очевидный прогресс, считая, что завоевание Прибалтики помогло России в преодолении вековой отсталости от Западной Европы. Историк заключает, что только при Петре стало возможным решение Балтийского вопроса [1, 21].

В годы Великой Отечественной войны работа Б.Б.Кафенгауза, посвященная внешней политике Петра I, имела пропагандистский характер. Внешняя политика России последнего десятилетия XVII века, думается, была автором рассмотрена недостаточно глубоко. Больше внимание ученого привлекали боевые действия периода Северной войны.

Литература

1. Кафенгауз Б.Б. Внешняя политика России при Петре I. М., 1942.
2. Черепнин Л.В. Б.Б.Кафенгауз — историк и источниковед // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971.

О.В.Хазанов

г.Томск

Томский государственный университет

О ПРОЧТЕНИИ «НЕЧИТАЕМОГО»: К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ МИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Мистические тексты всегда были особым объектом для исследователей. Очевидная проблема их понимания состоит в априори закрытом для «непосвященных» характере повествования. «Тайнопись» мистических текстов была обусловлена целым рядом обстоятельств.

Мистик видит, точнее, экзистенциально переживает в процессе медитации акт преодоления человеческой ограниченности. Но он осознает его невыразимость словами — *апофатизм* мистики («Дао выраженное словами не есть истинное Дао», «Благородное молчание Будды»). Отсюда все сложности трансляции мистического знания и способов его постижения. Все напряжение мистической практики как раз и состоит в выработке механизмов преодоления человеческой ограниченности [1].

Если предположить, что своей основной задачей мистика ставит преодоление разделения между миром профаническим и миром сакральным, то через медитацию визионер устанавливает тот самый «мост», пройдя по которому над «пропастью», он оказывается в сфере недостижимого с точки зрения обыденного сознания. В ней конечная человеческая индивидуальность стремится преодолеть свою ограниченность через слияние с Бесконечностью.

Каковы могут быть последствия такого рода усилий? В одном из трактатов Талмуда есть следующая история. Четыре мудреца вошли в «Пардес», т.е. достигли высшей степени проникновения в сакральный мир. Но судьба их оказалась разной. Бен Зома сошел с ума, Бен Азай умер, Эиша бен Абуя стал еретиком, и вся последующая еврейская традиция после этого именовала его «Ахэр», т.е. «Чужой». И только р.Акива как вошел, так и благополучно вышел (Хагига, 14б). В этой притче отражены практически все возможные варианты исхода для активно практикующего мистика — смерть, безумие, заблуждение и только для одного из четырех — поднятие на еще более высокий уровень посвящения. Отсюда, со всей очевидностью, с точки зрения религиозной традиции, проистекает «опасный», характер мистики и как следствие вывод о необходимости хранить ее в тайне от «непосвященных» и не готовых пережить и принять всю силу мистического опыта.

На основании мистического опыта, приравняемого к Откровению, может осуществляться перетолковывание уже устоявшихся религиозных символов. «С точки зрения мистиков акт откровения перестает быть однократным и воспроизводится снова и снова» [9, 43]. Если использовать язык библейских образов, то можно сказать, что мистик претендует на свой собственный «Синай». Далее может следовать утверждение, что Бог являлся в мир лишь в какой-то из ограниченных своих ипостасей, и только в медитативном состоянии человек имеет возможность ощутить полноту божественного присутствия и получить всю полноту божественного Откровения. Поэтому мистик, как о том свидетельствует пример Элиши Бен Абуя, рискует превратиться в еретика.

Естественно, что такого рода проблемы возникали не только в еврейской традиции. Вот до какой степени свободомыслия мог дойти мусульманский автор: «Если в мире есть любящий, о мусульмане, то это я. Если в мире есть верующий или христианский отшельник, то это я. В мире 72 верования и секты, но на самом деле их не существует. Ибо, клянусь Аллахом, если и есть всякое верование и всякая секта, то это я» (Дж.Руми) [Цит по: 5, 34].

Мистические переживания тождества с сакральным Началом могут привести к представлению о единстве всех религий, а также о бессмысленности каких-либо религиозных перегородок и связанных с ними

ритуалов и запретов. Это, по всей видимости, и стало причиной, по которой Элиша Бен Абуя перестал соблюдать заповеди Торы, оставаясь при всем при том одним из самых великих мудрецов своего поколения. Рабби Мейер — один из авторов Талмуда — продолжал брать у него уроки до самой смерти учителя.

Чтобы не стать еретиком, мистик в попытке вербализации своего трансперсонального опыта вынужден овладевать «ортодоксальным словарем» официальной религии. В противном случае он мог подвергнуться репрессиям со стороны духовных и поддерживающих их светских властей. Собственно здесь и открывается широкое поле деятельности для научного исследования данного феномена. В то же время, необходимо понимать существенные отличия, которые обнаруживаются при прочтении текстов, созданных мистиками, и любых других трактатов, не имеющих ярко выраженной эзотерической природы [4]. Выдающийся еврейский мыслитель-мистик рубежа XIX—XX вв. р.А. — И.Кук писал одному из своих учеников: «...по поводу упомянутой тобой точности и ясности европейской литературы, что касается меня, — могу признаться, что я не отличаюсь умением разьяснять. Однако, вообще говоря, я не завидую тем, кто точно и ясно судит обо всем. Многие вопросы таковы, что, умалив и затушевав их, мы сделаем их такими же убогими, как убога наша речь по сравнению с полетом мысли. Только в этом случае мы сможем их "ясно" выразить. Но до тех пор, пока мы стремимся познать сокровенное во всем его величии, мы ни за что не сможем добиться предельной ясности» [3, 25—26].

Тот факт, что мистическое знание открывается только «внутреннему взору» мог породить скептическое отношение к его достоверности: «Однажды Чжуанцзы приснилось, что он — бабочка, весело порхающий мотыльк. Он наслаждался от души и не осознавал, что он Чжуанцзы. Но, вдруг проснулся, очень удивился тому, что он — Чжуанцзы и не мог понять: снилось ли Чжуанцзы, что он — бабочка, или бабочке снится, что она — Чжуанцзы?!» [8, 73].

И тем не менее, всякий мистик исходит из представления об «объективности» своего опыта и того знания, которое в нем открывается. Об этом особом «видении» мистиков П.Флоренский писал, что оно «объективнее земных объективностей, полновеснее и реальнее, чем они» [6, 29]. Можно предположить, что сила и глубина мистического опыта столь велики, что любые сомнения в его достоверности отпадают сами собой. Правда опыт этот рано или поздно заканчивается. Визионер возвращается в нормальное состояние и уже из его рефлексии по поводу пережитого рождается мистическая философия.

Такова «логика» самоосмысления, существующая внутри религиозной традиции. С точки зрения психологии вывод будет, конечно же, иной. Визионерская практика предполагает чрезвычайно сильные психологические перегрузки, которые в свою очередь могут приводить к различного рода психологическим расстройствам, а иногда и к летальному исходу. Что касается «благополучного» варианта, то он, если смотреть на него глазами светского ученого, является лишь еще более глубоким погружением в «мир грез», уводящем человека все дальше от «объективной реальности, данной нам в ощущении».

В то же время не стоит чрезмерно утрировать сциентистскую позицию в отношении феномена мистических переживаний. В современной психологии существуют направления как никогда близко подходящие к признанию объективного характера религиозного опыта, не сводя его только к определенному рода «невротической реакции» или культурно обусловленным «архетипам» [7].

В рамках данной статьи мы не ставим себе задачу разрешить противоречие между сциентистским и религиозным подходами к объяснению природы мистического переживания. Для нас будет важен иной аспект, а именно, как можно языком современной науки описать то знание, что рождается в ходе визионерской практики.

Ведь мистика — это не только «практика» преодоления разрыва, это еще и ее осмысление. Иначе, возвращаясь в «нормальное» состояние, рефлексирующий индивид пытается осмыслить прежний опыт и выразить его в транслируемых вовне категориях и схемах. Отсюда рождаются сложные мыслительные конструкции, так или иначе соотносящиеся с его устоявшимися религиозными представлениями. Так мистика становится одним из источников *развития* религиозного сознания.

Продуктивную с точки зрения методологии позицию в этой части сформулировал один из наиболее известных исследователей еврейской мистики М.Идель: «Будучи в основном своеобразной топографией божественного мира, эта теоретическая литература служила скорее некой картой, чем умозрительным описанием. Как мы знаем, карты предназначены для того, чтобы помочь человеку совершить путешествие; для каббалистов мистический опыт и был таким путешествием» [2, 72]. Изучение мистической литературы возможно, прежде всего, исходя именно из такой посылки. В противном случае исследователи рискуют принять за саму реальность те условные обозначения, которые наносит картограф на свой «текст», чтобы помочь путешественнику отыскать верный путь.

Литература

1. Гарин И.И. Что такое мистика? М., 2004. Т. 1, 2.
2. Идель М. Каббала: новые перспективы. М., 2010.
3. Кук А.И. Философия иудаизма. Избранные статьи. Иерусалим, 1991.
4. Полонский П. Введение в философию иудаизма. Рационализм и мистика в европейской средневековой философии // <http://machanaim.org/philosof/phil/ph1.htm#5> (дата обращения: 28.01.2013).
5. Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989.

6. Флоренский П. Иконостас. М., 2003.
7. Хазанов О.В. Некоторые размышления по книге Е.А.Торчинова «Религии мира: Опыт запредельного: Трансперсональные состояния и психотехника» // Европейские исследования в Сибири. Вып. 2. Материалы региональной научной конференции. Томск, 2000.
8. Чжуан-цзы, Ле-цзы. М., 1995. С. 73.
9. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М., 2004.

Л.М.Хуторова
г.Казань

Казанский государственный энергетический университет

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В.Н.АВТОКРАТОВА

Изучение научного наследия ведущих отечественных архивистов является одним из актуальных направлений современного архивоведения. К числу выдающихся отечественных архивоведов XX века принадлежит доктор исторических наук, профессор В.Н.Автократов (1924—1992). Ученый является автором более ста научных работ, затрагивающих широкий спектр вопросов теории, методики и истории архивного дела. Владимир Николаевич является разработчиком оригинальной концепции по теоретическим вопросам архивоведения.

Первые шаги оценить вклад В.Н.Автократа в отечественное архивоведение были предприняты в 1992 г. в связи с празднованием 70-летия учёного. В публикациях О.Ф.Козлова, В.Д.Банасюкевича, В.Ф.Янковой были обозначены основные направления его научной деятельности, сделаны попытки показать роль В.Н.Автократа в развитии отечественного архивоведения [3; 6].

В 1992 г. вышла в свет монография, обобщающая труды В.Н.Автократа, её предваряла вступительная статья Т.И.Хорхординой [11]. В ней освещены отдельные моменты архивной биографии учёного, обращается внимание на новизну его взглядов. Однако обобщающей работы с анализом историко-архивного вклада В.Н.Автократа в отечественную науку нами выявлено не было. Широкий охват архивоведческих проблем, к которым обращался в своих научных изысканиях ученый, позволяет выделить в его наследии несколько тем, в числе которых — историко-биографические исследования.

В воспоминаниях Н.И.Химиной, коллеги В.Н.Автократа по работе в ВНИИДАД, указано, что обращение Владимира Николаевича к историко-биографической теме продиктовано изучением вопросов становления советской архивной системы в начале XX в. Это была одна из плановых тем института, которой руководил В.Н.Автократов [5, 17].

Н.И.Химинова вспоминает, что сотрудники института «были погружены в выяснение роли и значения, расстановки сил как известнейших, так и совершенно безвестных московских, петроградских и провинциальных ученых, архивистов в период подготовки декрета 1 июня 1918 г., других нормативных документов. С огромным интересом слушали о результатах скрупулезных изысканий Владимира Николаевича» [5, 17]. В фонде В.Н.Автократа в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сконцентрированы многочисленные материалы по истории архивного дела и развития архивоведческой мысли в России, имеются также комплексы по персоналиям видных отечественных архивных деятелей Г.С.Габаеву, Б.И.Анфилову, А.С.Лаппо-Данилевскому, В.В.Максакову, М.С.Ольминскому, В.В.Адоратскому и многих других [9].

Работая над темой, автор привлек комплекс разнохарактерных источников, в том числе, материалы Российского государственного архива военно-морского флота, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов.

В 1993 г. на страницах журнала «Отечественные архивы» в №№ 3 и 4 была опубликована обширная статья В.Н.Автократа, посвященная истории централизации архивного дела в России в 1917—1918 гг. Позднее данная статья вошла в сборник его работ «Теоретические проблемы отечественного архивоведения» (М.: РГГУ, 2001). Заявленная тема неоднократно поднималась в отечественном архивоведении. В разные годы к ней обращались В.И.Вяликов [4], К.Г.Митяев [8], С.И.Кузьмин и М.С.Селезнев [7], Е.В.Старостин и Т.И.Хорхордина [10]. В.Н.Автократов опубликовал свои изыскания в условиях кардинальных изменений в стране, коснувшихся и архивного дела. В начале 1990-х гг. перестройке подвергались руководящие архивные структуры, шла работа над современным архивным законодательством. Ученый считал, что будет уместным обратиться к исследованию истоков идеи централизации архивного дела в России, проанализировать процесс рождения новой системы управления архивным делом России в контексте теоретических идей и политической ситуации, повлиявших на исход дела.

По мнению Н.И.Химиной, такое поэтапное изучение советского архивного дела и особенно его начального периода, позволило по-новому осознать значимость конкретных личностей, которые пока не заняли соответствующего места в советской историографии» [5, 17].

В своей работе В.Н.Автократов обращается к теоретическим предпосылкам, подготовившим декрет об архивном деле 1 июня 1918 г. Он оценивает значимость идей Д.Я.Самоковасова, членов Союза российских архивных деятелей. Н.И.Химинова считает, что благодаря В.Н.Автократову в литературе появились блистательные психологические портреты Г.С.Габаева, А.С.Лаппо-Данилевского, Д.Б.Рязанова [5, 17].

Данный подход кардинальным образом отличал работу В.Н.Автократова от исследований его предшественников, сосредоточивших внимание главным образом на содержании текста и обстоятельствах принятия декрета о централизации архивного дела 1 июня 1918 г. Характеризуя членов Союза РАД и его председателя А.С.Лаппо-Данилевского, В.Н.Автократов сосредотачивается на главной цели: каким образом была разработана государственная реформа архивного дела на демократических началах [2, 319]. По мнению автора, решающее значение сыграло совпадение личных устремлений российских архивистов и настрой эпохи февральской революции. «Абсолютные ценности» неокантианства — идея «долга и свобода воли» — приобрели в данном случае новое конкретное содержание [2, 319].

В.Н.Автократов подробно характеризует основные направления деятельности Союза РАД, анализирует проекты, инициированные его членами. Учёный приходит к выводу: большой заслугой Союза РАД явилось то, «что ему удалось всего за несколько месяцев объединить петроградских архивистов, ранее мало соприкасавшихся друг с другом и подчас даже незнакомых между собой. Они ощутили духовную общность и профессиональное родство, и это способствовало тому, что в новых условиях советского строя весной следующего года им удалось за короткое время выработать проект кардинальной архивной реформы и приступить к успешной реализации» [2, 327].

В противовес архивистам — подвижникам своего дела В.Н.Автократов рисует не менее яркие портреты представителей советской власти, захвативших документальное наследие, но не представляющих как с ним обращается, как извлечь необходимую информацию. Так, наркоминдела Л.Д.Троцкий, столкнувшись с архивным вопросом, обнаружил «свою серость» [2, 328.], матрос Н.Г.Маркин — «малограмотный человек, писал с ошибками», комиссар по иностранным делам Моссовета В.М.Фриче назван «вульгарным» [2, 332]. В к основному тексту Автократов приводит уничижительную характеристику В.М.Фриче, данную его коллегами, называвших его «дураком от марксизма» [2, 384]. Антитезой профессионализму архивистов В.Н.Автократов противопоставляет дилетантизм представителей победившей власти. Учёный приходит к выводу, что «большинство организованных архивистов в Петрограде смотрело на большевиков не только с политической, но и прагматической точки зрения: может быть, они способны содействовать спасению архивов?» [2, 335.] Таким образом, логика рассматриваемых событий приводит к исследованию роли Д.Б.Рязанова — «уполномоченного по ликвидации и реорганизации архивов» Совнаркома Петроградской трудовой коммуны. В.Н.Автократов, характеризуя данного политического деятеля, сосредотачивает внимание на его архивном прошлом, восприятии роли и места архивов для настоящих и будущих поколений. Автор подмечает, что «вдумчивый архивный поиск, накладывавшийся на исследовательскую работу историка, сопряжённый с элементами <...> фондирования и классификации документов «по происхождению», не мог пройти бесследно для Д.Б.Рязанова. Это способствовало восприятию научных представлений о значении необходимости концентрации раздробленных их частей и отделения документов «чужого» фондового происхождения» [2, 341.]. Главной своей задачей Д.Б.Рязанов видел возвращение архивистов «к нормальной работе, где она была нарушена» [2, 342.]. В.Н.Автократов прослеживает, как Д.Б.Рязанов нашел в архивно-академической среде союзников — профессора С.Ф.Платонова и его сторонников. По мнению автора, этот момент определяет новый виток в развитии истории реформирования архивного дела. Далее В.Н.Автократов скрупулезно прослеживает хронику событий, анализирует материалы официального журнала заседаний Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА), обращает внимание на наиболее дискуссионными моменты в ходе работы над проектом реформы. Так, он обращается к возможности расширения сферы ЦКУА и включение в орбиту его интересов библиотечную сферу; подробно останавливается на дискуссиях между Д.Б.Рязановым и «красным профессором» М.Н.Покровским по поводу административного подчинения архивного управления в структуре советского правительства; анализирует проекты архивной реформы; обращается к вопросу о редакциях декрета.

Проводя исследование, В.Н.Автократов вносит существенные корректировки в выводы своих коллег, например, критикует В.В.Максакова за искажение истории возникновения и деятельности ЦКУА.

По мнению Н.И.Химиной, неоконченная работа В.Н.Автократова по истории организации архивного дела по сути своей энциклопедический труд, мимо которого не пройдет ни один исследователь [5, 17].

Таким образом, мы можем говорить об оригинальности подхода В.Н.Автократова в разработку тему истории архивов России. К сожалению, обстоятельства не позволили ему довести до конца исследование. Мы можем отметить, что учёный проанализировал большой по количеству и репрезентативный по содержанию комплекс источников, ввел в научный оборот новые архивные материалы. Авторское раскрытие темы связано с историко-биографическим подходом в рассмотрении вопроса об архивной реформе.

В связи с анализом историко-биографических исследований в наследии В.Н.Автократа особого внимания заслуживает его работа, посвященная жизни и деятельности историка и архивиста Г.С.Габаева [6, 127]. Это оригинальная работа представляет попытку посредством раскрытия биографии архивиста проследить развитие истории архивоведческой мысли в начале XX в. В.Н.Автократ задумал материал о Г.С.Габаеве как исследование об истории открытия понятия «фондообразователь» и того содержания, которое вкладывал в него Г.С.Габаев [1]. Работа над материалом, привлечение широкого круга архивных источников, расширила первоначальный замысел и превратила его в историко-биографическое исследование судьбы архивиста в контексте истории России.

Автор обращается к вехам биографии Г.С.Габаева — типичного представителя военной интеллигенции дореволюционной России. Выделяется он из своей среды не столько интересом к военной истории, это было присуще многим его сослуживцам, а тем, что стремиться восполнить отсутствие исторического образования и поступил вольнослушателем в Петербургский археологический институт. В.Н.Автократ исследует феномен всплеска интереса к истории в военной среде в этот период, обращается к заслугам самого Г.С.Габаева на поприще разработки вопросов военной историографии, военной геральдики, участия в торжествах по поводу юбилея Отечественной войны 1812 г.

Весной 1918 г. Г.С.Габаев вступил на архивное поприще, работал в качестве заведующего 1-го отделения 3-й секции Главархива по организации военного архива. В.Н.Автократ отмечает подготовленность и компетентность Г.С.Габаева, его умение четко планировать работу своих сотрудников, внимание к вопросам профессиональной подготовки архивистов.

Прослеживая жизненный путь героя своего исследования, В.Н.Автократ акцентирует внимание на эволюции его архивных взглядов. Учёного интересует, как возник новый архивный термин — фондообразователь. В.Н.Автократ подчеркивает, что произойти это могло «в результате архивоведческого осмысления задачи, при сопоставлении фактов существования реальных «боевых организмов» с неизбежностью однородных следствий, вытекающих из таких фактов, — образования соответствующих архивных фондов» [1, 62.].

Сформулированное Г.С.Габаевым понятие «фондообразователь» вышло за пределы военного архивоведения, получило всеобщее архивоведческое значение. Но этот вопрос имел свою непростую историю, проследить которую и стремиться В.Н.Автократ. Он обращается к событиям 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, на которой обсуждался вопрос архивной терминологии. Ученый сожалеет, что во время терминологической дискуссии 1925 г. и при осмыслении ее итогов московские архивисты не оценили научного значения термина «фондообразователь», фигурировавшего в ленинградской дефиниции понятия архивный фонд [1, 72]. В.Н.Автократ восстанавливает путь термина в науку об архивах. Приходит к выводу, что его исследование откроет читателям истинный вклад Г.С.Габаева в теорию и практику архивного дела.

Таким образом, мы можем говорить о значительности вклада В.Н.Автократа в разработку тем, связанных с историей отечественного архивного дела. Исследователем был проанализирован значительный комплекс материалов XIX—XX вв., введены в научный оборот новые документы, намечено направление, связанное с развитием историко—биографического направления в архивной историографии, возвращением забытых имен архивистов, таких как военный историк, архивист Г.С.Габаев. Для учёного характерен скрупулезный источниковедческий анализ, сдержанность в высказывании оценок, чёткая аргументация своей позиции, прослеживается его стремление, раскрывая вопрос, наметить перспективы в его развитии.

Литература

1. Автократ В.Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С.Габаева / В.Н.Автократ // Советские архивы. 1990. № 1. С. 62—76; № 2. С. 61—78.
2. Автократ В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917—1918 гг.) / В.Н.Автократ // Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 319 с.
3. Банасюкевич В.Д. Владимир Николаевич Автократов (1922—1992) / В.Д.Банасюкевич, О.Ф.Козлов, В.Ф.Янковая // Археографический ежегодник за 1992. М., 1994.
4. Вяликов В.И. Архивное строительство в РСФСР в 1917—1925 годах / В.И.Вяликов // Советские архивы. 1968. № 1. С. 30—38.
5. Как это было. Воспоминания // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 12—22.
6. Козлов О.Ф. Творческий путь ученого (К 70-летию В.Н.Автократа) / О.Ф.Козлов // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 125—127.
7. Кузьмин С.И. О «новом» толковании текста ленинского декрета об архивном деле от 1 июня 1918 г. / С.И.Кузьмин, М.С.Селезнев // Советские архивы. 1989. № 5. С. 75—81.
8. Митяев К.Г. Ленинский декрет 1 июня 1918 года и советское архивоведение / К.Г.Митяев // Советские архивы. 1968. № 3. С. 9—15.
9. Справочник: Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917—2000 гг.). Путеводитель. Том 5. 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/gbfond.html?bid=204&fund_id=704692&sort=title&direction=asc (дата обращения 15.03.2012).
10. Старостин Е.В. Декрет об архивном деле 1918 года / Е.В.Старостин, Т.И.Хорхордина // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 41—51.

О.В.Шенель
г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ДИЗАЙНА В АНГЛИИ

Промышленный дизайн является одним из механизмов социально-культурного развития общества, влияет на формирование эстетических идеалов, норм и предпочтений. Он предполагает обращение к сфере производства, распределения и потребления.

В Великобритании в XIX веке сложились все признаки индустриального общества. Изменения, происходящие в экономических, политических и социальных отношениях в обществе оказали воздействие на развитие культуры и искусства. Изучение этапов становления и оформления промышленного дизайна требует систематического подхода. Следует проследить в историческом контексте, какие именно процессы и действия государственной власти дали толчок для развития прикладных искусств и выявили, впоследствии, как самостоятельный вид производства промышленный дизайн.

Промышленный переворот стимулировал изучение сущности рыночных механизмов, законов их создания. Быстрый рост масштабов промышленного производства в европейских государствах и дальнейшее расширение рыночных связей требовали совершенствования визуальных характеристик выпускаемой продукции. В начале XIX века английским промышленникам требовались не только хорошие художники, но и некая система ориентиров в искусстве, которая позволила бы им выстраивать собственную художественную политику на европейском уровне.

В литературе проблема теории и практики промышленного дизайна рассматривается сквозь призму деятельности английского «Комитета искусств и промышленности», повлиявшая на создание Лондонской школы дизайна и музея Виктории и Альберта. В статье, на основании документов английского парламента рассматривается теоретическая и практическая деятельность комитета.

В 1835 г. Палатой общин был сформирован Комитет искусств и промышленности (Committee of Arts and Manufactures). Его основной задачей было изучение роли изобразительного искусства в различных областях промышленности Великобритании и других стран. Второй его задачей было выяснение того, каким образом обучить работников мануфактур изобразительному искусству и принципам проектирования [5].

В 1836 году парламентский Комитет в своем отчете сделал такое заключение: «В области производства «простых» товаров Англия лидирует, что же касается товаров «изящных», то здесь она на одном из последних мест в Европе» [4].

В 1836 году Комитет представил на рассмотрение Парламента два отчета — результаты его работы были негативными для Британии. В европейских странах существовали публичные музеи, галереи, библиотеки как в столицах, так и в провинции. Во Франции существовало восемьдесят школ, обучающих художников-проектировщиков, в Баварии — тридцать школ, готовящих дизайнеров. В тоже время в Англии не было ни одной такой школы. Такая же ситуация наблюдалась в отношении публичных библиотек и галерей. В отчете говорилось о том, что книги по искусству в Англии были редкими и недоступными широкому кругу читателей. Трудности были в приобретении обычной бумаги для рисования из-за установленных правительством высоких налогов на бумагу [3, 48].

Вывод, который делался в одном из отчетов Комитета, состоял в том, что: «великое преимущество промышленных художников-иностранцев над англичанами состоит в том, что за границей искусство гораздо доступнее широким массам. В Англии искусство сравнительно дорого, богатый промышленник не имеет нужды в превосходных образцах, он привлекает для своих целей известных художников Флаксмана или Стотхарда. Но промышленник рангом ниже не может обеспечить себя образцами, равными французским, не завышая при этом цену своих изделий. Если французский фабрикант нанимает трех или четырех художников только для своих нужд, в Англии едва ли найдется один художник на восемь или десять промышленников. Наибольшая нехватка художников наблюдается среди мастеров золотых и серебряных дел, производители мебели, стекла и фарфора, кованых изделий и архитектурного декора в целом» [2, 57].

Комитет рекомендовал Парламенту выделить средства на организацию государственной школы художественного проектирования-дизайна в Лондоне и, в дальнейшем, предполагалось создавать сеть таких школ в главных промышленных центрах страны. Британская программа образования для промышленных художников, носила уникальный характер, поскольку целенаправленно и в сжатые сроки создавала практическую

подготовку промышленных дизайнеров. Она начала действовать с 1837 года, под руководством Департамент практического искусства [5].

В 1837 г. была основана Лондонская школа дизайна, переименованная позднее в Королевский колледж искусств. В конце века британские «школы дизайна» преобразовались в «школы искусств и дизайна» и объединились в единую систему, управляющуюся из Лондонского южного Кенсингтона, где располагался музей Виктории и Альберта [1, 34].

Другим предложением парламентского комитета 1836 года стал проект создания музеев прикладного искусства: «Все, что представляет собой совокупность усилий художника и рабочего, необходимо собирать для формирования таких институтов. Они должны вобрать в себя все наиболее востребованные современные образцы, как иностранные, так и отечественные, которые наша вездесущая коммерция поставляет из наиболее отдаленных частей земного шара» [4].

Роберт Стоквелл в своем исследовании рассматривает создание Южно-Кенсингтонского музея (с 1899 г. музей Виктории и Альберта) в 1855 году. Это был музейный комплекс, специфика которого на момент создания не поддается однозначному определению. Сначала его основатели собирали все, что производилось, и будет производиться в человеческом обществе, независимо от того, относится ли предмет к сфере искусства, науки или быта, а также промышленное оборудование и сырье [2, 64].

Создатели Южно-Кенсингтонского музея подготовили основу для создания в будущем музея современной цивилизации, но для основателей музея все его экспонаты были методическим материалом для воспитания промышленного художника. Музей мыслился как продолжение школы дизайна в Сомерсет Хаус. Южный Кенсингтон с момента создания управлял всеми государственными школами дизайна в Англии. Поэтому Южно-Кенсингтонский музей декоративного искусства очень скоро стал «музеем исторических образцов» в духе Академии. Правительство выделяло значительные суммы для пополнения его коллекций на международных выставках. К 1889 году затраты на покупку современных художественных изделий оказались практически сведены к нулю [4].

В коллекции рисунков музея Виктории и Альберта находятся примеры того, как авангардное видение мира проявлялось в образцах самых дешевых и массовых изделий. В основном, это явление было связано с дешевым машинным способом производства, который требовал максимально упростить рисунок изделия. Английские художники-проектировщики сумели создать особую, геометрическую эстетику массовой продукции прежде, чем она была обоснована в теории. Корни этой эстетики следует искать в массовом проектировании палладианского периода, когда шаблонная геометрия лежала в основе самых разных стилистических решений [2, 59].

Деятельность комитета была прекращена в 1892 году в связи с отказом финансирования.

Созданные, благодаря деятельности «Комитета искусств и промышленности» «Лондонская школа дизайна» и «музей Виктории и Альберта» повлияли на осмысление научного прогресса с эстетической точки зрения и стали предпосылками формирования промышленного дизайна в Англии. Данное направление определило развитие научной, экономической деятельности, способствовало возникновению новой экономической модели хозяйствования. Такое направление послужило толчком для дальнейшего развития промышленного дизайна в европейских странах.

Литература

1. Аронов В.Р. Художник и предметное творчество. М., 1987.
2. British Art and Design 1900—1960. Victoria & Albert Museum. L.: Robert Stockwell Ltd., 1983.
3. Cliff, Stafford. The English Archive of Design and Decoration. L.: Thames and Hudson Ltd., 1998.
4. Industrial Designer (1834—1904). Design Museum Collection // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vam.ac.uk/nal/findinginfo/info_history/, свободный.
5. Parliament UK House of Commons // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.parliament.uk/>, свободный.

Н.Н.Шмакова, А.А.Шабанова
г. Оренбург

Оренбургский государственный педагогический университет

ИСКУССТВО СТРАН МАГРИБА (ТУНИС, АЛЖИР, МАРОККО) VII—XV ВЕКОВ

В эпоху феодализма народы арабских стран внесли огромный вклад в развитие искусства на территории стран Магриба. Средневековая культура Туниса, Алжира, Марокко была важным прогрессивным шагом в развитии мировой цивилизации. Кроме того, арабы сохранили (особенно в области науки) и передали последующим поколениям многие ценные достижения античности. Черты неповторимого своеобразия отличают средневековые художественные памятники Туниса, Алжира, Марокко.

Первые значительные памятники арабо-берберской архитектуры были созданы в Северной Африке еще в конце VII в. Среди них самым величественным является мечеть Сиди-Укба в Кайруане (Тунис), центре паломничества в Северной Африке, основанная как соборная мечеть города, считавшегося «священным городом ислама». Первоначально очень скромное здание мечети неоднократно перестраивалось; современный его облик, по мнению исследователей, сложился к концу IX века.

Во внешнем облике кайруанской мечети сильны черты крепостной архитектуры. Здание окружено глухими массивными стенами, укрепленными контрфорсами, с минаретом в виде высокой и мощной квадратной башни. Огромный внутренний двор окружен мраморными и гранитными колоннами, поддерживающими подковообразные арки. Особенностью мечети является широкий Т-образный трансепт, пересекающий глубокий колонный молитвенный зал перед михрабом. Эта черта стала характерной для мечетей Магриба. Неф перед михрабом мечети увенчан двумя сферическими, снаружи ребристыми куполами, опирающимися на богато украшенные тропы [3, 178]. Арка михраба и стена вокруг нее покрыты своеобразной инкрустацией из ромбовидных изразцов со светлой росписью. Михраб отделан также плитками мрамора с резьбой.

Замечательным памятником декоративного искусства является изготовленный из платанового дерева минбар, датированный 863 г. Он украшен резными панелями, узор которых свидетельствует о высоком мастерстве создавших его художников. Геометрические мотивы и затейливая растительная вязь исполнены с большим пластическим чувством. Резной орнамент минбара гармонирует с пышным убранством михраба и расположенного над ним купола.

К мечети Сиди-Укба по типу планировки и характеру декора близки большая мечеть в городе Тунисе, сооруженная еще при Омейядах в 732 г., но перестроенная в X в., и относящиеся к X в. мечети в Сусе и Сфаксе.

Сохранились крепостные постройки, внешне схожие с большими культовыми зданиями той эпохи. Таков, например, рабат в Сусе, имевший мощные стены с полукруглыми выступами и высокой сторожевой башней, подобной минарету.

Самой грандиозной постройкой XII в. была мечеть Хасана в Рабате (Марокко): по размерам она превосходила Кордовскую, имела три внутренних двора и более 400 колонн.

Выдающимся и вместе с тем характерным памятником монументальной архитектуры этого времени является мечеть Кутубийя в Марракеше (XII в.). В молитвенном зале мечети сто пятьдесят столбов образуют семнадцать продольных нефов, завершенных своего рода трансептом, идущим вдоль стены с михрабом. Массивные столбы несут высокие подковообразные арки. В перспективе арки образуют анфиладу. Анфилады арок пересекают короткие продольные нефы, перекрытые плоским или двускатным деревянным потолком. Некоторые нефы завершаются небольшими куполками, возвышающимися над трансептом у михрабной стены. Наконец, сами столбы и арки, часто неодинаковые по форме, воспринимаются в разных ракурсах. Все это вносит в интерьер богатый и сложный ритм чередования архитектурных форм [6, 144].

Снаружи мечеть Кутубийя представляет невысокий архитектурный блок, покрытый узкими двускатными черепичными крышами, возведенными над каждым из продольных нефов. Волнистую поверхность кровли оживляют небольшие павильоны, отмечающие пять куполов трансепта, а над всем зданием высится башня минарета, одного из самых больших в Магрибе. Строгая по форме монолитная призматическая башня имеет три яруса окон и декоративных арок и украшена сверху зубцами. Минарет венчает надстройка, несущая маленький купол. Как в интерьере, так и во внешности мечети сказался тонкий художественный вкус зодчих, нашедших гармоничные пропорции для башни минарета и ожививших изящным декором гладкую поверхность его каменных стен.

Очень интересным памятником этого рода является также минарет не дошедшей до нашего времени севильской мечети (1171—1172 гг.). В XV в. на ее месте был построен готический собор, а сам минарет, получивший позднее название Ла Хиральда, был в XVI в. украшен новым покрытием. Строителю минарета — арабскому мастеру Джеберу — удалось создать архитектурный образ, исполненный мощи и вместе с тем изящества. Монолитная призматическая башня с ее ясными объемами и строгими формами высоко вздымается над городом. Ярко выражен массив гладких сложенных из кирпича стен. Лишь на значительной высоте мастер облегчает поверхность сооружения тщательно продуманной во всех деталях декоративной отделкой, ритм которой как бы усложняется от яруса к ярусу. Все элементы декора подчинены принципу строгой плоскостности. Убранство имеет вид узорчатой вставки в простой каменный массив. Характерно, что углы башни оставлены гладкими и лишены украшений. Примененный здесь прием контраста гладкой поверхности стены и введенного в нее декоративного пятна был распространен в арабском искусстве и впоследствии оказал воздействие на развитие характерных особенностей испанской архитектуры. Высокий, стройных пропорций, нарядный минарет стал подлинной достопримечательностью Севильи.

Величественный памятник монументального стиля представляет и минарет мечети Хасана в Рабате, также имеющий форму призматической башни. Зодчий, соорудивший минарет мечети Хасана, как и в Севилье, умело используя контраст глади стены с тонким декором из арок и орнамента, придал строгим формам башни большую художественную выразительность [4, 179].

Среди светских построек Альмохадов особенно многочисленны крепостные сооружения. Мощные, укрепленные башнями стены сохранились в Марракеше, Рабате, Таде, Тлемсене и др. Городские ворота, представлявшие,

как правило, довольно сложное оборонительное сооружение, снаружи обычно украшены порталом с подковообразной аркой. Концентрически расположенный вокруг арки крупный рельефный орнамент декоративно выделяет проем ворот.

Архитектура стран Магриба в XIII—XV вв. интересна не только большим числом построенных светских и культовых зданий, но и появлением тенденций, характеризующих новую стадию в развитии средневековой художественной культуры арабского запада. В зодчестве, как и в других видах искусства, стало превалировать декоративное начало, отодвинувшее на второй план тектоническую ясность форм и конструкций здания.

Произведение архитектуры в этот период не мыслилось без богатого, обычно многоцветного орнаментального убора. Тончайший арабесковый узор покрывает каждую архитектурную деталь здания, каждый участок поверхности стены. Орнамент, надписи, сталактитовые карнизы, своды, арки, образуя декоративно насыщенные динамичные композиции, лишь в общих своих контурах подчиненные основным линиям архитектуры здания, говорят об утонченной, изысканной роскоши. Интерьер, а иногда и фасады поражают тонкостью, изобилием, подчас кажущейся даже излишней щедростью орнаментально-декоративного убора [1, 255].

Прекрасный пример нового стиля в архитектуре Магриба представляет интерьер большой мечети в городе Таза, в конце XIII в. украшенной богато орнаментированным куполом перед михрабом.

Характерными памятниками XIV в. являются многочисленные марокканские медресе, сохранившиеся в Фесе, Марракеше, Мекнесе и других городах. Здания эти представляют собой небольшие постройки, состоящие из внутреннего двора, окруженного кельями учителей и учеников, и примыкающего с одной стороны помещения мечети. Сходные по типу здания марокканских медресе в художественном отношении очень разнообразны. Особенно интересны внутренние дворы, являющиеся средоточием их художественного убранства. В решении аркады (чаще всего двухъярусной), в выборе декоративных материалов, в композиции и характере мотивов орнамента зодчие и художники, украшавшие эти постройки, проявили огромное мастерство, тонкий вкус и почти безграничную художественную фантазию [1, 257].

В марокканских медресе пластическая выразительность архитектурной формы основана на сочетании света и тени, на применении разномасштабных арок и опор, то массивных и тяжелых, то легких и хрупких. Вместе с тем архитектура зданий не мыслится без богатейшего орнаментального убора, под цветным ковром которого совершенно исчезла гладь стен. Резьба мраморных капителей своей пышностью спорит с цветной инкрустацией панелей, белым и синим рисунком мозаик, тонким рельефным узором потемневших деревянных деталей. Геометрические и растительные арабески перемежаются с паутиной лепных сталактитов и полосомами арабских надписей. Орнамент сообщает архитектурному образу своеобразное музыкальное начало.

В Марокко, Алжире и Тунисе традиции средневекового зодчества были органично использованы в процессе формирования национальных художественных культур. В Марокко еще в XII и даже в начале XIII в. возводились значительные богато декорированные постройки в традиционном стиле [7, 55]. В Алжире и Тунисе после захвата их Турцией, несмотря на распространение в культовом зодчестве османских архитектурных канонов, тоже не исчезли вековые художественные традиции. Порожденные творчеством народа, они до сих пор сохраняют свое значение в зодчестве и декоративном искусстве.

О средневековой живописи Северной Африки известно очень мало. Сохранились рукописи XII в и последующих веков, украшенные превосходным, необычайно изысканным геометризированным орнаментом, в расцветке которого преобладают золото и интенсивный синий тон.

Прикладное искусство, которое получило название «испано-мавританского», достигло высокого совершенства. В ремесленных мастерских вырабатывались парча, драгоценные шелковые ткани, изделия из слоновой кости, фаянсовая посуда и великолепно украшенное оружие прекрасной закалки. Во времена раннего средневековья страны Европы получали драгоценные ткани почти исключительно из арабских стран Северной Африки и Ближнего Востока, из Сицилии и мавританской Испании. Сохранились наиболее древние фрагменты тканей IX в. и главным образом X—XII веков. Виртуозной изощренностью геометрического орнамента отличаются ткани так называемого типа альгамбра XIV—XV вв. [2, 58].

Таким образом, в странах Магриба в период VII—XV веков создаются уникальные произведения искусства, развивается архитектура, строятся мечети, медресе, стены которых окрашиваются в стиле «арабески», процветает прикладное искусство и наука. Так, в эпоху феодализма народы арабских стран внесли огромный вклад в развитие искусства на территории стран Магриба, которое стало частью мировой культуры.

Литература

1. Веймарн Б.В. Классическое искусство стран ислама. М.: Искусство, 2002. 496 с.
2. Веймарн Б.В. Искусство Арабских стран и Ирана VII—XVII вв. М.: Искусство, 1974. 188 с.
3. Веймарн Б.В., Каптерева Т.П. Всеобщая история искусств. М.: Наука, 1980. Том 2. Кн. 2. 300 с.
4. Веймарн Б.В., Каптерева Т.П., Подольский А.П. Искусство арабских народов (средневековый период). М.: Искусство, 1960. 199 с.
5. Ионина Н.А. Сто Великих Городов Мира. М.: Вече, 2003. 480 с.
6. Каптерева Т.П. Искусство стран Магриба. Средние века и Новое время. М.: Искусство, 1989. 319 с.
7. Каптерева Т.П. Стародуб Город Марокко. М.: Искусство, 1996. 150 с.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ О ПРАВЛЕНИИ МУХАММЕДА АЛИ В ЕГИПТЕ

В истории Египта период первой половины XIX столетия остается одним из самых ярких, неоднозначных и судьбоносных. На рубеже XVIII—XIX вв. египетский пашалык переживал время внутривосточной борьбы, экономических и социальных потрясений и оказался объектом колониальных интересов европейских государств. Результатом этих событий стал приход к власти в Египте одного из выдающихся деятелей XIX в. Мухаммеда Али, который стал основателем династии, правившей в стране до 1952 г., подверг пашалык реорганизации и предпринял попытку создать независимое арабо-мусульманское государство.

Именно в этот период началось и активное знакомство, и проникновение европейцев на Ближний Восток в целом, и в Египет в частности. Военные и научные экспедиции в ближневосточный регион, борьба между великими державами за новые колонии и рынки сбыта привели в Египет политических и военных деятелей, ученых паломников, торговцев из разных стран. Их впечатления положили основу для изучения этой страны и позволили тем, кому лично не удалось побывать в пашалыке, судить о повседневной жизни местных жителей, сориентироваться в способах оценки ими окружающего мира, а исходя из этого, и высказать мнение о правлении Мухаммеда Али [9; 20].

Наиболее значимым из опубликованных источников является составленный Г.В.Горячкиным сборник документов «Египет глазами россиян середины XIX — начала XX вв. Политика. Экономика. Культура» [3]. В него вошли многочисленные документы, среди которых интересны свидетельства о российско-египетском культурном и научном сотрудничестве, развернувшимся в 1840-е гг.

Большое значение имеет 15-томное «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» Ф.Мартенса (Т. IV. Ч. 1. Трактаты с Австрией 1815—1849, Т. XI. Трактаты с Англией 1801—1831) [12] и изданные Т.Юзефовичем «Договоры России с Востоком. Политические и торговые» [19]. Эти работы включают тексты международных соглашений и являются ценными историческими источниками.

Ретроспективный взгляд на историю Египта первой половины XIX в. представляется интересным для понимания процессов, происходящих ныне в этом государстве и в регионе в целом. Так, период правления Мухаммеда Али непосредственным образом повлиял как на становление экономических и социально-политических реалий современного Египта, так и на развитие общественно-политической и научной отечественной мысли.

В отечественной историографии существуют работы, в которых в той или иной степени изучены основные вопросы внутривосточного и внешнеполитического развития Египта в период правления Мухаммеда Али. Исследованием социально-политических вопросов жизни Египта указанного времени занималась Ф.М.Ацамба [1]. В ряде ее работ была охарактеризована структура институтов власти провинции, отмечена их неоднородность, выделены несколько групп в составе господствующего класса.

Современный исследователь Е.И.Зеленев детально рассмотрел историю развития государственного управления и функционирования судебной системы в Египте и Сирии на протяжении XVI—XX вв. [5].

Аналізу роли и места ислама в Египте в первой трети XIX в. посвящены работы С.А.Кирилиной [7], в которых автор проследила положение мусульманского духовенства от «золотого века» (конец XVIII — начало XIX вв.) до конца правления Мухаммеда Али.

Большое место в отечественной историографии уделено вопросу развития аграрно-налоговых отношений в пашалыке при Мухаммеде Али, поскольку эта проблема затронула практически все слои населения. Наряду с С.А.Кирилиной, которая рассмотрела, как изменилось положение корпуса улема в результате проведения аграрно-налоговой реформы, сущность аграрной политики египетского паши подробно передали Н.А.Иванов [6] и В.Б.Луцкий [11]. Был исследован ход проведения аграрно-налоговых преобразований и их последствия для населения Египта. В качестве причин недовольства жителей пашалыка было отмечено ухудшение положения египтян и зачастую их полное разорение вследствие высокого налогообложения.

Проводимые в Египте реформы способствовали началу перемен в общественном сознании жителей пашалыка. З.И.Левин [10] и В.В.Черновская [18] определили основные факторы, повлиявшие на изменения в образе жизни и мыслей египетского общества, среди которых — появление собственных специалистов в аграрной и промышленной сферах, области образования, военно-морских силах, активное общение с европейцами.

Аравийская кампания Мухаммеда Али нашла отражение в работах А.М.Васильева [2] и А.М.Родригеса [8]. В круг рассматриваемых проблем вошли вопросы предпосылок египетской экспедиции в Аравию, выделены основные этапы этой кампании и итоги каждого из них, определена политика египтян на захваченных территориях до 1840 г.

При характеристике военной экспедиции Египта в Восточный Судан отечественными исследователями были рассмотрены социально-экономические факторы, повлиявшие на принятие Мухаммедом Али решения о начале военной кампании, отмечены причины успехов египтян в Судане и недовольства местного населения [16]. А.О.Филоник выделил важные аспекты аграрной политики египетских властей в Судане [17].

Экспансия Египта на территорию Сирии и Ливана отражена в трудах И.М.Смилянкой [14]. Автор внесла большой вклад в изучение социально-экономического и политического развития данного региона. И.М.Смилянская определила основные районы специализации сельского хозяйства, изучила уровень развития промышленности, выявила особенности развития внутренней и внешней торговли, указала причины подчинения экономики Сирии, Ливана и Палестины иностранному капиталу. Вопрос о Ливанском восстании 1840 г. нашел отражение в работе И.М.Смилянкой «Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в.» [15].

Д.Р.Жантiev обратился к рассмотрению широкого круга вопросов о роли и месте сирийских провинций в процессе модернизации Османской империи. Исследователь проанализировал специфику политики египетских оккупационных властей в Сирии [4].

Проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод, что период правления Мухаммеда Али в Египте вызывает немалый интерес и заслуживает внимания широкого круга историков. Именно в этот период, под влиянием знакомства с передовыми военно-техническими достижениями западноевропейских армий (французской и английской), Мухаммед Али стал проводить серию важных реформ, стремясь сгладить выявившие слабости османской армии и флота. Реформы затронули не только военную сферу, но и все остальные: экономику, образование, социальные отношения, внешнюю политику.

Ускоренная модернизация быстро дала свои результаты, проявившиеся в территориальной экспансии Египта на соседние Аравию, Судан и Сирию, в успешных войнах с Османской империей. И только вмешательство, и давление со стороны Великих держав, вынудили Мухаммеда Али признать суверенитет султана и вернуть захваченные территории.

Литература

1. Ацамба Ф.М. Господствующий класс в социальной структуре египетского города (конец XVIII — начало XIX в.). М.: Наука, 1987. 381 с.; Она же. Социально-экономические позиции крупного купечества в Египте в XVIII — начале XIX вв. // Проблемы современной советской арабистики. Вып. II. Вопросы истории и филологии. Ереван, 1990. С. 13—19; Она же. Высшее мусульманское духовенство Египта в конце XVIII — начале XIX в. (социальные функции, экономические позиции) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1992. № 4. С. 40—57; Она же. Высшее мусульманское духовенство в политической жизни османского Египта (XVIII — начало XIX века) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1993. № 4. С. 33—55; Она же. Социальная структура городского населения в Османском Египте (XVIII — начало XIX в.) // Там же. Сер. 13. Востоковедение. 1997. № 3. С. 27—55.
2. Васильев А.М. Пуризм ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45—1818). М.: Наука, 1967. 178 с.; Он же. История Саудовской Аравии (1745—1973). М.: Наука, 1982. 301 с.
3. Египет глазами россиян середины XIX — начала XX вв. Политика. Экономика. Культура / сост. Горячкин Г. Сер. Народы Ближнего Востока. Вып. XV. Кн. 2. М.: Нота, 1992. 381 с.
4. Жантiev Д.Р. Традиция и модернизация на арабском востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи в конце XVIII — начале XX века. М.: Мысль, 1998. 144 с.
5. Зеленов Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI — начало XX века). СПб.: Клио, 2003. 278 с.; Он же. Египет: Средние века. Новое время. СПб.: Нестор, 1999. 376 с.
6. Иванов Н.А. Аграрная политика Мухаммеда Али (к вопросу об аграрных отношениях в Египте в начале XIX в.) // Очерки по истории арабских стран. М.: Наука, 1959. С. 35—61; Он же. Аграрные отношения в Египте в последней четверти XVIII — начале XIX века // О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). Материалы обсуждения. М.: МГУ, 1962. С. 242—280; Он же. Египет. М.: Наука, 1984. 421 с.
7. Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — нач. XX в.). М.: Просвещение, 1989. 371 с.; Она же. Мухаммед Али в святых землях ислама: политика религиозного прагматизма // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1993. № 4. С. 55—67; Она же. Высшее мусульманское духовенство Египта в первой половине XIX века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1992. № 4. С. 58—68; Она же. Исламские институты Османского Египта в XVIII — первой трети XIX века. М.: Норма, 2000. 418 с.
8. Кириллина С.А., Родригес А.М. Ислам в судьбах египетско-аравийского субрегиона (XVIII — первая треть XIX века). М.: Новости, 1995. 301 с.
9. Ковалевский Е.П. Путешествие во внутреннюю Африку Е.Ковалевского. Т. I. СПб.: Тип. Э.Праца, 1849. 169 с.
10. Левин З.И. К вопросу о развитии общественного сознания в Египте в первой половине XIX века (период правления Мухаммеда Али) // Арабские страны. История. Экономика. М.: Прогресс, 1966. С. 190—200; Он же. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). М.: Восточная литература, 1972. 451 с.
11. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М.: Высшая школа, 1966. 380 с.
12. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. (СПб., 1878. репринт. изд.). СПб.: Клио, 2002. 516 с.
13. Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832—1833 годах. Т. I. М.: Тип. А.И.Мамонтова, 1869. 204 с.
14. Смилянская И.М. К вопросу о разложении феодальных отношений в Сирии, Ливане и Палестине в середине XIX века // О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.) Материалы обсуждения. М., 1962. С. 281—313; Она же.

Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины). М.: Наука, 1979. 301 с.; Она же. Городской бунт (Сирия и Египет XVIII — начала XIX в.) // Восток. 1991. № 2. С. 23—31; Она же. Еще раз о генезисе капитализма в арабских странах (к вопросу о соотношении эндогенных и экзогенных факторов становления капитализма в Сирии в XIX—XX в.) // Восток в новое время. Экономика, государственный строй. Сборник статей. М., 1991. С. 68—108.

15. Смилянская И.М. Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в. М., 1965.

16. Смирнов С.Р. История Судана (1821—1956). М., 1968. С. 30—41; История Судана в новое и новейшее время. М., 1992. С. 14—20.

17. Филоник А.О. Аграрный строй Судана. 1820—1871. (Эволюция форм землевладения и землепользования и развития капитализма в сельском хозяйстве). М., 1975.

18. Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX — первой половине XX в. М.: Наука, 1979. 176 с.

19. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. М.: Восток, 2005. 381 с.

20. Юрасов С. Путешествие по Востоку. Самара: Изд. И.П.Новикова, 188. 133 с.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Л.В.Алексеева
г. Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

НАСЕЛЕНИЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО И ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРУГОВ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В сентябре 1939 г. на Севере была начата перепись, которая продолжалась до декабря 1939 г. В переписи принимали участие более 300 счетчиков. В целом перепись прошла достаточно организованно, хотя определенные инциденты все же имели место [1].

По Всесоюзной переписи 1939 г. в Остяко-Вогульском округе зарегистрированы 93 274 человека, а в Ямало-Ненецком — 45 840. Подсчитав общую численность населения в обоих округах, получим цифру 139 114. Таким образом, численность населения края за 10 лет возросла в 2,5 раза.

Таблица 1

Численность населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов [2]

Округ	Год	Численность населения (в тыс. чел.)
Ханты-Мансийский автономный округ	1930	50
	1940	95
Ямало-Ненецкий автономный округ	1930	23
	1940	49

В 1999 г. под редакцией Ю.А.Полякова появилась книга «Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия», в которую вошла значительная часть документов, ранее не публиковавшихся. Однако в этой книге не содержится интересующий нас материал о народах Северо-Западной Сибири. Составители приводят сведения лишь общего характера, касающиеся народов Севера всей территории России, и используют такое понятие, как «народности Севера», под которым «подразумеваются 26 малочисленных народов, живущих на Севере Европейской части России, Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке» [3].

Для восполнения пробела воспользуемся материалами, извлеченными из архивов. Во-первых, данные о численности населения сильно расходились. Так, по сведениям Омского обкома ВКП (б), в Остяко-Вогульском округе проживали 80,5 тыс. человек, а по сведениям окружкома ВКП (б) — 92 212 [4]. По другим данным, в Остяко-Вогульском округе проживали 87 950 человек, из которых коренные народы составляли 20 000, а плотность населения равнялась 0,15 человек на кв. км [5].

Таблица 2

Национальный состав населения Остяко-Вогульского округа по всесоюзной переписи 1939 г. [6]

Национальность	Городское население		Сельское население		Все население			
	Всего	Процент к итогу	Всего	Процент к итогу	Муж.	Жен.	Всего	Процент к итогу
1. Русские	6 586	87,95	61 030	71,14	31 726	36 890	67 616	72,49
2. Северные народности, в том числе:	469	6,26	18 398	21,45	9 353	9 514	18 867	20,23
ханты	341	4,55	11 897	13,87	6 153	6 085	12 238	13,12
манси	108	1,44	5 660	6,60	2 731	2 987	5 768	6,18
ненцы	15	0,20	837	0,98	411	441	852	0,91
3. Коми	55	0,74	2 381	2,73	1 154	1 282	2 436	2,61
4. Татары	149	1,99	2 078	2,42	1 191	1 036	2 227	2,39
5. Украинцы	120	1,60	991	1,15	566	545	1 111	1,19
6. Прочие	109	1,46	908	1,06	548	469	1 017	1,09
Всего	7 488	100,00	85 786	100,00	44 538	48 736	93 274	100,00

По сведениям таблицы видно, что основное население в ХМНО являлось русским (72,49%), коренные народы составляли 20,23%.

Национальный состав населения Ямало-Ненецкого округа по всеоюзной переписи 1939 г. [7]

Национальность	Городское население		Сельское население		Все население			
	Всего	Процент к итогу	Всего	Процент к итогу	Муж.	Жен.	Всего	Процент к итогу
1. Русские	9 783	76,64	9 525	28,80	9 893	9 415	19 308	42,12
2. Северные народы, в том числе:	328	2,57	18,617	56,28	9 584	9 361	18 945	41,33
ненцы	206	1,64	13 248	40,05	6 803	6 651	13 454	29,35
ханты	103	0,81	5 264	15,91	2 727	2 640	5 367	11,71
3. Коми	1 118	8,76	3 604	10,90	2 275	2 447	4 722	10,30
4. Татары	1 031	8,08	605	1,83	1 027	609	1 636	3,57
5. Казахи	65	0,51	334	1,01	208	191	399	0,87
6. Украинцы	196	1,54	199	0,60	215	180	395	0,86
7. Прочие	243	1,90	192	0,58	249	186	435	0,95
Всего:	12 764	100,00	33 076	100,00	23 451	22 389	45 840	100,00

Как следует из сведений таблицы, на Ямале соотношение русского и коренного населения было примерно одинаковым.

Увеличение численности населения в округах в предвоенное десятилетие происходило за счет принудительных миграций. Одним из факторов увеличения численности населения в округах стала крестьянская ссылка, а затем и этническая. За 10 лет значительная часть территории была покрыта сетью лагерей и спецпоселков. Численность трудпоселенцев на 1 января 1939 г. в Омской области составила 39 277 человек [8], основная часть которых была размещена на Севере Западной Сибири.

Ориентация экономики на добывающие отрасли и лагерный труд повлияла на то, что в 1930-е гг. процесс урбанизации слабо затронул национальные округа Северо-Западной Сибири. Городское население проживало в с. Сургуте, гг. Салехарде и Ханты-Мансийске. В 1939 г. в Остяко-Вогульском округе городское население насчитывало 9 488 человек, а сельское — 85 786 [9]. В Ямало-Ненецком округе доля городского населения была выше, она составляла почти треть [10]. Среди коренных жителей, за редким исключением, горожан вовсе не было. Самой многочисленной группой накануне войны стали рабочие и служащие. В 1939 г. в Ямало-Ненецком округе рабочие и служащие с семьями составляли 68,1% населения, а в Ханты-Мансийском автономном округе на 1 января 1941 г. на государственных предприятиях работали 42,9% всего трудоспособного населения округа. Существенно возросла доля колхозников. В 1940 г. колхозники составляли 46% населения Ханты-Мансийского национального округа и 21,5% населения Ямало-Ненецкого округа [11].

Начавшаяся вторая мировая война внесла свои коррективы в характер репрессивной политики сталинского руководства. Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии повлекло за собой массовую депортацию «неблагонадежного» гражданского населения. В Омскую область вывезли 12 717 так называемых «польских осадников» [12]. «Зимой 1939—1940 гг. в магазине Ханты-Мансийского леспромхоза стали появляться иностранные вещи, их сдавали на продажу ссыльные поляки», — вспоминает Ю. Созонов. Далее он продолжает: «Город был наводнен поляками, они работали на предприятиях, в учреждениях, выполняли различную черновую работу, многие были портными, фотографами, часовщиками. При ресторане играл польский джаз, который позднее переехал в Дом народов Севера. Поляки создавали семьи, женились на русских девушках, многие оставили в Ханты-Мансийске свое потомство» [13]. Через год к полякам добавилось около двух тысяч высланных из Бессарабии торговцев и зажиточных крестьян [14]. А в сентябре 1941 г. в Омскую область прибыли 83 516 немцев Поволжья. Прибывшие ссыльнопоселенцы были направлены сюда для работы в лесной и рыбной промышленности и размещены в спецпоселках [15].

Итак, с началом второй мировой войны в округах были депортированы несколько тысяч поляков, финнов, немцев, молдаван и др. народов из Европейской части страны, что привело к увеличению численности населения. Как следует из справки НКВД «О количестве рабочих, расселенных в ЯННО и ХМНО» за 1941 г. (не ранее марта — прим. Л.А.) в Ханты-Мансийском округе в спецпоселках проживало 11 442 человека [16].

Таблица 4

Динамика численности населения Ямало-Ненецкого округа в 1940—1941 гг. [17]

Район	1940	1941
Салехард	9 854	11 512
Шурышкарский	7 554	7 916
Приуральский	6 508	6 802
Ямальский	8 576	8 968
Надымский	3 605	3 782
Тазовский	5 025	5 254
Пуровский	2 305	2 434
Итого	43 427	46 668

Из сведений таблицы следует, что население округа за 1941 г. увеличилось по сравнению с 1939 г. незначительно (в 1939 г. было на 45 840 человек).

Таблица 5

Население Ханты-Мансийского национального округа (1940—1941 гг.) [18]

	1940	1941
Всего населения	94 860	101 819
В т.ч. рабочих и служащих	14 802	11 113

Население ХМНО по сравнению с населением ЯННО увеличилось намного больше, это можно объяснить тем, что основной поток административно сосланных граждан расселялся в районах Ханты-Мансийского округа.

Таким образом, в 1939—1941 гг. население Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов пополнилось за счет этнической ссылки и составило в совокупности почти 150 тыс. человек.

Литература

1. На участке Петрунического оленеводческого совхоза начальник стада не давал нарты счетчику, задержал его отъезд на 5 часов, снабдил его плохой оленьей упряжкой. Кочевник Семен Лангартов (Сынский сельсовет) давал заведомо неверные сведения о возрасте членов своей семьи. Единоличник — кочевник Ледков (тогда же сельский совет) долго избегал переписи, счетчик Попов искал его стойбище три дня. См.: Скачков И.Ф. Как провели перепись населения на Крайнем Севере Омской области // Омская область. 1940. № 4. С. 51—62.
2. Составлена по: Народное хозяйство СССР. 1922—1972. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 11.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. М., 1999. С. 203.
4. РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 21. Д. 3304. Л. 39.
5. КУ «Ис А ОО». Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2387. Л. 17.
6. Составлена по: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.). Тюмень, 1994. С. 278.
7. Составлена по: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 279.
8. См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы: в 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 гг.
9. См.: Судьбы народов... С. 278.
10. См.: Там же. С. 279.
11. Прибыльский Ю.П. Социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1997. С. 28—29.
12. Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады...». Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Тюмень, 1999.
13. Созонов Ю. Варшава — Ханты-Мансийск — Варшава // Новости Югры. 2001. 28 июня.
14. См.: Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады...». С. 140—141.
15. См.: Загороднюк Н.И. Депортация населения союзных республик (1940-е гг.) // Словцовские чтения — 1997. Тюмень, 1997. С. 104—105.
16. КУ «Ис АОО» Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 2740. Л. 10.
17. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века. Историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2010. С. 42.
18. Составлена по: ГБУТО «ГАСПИТО» Ф. П-107. Оп. 1. Д. 805. Л. 1 об.; Л. 14 об.

А.Г.Алятина
г. Оренбург

Оренбургский государственный институт менеджмента

РАБОТА БИБЛИОТЕК НА ЮЖНОМ УРАЛЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1945—1953 гг.)

Война нанесла огромный ущерб библиотекам оккупированных областей Советского Союза и их книжным фондам.

Благодаря заботе правительства государственная сеть библиотек уже за годы первой послевоенной пятилетки была полностью восстановлена, число библиотек общего пользования в конце пятилетки составляло свыше 300 тысяч с книжным фондом более 600 миллионов томов [1, 92].

На деятельности библиотек страны в целом и Южного Урала в частности сильнее всего образом отражалась внутривластная, прежде всего идеологическая обстановка сталинской эпохи. Курс на военное

противостояние с Западом стал определяющим для внутренней жизни Советского Союза. Отношения с Западом строились на взаимных обвинениях и подозрительности.

Идеологическая установка на приоритет всего отечественного вела к почти полному вытеснению из культурного обихода зарубежной литературы и искусства. Еще в 1943 г. было прекращено издание журнала «Интернациональная литература». Далее последовала идеологическая чистка второй половины 40-х годов, которая отражала общую ситуацию культурной жизни общества [2, 19—20]. Наступление на интеллигенцию началось с выходом 14 августа 1946 года постановления ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

С разъяснением постановления перед писателями Ленинграда выступил член Политбюро ЦК А.А.Жданов. Его речь была полна грубых оскорблений и политических обвинений в адрес А.А.Ахматовой, М.М.Зощенко и других советских литераторов. Так, известный сатирик М.М.Зощенко характеризовался как «пошляк», «хулиган» и «клеветник». Одна из талантливейших советских поэтесс — А.А.Ахматова названа была «взбесившейся полубарынькой, полумонахиней-полублудницей». Постановление ЦК партии тяжело отразилось на их дальнейшей творческой судьбе: М.М.Зощенко и А.А.Ахматова были исключены из Союза писателей СССР, редакции литературно-художественных журналов и газет прекратили печатать их произведения [3, 10—14]. Лишь в 1958 году ЦК партии признал имевшие место в конце 40-х годов факты администрирования в области руководства культурой, резкость отдельных оценок.

При этом надо иметь в виду, что литература в послевоенные годы оказывала громадное влияние на умы и настроения людей. Чтение, обсуждение поступков и характеров героев значило больше, чем просто проведение досуга, оно было и развлечением, и жизненным стимулом социального бытия для людей, лишенных свободного доступа к информации, возможности политического и идейного самоопределения. В народе, еще недавно в массе своей неграмотном, сохранялась наивная вера в правду и силу печатного слова. Рядовой читатель послевоенных лет воспринимал художественные произведения как учебники жизни.

Однако ширококомасштабная идеологическая кампания, естественно, оказала влияние на простых рядовых читателей послевоенного периода и самым непосредственным образом отразилась на книжных фондах библиотек. Из массовых библиотек изымались книги, которые, по мнению цензуры, не представляли «научной и литературной ценности» и были «засорены фамилиями, цитатами из статей и статьями врагов народа». Подготавливались специальные списки такого рода «запрещенной» литературы, которые утверждались ЦК ВКП (б) [4, 198—199]. Напротив, основу книжных собраний библиотек любого уровня, как и в довоенные годы, составляла марксистско-ленинская литература, в основном сочинения В.И.Ленина и И.В.Сталина, а советскую художественную литературу представляли произведения М.Шолохова, А.Фадеева, К.Симонова, Б.Полевого, Н.Островского и другие, одобренные партийными идеологами. Зарубежной литературы в фондах было мало, так как о буржуазной культуре, в том числе литературе, говорили как о разлагающейся, находящейся в тяжчайшем кризисе и упадке. В результате подобной политики многие выдающиеся произведения советских и зарубежных писателей оказались недоступны массовому читателю и фактически надолго предавались забвению.

На содержание массовых государственных библиотек государство выделяло огромные средства.

Было принято правительственное решение о выделении бесплатного экземпляра каждого издания для всех восстанавливаемых областных, краевых и республиканских библиотек, значительно увеличены ассигнования на комплектование районных и сельских библиотек, обеспечен принцип первоочередности в снабжении книгами массовых библиотек.

Однако в тяжелейших условиях находились и библиотеки тыловых районов страны, в том числе Южного Урала. В первые месяцы войны многие из них были закрыты либо переведены в непригодные помещения.

Значительное содействие восстановлению библиотек не только оккупированных областей страны, но и тыловых оказал образованный в 1943 г. Государственный книжный фонд, который только с 1943 по 1946 г. направил в библиотеки свыше 13 млн. книг [5, 92].

На Южном Урале наблюдается тенденция к увеличению числа библиотек Министерства культуры РСФСР (табл. 1) [6].

Таблица 1

**Число библиотек Южного Урала в системе культурно-просветительной работы
Министерства культуры РСФСР**

Год	Челябинская область	Чкаловская область	Курганская область	Всего в трехобластьях Южного Урала
1	2	3	4	5
1945	160	276	132	568
1946	162	301	161	624
1947	166	306	173	645
1948	168	308	176	652
1949	175	311	177	663
1950	197	327	189	713

1951	210	342	215	767
1952	248	367	266	881
1953	356	454	355	1165

Таким образом, в Челябинской области с 1945 по 1953 г. численность библиотек увеличилась в 2,2 раза (со 160 до 356), в Чкаловской — соответственно в 1,7 раза (с 276 до 454), в Курганской — в 2,7 раза (со 132 до 355).

В послевоенный период расширилась деятельность библиотек по пропаганде книги среди населения. С этой целью библиотеками использовались рекомендательные списки и библиографические обзоры, проводились читательские конференции и книжные выставки, беседы и громкие чтения, месячники книг и встречи с передовиками промышленности и сельского хозяйства. Многие библиотеки организовывали постоянные передвижные выставки о пятилетних планах, издавали библиографические указатели по конкретным вопросам пятилеток, в первую очередь по актуальным проблемам развития отдельных республик, краев, областей, районов.

Большое место в работе библиотек занимала пропаганда советской художественной литературы. Почти во всех массовых библиотеках страны проводились читательские конференции по лучшим произведениям советских писателей и тематические конференции, чаще на такие темы, которые были актуальны для того времени, — образ коммуниста в художественной литературе, моральный облик советского молодого человека и ряд других.

Многие библиотеки проводили Пушкинские, Горьковские, Некрасовские и другие чтения. В некоторых библиотеках в массовой работе с читателем заметное место занимали литературные «среды» на самые разнообразные темы. В этих «средах» принимали участие не только читатели, но и артисты театров, концертных объединений. В ряде библиотек работали литературные кружки.

Огромную роль придавали библиотеки Чкаловской области идеологическому и патриотическому воспитанию молодежи. Так, в 1948 году в честь 30-летия ВЛКСМ большинство городских и районных библиотек проводили читательские конференции на тему: «Комсомол в борьбе за свободу и независимость нашей Родины» по книгам А. Фадеева «Молодая гвардия» и Н. Островского «Как закалялась сталь». В подготовке и проведении читательских конференций активное участие принимали местные комитеты комсомола.

Кроме того, в библиотеках Чкаловской области в 1948 году проводились вечера, посвященные творчеству русских классиков и советских писателей А.М.Горького, А.Н.Островского, В.Г.Белинского, А.Н.Толстого, В.В.Маяковского и др., а также политическим событиям: «30 лет Советской Армии», «День Парижской коммуны» и т.д. Вечера заканчивались художественным чтением.

Важным моментом в послевоенный период являлась работа кружков при библиотеках. Например, в 1948 году по Чкаловской области работало 227 кружков различных типов. В организации кружков и проведении занятий большую помощь оказывал актив библиотек. В литературных кружках изучали творческий путь русских классиков — А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, А.Н.Островского и произведения лауреатов Сталинской премии И.Эренбурга, Б.Полевого, А.Фадеева и др. В программу политических кружков входило изучение биографий В.И.Ленина и И.В.Сталина, изучение «Краткого курса истории ВКП (б)» с привлечением первоисточников, а также изучение устава ВЛКСМ. В связи с выходом постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 года «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрении травопольных севооборотов, строительстве прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР», широко разрекламированного и известного в стране как «Сталинский план преобразования природы», в целом ряде библиотек были организованы сельскохозяйственные кружки и кружки любителей природы, где изучались книги Т.Д.Лысенко, И.В.Мичурина и др. Кроме того, это постановление разъяснялось среди населения через книгонош, путем громких чтоток и бесед. В библиотеках были вывешены карты лесозащитных полос, а также организованы книжные выставки и оформлены библиотечные плакаты, направленные на пропаганду произведений основоположников советской биологической науки [7, 64].

Аналогичный пример можно привести и по Челябинской области. В 1947 году в библиотеках появились новые формы пропаганды книги. Так, в Златоустовской городской, Каслинской районной, Миасской детской, а также во многих других библиотеках были созданы литературные лектории. В библиотеках работало 103 литературно-читательских кружка, причем во многих других библиотеках были созданы кружки по изучению биографии И.В.Сталина. Особенно широко внедрялись в библиотеках области литературные чтения произведений советской художественной литературы. За год состоялось 12 645 таких литературных чтений для рабочих, колхозников и молодежи, на которых рассказывалось о выдающихся произведениях советских писателей — лауреатов Сталинских премий, а также читались их произведения. Среди них «Молодая гвардия» А.Фадеева, «Хлеб» А.Толстого, «Тихий Дон» М.Шолохова, «Порт-Артур» А.Степанова, «Повесть о настоящем человеке» Б.Полевого и др..

Таким образом, именно через массовую разноплановую деятельность библиотек пропагандировались все решения партии и правительства, возвеличивалась роль Сталина, популяризировалась в первую очередь советская литература.

В послевоенный период в библиотеках Южного Урала начинает пополняться книжный фонд. Например, в Чкаловской области в 1948 году во все районные и сельские библиотеки поступили работы В.И.Ленина «Государство и революция», «Шаг вперед, два шага назад», «Аграрная программа», «О кооперации», произведение К.Маркса, Ф.Энгельса «Манифест коммунистической партии», работа Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», краткая биография И.В.Сталина, сборник статей и речей И.В.Сталина «О Великой Отечественной войне», сельскохозяйственная литература: Л.П.Серебряков «Основы физиологии сельскохозяйственных животных», Н.Цицин «Зерновая проблема — основное звено в системе сельского хозяйства», справочная литература по организации колхозного производства, уходу за скотом, обработке почвы под разные культуры. Библиотеки пополнились литературой с описанием опыта передовых колхозов по выращиванию высоких урожаев и ведению колхозного производства, а также художественной литературой: избранными произведениями и собраниями сочинений М.Горького, А.Н.Островского, Н.Лескова; книгами «Железный поток» А.Серафимовича, «Тихий Дон» М.Шолохова, «Война и мир» Л.Толстого, «Молодая гвардия» А.Фадеева, «Господа Головлёвы» М.Салтыкова-Щедрина и др.

Разумеется, в числе новых поступлений отсутствуют произведения А.Ахматовой, М.Зощенко, С.Есенина, поэтов «Серебряного века», современных и классических зарубежных авторов. Советскому человеку приходилось читать то, что было доступно, все остальное предавалось забвению...

Цензурные ограничения, влиявшие на состав книжных фондов, были характерны не только для массовых библиотек. Так, в газете «Челябинский рабочий» от 22 ноября 1949 года была напечатана статья «Библиотека председателя колхоза», где упомянут тот же перечень литературы: «В комнате стоят этажерки, шкафы с книгами. Это — личная библиотека председателя колхоза «Путь Ленина», Увельского района, Алексея Николаевича Черемухина. В личной библиотеке т. Черемухина, которая создавалась в течение ряда лет, насчитывается более полутора тысяч томов. В этом числе — собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, В.И.Ленина и И.В.Сталина. Разнообразен подбор художественной литературы. «Анна Каренина», «Война и мир» Л.Толстого, собрания сочинений А.Пушкина, М.Лермонтова, Н.Гоголя, Н.Некрасова, М.Салтыкова-Щедрина, Ф.Достоевского, Д.Мамина-Сибиряка, А.Чехова, М.Горького.»

Газетная публикация фактически очерчивала тот круг чтения, который был разрешен и рекомендован партийными идеологами каждому образованному советскому человеку.

Активное участие принимали библиотеки в работе по улучшению сельскохозяйственного производства. Пропаганда сельскохозяйственной литературы, опыта передовиков сельского хозяйства, успехов Героев Социалистического Труда занимала важное место в деятельности библиотек села послевоенного периода. За годы первой послевоенной пятилетки выдача сельскохозяйственной литературы в районных библиотеках страны увеличилась примерно в 4 раза, достигнув в РСФСР 12 млн. экземпляров.

Такому росту способствовало дифференцированное обслуживание тружеников сельского хозяйства с учетом не только их образовательного и общекультурного уровня, но и профессии: работникам рекомендовалась сельскохозяйственная литература по специальности — полеводству, животноводству, овощеводству, льноводству, различным отраслям механизации сельского хозяйства.

Чтобы довести книгу до каждого читателя, применялся подворный обход, библиотечная работа выносилась непосредственно на производственные участки — фермы, полевые станы, где функционировали филиалы библиотек, пункты выдачи книг, передвижные библиотеки, организовывались библиотеки—автобусы. Только в Российской Федерации в системе массовых государственных библиотек в годы четвертой пятилетки насчитывалось более 50 тыс. передвижек. Так, в 1947 году в Чкаловской области из фондов сельских библиотек было скомплектовано 56 книгопередвижек с количеством книг в них 20—30. Книгопередвижки регулярно, раз в месяц, менялись. Хорошо организовала свою работу Елшанская № 1 сельская библиотека (зав. библиотекой Колесникова), Покровская изба-читальня (избач Черникова), Ст.Тепловский клуб (зав. клубом Кистанов) и др. [8].

О лучших сельских библиотеках регулярно писала пресса послевоенных лет. Так, в Челябинской области «с уважением отзываются о библиотеке и ее заведующей комсомолке Татьяне Рыжковой жители села Медведево. Она — умелый пропагандист книги. Кто бы ни пришел к ней в библиотеку — колхозная доярка или полевод, электромонтер — каждому она порекомендует и политическую, и художественную литературу, брошюру либо учебники по специальности. Около 20 юношей и девушек работают в этой библиотеке книгоношами. Они не только разносят книги, брошюры и журналы, но и проводят громкие читки на квартирах колхозников. Летом библиотека проводила большую работу в поле. Библиотечный актив оформлял бригадные станы, организовывал там красные уголки с библиотеками-передвижками, проводил беседы, читки, выпускал стенгазеты и боевые листки».

Аналогичный пример можно привести и по Курганской области. Так, в 1951 году хорошо работала Юргамышская районная библиотека. При книжном фонде 20 415 экз. она имела 3117 человек читателей, книговыдача составляла 62 957 экз.». В течение года районная библиотека неплохо организовывала передвижную работу. Передвижник тов. Кострова проводила работу в период хозяйственных кампаний непосредственно в поле. Коллективно были прочитаны среди колхозников произведения С. Бабаевского «Свет над землей», В.Пановой «Ясный берег», П.Павленко «Счастье», Ю.Лаптева «Заря».

Библиотеки Южного Урала создавали выставки, библиотечные плакаты, составляли рекомендательные списки для отдельных производственных групп колхозников и сельскохозяйственных рабочих. Например, в МТС в период ремонта сельскохозяйственных машин в мастерских, красных уголках, общежитиях механизаторов вывешивались производственные плакаты и рекомендательные списки специальной литературы, проводились книжные обзоры по темам: «Что читать о ремонте тракторов и комбайнов», «Что нужно знать о ремонте сельскохозяйственного инвентаря», «Новые книги по механизации сельского хозяйства» и т.п.

Широкое распространение получили читательские конференции, литературные вечера, выставки специальной литературы. Большой интерес у сельских жителей вызвало обсуждение во многих библиотеках книг: Т.С.Мальцева «Основы животноводства», В.Зуевой «616 центнеров картофеля с гектара», А.Можаева «Ольга Чеснокова», Синегубова и Смолянинова «Животноводство колхоза им. Буденного». Большим спросом на селе пользовалась специальная литература по темам: «Тракторы, их устройство и эксплуатация», «Роль МТС в подъеме колхозного производства» и др. Из художественной литературы наиболее популярными во второй половине 40-х — начале 50-х годов в деревне были книги советских писателей П.Павленко «Счастье», В.Ажаева «Далеко от Москвы», А.Первенцева «Честь смолоду», Г. Николаевой «Жатва», книги С.Бабаевского, Э.Казакевича.

Таким образом, Великая Отечественная война нанесла большой урон не только библиотекам оккупированных областей Советского Союза, но и тыловых районов, таких как библиотеки Южного Урала, поскольку их здания отдавались под военные нужды, а книжные фонды перемещались в непригодные для хранения помещения, что не только негативно сказывалось на сохранности книг, но и приводило к свертыванию работы библиотек.

В связи с этим в послевоенное время был принят ряд постановлений, направленных на возрождение деятельности библиотек, особенно районных и сельских.

Государством, несмотря на послевоенные трудности, была оказана значительная материальная помощь библиотекам. Такая государственная политика и ее осуществление на Южном Урале привели к росту числа библиотек в регионе, улучшению их материальной базы, увеличению книжного фонда и численности читателей, постепенному улучшению кадрового состава библиотек.

Однако, на деятельность библиотек Южного Урала в послевоенный период серьезное влияние оказали идеологические постановления второй половины 40-х годов, особенно постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», ограничившее доступ советского читателя к ряду произведений отечественных, а тем более зарубежных авторов. Вся тематика мероприятий, проводимых библиотеками, отражала сущность сталинской эпохи.

Несмотря на идеологический прессинг, библиотеки Южного Урала играли большую роль в повышении образовательного и культурного уровня населения региона. В исследуемый период выросла сеть библиотек, улучшилась их работа.

Литература

1. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России : В 2 ч. Ч. 2 : учебно-метод. пособие для студ., преподавателей и библиотечарей-практиков / К.И.Абрамов. М. : Либерия, 2001. 160 с.
2. Виноградов А.П. Деятельность культурно-просветительных учреждений в период восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества (1946—1955 гг.) / А.П.Виноградов. Харьков, 1969. 136 с.
3. Зезина М.Р., Сивохина Т.А. От сталинской диктатуры к «коллективному руководству» / Зезина М.Р., Сивохина Т.А. М. : Изд-во МГУ, 1993. 34 с. С. 10—14.
4. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг. / Е.Зубкова. М.: РОС-СПЭН, 2000. (Социальная история России XX века).
5. Кабанов П.И. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1946—1953 гг. / П.И.Кабанов М.: Госкультпросветиздат, 1955. 263 с.
6. Подливалов В.В. Развитие культуры Зауралья в 1946—1951 гг. / В.В.Подливалов // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 1998. 195 с.; Челябинской области — 70: стат. сб. Челябинск : Челябиноблкомстат, 2004. 575 с.; Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / А.В.Сперанский. Екатеринбург : УрО РАН, 1996. 170 с.; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 7. Д. 163. Л. 18; Оп. 11. Д. 167. Л. 96, 122; ГАКО. Ф. Р-1540. Оп. 1. Д. 87. Л. 1. Д. 93. Л. 1; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 16. Д.263. Л. 112; Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. 36. Л. 10; Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 18. Л. 113; Д. 168. Л. 1; Д. 35. Л. 2; Д. 2. Л. 5, 20, 24; ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 258. Л. 57; ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 719. Л. 18; Оп. 12. Д. 790. Л. 29; Д. 794. Л. 22; ГАОО.Ф. Р-846. Оп. 3. Д. 840. Л. 20; Д. 859. Л. 145; Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 227. Л. 85, 86; Д. 43. Л. 54; Ф. Р-014. Оп. 7. Д. 15. Л. 81.
7. Развитие культуры уральской советской деревни. 1917—1987 гг. / под ред. Р.П.Толмачева. Свердловск, 1990. 196 с.
8. ЦДНПО. Ф.371. Оп. Д. 731. Л. 65.

**«ОБЩЕНАРОДНОЕ ТОРЖЕСТВО» 1912 ГОДА И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ШКОЛА
(ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРЫ)**

Вопрос о том, как культура большого общенационального торжества в дореволюционной России преломлялась в провинциальной среде, поднимается в ряде современных исследований о праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 года в Вологодской [6], Саратовской [11] и других губерниях. Формируется источниковая база для его изучения в виде как опубликованных [5], так и неопубликованных [4] материалов. Данная статья призвана дополнить изучение этой темы сведениями об участии в торжествах преподавателей и учащихся самарских учебных заведений. Наличие документов об их участии было установлено архивистами Самары [10] и Казани [7]. В Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО) интерес вызвало дело канцелярии Самарского учительского института «О выдающихся днях и случаях в жизни института и праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны» [9], которое и легло в основу нашего сообщения.

Учительские институты в России относились к числу средних специальных учебных заведений. Открытие его в Самаре произошло в 1911 г. и было связано с необходимостью подготовки педагогических кадров для городских училищ своей и соседних губерний [1].

Директор и педагогический совет института при организации юбилейных мероприятий выполняли указания Министерства народного просвещения и попечителя Казанского учебного округа по школьному ведомству, адресованные «начальникам средних учебных заведений» [9, Л. 1]. Первым из руководящих документов явился министерский циркуляр от 13 марта 1911 г., где руководству учебных округов было предложено представить соображения о порядке и форме празднования столетнего юбилея Отечественной войны. Новый циркуляр от 12 декабря 1911 г. довел до сведения руководителей учреждений народного образования высочайшее повеление о придании предстоящему юбилею характера «общенародного торжества», привлечении к нему широких слоев общества и населения государства, проведении праздничных мероприятий не только в Москве, Петербурге и на Бородинском поле, но и в других «более или менее крупных центрах России» [13]. 16 января 1912 г. министерство разослало предложение «О порядке и форме празднования по учебному ведомству 100-летнего юбилея Отечественной войны» [14].

Применение этих общероссийских нормативных документов для школ Казанского учебного округа было обсуждено в ходе совещания «по вопросу о порядке и способе участия учебных заведений в общенародном праздновании столетия Отечественной войны». Оно состоялось в Казани 30 апреля 1912 г. с участием «представителей Учебно-окружного управления, администрации, военного округа, различных учреждений и обществ, а также начальников и начальниц средних мужских и женских учебных заведений г. Казани». Протокол совещания был размножен типографским способом и разослан по другим губерниям округа, поскольку одобренные на нем предложения стали руководством для школ не только Казани [9, Л. 4—5 об.].

Кроме высочайших повелений, министерских распоряжений, приказов учебно-окружного начальства, организаторы торжеств в образовательных учреждениях должны были также выполнять указания местных властей. Так, директору Самарского учительского института, как и других учебных заведений города, был прислан «Порядок торжественного празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в г. Самаре», утвержденный губернатором Н.В.Протасьевым [9, Л. 37, 38].

Среди намеченных юбилейных мероприятий выделим относящиеся к учебным заведениям. Их можно объединить в несколько групп по функциональным задачам: духовно-религиозного и военно-патриотического воспитания, официально-государственного и мемориального назначения, просветительской и культурно-художественной деятельности.

В первую очередь, внимание властей было обращено на мероприятия духовно-религиозного содержания. 25 августа 1911 г. накануне дня Бородинского боя в учебных заведениях, имеющих церкви, должны были состояться всенощное бдение и торжественная панихида. В тех заведениях, в которых не было собственных храмов, проводилась только панихида по императору Александру I Благословенному, «его сподвижникам и всем на поле брани в Отечественную войну павшим». Перед началом панихиды законоучителям предписывалось «произнести приличествующее воспоминаемому событию слово».

В день Бородинской битвы 26 августа в храмах учебных заведений совершалась торжественная литургия «с поминовением императора Александра I и всех воинов, в Отечественную войну за родину умерших», а после нее благодарственный молебен «за избавление России от иноплеменного нашествия», где также возглашалась вечная память Александру I и всем павшим. Священники и здесь должны были выступить с подбауривающими событию словами. Там, где своих храмов не было, совершался только молебен, а учителям и ученикам рекомендовалось посетить богослужения в соборах или приходских церквях.

Главным событием официально-государственного и просветительского содержания 26 августа должен был стать торжественный акт. Его открывала речь руководителя учебного заведения, учителя истории или другого лица из педагогического персонала, посвященная разъяснению значения Отечественной войны. В конце акта предполагалась раздача учащимся книг, брошюр, памятных листов, художественных картин, относящихся к войне 1812 г., изображений Александра I и его сподвижников. В заключение акта всеми присутствующими исполнялся «народный» (государственный — Л.А.) гимн. Акт мог включать и художественно-культурную составляющую: чтение литературных произведений, посвященных эпохе 1812 года, исполнение хоровых и других музыкальных произведений, относящихся к ее событиям, юбилейной кантаты, театральные представления «патриотического содержания».

Просветительская компонента праздника дополнялась приобретением литературных и исторических произведений, относящихся к событиям Отечественной войны, для библиотек учебных заведений. Признавалось полезным заранее знакомить учащихся с содержанием таких книг, чтобы привлечь к ним внимание.

Основным мероприятием военно-патриотического характера должны были стать военные парады, на которых присутствие учащихся признавалось очень желательным и не только в качестве зрителя. Учебные заведения по согласованию с воинским начальством могли командировать своих воспитанников для участия в самом параде в составе «потешных рот» или «классов военного строя и гимнастики».

Мемориальный характер праздника, как писали тогда, «для сохранения в сердцах молодежи благоговейной памяти к празднуемому событию» подчеркивался в разных формах. Выпускников-отличников учебных заведений в юбилейном году предполагалось награждать не обычными, а особыми юбилейными медалями. Выдаваемые ученикам наградные книги, похвальные листы, свидетельства и аттестаты также должны были отличаться какой-либо символикой, соответствующей торжеству. На видные места и возвышения в учебных заведениях предлагалось помещать портреты или бюсты Александра I и его соратников, украсив их, как и сами учебные здания, флагами и цветами. Предлагалось использовать также украшения из зелени, устроить вечернюю и ночную иллюминацию.

«Для увековечения в потомстве памяти о войне 1812 года» ставился вопрос об учреждении в учебных заведениях особых стипендий, поименованных в честь особо прославленных событий и лиц той войны. Также было признано желательным присвоение подобных наименований самим учебным заведениям, библиотекам и другим просветительским центрам.

Расписав эти и другие мероприятия, Министерство народного просвещения предупреждало о том, что оно не имеет в своем распоряжении средств на устройство празднования юбилея. Все расходы, сопряженные с праздником, возлагались на сами учебные заведения. Те должны были озаботиться поиском дополнительных средств и местных источников финансирования.

Одним из способов облегчения материальных и денежных расходов на проведение юбилея, а также «для придания подобным актам большей торжественности» Министерство народного просвещения разрешало и поощряло совместную организацию празднования двумя или несколькими учебными заведениями. Таким разрешением воспользовался и Самарский учительский институт. Протокол заседания педагогического совета института 8 февраля 1912 г. открывался как раз вопросом о необходимости «для придания большей торжественности празднованию юбилея примкнуть к другим учебным заведениям г.Самары». Это делалось из следующих соображений: 1) учительский институт только что открылся и не имеет необходимых средств для совершения торжественного акта; 2) число воспитанников незначительно, поскольку проведен только один набор в 1911 г. (первый набор составил всего 35 чел. [8]) Об этом постановлении педагогического совета было доведено до сведения председателя комиссии начальников средних учебных заведений г.Самары [9, Л. 11].

30 апреля педагогический совет учительского института высказался за совместное празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны с самарским Первым городским училищем [9, Л. 17]. Выбор был вполне логичным, поскольку именно для городских шестиклассных училищ (их в Самаре в 1912 г. было три [12]), этот институт готовил кадры, а Первое городское училище было еще местом для проведения педагогических практик воспитанников института. 11 мая директор народных училищ Самарской губернии дал письменное согласие на совместное празднование юбилея в упомянутых учебных заведениях, попросив при этом директора учительского института Н.П.Кильдюшевского принять на себя руководство организацией данного торжества [9, Л. 19]. Впрочем, еще в начале мая устное разрешение было получено от более высокого начальства — попечителя Казанского учебного округа Н.К.Кульчицкого.

На педагогических советах института вопросы, связанные с праздником поднимались еще дважды, 7 мая и 21 августа. Работа была результативной. Празднование прошло в намеченные сроки. Отчет о торжествах, согласно циркуляру попечителя Казанского учебного округа от 2 сентября, был отослан 15 октября в Императорское Русское Военно-Историческое общество [9, Л. 43—46].

Согласно этому отчету, богослужебная часть праздника прошла 25—26 августа в церкви самарского Первого городского училища. Светская часть церемонии состоялась в актовом зале учительского института. С речью выступил преподаватель истории этого института П.И.Иванов. Как и предполагалось, на торжественном акте состоялось чтение литературных и исполнение музыкальных произведений: юбилейной кантаты

«В память 1812 г.» (музыка А.Кастальского, слова И.Зуевой); стихотворения М.Лермонтова «Бородино», которое было прочтено декламатором и исполнено хором в музыкальном переложении А.Астафьева; стихотворения М.Лермонтова «Два великана»; отрывка из произведения В.Жуковского «Певец во стане русских войск»; стихотворения А.Пушкина «Ко гробу Кутузова»; басни И.Крылова «Волк на псарне»; песни «Вспомним, братцы, Россю славу» (слова Ф.Глинки, музыкальная обработка Н.Кленовского), «Народного гимна» («Боже, Царя храни!»), который вместе с хором все собравшиеся на акте исполнили трижды, и православного многолетия.

Для раздачи ученикам была закуплена книга Н.П.Дучинского «Император Александр I-й: Его жизнь и царствование». В архивных документах она называется «брошюрой» [9, Л. 44]. Однако это было достаточно объемная публикация хорошего типографского качества, объемом в 184 страницы с иллюстрациями, выпущенная совместно редакцией «Сельского Вестника» и знаменитым издательством «Т-во И.Д.Сытина» по невысокой цене в 30 коп. специально к 100-летию юбилею Отечественной войны в составе целой серии изданий, посвященных событиям и героям Отечественной войны. Остальные книги этой серии, сверх труда Дучинского, были также приобретены для библиотеки учительского института. Выбор книги-подарка был продуманным и обоснованным. На серию «Сельского Вестника» и «Т-ва И.Д.Сытина» как самые удачные из популяризаторских книг, вышедших к юбилею, обратили внимание и в других губерниях, например, во Владимирской [3] или Саратовской [4].

В заключение торжественного акта была составлена и зачитана телеграмма на имя попечителя Казанского учебного округа «с просьбой повергнуть к стопам Его Императорского Величества чувство беспредельной верноподданнейшей любви и преданности» всех собравшихся. Время торжественного акта было рассчитано таким образом, чтобы закончить его к 12 часам дня. Это дало возможность преподавателям и учащимся затем присутствовать на торжественном молебне, совершенном перед собором, а после него — на военном параде. Места на площади для школ города были заранее отведены полицмейстером. Кроме войск гарнизона в военном параде приняли участие 250 чел. из Второго городского и Самарского реального училищ.

Вероятно, учащиеся вместе с остальными горожанами приняли участие в народных гуляниях, устроенных под музыку оркестров в городских садах. Впрочем, специально развлекательной функции этот праздник для учащихся не нес. На упоминавшемся апрельском собрании в Казани попечитель учебного округа назвал «совершенно неуместным» предложение включить в программу торжества «танцевальный вечер для учащихся», с чем согласилось большинство присутствовавших [9, Л. 5 об.].

Среди планов учительского института на предстоящий юбилей не всё оказалось реализованным. Осталось без поддержки предложение присвоить ему имя императора Александра Благословенного. Отсутствовали средства у самого института и не нашлись доброхоты для учреждения здесь именной стипендии в честь кого-либо из героев эпохи 1812 года [9, Л. 7]. Не удалось организовать «экскурсию воспитанников института в города и местности, связанные с воспоминаниями об Отечественной войне», «причиной тому послужила материальная необеспеченность воспитанников института, принадлежащих по своему происхождению к несостоятельным классам». У самого же института на все расходы по празднику имелось всего 100 руб., выделенных по смете [9, Л. 44 и об.].

Не попали учащиеся института и в состав делегации Казанского учебного округа, отправившейся на торжества в Москву. Самару в ней представляли гимназисты Первой мужской гимназии [7].

Несмотря на некоторые неудачи и недостатки, в целом вырисовывается картина большого общенародного торжества, во многом нацеленного на учащуюся молодежь. Это полностью соответствовало «высочайшим предуказаниям», принятым 24 октября 1911 г., которые ставили одной из главных целей празднеств широкое ознакомление «подростающего поколения и народа» со значением Отечественной войны 1812 года для России. По замыслу верховной власти и организаторов торжеств, при знакомстве «народа, а особенно учащихся с выдающимися эпизодами Отечественной войны», ее событиями и героями следовало обратить основное внимание при объяснении причин русской победы на «общенародный подъем духа и высоко патриотические чувства войска и населения» [9, Л. 36 и об.].

Конечно, действительно вовлечь в праздничные мероприятия можно было только молодежь учащуюся, организованную через учебные заведения. Однако в начале XX века удельный вес этой учащейся молодежи в России был уже весьма значителен, в том числе в провинции. Так, на рубеже XIX—XX вв. в Самаре, где грамотными были менее половины жителей, в различных образовательных учреждениях обучалось более 90% детей в возрасте 9—11 лет [2], а многие продолжали образование и дальше в средних и профессиональных учебных заведениях, к каковым относился Самарский учительский институт.

Очевидно, что в ходе 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года государственная власть России уделила особое внимание воздействию на молодежь. Особенно это было заметно в провинции. Если при торжествах в столицах школьные праздники заслуживали военными, придворными, дипломатическими, общественными, научными мероприятиями, то, уже начиная с губернских городов, не говоря уже об уездных центрах и селах, основной объем и центр юбилейных празднеств переместился в учебные заведения.

Литература

1. Артамонова Л.М. Открытие в Самаре в 1911 году учительского института как среднего профессионального учебного заведения // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара, 2012. С. 123—127.
2. Артамонова Л.М. Участие самарского общества, губернских органов власти и городского самоуправления в развитии образования и здравоохранения // История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн. 1. Самара, 2011. С. 146.
3. Владимирские епархиальные ведомости. 1912. № 20.
4. «...Выработан следующий церемониал празднования...» 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в документах Госархива Саратовской области // Отечественные архивы. 2012. № 3.
5. Голикова Н.И. Источники о праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Вологодской губернии (по материалам периодической печати) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2002.
6. Голикова Н.И. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в Вологодской губернии // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002.
7. Горичкая Н.С. «Славный сей год минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги». Отечественная война 1812 года в документах Национального архива Республики Татарстан // Отечественная война 1812 года в российской истории и национальном самосознании. Самара, 2012. С. 71.
8. ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
9. ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23.
10. Зубова О.В. Архивные источники об участии самарцев в Отечественной войне 1812 г. в Центральном государственном архиве Самарской области // Отечественная война 1812 года в российской истории и национальном самосознании. Самара, 2012. С. 84.
11. Майорова А.С., Тотфалушин В.П. Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002.
12. Памятная книжка Самарской губернии на 1912 год. Самара, 1912. С. 55—56.
13. Русская школа. 1912. № 2. С. VII.
14. Русская школа. 1912. № 3. С. VI—VIII.

*К.Е.Баженова
г.Нижний Тагил*

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 — ФЕВРАЛЬ 1917)

В период Первой мировой войны происходили серьезные изменения не только в экономике, государственном управлении, но и в общественной жизни, социальных отношениях. Ярким проявлением социальных трансформаций явилось создание россиянками организаций, призванных привлечь женщин к участию в решении государственных задач и проблем, порожденных войной. Женское движение, опирающееся на традиции отечественной благотворительности, возникло для оказания действенной помощи фронту, солдатам и их семьям, нуждающимся и обездоленным, жертвам войны. На волне патриотического подъема в начале войны по всей стране за короткий срок была создана целая сеть дамских кружков при различных общественных и общественно-государственных организациях, в числе которых самыми крупными являлись Всероссийские земский и городской союзы.

Органы местного самоуправления, поддерживая общественную женскую инициативу, содействовали ее институционализации. Важную роль в этом играли позитивное отношение верховной власти к деятельности благотворительных организаций, покровительство и руководство ими со стороны женщин-членов императорской фамилии, активное и во многом символическое участие жен губернаторов и глав местного самоуправления в создании общественных объединений. Так, первый дамский комитет Перми был создан вдовой председателя пермской губернской земской управы Н.И.Мухлыниной [5, 163]. Ее инициативу тут же подхватили жены уездного начальства, а также некоторые знатные и состоятельные дворянки, которые на собственные средства стали содержать частные кружки [14, 21—22]. В то же время большинство женщин, участвовавших в работе дамских объединений, не принадлежало к элите, а относилось, скорее, к средним городским слоям. Журналы Пермских губернских земских собраний сохранили поименные списки членов и учредителей женских общественных комитетов, которые свидетельствуют, что инициировали создание женских объединений в первые месяцы войны не только жены земских деятелей и дворянки, но и преподавательницы местных учебных заведений, медицинские работники. Кроме того, со второй половины 1915 г. в составе некоторых дамских кружков, в частности, Красноуфимского и Чердынского, были представлены уже работницы и крестьянки [5, 146—163; 6, 35; 7, 7—15]. С течением военного времени происходила демократизация

женского общественного движения, в котором все большую роль играли жены разночинцев, представительницы интеллигентных профессий.

Средства для своей деятельности дамские организации обычно черпали из нескольких источников: взносов членов самих комитетов, пожертвований частных лиц, доходов от проведения массовых мероприятий (балов, маскарадов, лотерей, спектаклей и др.), кружечных сборов. В губернской и земской прессе регулярно печатались статьи и материалы о разнообразной женской деятельности, отчеты дамских кружков. Так, на последних страницах номеров «Пермской земской недели» и «Пермских ведомостей» за 1914—1916 гг. публиковались данные о работе дамских кружков по заготовке белья, теплой одежды, разных припасов (табака, папирос, бумаги, спичек, соли, ложек, кружек, сухарей, сливочного масла, сахара и т.п.), предметов личной гигиены, рождественских и пасхальных подарков для армии. По субботам жительницы Перми с разрешения губернской земской управы организовывали табачный и кружечный сборы, итоги которых освещались в печати на четвертой странице «Пермских ведомостей». Ежегодно в первых тринадцати номерах (до празднования Пасхи) велся итоговый годовой подсчет благотворительных сборов для раненых и больных воинов с указанием имен жертвователей [16, 4]. Государственные архивы Пермского края и Свердловской области сохранили значительные массивы всевозможных первичных материалов о работе дамских комитетов Перми и уездов [3, Л. 5 об.; 4, Л. 101]. Некоторые кружки издавали специальные отчеты о своей деятельности, делая достоянием общественности результаты собственной работы [12]. Пристальное внимание органов печати к работе дамских объединений объяснялось не только патриотизмом, любопытством к женской активности, но и единым правилом для всех общественных учреждений — обязательной публикацией описей пожертвованных средств, вещей, а также отчетов об их поступлении адресатам. Открытость и гласность в деятельности дамских организаций были не только делом их чести и свидетельством целенаправленного расходования пожертвований, но и являлись обязательным требованием со стороны властей. Как правило, сами комитеты находились под покровительством и контролем местных земских и городских управ. Хотя законодательно правила деятельности женских общественных объединений не были регламентированы, власти требовали от их руководительниц четкого ведения отчетности, а также предоставления обязательной информации о проделанной работе. Кроме того, для открытия дамского комитета его председательница должна была получить письменное разрешение губернатора, который, в свою очередь, предписывал местным жандармским управлениям навести справки о политической благонадежности членов женского общества и контролировать его работу.

Необходимо отметить, что в деятельности женских объединений принимали участие сотни человек, но наиболее активными были их лидеры, проявившие инициативу, ответственность, организаторские данные и способность к планомерной работе на общественное благо — качества, традиционно считавшиеся «мужскими». Активистами дамского губернского комитета под руководством Н.И.Мухлыниной были три человека: М.Н.Волошина, Ю.С.Мелешко и собственно сама Надежда Ивановна [5, 163]. Наряду с новыми моделями поведения сохранялись и достаточно традиционные, также демонстрируемые участницами дамских кружков. Часть женщин, особенно замужних, ограничивали свою деятельность внесением членских взносов или пожертвований и не отягощали себя общественными работами, дополнительной нагрузкой.

Женское участие в деле помощи фронту в годы Первой мировой войны имело самые разнообразные формы. Многие россиянки, в том числе жительницы Урала, заявляли о своем желании стать медицинскими сестрами или сестрами милосердия. В начале войны в связи с резким увеличением численности госпиталей и лазаретов, мобилизацией медиков в действующую армию в губернии остро не хватало врачей и фельдшеров. В решении этого вопроса не обошлось без женской общественной инициативы. Земская губернская управа совместно с дамским комитетом Н.И.Мухлыниной и комитетами Красного Креста создали специальные курсы по подготовке сестер милосердия, на которые принимали девушек, имевших образование не ниже четырех классов гимназии. Женщины, окончившие курсы, получив соответствующие удостоверения, работали в госпиталях. Многие из них рвались в действующую армию [13, 21]. В связи с необходимостью срочного оборудования местных лазаретов дамские организации в начале войны занимались пошивом госпитального белья, затем важным направлением их деятельности стало изготовление, сбор и отправка в действующую армию теплых вещей, белья, табака, мыла, сухарей, спичек [5, 163]. Активно проявляли себя в этой работе Ирбитский, Камышловский, Пермский, Соликамский, Чердынский и Шадринский дамские комитеты [3, Л. 5 об]. Интересно отметить, что Соликамский дамский комитет был первой общественной организацией, которая с 1915 г. начала выпускать противогазовые повязки для армии [1, 66]. Благодаря участию женских организаций в снабжении всем необходимым выбывавших из лазаретов воинов местные власти несли по этой статье сравнительно небольшие расходы.

Со второй половины 1915 г. ситуация на фронте и в тылу страны стала меняться. «Великое отступление» русской армии дало толчок развитию политического кризиса. В городах с осени 1915 г. стали проявляться продовольственные трудности, а в экономике в целом — нарастать кризисные явления [17, 103—104]. По мере затягивания войны женское движение помощи фронту в Пермской губернии не только не было свернуто, но и становилось более активным, приобретая новую, социальную направленность, связанную

с поддержкой не только солдат, но и страдавшего от войны населения, беженцев, сирот, вдов [2, 251; 9, 3; 10, 3; 11, 3; 15, 6].

Эффективной реализации задач дамских кружков, как и других общественных организаций, препятствовали бюрократические и полицейские запреты и ограничения. Так, приходилось долго оформлять многочисленные документы для разрешения на перевозку благотворительных грузов в действующую армию и преодолевать многочисленные препятствия на пути их доставки. Единая бюрократическая схема финансового контроля деятельности каждого женского комитета также влекла за собой возникновение ряда проблем, приводила к напрасной трате времени [8, 3; 12, 6—11; 18, 615].

Нараставшее с осени 1916 г. стремление к миру, когда идея мобилизации тыла на нужды фронта в значительной степени утрачивала свою популярность, возрастание оппозиционной активности общественных организаций в условиях политического кризиса в конце 1916 — начале 1917 гг., организационные и финансовые трудности усложняли работу дамских комитетов и вызвали спад их активности в начале 1917 г. После Февральской революции многие дамские учреждения были закрыты или самораспустились под влиянием революционных настроений, недоверия к «старой» власти и организациям, существовавшим при «старом режиме».

Таким образом, женщины, участницы движения помощи фронту, проявили в годы войны не только гражданскую ответственность, но и способность к самостоятельному решению сложных вопросов, организаторские качества. Многие из них тратили большую часть своего времени на общественные нужды, существенно меняли образ и ритм жизни. Война не только открыла женщинам новые возможности для самореализации, выходящие за рамки семьи и традиционных гендерных представлений, но и явно продемонстрировала успехи в освоении женщинами новой социальной роли общественной деятельницы, предвосхищавшие переосмысление гендерных статусов в период революции и постреволюционного развития.

Литература

1. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Известия Главного комитета. 1915. № 21.
2. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Известия Главного комитета. 1916. № 37—38.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 515. Пермский губернский земский комитет Всероссийского земского союза (ВЗС) по оказанию помощи больным и раненым воинам (г.Пермь). Оп. 1. Д. 10.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 416. Екатеринбургский уездный земский комитет Всероссийского земского союза (ВЗС) по оказанию помощи больным и раненым воинам и др. Оп. 1. Д. 1.
5. Журналы Пермского губернского собрания 45-й очередной сессии и доклады комиссии / Пермское губернское земство. Пермь: [б. и.], 1915.
6. Журналы Пермского Губернского Земского собрания 52-й чрезвычайной сессии и доклады Управы сему собранию / Пермское губернское земство. Пермь: [б. и.], 1915.
7. Журналы Пермского Губернского Земского собрания 58-й сессии чрезвычайной сессии и доклады Управы сему собранию / Пермское губернское земство. Пермь: [б. и.], 1916.
8. Зауральский край. 1916. № 6.
9. Зауральский край. 1916. № 11.
10. Зауральский край. 1916. № 172.
11. Зауральский край. 1916. № 219.
12. Очерк о деятельности Екатеринбургского Дамского Кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции за время с 5 октября 1914 года по 25 апреля 1916 года. Екатеринбург: [б. и.], 1916.
13. Пермская земская неделя. 1914. № 40.
14. Пермская земская неделя. 1915. № 8.
15. Пермская земская неделя. 1915. № 39.
16. Пермские ведомости. 1916. № 1—13.
17. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О.С.Поршнева. М., 2004.
18. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л.Сидоров. М., 1973.

Е.А.Бауэр

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

«РОМЕЙСКОЕ ЦАРСТВО» СКВОЗЬ ПРИЗМУ «ВРЕМЕННЫХ ЦИКЛОВ» Б.А.УСПЕНСКОГО

С середины 1970-х гг. изучение общественно-политической мысли России XVI — начала XVII вв. становится одним из ведущих направлений отечественной науки. Видные историки, культурологи, филологи, намеренно или мимоходом рассматривающие вопросы «третьего Рима», переводят изучение темы в текстологическую плоскость, опираясь на детальный анализ источника. Обсуждение теории «третьеромизма» становится все

более предметным — ученые, решая текстологические проблемы, выявляют источники данной идеи, определяют круг сочинений с использованием формулы «Москва — третий Рим», дискутируют о времени создания теории Филофея и ее последующем видоизменении.

Борис Андреевич Успенский — именитый специалист в области языкознания, истории и культуры славянских языков — вносит свой вклад в видение идеи «третьего Рима», рассматривая ее в культурологическом ключе. Определяя предметом исследования, прежде всего способы передачи информации, свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе, пример «теократической доктрины» «Москва — третий Рим» ученый приводит в книге «Семиотика истории. Семиотика культуры» в качестве иллюстрации для размышлений о связи понятий «осознание времени» и «идеи временных циклов».

Возникновение данной «концепции» во второй половине XV в. Б.А.Успенский связывает с ожиданием конца света (или завершением космического цикла) в 1492 г. Все греческие и русские пасхалии были составлены до этого времени, поскольку далее «жизнь не планировалась». И вот не ранее конца сентября — не позднее 21 декабря 1492 г. было составлено «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы о цикле праздников на новую тысячу лет. Исследователь полагает, что цепочку Рим — Константинополь — Москва, представленную в этом сочинении, следует рассматривать полнее, поскольку ее второе звено — Константинополь — воспринимался современниками не только в качестве столицы мировой империи («нового Рима»), но и в качестве святого, теократического города («нового Иерусалима»). Примечательно, что при описании Москвы наиболее существенными являются характеристики близкого звена (т.е. вернее будет изложить последовательность в обратном порядке: Москва — Константинополь (Иерусалим) — Рим). Это означает, что Москва понимается первоначально как «новый Иерусалим», а связь с «новым Римом» может лишь домысливаться. Другими словами, «теократическое государство становится империей (а не наоборот!)» [3, с. 87].

Б.А.Успенский опирается на мнение И.А.Тихонюка о первоначальной версии видения Константинополя в качестве «нового Иерусалима», а не «нового Рима», и напоминает, что еще в Апокалипсисе «новый Иерусалим» назван «невестой Агнца», которая противопоставлена Вавилонской блуднице. Святость «нового Иерусалима» противоположна, таким образом, неверности церкви древнего Вавилона (примечательно, однако, что в тексте Нового завета Рим также может называться Вавилоном) [2].

По мысли Б.А.Успенского, «Изложение пасхалии» повествует об окончании «временного цикла» и возвращает нас к «начальному времени», когда в Иерусалиме апостолы утвердили христианскую веру. Далее речь идет о первом христианском монархе Константине и Константинополе — «новом Иерусалиме». Следом Москва именуется «новым Константинополем» и подразумевается, что и является «новым Римом». Таким образом, завершается первый временной цикл и начинается новый, который «в некотором смысле повторяет первый, возвращая православных христиан к началу церковной традиции» [3, с. 94].

По словам исследователя, Киев наряду с Москвой также мог претендовать на звание «нового Иерусалима». По аналогии с константинопольским храмом святой Софии был воздвигнут киевский Софийский собор, перед которым сооружены похожие на константинопольские Золотые ворота. Кроме того, Б.А.Успенский указывает, что еще в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона прослеживается идея «нового Иерусалима», актуальная для Киевской Руси со времен Ярослава Мудрого.

Дальнейшая (в 1495 г.) переработка «Изложения пасхалии» в кругу игумена Троице-Сергиева монастыря Симона Чиж порождает выражение «новый Рим» относительно Константинополя, т.е. делает актуальной идею империи, а не священства. Б.А.Успенский предполагает, что в связи с этой переработкой есть веские основания приписывать создание «концепции» «Москва — третий Рим» именно Симону, который стал по воле великого князя Ивана III московским митрополитом после Зосимы. Чин поставления в митрополиты (с вручением пастырского жезла) при Симоне закреплял за государем канонические права византийского императора, выдвигая на первый план римскую, а не иерусалимскую «часть» идеи. Вероятно, — полагает Б.А.Успенский, — Симон Чиж и был приближен к государю вследствие того, что заменил выражение «новый Иерусалим» на «новый Рим», придав, таким образом, особый исторический статус Москве — столице христианской империи.

Отражение идей «Изложения пасхалии» находит свое официальное воплощение в «Послании» Спиридона-Саввы и «Сказаниях о князьях владимирских», — пишет Б.А.Успенский. При этом исследователь придерживается построения Р.П.Дмитриевой о соотношении редакций этих памятников.

Переработанная Симоном версия «Изложения» получила позднейшее воплощение в сочинениях Филофея.

В посланиях старца «понятие Рима приобретает...идеальный смысл — Рим там, где Господь», Московское государство с подлинной христианской верой именуется «Ромейским царством» [3, с. 96].

Филофей делает ударение на последнее земное царство — Третий Рим, которое завершает всю историю человечества. В его посланиях, в отличие от «Изложения пасхалии», концепция приобретает эсхатологический контекст. Важным для старца остается вопрос о *конечном* Риме, тогда как «Изложение» живописует Москву *обновленным* Римом, развивая мысль о новом периоде мировой истории, сообщая о «временных циклах, т.е. о цикличности времени», — пишет исследователь [3, с. 97].

Филофей же говорит, что с завершением последнего Рима наступает окончание мира, для него существенной является «космологическая модель времени, согласно которой время имеет начало и конец» [3,

с. 97—98]. Б.А.Успенский указывает на характерную особенность памятников: «Изложение пасхалии», развивая теорию «Москва — третий Рим», видит в Москве наследницу нового Константинополя, тогда как Филофей акцентирует внимание на римской составляющей теории. «Как представления о цикличности времени, так и представление о его конце есть, в сущности, разные проявления космологического сознания», — делает вывод Б.А.Успенский.

Далее исследователь разъясняет сущность исторической модели восприятия времени, по которой результат представляется следствием ранее происходящих событий. Как известно, Московская Русь вследствие падения Византийской империи становится центром православного мира, именуется новым Константинополем или Третьим Римом с оговоркой, что все предыдущие центры утратили свое значение и возможно существование одного единственного Константинополя или Рима [3, с. 97]. В этой связи справедливо дополнение Б.А.Успенского по поводу того, что наряду с Московским государством оставалась еще одна православная страна — Грузия, которая находилась «на далекой периферии» и выпадала для русских из общего понимания истории [3, с. 122].

По мнению исследователя, опираясь на культурно-семиотический подход, в теории «Москва — третий Рим» можно увидеть сочетание космологического и исторического представления о времени. Вследствие этого соединения теория и получает широкий резонанс: историческим событиям приписывается космологическое значение и одновременно космологические представления накладываются на исторический процесс.

Определенно, на втором этапе изучения концепции «третьего Рима» (середина 1970-х — 1990-е гг.) трактовка проблем духовной культуры с опорой на текст источника подняла проблему раскрытия роли теории «Москва — третий Рим» в русской общественно-политической мысли конца XV — начала XVII вв. на качественно новую ступень. А.А.Зиминым, в частности, было высказано принципиально важное методическое положение, по которому нельзя «устанавливать взаимосвязь памятников только на основании одного сопоставления идей... без текстологического сопоставления» [1].

В этом ключе с культурологических позиций представлено исследование Б.А.Успенского. Исследователем, в частности, упомянуто об отражении идеи «третьего Рима» в таких памятниках общественно-политической мысли как «Изложение пасхалии», «Слове о законе и благодати», «Послании» Спиридона Саввы», «Сказаниях о князьях владимирских».

Автор уделяет внимание и характеру идеи. Б.А.Успенский утверждает, что именно с момента формулирования и усвоения указанной теории начинается процесс сакрализации монарха в России.

По его мнению, первоначально окрашенная в религиозные тона, идея Филофея со временем приобретает не теократический, но политический смысл. В частности, исследователь пишет, что коренным образом видоизмененная ранее духовно-религиозная идея «Москва — третий Рим» становится средством утверждения власти русского государя в качестве наследника византийских традиций и узаконения, таким образом, нового политического статуса державы. Следовательно, вкладывая в идею политическое звучание, император в глазах современников наделяется символическими атрибутами византийского василевса. Так, автор определяет отзвуки теории в идеологии Петра Первого (титule императора, строительстве Петербурга и др.), в период царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича. Идея возрождения вселенской православной империи с центром в Москве позволяет позиционировать государя в качестве монарха, объединяющего под своей властью в единую державу всех православных.

Тем не менее, представляется вполне обоснованным заключение о концепции «третьего Рима» как об идее, в которой тесным образом переплетены государственное и церковное начала. Ведь еще в конце XV в. возникли теории, которые определили идеологию московского самодержавия, элементом которой и послужила идея «Москва — третий Рим». К тому же основанием учения Филофея служит провиденциализм. Точнее будет обозначить теорию «Москва — третий Рим» как религиозно-государственную, имеющую значение как для определения особой роли православной церкви среди иных православных конфессий, так и для подтверждения места Московской державы и ее правителя, равного по статусу другим западным императорам.

Так, идея «третьего Рима» с позицией отрицания двух других столиц православия — Рима и Константинополя — и с установкой на конец света после Рима третьего, по мнению Б.А.Успенского, представляет собой пример восприятия времени современниками. Каждое новое противопоставление Москвы (в лице всего Московского царства) «второму Константинополю» либо «третьему Риму» символизирует собой окончание некоего «временного цикла».

Согласно выводу Б.А.Успенского, идея «нового Иерусалима» «может в дальнейшем периодически возрождаться на Руси» [3, с. 98].

Литература

1. Зимин А.А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 189.
2. Тихонюк И.А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986.
3. Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Процесс становления отечественной инженерной школы является феноменальным. Значительных результатов удалось добиться благодаря государственной поддержке. Впервые именно в нашей стране стали создаваться учено-производственные мастерские, организовываться учебно-производственные практики на предприятиях, позднее — учебно-научные производственные комплексы, что обеспечило сочетание высоких уровней теоретического обучения и профессионально-практической подготовки выпускников инженерных вузов. В середине XIX — начале XX веков инженерное образование обрело черты элитарного: помимо высокого специального уровня инженеры владели двумя-тремя иностранными языками, получали глубокие финансово-экономические и юридические знания. Кроме подготовки инженерных кадров высокой квалификации высшие технические учебные заведения становились центрами научных исследований. Подобного не было в США и европейских странах до 60-х годов XX века.

В 1920—30-е гг. определяющими тенденциями развития высшей технической школы стали ускоренная подготовка кадров и приближение обучения к производству. В предвоенное десятилетие появляются первые отраслевые инженерные вузы (высшие технические учебные заведения), осуществлявшие подготовку кадров для определенных отраслей производства. Перед началом Великой Отечественной войны в СССР существовало 164 инженерных вуза, обучавших более 200 тыс. студентов [2, 28].

В послевоенный период осуществлялась реконструкция материально-технической базы вузов, использовались моральные и материальные стимулы для студентов-отличников, создавались условия для научно-исследовательской работы. В целом в 1950—1960-е гг. уровень и престиж инженерного образования оставались достаточно высокими. В 1960 г. в СССР было выпущено 120 тысяч инженеров, в то время как в США — только 38 тысяч [1, 5]. К началу «перестройки» было выпущено рекордное число инженеров из высших учебных заведений за всю историю подготовки специалистов в области техники и технологии — 376,1 тыс. человек [3, 515]. Однако, меры, обеспечившие количественный рост специалистов с высшим образованием, создание новых вузов, введение специальностей, часто не отвечали объективным требованиям социально-экономического развития страны. Погоня за количеством обусловила ухудшение качества подготовки специалистов. Перечень технических специальностей не вполне соответствовал требованиям времени.

Бессистемное реформирование высшей школы в период «перестройки» только углубило кризисную ситуацию, прежде всего, в сфере воспроизводства научно-педагогических кадров (начался их отток в другие сферы деятельности, отъезд за границу).

В 90-е гг. создается законодательная база модернизации образования на новом этапе отечественной истории. Ряд федеральных законов, в первую очередь, «Об образовании» от 10.07.1992, Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 26.06.1993 № 597 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации» обеспечили большую хозяйственную свободу, расширение прав вузов, определяли принципы организации учебного и научного процессов.

«Национальная доктрина образования в Российской Федерации», утвержденная Правительством РФ от 04.10.2000; «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», одобренная 29.12.2001, «Концепция национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ от 17.12.1997, Концепция реформирования российской науки на период 1998—2000 гг., одобренная Правительством РФ 18.05.1998, определяли основные направления реформы образования в XXI в.

Принципиальным для реформирования в 1990-х гг. явилось внедрение многоуровневой модели инженерной подготовки с целью использовать мировой опыт и приблизить российскую вузовскую систему к зарубежным образцам. Значительно расширился и изменился перечень специальностей, разрабатывались интегрированные программы подготовки инженерных кадров.

Однако, сохранился целый ряд проблем: несоответствие нормативно-правовой базы функционирования и развития сферы образования целям и задачам политики комплексной и глубокой модернизации системы российского образования; недостаточное ресурсное обеспечение научно-исследовательской базы высшей школы; слабая связь высшей школы с рынком труда, подготовка дипломированных специалистов, невостребованных реальной экономикой и бизнес-сообществом, остаточное финансирование; угрожающий отток перспективных кадров из вузов, «старение» преподавательского корпуса; утрата высшей школой своей воспитательной функции. Кроме того, реформирование образовательной сферы осуществлялось «сверху» через механизмы государственной власти.

Первое десятилетие XXI века — это новый этап модернизации высшей технической школы России, в заявленном переходе к инновационной модели развития. Это определило необходимость выстраивания новой модели инженерного образования, основанной на его фундаментализации, междисциплинарности, гуманизации и гуманитаризации, а также большей практической направленности, адаптированности к новой экономике знаний. Среди других приоритетных задач: создание и развитие инновационного образования; интеграция науки и образования; сохранение вузовского научно-педагогического потенциала и его воспроизводство; расширение взаимодействия с бизнес-сообществом; региональная адаптация высшего образования; реорганизация международной образовательной деятельности с целью повышения ее конкурентоспособности и большей востребованности на мировом рынке образовательных услуг.

За последнее десятилетие были приняты стратегически важные документы — «Национальная доктрина образования в Российской Федерации», Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Главными задачами реформирования были обозначены обеспечение доступности, качества и эффективности образования. Заявлялось о невозможности их решения без государственной поддержки. В Концепции научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования РФ на 2001—2005 гг. говорилось о переходе от сохранения к развитию научно-технического потенциала высшей школы.

В числе приоритетных государственных проектов находится создание национальных исследовательских и федеральных университетов, деятельность которых предполагает консолидацию образовательного процесса и науки. Между тем, на сегодняшний день переход к системе инновационного инженерного образования осуществили только ведущие вузы страны, такие как, например, Московский государственный университет, Московский энергетический университет, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М.Губкина, Московский физико-технический институт (государственный университет), Московский государственный институт электронной техники (технический университет), Политехнический университет в Санкт-Петербурге, Российский государственный технологический университет имени К.Э.Циолковского, Воронежский государственный технический университет и ряд других.

В 555 вузах страны обучаются свыше двух миллионов будущих специалистов в области техники и технологий. В настоящее время инженерно-технические вузы составляют примерно половину от общего числа учреждений этого уровня профессиональной подготовки. Ежегодно они выпускают порядка 200 тысяч молодых специалистов. Однако уровень компетенций дипломированных инженеров и конструкторов, согласно отзывам работодателей, часто оставляет желать лучшего. Оптимизируя вузовскую сеть в целях повышения качества обучения, Минобрнауки намерено сократить порядка 20% вузов и 40% их филиалов.

Очевидно, что увеличение значения инноваций в экономике и быстрая смена господствующих технологий резко ужесточают требования к базовому образованию инженеров, качеству их интеллектуальных, волевых и организационных способностей. Резкое возрастание роли малых и средних инновационных компаний в современной высокотехнологичной экономике повышает требования к целостности, универсальности и широте подготовки инженера, который вновь оказывается одновременно в роли ученого, технического эксперта и руководителя предприятия, что расширяет зону его ответственности. Мы согласны с выводом Д.В. Сапрыкина о том, что, если XX столетие было веком создания системы массового, всеобщего образования, когда каждое следующее поколение обладало большим объемом «формальных знаний», полученных через школу и вуз, то теперь ситуация изменилась. Новое поколение не стало более образованным, чем предыдущее (скорее наоборот), а сама система образования повсеместно начала деградировать. На практике, особенно в малых высокотехнологичных компаниях, инженер оказывается одновременно и исследователем, и организатором работы «команды», и руководителем. Вузы, как правило, не готовят к этому. «Классическая концепция» инженерного образования, развивавшаяся в XVIII—XIX вв. и достигшая пика своего развития в начале XX в., сегодня вновь стала актуальной [6, 125—137].

Нельзя не признать правоту тех экспертов, которые выступают за необходимость формирования национальной Доктрины опережающего непрерывного инженерного образования в условиях новой индустриализации России и глобализации экономики и образовательного пространства [4, 76—79; 5, 51—65]. Нужен принятый на государственном уровне документ, основанный на видении будущего, целостно отражающий взгляды научно-технической общественности, общества, личности, государства и бизнеса на будущее развитие национальной технологической базы, инновационной экономики и инженерного образования, в котором были бы четко прописаны на долгосрочную перспективу основные цели и задачи, роль государства, бизнеса, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. В нем следует отразить взгляд на модель системы многоуровневого непрерывного опережающего инженерного образования постиндустриального информационного общества, а также установить взаимосвязь государственных и рыночных механизмов регулирования. Доктрина должна учитывать лучший отечественный и зарубежный опыт. Необходимо, чтобы выполнение Доктрины создавало условия для обеспечения устойчивого развития страны, реализации новой индустриализации, национальной безопасности и конкурентоспособности России на мировом рынке в области высоких технологий и образовательных услуг.

Литература

1. Высшее образование в СССР. Стат. сборник. М., 1961.
2. Митин Б.С., Мануйлов В.Ф. Инженерное образование на пороге XXI века. М., 1996.
3. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.
4. Подлесный С.А. О некоторых подходах к формированию национальной доктрины инженерного образования // Инженерное образование. 2012. № 10. С. 76—79.
5. Похолков Ю.В. Национальная доктрина опережающего инженерного образования России в условиях новой индустриализации: подходы к формированию, цель, принципы // Инженерное образование. 2012. № 10. С. 51—65.
6. Сапрыкин Д.В. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование. 2012. № 1.

Е.В.Бодрова, В.В.Калинов
г.Москва

*Российский государственный университет нефти и газа
имени И.М.Губкина*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ — ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

В Российской Федерации приоритетной задачей становится государственная и общественная модернизация всех сфер жизнедеятельности российского народа. Сфера науки и технологий отнесена к числу высших приоритетов РФ. На современном этапе в числе первостепенных задач общества приоритет отдается масштабному внедрению инноваций, технологическому перевооружению и современным технологиям, стимулированию спроса на инновации как частных, так и государственных компаний, расширение инновационных территорий.

Начальной стадией построения инновационной экономики является создание национальной инновационной системы. НИС по своей структуре представляет дифференцированную по ряду направлений, но целостную систему знаний об эффективной стратегии функционирования хозяйственной системы. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приняла определение, данное С.Меткалфом: «...система взаимосвязанных институтов, предназначенная для того, чтобы создавать, хранить и передавать знания, навыки и артефакты, определяющие новые технологии» [1]. Вначале XXI в. к обсуждению проблемы становления и функционирования НИС активно подключились и отечественные исследователи: Иванова Н., Егоров Е., Бекетов Н., Фридлянов В., Васин В., Мивдели Л., Голиченко О., Балдин К., Зверев А.В. и др.

Эксперты полагают, что национальные инновационные системы современных стран-лидеров по инновационному и технологическому развитию были в целом сформированы в конце 1980-х годов XX в., причем в каждой стране — своя собственная модель. Так, модель НИС Германии чаще называют интеграционно-европейской либо социальной, ее главными особенностями являются децентрализация, налаженные взаимосвязи между научно-исследовательской средой и бизнесом. Программы развития НИС учитывают требования рынка, ориентированы на обеспечение роста экономики и занятости, привлечение квалифицированных исследователей и инженеров, поддержку развития малых и средних инновационных предприятий. В целом инновационную политику государств-членов Евросоюза отличает: учет инновационного потенциала различных отраслей экономики и отдельных регионов; сочетание стратегий конвергенции (ориентирующей на освоение передовых мировых достижений инноватики и создание новых кластерных программ) и дивергенции (направленной на поддержку уже сложившихся конкурентоспособных инновационных производств и кластеров); приоритетность и комплексность поддержки и защиты малого и среднего инновационного бизнеса; возрастающая поддержка инфраструктурного обеспечения инноваций; ограничение прямой поддержки инновационных проектов предконкурентной стадией; выделение кадровой составляющей инновационной политики в качестве одного из приоритетных направлений; деbüroкратизация и т.п. [2, 8—18].

Важнейшей особенностью НИС США является сосредоточение ведущих научно-исследовательских мощностей в руках государства: 90% всех средств, выделяемых государством на НИОКР, направляются в государственные лаборатории и в университеты, одновременно значительна роль венчурного капитала в финансировании НИОКР, весьма велики расходы на оборонные исследования, создана мощная законодательная система поддержки исследований, существуют эффективные структуры, обеспечивающие взаимодействия между университетами и бизнесом, университетами и правительством, правительством и бизнесом. При этом очень хорошо развит рынок знаний и технологий, поэтому принята американскую модель НИС называть рыночной. К числу проблем эксперты относят снижающийся приток иностранных исследователей, сокращение федеральных расходов на фундаментальные исследования, обозначилась тенденция к выводу научно-исследовательских лабораторий в страны с быстро растущей экономикой.

Модель НИС Японии принято называть корпоративной, т.к. центральным элементом в НИС является промышленный сектор. Государственная инновационная политика максимально централизована, в основе разрабатываемых программ — долгосрочное прогнозирование крупномасштабных процессов. Развита система защиты интеллектуальной собственности и оценки эффективности исследований. Современная национально-государственная политика Японии в инновационной сфере отличается ориентацией на крупномасштабные инновационные структуры, наличием ярко выраженной региональной составляющей, сочетанием традиционной политики заимствования и распространения инноваций с политикой активного наращивания собственного потенциала.

В процессе формирования находится НИС Китая. В настоящее время значительное внимание правительством уделяется технологическим кластерам, привлечению иностранных инвестиций. Процесс становления НИС отличается чрезвычайно высокими темпами и одновременно неравномерным развитием отдельных секторов и регионов.

Таким образом, преуспевающие участники глобальной экономики, базирующейся на знаниях, уже сформировали и последовательно реализуют концепцию национальных инновационных систем, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что нет одинаковых, полностью совпадающих программ и стратегий. В любом случае, в условиях глобальных трансформаций современного мира на реальное и потенциальное лидерство в мире могут претендовать только страны, обладающие наивысшей степенью развитости научно-технического потенциала. Кроме того, зарубежный опыт указывает на общие условия формирования и проведения государством самостоятельной, масштабной и эффективной инновационной политики: наличие в стране мощного промышленно-производственного потенциала; наличие согласия в обществе по вопросу о приоритетности формирования национальной инновационной системы; способность экономики страны к финансово-ресурсному обеспечению инновационной деятельности.

Концепция НИС предполагает создание следующего механизма взаимодействия бизнеса, государства, системы образования, науки и промышленности. Бизнес обеспечивает создание технологий на основе собственных разработок и внедрение научно-технических результатов в производство, государство формирует инфраструктуру и благоприятный правовой климат для инновационной деятельности, система образования обеспечивает квалифицированными кадрами и одновременно с научными организациями выполняет роль основного производителя новых знаний.

В книге «Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии» Г. Ицковица рассматривается, каким образом научно-исследовательский потенциал Гарварда, Массачусетского технологического института, Стэнфорда был использован для развития местной промышленности: профессора и студенты стали частью процесса формирования новых фирм, затем выпускники местных вузов остались работать в компаниях с венчурным капиталом. В результате связи между вузами, бизнесом и властью стали основой новой модели управления, а университет, наращивающий коммерциализацию своих исследований, превратился в двигатель этой «тройной спирали». Исследователь полагает, что основные слагаемые инновационного развития — ученые и культурная элита — в России по-прежнему очень сильны, осталось лишь создать для них необходимые условия и позволить результативно работать в своей собственной стране. Один из способов создания современных предпринимательских университетов, который взял на вооружение Китай, — концентрация ресурсов путем слияния вузов, привлечение зарубежной диаспоры для трансфера на родину современных технологий [3].

В начале XXI в. обозначились два ключевых фактора, воздействующих на выработку инновационных стратегий: глобализация и глобальная конкуренция, резко ускорившие темпы процесса внедрения инноваций, обусловившие появление новых лидеров-конкурентов; изменение характера инновации, который становится все более междисциплинарным, межотраслевым, что, в свою очередь, предполагает все более весомое и рискованное инвестирование. Поэтому научно-техническая политика стран с развитой рыночной экономикой предполагает значительное государственное финансирование; использование разнообразных инструментов; поиск новых эффективных форм частно-государственного партнерства; определение долгосрочных технологических приоритетов, наиболее целесообразного соотношения прямой и косвенной (налоговой, например) бюджетной поддержки; создание благоприятного инновационного климата.

Использование средств государственного бюджета — главный инструмент инновационной политики. Проекты и программы государственного значения, льготное налогообложение и кредитование; страхование инновационных рисков, содействие развитию малых и средних предприятий, инновационно-технологические центры, технопарки являются механизмами поддержки инновационных процессов. В ведущих странах государство берет на себя от 20 до 50% расходов на науку. От 50 до 70% государство вкладывает в проведение фундаментальных исследований. В университетах фундаментальная наука, дорогостоящие установки финансируются из государственных средств, практически, полностью.

Однако добиться видимых улучшений в формировании современной национальной инновационной системы РФ не удалось. В настоящее время наблюдается низкая отдача от реализации технологических инноваций. Современная российская образовательная политика переживает системный кризис, занимая 65 место по показателям человеческого потенциала, 53 место в сфере образования. Успех модернизации, обеспечение

национальной безопасности требует не элитарного (для богатых и управляющих), а эгалитарного образования — образования для всех.

В настоящее время эксперты констатируют неопределенность государственной политики, отсутствие институционализованного алгоритма действий различных элементов создаваемой НИС, недостаточные изученность и использование позитивного мирового и отечественного опыта. Реализация стратегий осуществляется фрагментарно, не системно, концептуальные документы нередко дублируются, отличаются завышенными ожидаемыми показателями. Между тем факторы, определяющие конкурентоспособность инновационных систем (кадры, капиталы, технологии, идеи), становятся вызовами для нашей страны, которая в случае нереализованных инновационных сценариев все это может потерять и ослабить геополитические позиции. И Россия имеет возможность достойно принять эти вызовы.

В середине первого десятилетия нового века в России были приняты правительственные решения, направленные на формирование в 2010—2015 гг. национальной инновационной системы. Эксперты расходятся в оценках реальности и сроков реализации этих планов. При формировании почти половины ВВП за счет внешних факторов, ослаблении экономического суверенитета и сокращении государственного присутствия в экономике резко возрастает зависимость от внешних конъюнктурных колебаний. Вполне естественным представляется явно обозначившееся в последние годы стремление перейти РФ к качественно иной экономике — инновационного типа. Но важнейшими условиями функционирования инновационной среды являются: экономическая свобода, отсутствие коррупции и бюрократических барьеров, защищенность от криминала, комфортная и конкурентная среда для развития малого бизнеса, доступность венчурного капитала, благожелательное отношение общества к коммерческому успеху, защита интеллектуальной собственности, наличие структур, обеспечивающих трансфер технологий, стабильность и прозрачность финансового сектора, достаточно многочисленные и квалифицированные человеческие ресурсы. Практически по всем перечисленным аспектам у России имеются серьезные проблемы. Согласно оценкам Всемирного банка, опубликованным в феврале 2010 г. и содержащим 109 показателей по параметрам развития экономики знаний, Россия сейчас занимает 60 место из 146 стран [4]. Сегодня она тратит на науку в семь раз меньше, чем Япония, и в 17 раз меньше, чем США. Люксембургская декларация с целью преодоления отставания в инноватике рекомендует странам ЕС поднять финансирование в эту сферу к 2010 году до 3,5% ВВП. Очевидно, что планы доведения к 2015 г. бюджетного финансирования науки до 2,5%, из которых частные инвестиции должны составлять не менее (а даже более) 1,5% не соответствуют этой рекомендации. К числу основных проблем государственной инновационной политики России относится не только снижение объемов государственного финансирования, но и непоследовательность, неспособность реализовать научные и инновационные приоритеты.

К числу сильных сторон российской государственной инновационной политики следует отнести активную поддержку идеи усиления инновационной активности, разработку концептуальных документов, функционирование структур на федеральном и региональном уровне, отвечающих за координацию и активизацию инновационной деятельности, попытки интегрировать в единую стратегию все элементы инновационной системы, осуществление комплексного прогнозирования, использования среднесрочных статистических показателей и индикаторов.

Исследование позволило определить стадию становления инфраструктуры национальной инновационной системы (НИС) в РФ как начальную — появилось определенное число научно-внедренческих территорий, бизнес-инкубаторов, государственных научных центров (ГНЦ), инновационно-технологических центров (ИТЦ), центров трансфера технологий. Но, согласно исследованию, в настоящее время основными структурами, способными гарантировать восстановление циклов «исследование-производство-потребление», остаются только ГНЦ.

Перечень факторов, блокирующих инновационные процессы, значительно шире: отсутствие системности государственной политики, использование лишь отдельных элементов удачно функционирующих за рубежом механизмов, слабая координация действий правительства и бизнеса; бюрократизация системы управления инновациями; патернализм; низкая эффективность федеральных целевых программ; неадекватная поддержка ряда отраслей промышленности в сфере преодоления технического отставания и малых инновационных предприятий; недостаточная изученность и использование позитивного отечественного опыта. В условиях прежних институциональной модели управления научно-технической сферой и финансовых приоритетов, сохранения ведомственного подхода, отсутствия целостной концепции интеграционного развития науки, образования и производства программные документы и федеральные программы не могут быть в полной мере реализованы. Согласно международному индексу трансформации, Россия представляет собой один из примеров слабого управления трансформационными процессами: рейтинг России по эффективности управления за 2007—2009 гг. понизился с 98-го места до 107-го среди 128 стран [5, 7].

На новом этапе реформ при условии консолидированной общественной поддержки усилий правительства требуется обеспечить качественный прорыв в реализации проектов по формированию национальной инновационной системы, создать современный механизм эффективного управления инновационными процессами.

Литература

1. Metcalf S. The Economic Foundations of Technology Policy: Equilibrium and Evolutionary Perspectives/P. Stoneman ed. Handbook of the Economics of Innovation and Technological Changes. Oxford (UK Cambridge (US): Blackwell Publishers, 1995.
2. Смирнов Б.М.. Государственная инвестиционная политика России: цели, принципы, приоритеты. М., 2001. С. 8—18.
3. Чернаков А. Тройная спираль профессора Генри Ицковича // Известия. 2011. 13 января.
4. Электронный ресурс. URL: <http://www.mesi.ru/press-centre/publications?nid=706> (дата обращения: 01.02.2011).
5. См.: Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социс. 2011. № 9.

Е.В.Бондаренко

К ВОПРОСУ ОБ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И МЕКСИКИ

Уже более ста лет «нефтяной фактор» остается одним из решающих элементов, влияющих на международные отношения. «Энергетическая дипломатия», также как и международное энергетическое сотрудничество, превратилось в важное направление во внешней политике развитых стран. Значение энергетического, и, прежде всего нефтяного фактора неизменно возрастает, что связано с прямой константой взаимозависимости экономического развития с ростом потребления энергоресурсов, прежде всего нефти и газа, со стабильностью их поставок. Энергетический фактор определяет геополитику ведущих мировых держав и региональных интеграционных объединений государств.

Все большая политизация энергетических проблем выдвинули их в число основных элементов, влияющих на внешнюю политику многих стран. Россия в этом плане не исключение.

«Энергетическая дипломатия» является одним из основных инструментов внешней политики России, и период активного развития дипломатических отношений в энергетической сфере совпадает с периодом повышения роли Российской Федерации не только в мировой энергетической политике, но и в глобальной политике в целом. При этом энергетический фактор в этом процессе играет одну из главных ролей. Россия все более активно интегрируется в мировой энергетический рынок, а именно ведет борьбу за справедливую цену энергоресурсов, в поставках которых страна является глобальным лидером. Поступательное развитие мировой энергетики ведет к увеличению влияния энергетических факторов на систему международных отношений, на мировую экономику и геополитику. В полной мере этот процесс затрагивает и Россию. Наша страна обладает крупнейшей в мире ресурсно-сырьевой базой, солидной энергетической промышленностью и энерготранспортной инфраструктурой, интеллектуальным потенциалом, а также занимает стратегически выгодное геополитическое положение в Евразии. Поэтому она объективно является энергетической державой и играет существенную роль в мировых энергетических делах.

И в этом ключе Россия и Мексика выступают, как две страны, крупнейшие производители и экспортеры нефти и нефтепродуктов, не входящие в ОПЕК. Ниши государства разделяют общее видение проблемы обеспечения справедливых и сбалансированных цен на энергоносители, потому что наполняемость как российского, так и мексиканского бюджетов в весьма существенной степени зависит от нефтяной выручки.

Российско-мексиканские отношения начали складываться еще в XVIII веке. Первоначально они развивались в рамках отношений России с «Новой Испанией», в состав которой входила Мексика. Второй этап охватывает 19 — начало 20 века — время возникновения независимой Мексики, когда она вела поиски путей сближения с Российской империей для противодействия французским, английским, и американским интересам в регионе. Третий этап русско-мексиканских отношений приходится на годы существования Советского Союза. Когда в 1924 году Мексика стала первой страной американского континента, установившей дипотношения с СССР. Однако развернутая левыми антиправительственная деятельность, получившая поддержку в СССР, осложнила советско-мексиканские отношения и привела к их разрыву в 1930 г. Восстановление дипотношений между странами произошло во время Второй Мировой войны. После 1991 г. в отношениях между Россией и Мексикой наступает новый период, когда Россия переживала падение Советского союза и переход к рыночной экономике и демократии, а Мексика — увеличивала свой вес в международных отношениях.

Энергетическое сотрудничество между нашими государствами стало развиваться лишь в начале XXI в. Во многом это связано с внутренней экономической ситуацией государств, когда в Мексике началась тенденция открытия частному иностранному капиталу государственной нефтяной компании «Pemex», а в России компания «Газпром» начала поиски новых рынков. Так, «Газпром» интересуется рынком Мексики с 2005 года. Тогда глава компании Алексей Миллер вел переговоры с госкомпанией Petroleos Mexicanos (Pemex) о поставках российского сжиженного природного газа в эту страну с последующей транспортировкой в США. Тогда же стороны начали обсуждать взаимодействие по развитию газовой инфраструктуры в Мексике и по совместной деятельности в области разведки и разработки газовых месторождений, в том числе на шельфе

Мексиканского залива. В настоящее время Gazprom Global LNG имеет долгосрочные права на использование регазификационных и транспортных мощностей терминала Costa Azul на западном побережье Мексики. В году прошли переговоры о поставках сжиженного природного газа в рамках проекта «Сахалин-2». Этот проект предполагает поставки сжиженного природного газа в Мексику на приемный терминал в штате Баха Калифорния, для его использования непосредственно в Мексике, а также для дальнейшей транспортировки в США. В 2012 году компания «Газпром» зарегистрировала два товарных знака (графический логотип «Газпрома» и название компании) в мексиканском Институте промышленной собственности, что говорит о расширении намерений непосредственного участия в нефтегазовой промышленности Мексики.

Так, исследование вопросов энергетического сотрудничества между Россией и Мексикой представляется очень значимым именно сегодня, во время нарастающего процесса экономического, политического и культурного сближения двух стран. Поэтому важно рассмотрение этого вопроса с двух сторон, с двух точек зрения: взгляд со стороны Мексики и со стороны России. Так как актуальное экономическое, политическое и социальное состояние в Мексике очень важно как для политиков, так и для бизнес-кругов России.

Важно проследить историю энергетического сотрудничества, а так же оценить современное положение дел и возможную перспективу развития. Так как взаимное сотрудничество выгодно обоим государствам: для Мексики Россия выступила бы сильным противовесом влиянию США и разнообразила бы рынки сбыта мексиканской продукции, а Россия приобрела бы важного партнера в Латинской Америке, что укрепило бы ее положение в этом регионе и открыло огромные возможности для сотрудничества, т.к. Мексика является связующим мостом между северной и латинской Америкой, а Россия — между Европой и Азией.

Литература

1. Мировая экономика и международный бизнес / Под ред. Полякова В.В., Щенина Р.К. М., 2008. 53—64 с. Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В.Торкунов. М., 2004. С. 382.
2. Дик Е.Н. Российско-мексиканские отношения // Рос. история. 2009. № 2. С. 26—29.
3. «Газпром» зарегистрировал в Мексике свои товарные знаки // URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/08/16/tek/-562949984528836> (дата обращения 18.11.2012).

Н.Е.Бренич

г.Мегион

Муниципальное автономное учреждение «Региональный историко-культурный и экологический центр» (Экоцентр)

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ ГОРОДА МЕГИОНА

В период бурного развития нефтяной промышленности росли сибирские города, используя огромный научный, технический и человеческий потенциал всей страны.

Пик развития Мегиона, как вспоминал председатель поссовета Андрей Андреевич Симаков, выпал на середину 70-х гг. Посёлок разделили на две части по течению ручья Мега: прилегающий к Меге застраивали геологи, с обратной стороны (за речкой Саймой) — нефтяники [1].

Началось строительство капитального жилья — 2-х этажных деревянных и блочных жилых домов, объектов соцкультбыта. Строительные бригады прибывали полным составом, вместе со своими семьями. Численность не только взрослого населения, но и детей быстро увеличивалась. Город нуждался в новых школах, так как прежние «физически» не могли всех принять.

8 октября 1974 года мегионским поселковым советом народных депутатов было решено открыть среднюю школу № 3. При финансировании Нефтегаза (строительное управление) СУ-47 объединения Самотлор-нефтепромстрой в мае 1975 года приступили к строительству новой кирпичной школы в 4-м микрорайоне на улице Нефтяников. Прибывшая из г. Феодосии строительная бригада во главе с прорабом Ефимом Давыдовым приступила к работе. На самом высоком холме, — рассказывал мне одноклассник Виктор Замеров, — близ ручья, где ещё несколько месяцев назад, местные жители собирали грибы, появился новый объект. За короткое холодное лето стены здания были возведены, но всё же к 1 сентября 1975 года завершить работы строители не успели.

Приказом Нижневартовского района штат учителей и детей школы № 3 под руководством директора Семёна Ильича Корюк (учитель географии) был укомплектован к 1 сентября 1975 года. Семён Ильич приступил к своим обязанностям раньше. 4 июля 1975 года вышел первый приказ о том, что «...имеющий высшее образование и стаж педагогической работы 25 лет, назначен директором Мегионской средней школы № 3 — новостройки» на основании приказа № 51 от 7.07.75 года по Ханты-Мансийскому округу [3].

Педагогический коллектив, комплектовался из учителей первой и второй школ и вновь прибывших в Мегион. Завучами по учебно-воспитательной работе были назначены Татьяна Сергеевна Горбунова (приказ № 3

от 01.08.1975 г., учитель русского языка и литературы) [3] и Николай Иванович Закорецкий (учитель физики), организатором внеклассной работы — Светлана Александровна Шелепова.

В числе первых учителей русского языка и литературы были Людмила Павловна Волосникова, Клавдия Ивановна Свиридова, Ида Максимовна Ключинская. Трудились и математики Клавдия Фирсовна Огорелкова, Клара Павловна Казарина, Таисия Григорьевна Силантьева, учителя иностранного языка Надежда Павловна Старостина, Людмила Викторовна Пугина, Тамара Евгеньевна Мешкорудникова, историки Нина Ильинична Хлызова, Руфина Кузьминична Расламбекова, Екатерина Васильевна Козлова, географ Ольга Андреевна Кузьминых, биолог Лариса Ивановна Давыдова (умерла 07.02.2007), физик Лилия Павловна Такташева, химик Ляля Султановна Герфанова, учителя физкультуры Геннадий Иванович Батуев, Владимир Алексеевич Емельянов, учитель музыки Мадина Бикировна Караева, учитель труда Валентина Кузьминична Ерыпалова, учителя начальных классов Лидия Николаевна Бондарь, Раиса Ивановна Шишкина, Наталья Васильевна Лазарева (умерла в марте 2006 г.).

Некоторые классы полным составом из переполненных школ переводили в новую — третью, а остальные классы комплектовали из вновь прибывших ребят. В одном из таких классов — 9 «в» — училась и я, Макарова Наталья, приехавшая с родителями в мае 1975 года из г. Феодосии. Как вспоминает Клара Павловна Казарина, — «из 1-й школы пришёл 10 «а» вместе с классным руководителем Клавдией Фирсовной Огорелковой; 10 «б» — из 2-й школы с Мудиной Бикировной Караевой. Благодаря ей «наша школа пела», занимая в конкурсах только 1-е места».

1 сентября 1975г. в новую школу вместо 946 пришло 2 200 учеников. Разместили учащихся до момента завершения отделочных работ в здании вечерней, сменной школы, которая находилась по ул. Советской. В три смены, с огромной перегрузкой, работала «деревяшечка» — сменная школа, а в вечернее время продолжала обучать и свою рабочую молодёжь.

Во внеурочное время учащиеся вместе с классными руководителями помогали выносить строительный мусор из сооружаемого здания, мыть окна, полы, переносить мебель в классные аудитории.

Новая школа (второе кирпичное здание в Мегионе) представляла собой трехэтажное здание с 26 учебными кабинетами, по сорок ученических мест в каждом, своей столовой на 200 мест, рассчитанной на работу с полуфабрикатами, двумя мастерскими (слесарной и столярной), одним спортивным залом и небольшим актовым залом.

1 декабря 1975 года мы с радостью зашли в светлые, просторные классы. Кабинетной системы не существовало, поэтому каждый класс закреплён был за отдельным кабинетом. Два девятых класса «а» и «б», переведённые полным составом из школы № 1, учились в 36 и 37 кабинетах третьего этажа, а мы — вновь прибывшие в Мегион — 9 «в» — в 38. Классные руководители, сёстры Людмила Павловна Волосникова и Клара Павловна Казарина, перешли вместе с классами, а нам назначили Нину Ильиничну Хлызову. Нина Ильинична много внимания уделяла воспитательному процессу, что помогло быстро сплотить класс. Ежедневно проводила какие-либо внеклассные мероприятия из которых особенно запомнились посвящённые этике и эстетике поведения. Очень многое я в будущем использовала в своей практике.

Клавдии Ивановны Свиридовой (ныне пенсионерка), — ветеран труда, отличник народного просвещения, кавалер медалей «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» и «За доблестный труд», — рассказывала, что работала она учителем русского языка и литературы в Мегионе с 1960 года, приехав по направлению из Тюменского государственного пединститута. «Новый 1976 год коллектив школы встречал уже в своём здании. Однако этот год оказался довольно трудным, первые шаги в новой школе говорили о том, что проект для строительства уже в те годы не соответствовал санитарно — гигиеническим нормам. Начались трудности. Раздевалки не запланированы, пришлось перекрыть центральный вход, где учащимся сделали гардероб. Не было медицинского кабинета, библиотеки, кабинета обслуживающего труда для девочек, не запланированы учительская, методический кабинет, кабинеты для зам. директора по УВР и по ВР.

Мебель — парты, стулья, столы собирали по всем школам. Школа—новостройка существовала на правах просителя с протянутой рукой. Другие школы — 1-я и 2-я — обзаводились новыми партами, свою старую мебель — парты с прибитыми к ним скамейками (теперь уж их никто и не помнит) выбрасывали, дети и учителя новой школы их подбирали, грузили на машины и перевозили к себе в здание. Парты были громоздкими, тяжёлыми, и чтобы далеко не носить, их подавали через окна. Собирали «с миру по нитке»

Казалась нам парусом старая карта, а сосновая парта была «грозым фрегатом», на котором все мы плыли в страну знаний». [2]

Первые две зимы стоял лютый холод, практически с конца ноября до середины февраля столбик термометра опускался до — 52 градусов. Стены кабинетов промерзали, учителя и учащиеся занимались в верхней одежде. Даже писать часто не имели возможности, потому что в варежках и полушубках это делать было неудобно. Занятия в такое время посещали в основном выпускники школы, которых впереди ожидали государственные экзамены. Были случаи порыва отопительной системы, в школе постоянно дежурили и учителя и сантехники.

«Но постепенно жизнь в нашей школе налаживалась, — вспоминает Клара Павловна Казарина — отличник народного просвещения, ветеран труда, ныне пенсионерка. — Весной благоустраивали школу, сажали

деревья, делали ремонт классов своими руками. Ребята красили, мыли, делали всё, что им посильно». У каждого класса были шефы — сотрудники какого-либо предприятия, с которыми поддерживали тесные связи. Шефы помогали в воспитании и материально, а мы — учащиеся — приходили к ним на субботники. В десятом классе нас объединили в два. 10 «б» класс сотрудничал с ВМУ (вышко-монтажное управление), а наш, 10 «а» — СУ-12 (строительное управление).

Собирая материал для летописи к 25-летию школы, я и группа учителей (К.И.Свиридова, К.П.Казарина, Г.Р.Имашева, О.А.Зубкова, Т.А.Яценко) вспоминали об её истории. Школа не представлялась без комсомольской и пионерской организации, без комсомольского комитета и совета дружины. Молодой коммунист Светлана Александровна Шелепова трепетно относилась к идеям, которые несла партия, она искренне верила в их справедливость. В 1976 году была создана пионерская дружина, которой в 1978 году присвоили звание Николая Кузнецова. За это звание боролись, изучали жизнь и подвиг героя Советского Союза Николая Кузнецова. Он родился в Свердловской области в городе Талица. Была налажена переписка с его родными и учащимися школы г. Талица. 9 марта проходил сбор дружины, посвящённый памяти героя, к его портрету возлагали венки. Первым председателем Совета дружины был Володя Горьков. Председателем совета отряда избирался лучший ученик класса — лучший во всех отношениях.

Пионерские сборы — отрядные и дружинные — проводились часто. Но самые торжественные были 22 апреля — в день рождения В.И.Ленина и 19 мая — в День пионерии. В те времена и складывались наши школьные традиции: пионерские сборы отрядные и дружинные, с их торжественными ритуалами, которые заставляли трепетать, становиться духовно высокими, переполняли душу гордостью. Смотры строя и песни! Как это торжественно, красиво! Это подтягивало, сплывало, объединяло.

Первым секретарём комсомольской организации школы была избрана Татьяна Петрова (ныне Татьяна Алексеевна Яценко). После окончания школы она стала работать пионервожатой, поступила заочно на истфак и осталась в родной школе. Так и работает она учителем истории — мать четверых детей. В 1976—77 уч. г. секретарём школы была избрана Любовь Лукьянова, комсоргом 10 «а» была я, 10 «б» — Резеда Гиматова. На нас возлагалась большая ответственность за успехи всего классного коллектива.

По традиции в комсомол принимали в два этапа. 29 октября — день рождения комсомола — был торжественным и ответственным днём — днём приёма в ряды комсомола. Члены комсомольского комитета с пристрастием расспрашивали кандидата о событиях в стране и мире, о героях — пионерах и комсомольцах, о планах на будущее. Комсомолец должен был много знать, быть требовательным к себе и товарищам. Нельзя было не читать газет, не знать Ленинских работ, обманывать и мн. др. Один раз в неделю, до начала уроков проходила политинформация. За 20 минут мы должны были рассказать о событиях, происходящих в стране. А чего стоили агитбригады! Их яркие выступления на сцене дома культуры «Прометей» надолго сохранились в памяти горожан. «Гореть, а не тлеть!» — таков был девиз настоящего комсомольца.

Самой красивой традицией стала посадка деревьев. Мы озеленяли, разбивали парк вокруг школы, клумбы. Об этом Клавдия Ивановна Свиридова вспоминала так. «Биологи сажали с ребятами цветы. Первые деревья были сосны. Но к новому 1977 году эти сосенки были уничтожены. Наше сердобольное население наивно полагало, что дети — ученики 3-й школы — посадили их, чтобы жильцы близлежащих домов в лес за ёлками не ходили. И порубили наши ёлочки. Да ещё малыши катаясь на санках и картонках по склону сбивали эти деревца. И к весне 1977 года у нас около школы стало пусто, голо...

Тогда директор С.И.Корюк потребовал у исполкома огородить школьную территорию, что и было сделано. Вновь посаженные лиственные деревья прижились. А сажали их ребята с учителями, и сегодня этот зелёный массив можно по праву считать живым, рукотворным памятником первым учителям и первым выпускникам нашей школы. Я даже была свидетельницей того, как на одном из совещаний председатель исполкома А.А.Симаков с восторгом говорил, что наш парк — лучшее, самое красивое место в Мегионе» [2].

Каждый год в школе происходили важные события. Менялись директора, но каждый из них вносил свой вклад в жизнь школы. В 1981 году школу принял энергичный, деловой директор Дмитрий Матвеевич Сапрон, приехавший с «Большой земли». Школа заработала в новом русле воспитания подрастающего поколения — потребности и умения жить интересами общества, его трудовыми успехами. В стенах школы были организованы залы, посвящённые пионерии и комсомолу, зал трудовой и боевой славы, в которых проводили не только экскурсии, но и пионерские, отрядные и дружинные сборы, общешкольные комсомольские собрания. Для классных руководителей не было проблемы при проведении классного часа. В любое время экскурсовод-старшеклассник мог провести экскурсию в одном из залов.

В 1984 году в городе открывается УПК (учебно-производственный комбинат) для получения первой ступени профессионального образования учащихся старших классов общеобразовательных школ города. Дмитрию Матвеевичу Сапрону было предложено его возглавить. А среднюю школу № 3 возглавляли поочерёдно Геннадий Ильич Меженин, Людмила Ивановна Коберник, Наталья Ивановна Богомолова. Более продолжительное время, с 1 июня 1988 года по 10 сентября 2004 года, директором была Луиза Васильевна Курносова, внёсшая значительный вклад в становление школы. Клара Павловна считала, что «при Луизе Васильевне наша школа начала учиться. Тогда ГорОНО стало инициатором содружества с кировчанами — с вятской гуманитарной гимназией и кировским пединститутом (кафедра педмастерства). Эти три года сотрудничества

были плодотворными. Некоторые учителя нашей школы работали по кировской методике, и довольно успешно. К сожалению связи прервались...».

Благодаря дальнейшим усилиям Луизы Васильевны в 1995 году был создан первый профильный класс с медицинским уклоном, через год — с технико-экономическим уклоном. В последующем они были перепрофилированы в специальные лицейские классы с техническим и медицинским уклоном. Были заключены договоры на совместное сотрудничество с Тюменской медицинской академией и Тюменским университетом нефти и газа (ранее — индустриальным), в результате чего выпускники зачислялись в эти учреждения на основе школьных государственных экзаменов, причём уровень знаний был самым высоким, и классы полным составом зачислялись для дальнейшего обучения на бюджетной основе.

Можно с гордостью сказать, что медицинский персонал мегионской городской поликлиники укомплектован большим количеством выпускников общеобразовательной средней школы № 3 с углубленным изучением отдельных предметов.

«Это было начало истории нашей школы. Её продолжение и настоящее — тема для последующих размышлений. И мы не сомневаемся, что она будет не менее интересной» [2], — такими словами мы закончили составление летописи нашей школы к её 25-летию.

Весной 2004 года, школу поставили на капитальный ремонт. Учащиеся начального и среднего звена расположились в детском садике «Ласточка», а старшее звено — на третьем этаже старого здания средней школы № 1 по улице Советской. Ремонт школы лёг на плечи бывшего завуча по учебной части Елену Николаевну Тюляеву, назначенную в последующем директором школы.

В первых числах октября 2004 года коллектив школы вернулся в полностью обновленное здание школы, оборудованное по всем требованиям. Отремонтированное здание школы стало для всех подарком. На открытии присутствовал Губернатор округа Александр Васильевич Филиппенко, руководители градообразующего предприятия, представители окружного и центрального телевидения.

11 сентября 2006 года на основании Распоряжения главы города № 1250 от 11.09.2006 г., возглавил школу Эдуард Борисович Маслов, а 25 января 2013 года на основании приказа № 69 к главы города Мегиона его назначают директором департамента образования и молодёжной политики г.Мегиона. Директором МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 3 с углубленным изучением отдельных предметов» распоряжением № 65к от 25.01.2013 г. назначена Оксана Юрьевна Ермолаева, которая работала в этой школе психологом с учащимися начального звена.

Литература

1. Батуев Г.И. Просвещение. История родного края // Мегионские новости № 84 (342) от 25.07.1995.
2. Летопись школы № 3. Копия МКМ НВФ 506 в фондах Экоцентра.
3. Приказы предприятия (средняя школа № 3) по личному составу. Книга № 1. Копия С. 1 хранится в фондах Экоцентра г.Мегиона.

В.П.Василевский

г.Омск

Омский государственный технический университет

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ РЕПРЕССИЙ ОРГАНОВ ОГПУ СИБИРИ В ОТНОШЕНИИ БЫВШИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ В СВЯЗИ С РЕАБИЛИТАЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ

В историческом сознании российского общества, утвердился отрицательный взгляд на деятельность советских органов государственной безопасности в сталинскую эпоху. Это связано с массовыми политическими репрессиями затронувшие значительную часть населения страны. Политическое развитие России обусловило две крупных волны реабилитации: первая в годы «хрущевской оттепели», пришлась на конец 50-х годов, вторая на конец 80-х — начало 90-х годов. В этой связи перед историком, изучающим деятельность советских органов безопасности, встает проблема критики исторических источников исшедших от органов ОГПУ. Как относиться к документам периода 20—30-х годов содержащимся в уголовных делах ОГПУ в связи с реабилитацией осужденных по ним граждан?

Для юриста ответ на поставленный вопрос очевиден. Люди реабилитированы и, соответственно, они были осуждены незаконно с подачи сотрудников ОГПУ сфабриковавших их дела. Нам представляется, что данный подход для историка является отчасти политически ангажированным и упрощенным. Ведь юристы при реабилитации судят о доказательной базе дела с позиций современного законодательства и правоприменительной практики. Их не интересуют состояние общественного сознания эпохи, к которой относились следственные дела, поскольку они рассматривают материалы дел, применяя оценочные категории «законно» или «незаконно».

Историкам присущ иной подход. Известный российский историк В.П.Булдаков, на круглом столе, посвященном Октябрьской революции, отметил: «Не надо взывать к морали — мораль формируется эпохой, которую надо понять» [4, 175]. Думается. Что этот тезис может стать своеобразным методологическим ориентиром при источниковедческой оценке чекистских документов периода сталинских репрессий, самих репрессий, а также хода реабилитации по делам той эпохи.

Цель данной работы показать, что не законность и собранные по делу доказательства, а в первую очередь политические условия и состояние общественного сознания, частью которого является историческое сознание, определяло репрессии в отношении бывших белогвардейцев. Соответственно изменения в общественном сознании обусловили и их реабилитацию.

Историк советских органов безопасности А.Г.Тепляков справедливо отмечает, что после победы над А.В.Колчаком «богатая Сибирь воспринималась как завоеванная территория, население которой подлежало масштабной чистке» [5, 114]. В годы Гражданской войны Омск, являвшийся столицей белой России, в этом отношении привлекал особое внимание чекистов. Известный партийный деятель, потрудившийся и в чекистских структурах об Омске 1920 г. вспоминал: «Омск был переполнен бежавшими с запада и с востока буржуями, офицерством, населением окрестных казачьих станиц настроено монархически, враждебно к Советской власти» [1, Ф. 87. Оп. 3. Д. 1596. Л. 1]. А.Ф.Ворозенец, приехавшая в Омск в 1920 г. из Поволжья и поступившая на службу в советские органы безопасности, вспоминала: «Сибирь. Омск. Высаживаемся. В первые дни пребывания Омск произвел неприглядное впечатление: пыльный, душный город, со скудной растительностью, частными домами—мазанками, с их угрюмыми, враждебно настроенными хозяевами — остатками кулачества, не успевшими убежать с белогвардейцами; базары, кешающие спекулянтами со всевозможной снедью и рядом оборванные, падающие от истощения люди». [1, Ф. 87. Оп. 3. Д. 1596. Л. 228]. Это типичное восприятие сибирского населения являлось основой утверждения в чекистском мировоззрении устойчивого образа «врага», которым в первую очередь являлся бывший белый офицер.

С первых дней восстановления Советской власти в Сибири чекисты повели борьбу против побежденных белогвардейцев. Бывшие белые офицеры выявлялись, проверялись органами ВЧК-ГПУ ОГПУ и по ним, индивидуально принималось решение. Отдельные белогвардейцы за контрреволюционную деятельность расстреливались, но большинство отбывало небольшие сроки и ставилось на специальный учет. Уже 20 сентября 1921 года были приняты «Временные правила по вопросам бывших офицеров (белых) и военных чиновников». Они распространялись персонально на всех офицеров, где бы они не находились, и даже за снятыми с учета бывшими белыми устанавливался персональный надзор. Советские органы безопасности негласно постоянно следили за ними [2, 295]. В 20—30-е годы их абсолютное большинство подверглось политическим репрессиям, и было расстреляно.

При просмотре уголовных дел бывших белогвардейцев, которые вели органы ГПУ-ОГПУ Сибири в 20-е — 30-е годы в глаза бросается ряд особенностей.

Во-первых, большинство бывших белогвардейцев, в 20—30-е годы осуждалось по печально знаменитой антисоветской, политической 58-й статье. Само ее наличие в уголовном законодательстве свидетельствовало о том, что в обществе был не изжит образ «врага-белогвардейца — контрреволюционера» сформировавшийся в годы Гражданской войны. Для чекистов этот образ являлся неотъемлемой частью профессионального мировоззрения определявшего отношение к бывшим белым офицерам.

В 20—30-е годы, несмотря на завершение Гражданской войны в советском обществе сохранялось острое идейное противостояние бывших «белых» и «красных» усиливаемое антисоветской деятельностью белоэмиграции за рубежом. Так 1 апреля 1921 г. в Пекине с участием японцев состоялось совещание главарей белогвардейского движения на Дальнем Востоке: барона Унгерна, Бакича, Анненкова, Кайгородова и др., на котором при помощи японского Генерального штаба был разработан план военного нападения на Дальневосточную и Советскую республики [2, 60].

Подрывная деятельность бывших белогвардейцев находившихся в эмиграции, их тесное сотрудничество с иностранными спецслужбами и попытки использовать бывших соратников по белому движению оставшихся в СССР, являлись объективными причинами, заставлявшими сотрудников ОГПУ бороться с «врагами» всеми имевшимися средствами. В условиях тотального недовольства крестьянской массы вызванного коллективизацией, с конца 20-х гг. бывшие белогвардейцы (особенно офицеры) становились для существующего режима еще более потенциально опасными людьми. Они имели навыки организации вооруженного насилия и могли повести за собой недовольные массы, организовав и возглавив вооруженную антикоммунистическую борьбу. Поэтому образ врага «бывшего белогвардейца» для сознания того времени был естественен.

Во-вторых, в репрессиях в отношении бывших белогвардейцев четко просматриваются два этапа. В период НЭП преобладают дела по обвинению граждан, бывших белогвардейцев, в контрреволюционной борьбе против Советской власти, которая выражалась в их участии в Гражданской войне на стороне белых и в совершении ими конкретных преступлений. В Сибири органы ГПУ-ОГПУ постоянно занимались выявлением и учетом бывших офицеров, розыском колчаковских контрразведчиков, старались собрать сведения о репрессиях белогвардейцев в отношении противников режима А.В.Колчака и мирного населения. Причем в этот период следователи старались собрать убедительные доказательства преступлений (обычно это были

показания свидетелей), часто обвинения снимались за недоказанностью, несмотря на то, что у чекистов имелись косвенные данные о совершенных преступлениях. С началом свертывания НЭПА и усилением антисоветских настроений в обществе, характер дел в отношении белогвардейцев изменился. Чекисты стали «разоблачать массовые белогвардейские антисоветские организации», которые «организовывались» ими самими при помощи различных манипуляций (создание легендированных организаций, использование осведомителей склонявших граждан признать свою вину и т.п.). По таким делам проходили сотни, а иногда и тысячи обвиняемых. Обвинения, основывались на признании подследственных, к которым применялись меры психологического и физического воздействия для получения признательных показаний, которые в результате, как правило, успешно добывались.

В-третьих, реабилитация бывших белогвардейцев осужденных в 20—30-е годы проводилась в два этапа. В годы хрущевской оттепели было реабилитировано большинство участников массовых антисоветских организаций разоблаченных в 30-е годы, которые были фальсифицированы чекистами. При этом следует подчеркнуть, что политические условия уровень общественного сознания эпохи 20—30-х годов объясняют репрессии в отношении бывших белогвардейцев. Несмотря на очевидную фальсификацию большинства белогвардейских организаций, в следственных делах отдельных реабилитированных граждан являвшихся участниками не существовавших антисоветских организаций, имеется материал о деяниях для той эпохи являвшихся преступлением (публичные антисоветские высказывания, незаконное хранение оружия и т.п.). В начале 90-х годов прошла волна реабилитаций по делам 20-х годов отдельных граждан. Причем в 90-е годы реабилитация проводилась на основе специально принятого закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Он мог появиться только в условиях краха коммунистической идеологии.

Таким образом, именно с учетом уровня политического сознания эпохи определявшего психологию людей, историку следует оценивать документы, содержащиеся в следственных делах реабилитированных осужденных. Действующее законодательство, на основе которого проводились массовые политические репрессии, а затем массовая политическая реабилитация, являлось лишь отражением уровня общественного сознания и сложившихся политических условий.

В советском обществе в 20—30-гг. продолжалось острое идейное противостояние «красных» и «белых». Белые потерпели поражение в Гражданской войне, но бывшие белогвардейцы, по меркам того времени, самим фактом своего существования в обществе, продолжали сохранять потенциальную опасность для коммунистического режима. Удаляя их из общества, органы ОГПУ выполняли задачу законно существовавшей власти в то время легитимной в глазах большинства населения. Карательная, репрессивная деятельность органов ОГПУ в отношении бывших белогвардейцев определялась действующим законодательством соответствовавшим уровню общественного сознания масс и профессиональному мировоззрению чекистов выполнявших свой долг по борьбе с врагами. Реабилитация осужденных также происходила в зависимости от политических событий в стране (хрущевская оттепель и распад СССР, сопровождавшийся крахом коммунистической идеологии) и, соответственно, зависела от уровня общественного сознания масс и политических условий.

В современной российской историографии Гражданской войны во главу угла исследователи ставят человека — антропологический аспект Гражданской войны, в рамках которого рассматривается человек, его самосознание и социальное поведение. При таком взгляде Гражданская война представляется драмой всего народа без разделения на красных и белых. Историки стремятся быть патриотичными по отношению ко всем участникам событий. Ведь и белые и красные воевали за Россию, но будущее России им виделось по-разному [3, 137]. Думается, что в связи с продолжением Гражданской войны в общественном сознании советского общества 20—30-х годов и вызванных этим репрессиями в отношении бывших белогвардейцев, такой взгляд необходимо распространить и на участников политических репрессий, как на сотрудников ОГПУ, так и на бывших белых офицеров. Историк должен не судить чекистов или их обвиняемых на основе моральных ценностей и современных юридических норм, а руководствуясь принципом историзма понять состояние общественного сознания и политические условия, сделавшее возможным массовые политические репрессии и, соответственно, последующие массовые компании по политической реабилитации.

Литература

1. Архив УФСБ России по Омской области.
2. Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921—1928. М.: Кучково поле, 2006. 704 с.
3. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2003. 208 с.
4. Российские революции: 90 лет спустя. «Круглые столы» в институте Российской истории РАН // Отечественная история. 2008. № 6.
5. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири, 1918—1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. 288 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В ходе Первой мировой войны миллионы офицеров и солдат Четверного союза оказались в русском плену. Одной из территорий, принявших большое количество военнопленных, стала Западная Сибирь. В города Западной Сибири военнопленные начали прибывать уже в первые месяцы войны. 2 сентября 1914 г. первая команда пленных немцев прибыла в Курган, в Тобольск 7 сентября прибыл эшелон с австрийцами и венграми, в Тюмень и Семипалатинск пленных доставили 9 сентября, в Омск — в начале октября. К лету 1915 г. только в городах Западной Сибири был размещен 64 631 пленный, в том числе 10 322 германца [3, 134]. Несмотря на то, что Западная Сибирь была одной из самых удаленных территорий от театра военных действий, решение правительства направить в регион значительное число военнопленных заставило местные власти оперативно решать многие проблемы. Среди них особое место занимает проблема организации труда военнопленных. Система организации труда военнопленных основывалась на целом ряде правил и правительственных распоряжений. Уже в принятом в октябре 1914 г. Положении отмечалось, что военнопленные могли быть привлекаемы к различным казенным и общественным работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Все работы, выполняемые пленными, можно разделить на три группы: Первую составляли уборка помещений и территории, заготовка дров, воды и провизии. Работы эти не требовали ни долговременного напряжения сил, ни специальной квалификации, и выполнялись обычно инвалидами и выпущенными из госпиталей пленными. Вторую группу составляли специальные работы в пределах лагеря, заключающиеся в заготовлении и починке различного рода предметов для нужд военнопленных: работа в швейных, сапожных и столярных мастерских, хлебопекарнях, кухнях. Для исполнения такого рода работ избирали преимущественно специалистов или людей способных обращаться с инструментами. К этой же категории относятся строительные и земельные (рытье колодцев, сточных канав и проведение дорог) работы, требующие большого физического усилия и потому выполняемые трудоспособными пленными. Третью группу составляли различные работы вне лагерей: сельскохозяйственные, промышленные, земельные, военнопорядительные [1, 96].

В течение 1914—1915 гг. формируются документы с основными требованиями к военнопленным и правила использования их труда в различных сферах хозяйственной деятельности. 23 февраля 1915 г. Совет министров утвердил «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы». Согласно этим правилам, на сельскохозяйственные работы, под начало губернских или земских управ, предоставлялись военнопленные партиями по 100 чел. и более сроком не менее чем на три месяца. В Сибири, где земств не было, распределением пленных на сельскохозяйственные работы занимались главным образом местные власти, создавшие для этого специальные комитеты [7, 715]. Впоследствии эти правила были распространены на лесные, гидротехнические, мелиоративные и другие работы ведомства Главного Управления землеустройства и земледелия. При этом правила использования пленных на сельскохозяйственные работы подчас не были адаптированы к сибирским условиям. Летом 1915 г. порядок отпуска военнопленных в Сибири был значительно упрощен, и с июня ими должен был ведать штаб Омского военного округа.

В Западной Сибири отпуск пленных на работы в сельскую местность облегчался посредничеством МОСХ. Военные пошли навстречу местным отделам, позволив использовать труд пленных и в хозяйстве отдельных крестьян. С организационно-правовой точки пленные в различных районах Западной Сибири в основном находились в сходных условиях. Некоторые отличия были связаны с природно-климатическими условиями, характером работ, спросом на рабочие руки.

Пленные, занятые в сельском хозяйстве, помимо относительной свободы, пользовались даже некоторым расположением со стороны местных жителей. Так, уже летом 1915 г. все крестьянские и казачьи общества Акмолинской области изъявили согласие разместить в селениях пленных, построить для них дома или выделить помещения. Нужны были рабочие руки в крестьянских хозяйствах, а с другой стороны, подобно оказалось бы невозможным при нетерпимом отношении к пленным со стороны сельских жителей. Более того, как с возмущением отмечал в 1915 г. Командующий войсками Омского военного округа генерал Е.О.Шмит, пленные, находившиеся в деревнях, гуляли до позднего вечера, даже беспокоили домохозяев пением. Генерал приказал «подчинить военнопленных, размещенных в селах, требованиям устава внутренней службы для русских войск», предписывал пленным вставать не позднее 6 часов утра и ни в чем не стеснять домохозяев, а тех, кто не подчиняется, — возвращать в лагерь [4, 68]. В целом в годы войны в сельском хозяйстве использовали более 50% всех работавших военнопленных.

С осени 1914 г. в военное ведомство стали поступать многочисленные запросы о возможности отпуска военнопленных для работы на частных предприятиях. Активно обсуждался этот вопрос и на различных региональных съездах промышленников. Для его урегулирования Советом министров были приняты «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». Согласно установленным

правилам, военнопленные могли быть привлекаемые на работы в частных предприятиях горной, горно-заводской и фабрично-заводской промышленности и в других крупных промышленных предприятиях, имевших государственное или общественное значение. Правилами устанавливался отпуск военнопленных главным образом на крупные предприятия не менее 25 человек для каждого, при этом численность пленных не могла превышать 15% общего числа рабочих данного предприятия [7, 1162].

Значительное число военнопленных работало все годы на промышленных предприятиях Западной Сибири. По подсчетам Д.М.Зольникова, пленные составляли 19,8% среди рабочих обрабатывающей промышленности Тобольской губернии, 10% — промышленности Томской губернии и более 5% — всей Сибири [5, 34].

В конце 1915 г. зародился новый для Сибири кустарный промысел — лагерные мастерские. Омский концлагерь славился оригинальными янтарными изделиями. Беженцы из Прибалтики привезли янтарь, который и послужил материалом для пленных умельцев [6, 12].

В апреле 1915 г. 1 200 военнопленных из Омска были направлены на железную дорогу в качестве ремонтных рабочих. Сначала на дорогу допускали только пленных славян, а к 1917 г. на Омской железной дороге работало более 3 000 пленных всех национальностей [2, 20—26]. Острая нехватка рабочих рук в Сибири позволяла пленным использовать свои профессиональные знания и иногда даже выбирать место работы. Режим в концентрационных лагерях не был чрезмерно строгим. Пленные могли в течение дня работать либо на казенных предприятиях, либо в частных мастерских. Это до некоторой степени сближало положение пленного мастера и русского наемного рабочего. Например, 6 января 1917 г. Акмолинский губернатор потребовал у начальника Омского жандармского управления объяснений, почему пленные австрийцы и немцы, направленные на работы по возведению здания Управления Омской железной дороги, 16 декабря 1916 г. бежали. Жандармский начальник объяснил, что пленные не бежали, а самовольно оставили работы и вернулись в лагерь. Причиной было их недовольство низкой оплатой труда. Более того, как подчеркнул жандарм, подобные отлучки пленных со строительной площадки бывают часты, особенно благодаря усилиям городских ремесленников, которые сманивают пленных мастеровых предложением большего вознаграждения [2, 8].

Использовали военнопленных и в городском хозяйстве, в первую очередь на неквалифицированной работе по ремонту дорог и приведению в порядок сточных канав. В Тюмени, например, силами военнопленных были поставлены телеграфные столбы, построен защитный вал для защиты Заречья от наводнения, проведены работы на городской лесопилке [8, 271].

Принцип оплаты труда военнопленных был введен «Правилами об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», согласно которым размер заработной платы устанавливался предприятиями соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ». Часть заработка, не менее 1/3, должна была отчисляться в казну, часть шла на покрытие расходов по содержанию пленного на предприятии, самому работнику должно было выдаваться не более 20 коп. в день. На протяжении войны был принят ряд инструкций и циркуляров, которые вносили изменения в правила оплаты труда, и в правила отпусков военнопленных на работы. Все было направлено на извлечение максимальной выгоды из труда военнопленных.

Таким образом, экономическая политика России по отношению к военнопленным в целом не отличалась от политики, проводимой ее противниками — Германией и Австро-Венгрией. Суть ее сводилась к максимальному использованию труда военнопленных при максимальных затратах на их содержание [1, 102].

Литература

1. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны. Учебное пособие к спецкурсу. М., 1999.
2. Государственный архив Омской области. (далее — ГАОО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 126. Л. 134.
3. ГАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 248.
4. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 266.
5. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982.
6. Колмогоров Н.С. Красные мадьяры. Новосибирск, 1970.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г. Пг., 1915. Собр. 83. Ст. 715.
8. Сибирский листок, 1912—1919 гг. / Сост. В.Белобородов. Тюмень, 2003.

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ В РЫБИНСКОМ АВИАЦИОННОМ ИНСТИТУТЕ В 1930-е ГОДЫ

Рыбинский авиационный институт начал свою работу в 1932 году. Он готовил инженеров-механиков по авиационным двигателям и инженеров-механиков-технологов по холодной обработке металлов резаньем. Втуз был создан не на пустом месте, а являлся филиалом Новочеркасского авиационного института.

Проанализируем, какую роль втуз сыграл в деле подготовки инженерно-технических кадров. Рассмотрим основные проблемы, существовавшие в учебном процессе, а также выясним, какая общественная работа проводилась в стенах вуза.

В начале своей работы Рыбинскому авиационному институту пришлось столкнуться с большим количеством проблем, которые сказались на качестве подготовке специалистов-инженеров.

Самым большим недостатком в работе института являлось не проработанность учебных планов. Они имели много несовершенств. Так, изучение такого предмета как физика, начиналось с первого семестра обучения, когда студент не имел еще достаточной математической базы, поэтому данный предмет не преподавался в необходимом объеме. Поэтому преподаватель вынужден был заниматься самостоятельно со студентом высшей математикой или ограничиться теми знаниями, которые учащийся получил в средней школе. На такой важный предмет, как математика, в учебном плане отводилось слишком мало времени, и уложить всю программу с достаточной полнотой было невозможно. Поэтому объем материала сжимался и студенты проходили его в первые три семестра. Отрицательным было то, что изучение некоторых дисциплин недопустимо оттягивалось.

Институт испытывал острую потребность в демонстрационном материале. Частыми были случаи, когда макеты, модели по ряду дисциплин или отсутствовали, или имелись в ограниченном количестве [1].

Плохо обстояло дело с учебным оборудованием. «Когда приехали на место, — вспоминает один из выпускников института В.А.Шувалов, — почти никакого оборудования не было. Было организовано несколько лабораторий: по теории резания, авиадвигателей, химии и физики». Они были оснащены крайне плохо. Там были лишь элементарные приборы. Нисколько не изменилась ситуация во втузе к 1935 году, когда в отчетах отмечалось, что студенты изучали теорию резания, пользуясь лишь диаграммами и чертежами. Не был исполнен приказ директора завода Королева об обеспечении института необходимой документацией и пособиями, а обращения к другим авиационным институтам и научно-исследовательским организациям страны с просьбой передать втузу имеющиеся образцы моторов отечественного и зарубежного производства с чертежами и документами не были реализованы в намеченные сроки. Но выход из положения был найден следующий: студентам выдавали постоянные пропуска на завод, которые давали право на посещение цехов и лабораторий. Но, несмотря на большой прорыв в лабораторных занятиях, студенты имели возможность расширить свои знания путем чтения книг. В их распоряжении в 1935 году находилось 35 тыс. книг, в том числе и технические журналы на иностранных языках [6, 8].

Еще с одной важной проблемой пришлось столкнуться руководству Рыбинского авиационного института — это недостаточное количество помещений. Для написания курсовых проектов требовалась постоянное руководство со стороны научных работников института, но по причине нехватки помещений студенты вынуждены были выполнять работу дома, что еще больше затрудняло положение. Когда студент жил в общежитии, у него не было достаточно места, где бы он мог тщательно разработать своей проект, и этому часто мешала и сама обстановка общежития [2].

Не смотря на перечисленные выше недостатки успеваемость студентов была высокой. Самой распространенной отметкой при сдаче сессии оставалась отметка «хорошо» и она варьировала в пределах от 46,7 до 41,6%.

Если проанализировать на какой специальности студенты были более подготовленными, то согласно статистическим отчетам, более подготовленными были инженеры-механики, чем инженеры-технологи. Количество отличных оценок у инженеров-механиков составляло 16,3%, в то время как у инженеров-технологов — 10,4%. Количество неудовлетворительных оценок у инженеров-технологов была выше и составляло 6,3% против 3,2% [3].

Количество неудовлетворительных оценок оставалось не стабильным и варьировало в пределах от 5,2 до 15,7%. Главными причинами плохой успеваемости было то, что студенты совершенно не умели планировать свое время. Преподаватели часто задавали много материала на дом, тем самым перегружая студентов, и это приводило к отставанию по предмету. Студенты также не умели правильно организовывать свою работу, работали урывками, готовились только накануне семинаров. По этой причине ни о какой глубокой проработке курса не могло быть и речи [7].

Улучшить подготовку студентов, по средством консультации, пыталась дирекция института. Но поднять уровень знаний студентов не представлялось возможным по той причине, что консультация для младших курсов проводилась общая. А также не были проработаны шаги для того, чтобы предупредить увеличение количества неуспевающих. Так, консультационная работа с преподавателями начиналась только в том случае, если количество неудовлетворительных отметок у студентов составляло три–четыре дисциплины [4].

Неотъемлемой частью студенческой жизни в 1930-е годы была общественная работа. Почти ежедневно проводились мероприятия, имевшие идейно-политическую окраску, — партийные, комсомольские, профсоюзные, производственные собрания, политинформация, занятия политических кружков. Причем явка на эти мероприятия строго контролировалась по партийной и комсомольской линии. Больше половины студентов имели постоянные общественные «нагрузки» — были комсоргами, профорганами, руководителями кружков политической учебы, которые существовали на каждом курсе. Некоторым студентам доверяли читать лекции для рабочих на предприятиях города. В связи с такой нагрузкой неслучайно в 1932 году на уровне ЦК партии был поставлен вопрос о том, что студент должен иметь хотя бы три вечера в неделю, свободных от общественной работы, для того, чтобы подготовиться к занятиям.

Студенты помимо работы кружков по текущей политике уделяли внимание изучению «Капитала» К.Маркса и произведений В.И.Ленина. Дирекция втуза ввела в группах четыре раза в пятидневку так называемые «поминутки» по ознакомлению с основными политическими событиями международного и внутреннего положения о социализме [5]. С одной стороны, уделение такого пристального внимания вопросу подготовки общественно-активной личности сыграло положительную роль в деле подготовки кадров. Но с другой стороны, в данный период времени целесообразно было уделить больше внимания качеству подготовки инженеров.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на все недостатки, с которыми пришлось столкнуться Рыбинскому авиационному институту, втуз смог подготовить квалифицированных специалистов. Выпускники втуза заняли высокие должности от главных инженеров предприятий, до постов руководящих работников. Многие из них были удостоены правительственных наград.

Литература

1. Государственный архив Ярославской области в г. Рыбинске Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 195. Л. 39.
2. Государственный архив Ярославской области в г. Рыбинске Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 195. Л. 21.
3. Государственный архив Ярославской области в г. Рыбинске Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 140. Л. 3.
4. Государственный архив Ярославской области в г. Рыбинске Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 169. Л. 34.
5. Государственный архив Ярославской области в г. Рыбинске Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 82. Л. 14.
6. Кузнецов К.К. Рыбинская государственная авиационная технологическая академия им. П.А.Соловьева. Страницы истории. Рыбинск, 2005.
7. Рыбинская правда. 1934. 1 мая.

К.В.Волошенко

г.Астрахань

Астраханская государственная медицинская академия

ИСТОРИКО-МЕДИЦИНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ

История развития здравоохранения в Астраханском крае насчитывает много веков. Начало развитию здравоохранения положил указ Петра I от 26 октября 1729: «1. Завезь в Астрахани аптекарский огород...» [1, 27]. Много астраханских губернаторов приложили свои силы для развития медицины и здравоохранения в Астраханском крае.

Никита Афанасьевич Бекетов (1729—1794 гг.), энергичный, чрезвычайно разносторонний и одаренный человек, дворянин, сын полковника, выпускник Сухопутного кадетского корпуса, до назначения губернатором в Астрахань был боевым офицером. 19 августа 1757 года он принял боевое крещение в битве при Гросс-Егерсдорфе, был командиром 4-го гренадерского полка, который располагался во второй линии на правом фланге армии Фермора, в том бою были убиты 10 офицеров, 618 ранены, Бекетов Н.А. захвачен в плен. В 1760 году по возвращении из плена Бекетов Н.А. был произведен в бригадиры, в 1762 году — в генерал-майоры. Такова непростая прелюдия астраханского периода Н.А.Бекетова [1, 41].

В первый же год своего назначения губернатором в Астрахань Никита Афанасьевич делал свой доклад государыне о разных нуждах Астрахани, в том числе о санитарном благоустройстве города. В своем знаменитом Докладе Екатерине II он ходатайствовал об окончании строительства канала, который помог бы осушить болотистую местность (мысль об устройстве канала в Астрахани была высказана еще Петром I, но работы затянулись на многие десятилетия, лишь в 1817 году они полностью были завершены, и он был назван

«Варвацевский канал»). Рагуя за строительство канала, Бекетов подчеркивал, что расход на это важнейшее для города сооружение «мало-помалу возвратится неотяготительным окладом с каждого судна на зимовке, для безопасности в него вводимого, сей малый оклад достаточно награжден быть может пространством тогдашней коммерции, особливо» [1, 45].

Следующим губернатором, который внес значительный вклад в развитие здравоохранения Астраханского края был С.С. Андриевский. Степан Семенович Андреевский (1760—1818 гг.) — выдающийся представитель отечественной демократической интеллигенции конца XVIII — начала XIX в., крупный ученый, врач, реформатор медицинского дела в России, видный государственный деятель.

Родился С.С. Андреевский в 1760 г. в селе Салтыкова-Девица Нежинского уезда Черниговской губернии в семье сельского священника. Первоначальное образование С.С. Андреевский получил в Киевской духовной академии. В 1778 году С.С. Андреевский оставил академию и поступил учеником в Кронштадтскую медицинскую Школу при морском госпитале. Но не удовлетворенный постановкой учебного процесса в этом учреждении, в апреле 1779 г. он перешел в госпитальную школу при Петербургском сухопутном госпитале. В мае 1781 г. он, сдав первый экзамен, получает звание подлекаря (помощника врача) и направляется на службу в Черниговский легкоконный полк. Спустя два года возвращается в Петербург для сдачи лекарского экзамена. Получив звание лекаря, С.С. Андреевский работал прозектором анатомии при профессоре М.М. Тереховском, а в конце 1785 г. возглавил одну из экспедиций для изучения «неизвестной» болезни в Челябинском округе [1, 65].

В 1794 г. С.С. Андреевский стал первым штатным членом Медицинской коллегии, на которого, была возложена подготовка всех намеченных реформ в области организации медицинского дела в России. Этот плодотворный период деятельности С.С. Андреевского продолжался почти 10 лет. В 1804 г. после ликвидации Медицинской коллегии С.С. Андреевский был назначен директором Петербургской медико-хирургической академии. Этой работой он занимался в течение трех лет [1, 67].

В 1807 г. С.С. Андреевский оставляет службу в академии, а также и медицинское поприще. После ухода из Медико-хирургической академии С.С. Андреевский некоторое время служил в Министерстве финансов, затем недолго был вице-губернатором в Гродненской и Киевской губерниях. Со всеми сложными обязанностями С.С. Андреевский успешно справлялся, о чем свидетельствовало его быстрое продвижение по службе. В ноябре 1811 г. он был назначен астраханским гражданским губернатором [1, 67].

Большое внимание С.С. Андреевский уделял развитию оспопрививания. Под его председательством был организован «оспенный комитет». Из числа грамотных юношей, выделенных городским купеческим и мещанским обществом, молодых татарских мулл и калмыцких священнослужителей стали готовить оспопрививателей. С 1814 г. была установлена выдача справок населению об оспопрививании. К началу 1816 г. прививками против оспы были охвачены все дети Астраханской губернии. Оспопрививание в губернии было настолько развито, что она снабжала прививочным материалом Кавказскую губернию, Грузию и Баку [1, 70—71].

С.С. Андреевский придавал большое значение устройству карантинных домов для защиты от возможного проникновения заразных болезней. В июне 1812 г. он лично объехал все карантинные пункты и увидел крайне неприглядную картину. Главный Бертюльский карантин он застал в весьма худом и почти ничтожном состоянии, потому что «не имелось в нем ни строений, кроме безобразных и ветхих лубяных сараев, ни других внутренних заведений, необходимых к действию при очищении товаров и пожитков», — так писал сам С.С. Андреевский. Еще хуже были устроены Тинакский сухопутный карантин и многочисленные заставы, образованные во время эпидемии чумы 1807—1808 гг. В карантинах не хватало врачей, а имевшиеся вынуждены были снимать частные квартиры, хотя им полагались казенные [1, 70—71].

С.С. Андреевский решительно стал наводить порядок. Вначале он распорядился оплачивать квартиры врачам за счет карантинных средств, затем приступил к строительству Бертюльского и Тинакского карантинных домов, выделив средства из губернских доходов. В результате принятых мер по укреплению карантинных домов за время его службы на территории губернии не было ни одного случая эпидемического заболевания. В 1815 г. «за старания и хорошие распоряжения в устройении карантинных жилищ» ему было объявлено «монаршее благоволение» [1, 70—71].

Как врач С.С. Андреевский понимал зависимость здоровья населения от благоустройства и санитарного состояния населенных мест. Сразу же по приезде в Астрахань он произвел тщательный осмотр всего города и в предписании городской Думе указал, что она совершенно не печется о благоустройстве города. В частности из-за недостаточной защиты валами многие части города ежегодно заливались во время разлива рек, а после спада воды оставались большие лужи, от которых «шла всякая зараза». Он приказал Думе совместно с архитектором и начальником «водоходства» осмотреть все укрепления, составить план их капитального ремонта и смету. Все работы были закончены в течение года до наступления паводка, причем для их осуществления в дополнение к думским средствам он выделил из губернского фонда 3 000 рублей. Впервые весь город был защищен от затопления [1, 70—71].

Третьим губернатором, посвятившим себя решению медицинских проблем, был И.Н. Соколовский. Иван Николаевич происходил из обычной дворянской семьи Херсонской губернии. Выбрав для будущей карьеры

военную службу, молодой человек поступил в Елисаветградское юнкерское училище. По всей вероятности, Иван Николаевич имел склонность к наукам, так как после участия в боевых действиях в Нижнее-Дунайском отряде генерала Веревкина в русско-турецкой войне 1877—1878 годов молодой офицер решил продолжить обучение в Николаевской академии Генерального штаба. В 1884 году был переведен в Генеральный штаб. В 1895 году И.Н.Соколовский был назначен оренбургским вице-губернатором, а в 1901 году — военным губернатором Семипалатинской области [1, 109].

В 1903 году Иван Николаевич получил должность уфимского губернатора, в 1906 году — астраханского губернатора и наказного атамана [1, 110]. И.Н.Соколовский уделял большое внимание санитарно-профилактическим мероприятиям. По его просьбе с 1909 по 1913 год в губернию было направлено 464 тысячи рублей, а в 1913 году — 31 тысяча рублей для проведения санитарно-профилактических мероприятий. В январе 1914 года господин губернатор выехал в Петербург для окончательного рассмотрения проекта Санитарно-исполнительной комиссии об организации «в больших размерах борьбы с сусликами как первоисточника чумной заразы». Тогда же возникла идея организации бактериологической лаборатории для изучения источников заразных заболеваний и методов борьбы с ними, и губернатор Соколовский вынес это предложение на заседание городской Думы, которая не только одобрила проект, но и выделила необходимые средства для ее организации [1, 114].

По инициативе губернатора были приняты более жесткие меры к владельцам рыбных промыслов, не соблюдавшим правила санитарного благоустройства собственных заведений. По приказу И.Н.Соколовского лица, нарушавшие требования санитарных врачей Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, подвергались административному аресту до 3-х месяцев и штрафу до 300 рублей [1, 114].

Таким образом, многие астраханские губернаторы внесли свой вклад в процесс становления медицины, санитарии и здравоохранения в нашем крае.

Литература

1. Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. Астрахань: государственное предприятие «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 1997. 132 с.

Н.В.Воробьева

г. Омск

Омский экономический институт

«ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ НИКОНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО»: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Учительное руководство в святой молитве, умном послушании «евангельским и апостольским словесам», пении и славословии, духовничество, борьба с суевериями, проповедь — со второй половины XVII в., также как и наблюдение за пристойным поведением прихожан во время службы становятся особенной заботой и прерогативой архиерея. В «Духовном завещании» патриарха Никона (сентябрь 1660 — ноябрь 1666 гг.) [1], кроме общих назиданий о благочестии, патриарх дает указания о должествующем епископам, священникам и диаконам, т.е. тем, кто призван хранить духовный закон и веру в чистоте и неповрежденности: «Прежде всего подобает самому настоятелю и всей братии его многое тщание и попечение, и подвиг прилежных о сем показать, яко дався, иже [есть] во обители его благообразна и по чину духовному да бывает изряднее же чин святой церковный и вся [прочия] службы монастырския, якоже повелевают нам Божественная Писания свя-та», наблюдение за пристойным поведением прихожан во время службы, душепопечение («телесное благо-образие... ум собери, мысль же свою и сердце возми на небо... Ащели же узрят кого во церкви молвы творяща о тленных и суетны, такового подобает епископу или священнику своими руками бити и из церкви, якоже и самому Христу, изженути» [1, Л. 487 об., 488, 491, 487, 489, 492 об.].

В 2004 г. С.К.Севастьянова опубликовала «Духовное завещание патриарха Никона», сопровождая его историко-филологическим исследовательским комментарием исследованием. Она определяют жанр «Духовного завещания» как произведение завещательно-уставного характера с признаками духовной грамоты, схожий с текстом Устава Иосифа Волоцкого и «Цветником» священноинока Дорофея [2, 226—246]. Этот тип устава создавался не при основании обители, а незадолго до смерти или ухода игумена, подобные «уставы» создавали Ефросин Псковский, Иосиф Волоцкий, Конилий Комельский, Павел Вологодский.

Исторический анализ источника не был (и по самому характеру работы не мог быть) целью исследования С.К.Севастьяновой.

На основе изучения «Духовного завещания Никона, Патриарха Московского» можно выделить противопоставление двух понятий: «небрежения» (лл. 486 об., 488 об., 489 об., 491, 493 об.) и «благочиния» (лл. 486 об., 489, 489 об., 490 об.).

Рассмотрим соотношение библейских определений этих слов с контекстом, в котором употребляет их Патриарх Никон.

<i>Благочиние</i>	<i>Небрежение</i>
(л. 486 об.) Мы же оставивше вся, сиречь, отца и мать, жену и чада, и други любовныя, и весь мир, и яже в нем красная и славная, в скорбех и бедах пребывающа и с телесными страстьми, яко со львом и со змием борющесе день и ночь, и малаго ради нашего <u>небрежения</u> , и слабости, и преслушания, со блудники и с мытари, и с грешники, осуждени будем (...) Но ни же о малем своем правиле попечение имама, иже в церкви святой, и в келии нашей; и якоже подобает ни же о трапезном и о монастырском <u>благочинии</u> .	(л. 488 об.) (...) Мы же убо вначале сие от себе отсечем и всеконечно отвержем таковое всепризлое и прелютейшее <u>небрежение</u> . Проклят бо, рече, всякий творяй божественное дело велие с <u>небрежением</u> , и люто бо есть сей обычай долгий исцеляти. Сего ради, прежде всего понудимся, братие, сами собою и положим себе сей святой и правый закон и заповедь добротворительную: воеже бы всегда поспешатися нам и прежде всех прилежно потщатися в соборе обретатися в божественном и песнопетном деле, и со <u>многосерд-ным тщанием</u> притецати на душевную пищу.
(л. 489) (...) И тако пришедша в божественную и святую церковь, якоже в самом небеси с вышними силами ставше, и неточию <u>телесное благообразие</u> наше показати имама, но и ум весь собрати со сердечным чувством; и не шепшуще, ни глумящесе, ни же глосяще, но стисни свои руце и соедини свои нозе, и очи смежи, и ум собери, мысль же свою и сердце возми на небо. И тако со слезами и стенанием милость Божию призывая и да никакож изыдеши, когда от собрания без великия нужди. Сего убо ради, отцы и братия, понудим себе на дело Божие. <u>Прежде о телесном благообразии и благочинии</u> попечемся, потом же и о <u>внутреннем хранении</u> . И дело свое возлюбленно имама, всех дел честнейши, еже к божественному пеню и славословию всегда притекати и не скоро оттуду прежде отпущения исходити; и не шептати, ни глумитися, да не вместо Божественныя милости гнев Божий приимам. (...)	(л. 489 об.) (...) Но ты [же] сия не помышляеши, но сице <u>небрежением и нерадением</u> своим, и ни же самого себе веси, о чем инеему беседеши, и о киих прошениях вещаеши. Не боишися, окаянне и [зло]страстне, яко тебе самому таковая иже на торжищах слышанная, во церкви святой не боящуся глаголати, и безчинными и нелепотными воплями обноситися, и во страшное оное время бесполезная словесы вещати, и о суетных ти, и тяготных и минующих помышляюще, ленищуся и праздновающеся. Невозможно убо есть спастися нам, братие, таковая творящим и не боящимся страшнаго прещения Божия.
(л. 489 об.) (...) Что же есть ищемое, еже от нас истяжется, еже со страхом многим и украшенным благовоинством совоздвиженное и правомыслию и сокрушенным сердцем. Потомже сердечный нрав видимым образом показати ради стояния и ручнаго ради <u>благочиния</u> , и кроткаго и утишнаго ради гласа, тихое бо и кроткое любит Господь. На кого бо, рече, призре, но на кроткаго и молчаливаго, и трепещушаго Моих словес. И к цареву убо земному и то беседа, всяким образом ухищряет, яко да много еже к нему благовоинство покажет.	(л. 490 об.) (...) Ащели же в церкви о тленных и суетных кто глаголет, лутчи есть паче тому не приходити, нежели раздражити Господа. Подобает же нам единодушно о всяком <u>благочинии</u> церковном вельми попещися, таковому прекословнину непокоривому страхом Божиим зело [...]
(л. 491) (...) И тако мы настояще и [сами] себе сугубую приобретаем и спасительную пользу, и самого Владыку нашего и Бога посреди нас спребывающа и неотходяща имама [прибыти], и коемуждо нас, от <u>благочинствующих</u> , подавающе невидимо венцы нетленные, иже с трезвением бодрости и со страхом Божиим и трепетом умильным предстоящим Ему, и источники слез изливающим. Лукавый же демон к сему уже и ни же воззрети смеет к нам.	(л. 491) (...) Ащели же с <u>небрежением и нерадением</u> [нашим] во страшное оное время бесполезная вещающе кому и о суетных предглаголюще, и всякое <u>пренебрежество</u> яже о себе имущу, видево бес [яко] некую храмину праздну и пометену и бездверну сушу и якобы пущу стоящу обитель, скоро внидет и сотворит сего человека, прежде убо всякия беседы творити на молитве о тленных и о земных, потом же и поглумлятися, таже извлечит его и вон от всего святаго пения на премногий смех и на празднословие.
(л. 493) (...) Да и тем во кратце благовоинно и тихо мерно нужное зело слово прорещи и о церковном токмо <u>благочинии</u> невелегласно[ж], но шептанием, да и прочих не усумнят и не смутят; и аще кого видят [нелепо] что творяща или козлогласяща и глаголюща преизлишше сих преданий <u>благочинных</u> , и никакоже да умолчат, но да возбранят и запретят.	(л. 493 об.) (...) А кому будет нужда изыти вон от пения, и он да идет в келию свою, а пред церковью и пред трапезою не стояти ни с кем, и ни же седети; да не и прочии и инии братия пристанут и начнут стояти с ним, или собеседовати безвременно [и бесполезно]. Сего бо ради празднословия и о божественном пении <u>пренебрежения</u> великаго ради, смерть всем человеком пренезапно приходит в мир. (...)

Таким образом, по концептуальной и стилистической манере Святейший Патриарх Никон цитирует Священное Писание вводя его в контекст современных ему событий с использованием принципов устного рассказа и жанровых особенностей проповеди. Благочиние (Рим. 13,13: «Будем вести себя **благочинно**»; 1-е Кор. 7,35: «Чтобы вы **благочинно** и непрестанно служили Господу»; 1-е Тим. 3,2: «Епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, **благочинен**, честен, страннолюбив, учителен») не может быть нарушено человеком индивидуально: в собственной духовной жизни, трезвенность и усердие — основа православного нравственного богословия, и эти принципы подчеркиваются и возводятся Патриархом в ранг идеала, поэтому обвинения в разрушении чина, канона только благодаря реформам Патриарха Никона можно считать не обоснованными, хотя подобная позиция уже давно стала историографическим штампом.

Литература

1. РГАДА. Ф. 27. Д. 140. Ч. I. Л. 485 об. 493 об.
2. Севастьянова, С.К. Духовное завещание патриарха Никона // Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов / Отв. ред. и сост. Е.М.Юхименко. М., 2004. Труды ГИМ. Вып. 139.

В.И.Гольцов

г. Самара

Самарский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Под термином «концепция перестройки» следует понимать теорию, формулирующую цель, смысл и направленность всего комплекса реформ М.С.Горбачева. Анализ концепции перестройки приводит к ответу на вопросы: к какому обществу страна должна была прийти в результате горбачевских реформ, и как это осознавалось самими инициаторами реформаторского процесса.

Следует отметить, что когда начинался процесс реформ, концепции перестройки как таковой не было, она формировалась по ходу самих реформ. Рассмотрим, как это происходило.

В 1985—1986 гг. перестройка вовсе не считалась стратегическим курсом развития страны. На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС в качестве такового был выдвинут курс на ускорение социально-экономического развития, который вовсе не подразумевал перестройки. В самом деле, сам термин «перестройка» даже семантически предполагает серьезную переделку существующей системы; когда говорится об ускорении, предполагается, что оно будет достигнуто за счет более рационального использования ресурсов уже существующей системы.

Состоявшийся в 1986 г. XXVII съезд КПСС принял новую редакцию третьей Программы партии. В качестве стратегической цели была поставлена та же задача, что и на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, а именно — ускорение социально-экономического развития страны.

Ни о какой перестройке существующей модели социализма, тем более о том, что вообще существуют какие-то различные модели социализма, в новой редакции Программы не говорилось. В этом смысле новая редакция ничем не отличалась от прежних партийных документов, отрицающих как понятие «гуманный, демократический социализм», так и понятие «сталинизм».

По мере того, как концепция ускорения показывала свою несостоятельность, все чаще начинает использоваться термин «перестройка», но пока не более чем лозунг, от которого нельзя было ожидать какого-либо содержательного наполнения. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в 1986 г. термин «перестройка» сосуществовал наряду с термином «ускорение»; в ходу была фигура речи «ускорение и перестройка». Между тем, даже простой здравый смысл подсказывает, что одновременно ускоряться и перестраиваться невозможно. Перестройка — это переделка существующего. Нельзя добиваться ускорения, убыстрения темпов развития, одновременно производя серьезную реконструкцию существующей системы. Наоборот, по логике вещей, при перестройке должно происходить обратное — временное замедление темпов. Наша официальная пропаганда не осознала на том этапе эту простую истину. Это говорит, в частности, о том, что официальные лозунги и призывы у нас носили ритуальный характер и никем рационально не воспринимались.

В 1987 г. о концепции ускорения перестают упоминать как о магистральном направлении нашего развития, исчезает из политического и пропагандистского лексикона и сам термин «ускорение». Между тем, термин «перестройка» остается и, более того, попадает в название ответственных партийных форумов и документов. В январе 1987 г. состоялся Пленум ЦК КПСС с повесткой дня «О перестройке и кадровой политике партии», в июне 1987 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, обсудивший вопрос о перестройке управления экономикой, в июне-июле 1988 г. XIX партийная конференция обсуждает проблему перестройки политической системы СССР. Собственно говоря, о перестройке в узком и конкретном смысле этого слова можно говорить именно с 1987 г.

Таким образом, произошла определенная смена стратегии внутренней политики горбачевского руководства. Если в 1985—1986 гг., когда господствовал курс на ускорение, предполагалось «выжать» дополнительные резервы из существующей системы, то, начиная с 1987 г., власти стали понимать, что добиться чего-либо от нашей системы можно только при условии ее перестройки.

Но, несмотря на это, в 1987—1988 гг., когда проводились собственно перестроечные реформы, концептуальное содержание термина «перестройка» так и не было определено. Разумеется, были определены цели каждой из реформ, но от чего именно наше общество хочет уйти в результате этих реформ, куда хочет прийти, какое общество мы построили, какое собираемся создать в результате перестройки — об этом ни в выступлениях М.С.Горбачева, ни в официальной пропаганде не было сказано практически ни слова. Сам

Горбачев вкладывал в термин «перестройка» весьма общее содержание: перестройка — это реформы, перестройка — это «больше социализма», перестройка — это гласность и демократизация.

Отсутствие серьезной идеологии перестройки в официальных кругах подтверждает, в частности, такой важный идеологический документ, как доклад М.С.Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Этот доклад, как и любой плод коллективной работы, несет на себе отчетливую печать многочисленных согласований и компромиссов между реформаторской и консервативной частью партийного и государственного руководства. Так, с одной стороны, в докладе упоминалось о создании в нашей стране так называемой административно-командной системы, от которой необходимо избавиться. Но в основном доклад не выходил за рамки прежних подходов. Подчеркивалось, что путь, который прошла наша страна, был единственно правильным. Ни о каких деформациях социализма, связанных со сталинским режимом, не говорилось.

Итак, ни в 1987 г., ни в последующем 1988 г. не было выработано официальной концепции перестройки. Неудивительно, что этот теоретический вакуум заполнялся общественной мыслью. Концепция перестройки стала формироваться научной общественностью, которая не остановилась на тезисе об административной системе. В результате дальнейшего осмысления истории был поставлен вопрос о характере нашего общественного строя и постепенно в тех же 1987—1988 гг. сформировалась концепция перестройки как перестройки деформированного социализма.

Теория деформированного социализма представляется компромиссной, пытавшейся совместить воспитанную десятилетиями убежденность о социализме как о самом передовом и справедливом общественном строе с открывшейся благодаря политике гласности страшной правдой о периоде социалистического строительства.

Суть теории сводилась к следующему. Если раньше считалось, что тот социализм, который был построен у нас, есть единственно возможный, и о существовании каких-либо других его разновидностей вопрос вообще не ставился (власти СССР резко отрицательно относились к любым попыткам модернизировать социализм в теории и на практике), то теперь был выдвинут тезис о существовании разных моделей социализма. Социализм, который был построен в нашей стране, получил название деформированного, то есть искаженного. Явлениями, которые исказили суть социализма, считались сталинский режим и административно-командная система. Поэтому наш социализм стал называться «сталинским», «административным», «административно-командным», «казарменным», «государственным». Достижения, которые у нас были, относились на счет социализма, а все страшные моменты истории списывались на счет деформаций.

Концепция деформированного социализма ориентировала на необходимость перестройки нашей модели социализма в другую, более совершенную. Название этой новой, будущей, более совершенной модели укрепилось не сразу. Сначала говорили о ленинской модели социализма, о «возвращении к истокам», но впоследствии стали употребляться термины «гуманный социализм», «демократический социализм», «социализм с человеческим лицом».

Данную концепцию следует считать социалистически ориентированной, так как она разделяла социализм вообще и наш социализм. Следует отметить, что это был шаг вперед по сравнению с идеологическими установками, господствующими у нас ранее. Наконец-то сталинский социализм не просто подвергся критике, а стал изображаться как искажение, отклонение от нормы, пусть под этой нормой по традиции понимался социализм.

Сторонники данной концепции в исторической науке сделали акцент на пересмотре сталинских стереотипов в освещении новой экономической политики и так называемого «великого перелома». Нэп стали изображать как новый путь к социализму, открытый Лениным, причем путь более удобный, менее болезненный для населения, особенно для крестьянина, основанный не на силе и принуждении, а на интересе, гражданском мире и согласии. Истоки исторической трагедии, случившейся в нашей стране, стали искать в «великом переломе», так как именно в ходе его сложилась административно-командная модель экономики, а вслед за ней неизбежно ужесточился политический режим. Стал употребляться термин «сталинизм», до этого запретный в нашей стране, под которым понималось искажение теории и практики подлинного социализма. Подобные выводы делались в исследованиях А.П.Бутенко, Г.Г.Водолазова, Д.А.Волгонова, О.Р.Лациса, Г.Х.Попова, Г.И.Шмелева, Н.П.Шмелева и других авторов.

Аналогичная точка зрения, разделяющая подлинный социализм и социализм деформированный, Ленина и Сталина, марксизм и ленинизм, наблюдалась не только в научных и публицистических исследованиях, но и в художественной литературе. Например, подобное разделение настойчиво проводилось в пьесах известного советского драматурга М.Шатрова, к примеру, в такой пьесе, как «Дальше, дальше, дальше!». Хороший Ленин, а также хороший Бухарин, выступавший в конце 20-х годов против сворачивания ленинского курса с одной стороны, и плохой Сталин с другой — вот концептуальная суть этой пьесы и многих других подобных произведений.

Между тем, по мере получения обществом все большего количества ранее скрывавшейся информации о нашей истории становилось ясно, что деформаций социализма было настолько много, что уже непонятно,

а где, собственно говоря, сам социализм? Где то хорошее, что можно отнести на его счет? В этих условиях родилась еще одна точка зрения о характере нашего общественного строя. Суть ее сводится к следующему — деформаций у нас настолько много, что ни о каком социализме, даже о его основах, говорить пока не приходится. Отсюда делался вывод о том, что мы находимся на этапе переходного периода от капитализма к социализму, который не закончился ко второй половине 30-х годов, а продолжается до сих пор.

Нетрудно убедиться, что эту точку зрения многое объединяет с теорией деформированного социализма. Просто сторонники теории деформированного социализма считали, что кроме отрицательных сторон у нас были и некоторые положительные моменты, которые и можно отнести на счет социализма. Поэтому социализм у нас есть, но его нужно перестраивать из плохого в хороший. Сторонники же точки зрения о переходном периоде считали, что недостатков у нас было больше, а положительных моментов практически нет. Следовательно, социализм нам только предстоит построить. Но эти различия нельзя назвать принципиальными. И та, и другая концепции исходили из положительной оценки социализма как такового, находились в социалистической ценностной системе координат.

Несмотря на то, что обе эти точки зрения скорее можно упрекнуть в наивно-романтическом отношении к социализму, чем в антисоциалистической направленности, власти в 1987—1988 гг. относились к ним крайне негативно. Справедливости ради отметим, что сам М.С.Горбачев и реформаторская часть руководства публично не высказывались об этих теориях, не критиковали их (но и не защищали). Но более консервативные руководители отзывались об этих взглядах резко отрицательно. Так, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК Е.К.Лигачев, выступая на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, упрекнул ученых и деятелей культуры, которые, по его словам, кликушествуют, что мы не тот социализм построили.

Такая позиция консервативной части руководства на первый взгляд кажется труднообъяснимой. Ведь если исходить из интересов системы и рассуждать прагматически, то нетрудно прийти к выводу, что ради сохранения основ существующего строя нужно было пожертвовать Сталиным и сталинизмом, но зато сохранить в обществе положительное отношение к Марксу, Ленину и социализму. А для этого, по идее, нужно было взять на вооружение концепцию деформированного социализма или даже переходного периода.

Но консервативно настроенная номенклатура вовсе не действовала с позиций логики и здравого смысла. У нее были свои резоны. Во-первых, она считала всю информацию о нашей истории, которая стала доступна в годы перестройки, либо несвоевременной, либо искажением истины, «очернительством» (данный термин был в то время в большом ходу). Во-вторых, эта часть номенклатуры считала сталинскую модель социализма не просто единственно правильной, но и единственно возможной.

Таким образом, в 1987—1988 гг. концепция перестройки деформированного социализма не стала официальной. Это было большой ошибкой руководства, которое тем самым упустило инициативу. И вина здесь лежит не только на противниках реформ, сколько на самих реформаторах, которые не позаботились о том, чтобы самим сформулировать официальную концепцию перестройки.

Такая позиция Горбачева и других реформаторов объясняется, в частности, тем, что у руководства просто не было практической необходимости выдвигать продуманную, обоснованную концепцию перестройки, так как в советском обществе пока еще отсутствовала открытая политическая борьба и, следовательно, не было альтернативных трактовок перестройки.

Положение изменилось в 1989 г. К этому времени стала давать результаты политическая реформа, начавшаяся годом раньше. Начали оформляться различные политические силы. В частности, сформировались две основные силы, оппозиционные курсу М.С.Горбачева. Одна группа — это ортодоксальные коммунисты (которых в годы перестройки было принято называть «консерваторами»). Они считали, что проводится слишком много реформ и, образно говоря, призывали дать задний ход. Другая оппозиционная сила — это те, кого в годы перестройки было принято называть демократами, радикально-демократической оппозицией. Они критиковали перестройку за прямо противоположное — за то, что никаких серьезных реформ не проводится.

И консервативная, и радикально-демократическая оппозиция реформам по-своему трактовали смысл перестроечных процессов. Противники преобразований утверждали, что перестройка — это процесс разрушения самого передового общественного строя — социализма. Что касается демократической оппозиции перестройке, то ее представители, критикуя горбачевские реформы за половинчатость, считали, что суть перестройки — в изменении существующей системы таким образом, чтобы номенклатура получила бы возможность сохранить власть и править по-новому.

Как бы ни оценивать концепции перестройки, сформулированные ее критиками, в обществе сложилась своеобразная ситуация: оппозиция выработала концепцию перестройки, а ее инициаторы — нет. В этих условиях сам М.С.Горбачев и его сторонники уже не могли ограничиваться общими лозунгами о том, что перестройка — это реформы и перестройка — это хорошо. Само время требовало от реформаторов четко сформулировать и обнародовать концепцию перестройки в том виде, в котором она ими понималась.

Такая концепция появляется только начиная с 1989 г. В этом есть определенный парадокс: время перестройки постепенно шло к концу, а ее концепция только формулировалась. Но факт остается фактом.

Обратимся к концепции перестройки «по Горбачеву». Она сводится к уже известной нам концепции перестройки деформированного социализма, которая была выдвинута реформаторски настроенной общественностью, по крайней мере, годом-двумя раньше, чем была признана официально.

26 ноября 1989 г. в газете «Правда» появляется теоретическая статья М.С.Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка». В ней впервые официально было признано, что у нас построен не тот социализм, и именно поэтому его надо перестраивать. На состоявшемся летом 1990 г. XXVIII съезде КПСС было принято Программное заявление «К гуманному, демократическому социализму». Сам факт принятия заявления означал признание того, что новая редакция партийной программы, принятая на предыдущем съезде КПСС четыре года назад, уже успела устареть. Поэтому было решено, что временно, до принятия новой программы (или еще одной новой редакции), главным партийным документом будет принятое съездом Программное заявление. Само заявление в основном повторяло тезисы упомянутой статьи Горбачева. В нем утверждалось, что смысл перестройки — в перестройке сложившегося у нас деформированного социализма (государственного, административного, командного) в социализм гуманный и демократический. Официальная концепция перестройки делала акцент на том, что перестройка осуществляется в рамках социализма или, как тогда говорили, социалистического выбора.

Как оценить сам факт разработки официальной концепции перестройки? С одной стороны, в этом можно увидеть ряд положительных моментов. На смену декларативным лозунгам пришла более-менее внятная концепция реформ, которая указывала их направление и их границы. Наконец-то власти признали справедливость прогрессивной на тот момент концепции деформированного социализма. Уже то, что на официальном уровне была признана ущербность нашей модели социализма, было огромным шагом вперед для нашей идеологии и пропаганды.

С другой стороны нельзя не отметить, что и упомянутая статья М.С.Горбачева, и Программное заявление XXVIII съезда КПСС практически полностью повторяли то, что ранее уже было выработано общественной мыслью. Следовательно, формирование официальной концепции перестройки в 1989—1990 гг. было явно запоздавшим. Когда процессы реформ только набирали силу, концепция перестройки деформированного социализма была смелым и прогрессивным шагом. К концу же 1980-х гг. общественная мысль страны ушла далеко вперед.

В это время стала приобретать популярность точка зрения о неререформируемом характере социалистического строя. Аргументы данной точки зрения сводились к тому, что черты, именуемые деформациями социализма (например, так называемая административная система), есть не деформации, а суть социализма. Если удалить административную систему, то в остатке получится не гуманный, демократический социализм, а то общество, которое мы привыкли называть капитализмом. Следовательно, никакого гуманного демократического социализма нет и быть не может. Социализм может существовать только в том виде, в котором он был у нас и у наших сателлитов — сталинском и никак не иначе. Следовательно, если реформы будут идти половинчато, то страна вновь откатится назад, к сталинской или неосталинской модели социализма. Если они будут проводиться решительно, как, например, в странах Восточной Европы, то страна будет продвигаться к тому обществу, который во всех учебниках, официальной идеологии и партийной пропаганде назывался одним словом — капитализм. Образно говоря, пытаться построить «гуманный, демократический социализм» — все равно, что пытаться удержаться на лезвии бритвы.

Кроме того, к концу 1980-х гг. политическая и научная общественность все чаще характеризовала наш общественный строй не как деформированный социализм, а как тоталитаризм. Активное использование термина «тоталитаризм» для обозначения нашего общественного строя ставило под вопрос не только конкретную концепцию перестройки, но и возможность перестройки в принципе. В самом деле, если плохой социализм можно перестроить в хороший (хотя бы теоретически), то тоталитаризм невозможно и нельзя перестраивать, его следует демонтировать.

Насколько справедливы приведенные выше концепции невозможности перестройки в принципе, невозможности построения гуманного, демократического социализма — отдельный вопрос. Для нас приведенный выше сюжет важен для констатации факта, что, к сожалению, в годы перестройки ее инициаторы часто отставали от происходивших событий. Когда общественное мнение выдвигало идею перестройки сталинского социализма в гуманный и демократический, власти не хотели признать, что у нас построена не та модель социализма. Когда они признали это, определенная часть общества уже перешагнула рамки «социалистического выбора» и стремилась к воплощению у нас западной модели общества. Такое отставание являлось фактором, негативно влияющим на процесс реформ. Что касается сформировавшейся в 1990 г. официальной концепции перестройки, то она уже не могла повлиять на развитие реформаторских процессов.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРОЛЛЕЙБУСНОГО СООБЩЕНИЯ В ГОРОДЕ КУЙБЫШЕВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В октябре 1941 г. из Москвы в Куйбышев в срочном порядке были эвакуированы 105 троллейбусов «ЯТБ-1», «ЯТБ-2», «ЯТБ-4». Здесь была организована так называемая троллейбусная эвакуабаза. В феврале 1942 г. городские власти решили использовать часть этих машин и наладить в городе троллейбусное сообщение по двум линиям в старой части города (от вокзала до площади Революции и от ул. Льва Толстого до Дома сельского хозяйства) и создать троллейбусный парк на 50 машин. Началось составление проекта.

27 июня 1942 г. по решению Куйбышевского горсовета началось строительство первой очереди троллейбуса по маршруту от железнодорожного вокзала по улицам Льва Толстого и Куйбышева до площади Революции длиной 6,5 км. Срок сдачи в эксплуатацию был установлен на 7 ноября 1942 года [15, 54].

Но, по-видимому, реальное строительство началось гораздо позже, не в конце июня, а в течение августа. Об этом в августе 1942 года сообщает газета «Волжская Коммуна» в заметке о строительстве троллейбусной линии в Куйбышеве.

«В августе в городе Куйбышеве начнётся строительство площадки для троллейбусного парка. На ней будут размещены вагоны и все необходимые подсобные сооружения. Одновременно со строительством площадки начнутся работы по оборудованию троллейбусной трассы первой очереди: площадь Революции — Вокзальная площадь» [10].

Строительство троллейбусной линии было возложено на проектно-монтажное управление № 8 Центрально-электромонтаж. А техдокументацию и сметно-финансовые расчёты по затратам выполнило специальное проектное бюро НКАП [4, Л. 104].

23 сентября 1942 года Куйбышевский горком ВКП(б) принимает постановление об ускорении строительства первой троллейбусной линии в городе Куйбышеве [16, 5].

Горкомом ВКП (б) управляющему горстройтрестом Стожкову было дано задание заготовить и установить 224 столба по трассе троллейбуса к 30 сентября. А начальника горремконторы обязали установить 180 крючьев в стенах зданий для контактной сети ко 2 октября. Командир отдельного батальона № 49 Яковлев был привлечён для обеспечения рытья двух тысяч метров траншей для укладки кабеля, питающего троллейбусную сеть [14, 70].

Материалов для строительства контактной сети не было. По трассе вместо металлических были установлены сдвоенные деревянные опоры. Предприятия города оказывали всестороннюю помощь в изготовлении материалов. Завод имени Масленникова отлил необходимую арматуру из бронзы и чугуна, кабельный завод обеспечил контактным проводом. Брали обычный круглый провод и строгали на нём канавки. Профиль получался далёким от идеального, провод трудно было крепить, особенно на кривых, но это был выход из положения [8].

Линия сначала монтировалась однопутная (точно также была смонтирована первая троллейбусная линия в Москве осенью 1933 г.), на обоих ее концах устроены разворотные петли. Питание линии намечалось от трамвайной тяговой подстанции. Монтаж контактной сети и фидеров закончился 3 ноября 1942 г. Работами руководил С.В.Ананченко, за техническую часть отвечал инженер И.М.Клемперт.

В барачном помещении стадиона «Локомотив», где находилась троллейбусная эвакуабаза, была выделена комната, в которой и находилась троллейбусная служба.

Из 10 старых изношенных троллейбусов, выделенных городу с эвакуабазы, были собственными силами укомплектованы 5 пассажирских машин, и одна машина была превращена в «техпомощь». На привокзальной площади была установлена неходовая машина, в которой была устроена диспетчерская, а у входа на переходный мост вырыта смотровая яма [15, 54].

4 ноября 1942 г. 5 готовых троллейбусов и «техпомощь» были отбуксированы на привокзальную площадь. На следующий день все водители сделали по несколько обкаточных рейсов по маршруту на одной и той же машине. 6 ноября после краткого митинга была перерезана красная лента, и троллейбус вышел в первый пассажирский рейс [13, 84].

О столь важном для города Куйбышева событии, в те дни сообщала газета «Волжская Коммуна».

«Звонок по телефону. С Красноармейской подстанции сообщили: через минуту включаем ток. Ровно в 10 час. 21 мин. лампочка троллейбуса зажглась. Подняли штанги. И голубая машина, напоминающая огромную черепаху, слегка вздрагивая на мягких рессорах, тронулась в первый путь. Пробный рейс по маршруту «Вокзал — площадь Революции». За рулем опытный водитель — москвич т.Лушинский. Он в униформе, на фуражке с галунами значок «КТ» (куйбышевский троллейбус).

Троллейбус плавно движется по ул. Льва Толстого, то замедляя ход, то давая скорость. Редкие остановки. Пассажиры выходят из салона, осматривают путь. Это — члены приемочной комиссии: представители

горкома, горсовета, управления троллейбусным парком. Вместе с ними — строители, монтажники, электрики. Они едут по трассе, которую ещё сегодня на рассвете заканчивали. По 40 часов оставались они на вышке, невзирая на холод, ночную темень, лихорадочно работали, чтобы сдержать обещание — открыть движение к празднику.

Спокойно уселись пассажиры, с любопытством разглядывая мягкие сиденья, пневматически закрывающиеся двери. Троллейбус рассчитан на 50 мест — 37 сидячих, 13 стоячих» [11].

Куйбышев стал девятым городом в стране пополнившим свой общественный транспорт троллейбусом [9]. Строительство троллейбуса в г.Куйбышеве по первоначальному генеральному проекту предусматривалось в две очереди, из которых первая очередь относится к 1942—1943 гг.

Первую очередь 1942 года составляли следующие объекты:

1) Контактная сеть однопутной линии I маршрута (площадь Революции — Железнодорожный вокзал), протяженностью 6,5 км и контактная сеть подъездных путей однопутной линии к безгаражной стоянке, всего 1,5 км.

2) Парковое хозяйство, состоящее из площадки безгаражной стоянки с ограждением, диспетчерской, проходной, мастерской для ремонта троллейбуса и подъездных путей к стоянке.

Первую очередь 1943 года составлял II маршрут с районом следования: пл. Революции — ул. Куйбышева — ул. Льва Толстого — ул. Самарская — Дом Сельского хозяйства, с дополнительной постройкой контактной сети однопутной линии (2 провода), протяжением 4,7 км. [6, Л.20]. Генеральная смета на контактную сеть троллейбуса в г.Куйбышеве, составленная техником Щетаревым, составляла 693,2 тыс. рублей [7, Л. 17].

Куйбышевский горком ВКП(б) объявил благодарность работникам отличившимся на строительстве троллейбусной линии первой очереди. Среди получивших благодарности начальник строительства Ананченко, директор Строительного института им. Микояна Крузе и другие. Ряду работников, участвовавших в строительстве троллейбусной линии, исполкомом горсовета выделены денежные премии от 500 до 1 200 рублей. В числе премированных — бригада водителей в составе Сырова, Лизиевского, Лушинского, слесаря Белякова, шофёра Иванова. Всего выдано премий на 31 тыс. рублей [13].

Регулярное движение по однопутной линии осуществлялось только 6 дней: с 11 по 16 ноября 1942 г. С 16 ноября по 3 декабря троллейбус не работал по причине того, что велся монтаж второй нитки троллейбусной линии. Это позволило увеличить число машин на линии. С 4 декабря 1942 г. началась постоянная эксплуатация троллейбуса: по линии стали курсировать 4 машины «ЯТБ-2» с интервалом 10—12 минут. Всего городу к началу 1943 г. были переданы 6 машин «ЯТБ-1» и 15 «ЯТБ-2», но большинство из них были сильно изношены, и уже в 1944 г. их осталось на балансе 7 штук (только «ЯТБ-2»). Движение машин заканчивалось с наступлением темноты (из-за условий светомаскировки). Так как депо не было, все машины оставались под открытым небом на трассе линии, в районе вокзала [15, 55].

За 6 дней пробной эксплуатации троллейбуса (11—16 ноября):

а) Продано билетов 20 728 шт., в среднем в день 3 454 шт.

б) Поступило выручки 10 373 руб., в среднем в день 1 727 руб.

Исходя из этих данных пробной эксплуатации был намечен следующий план работы на декабрь месяц:

1. Выпуск на линию четырёх машин.

2. Количество проданных билетов:

всего — 129 600 шт.; в среднем в день — 4 180 шт.

3. Доход (выручка): всего — 69, 8 тыс. рублей;

в среднем в день 2,1 тыс. рублей [5, Л.23].

И можно сказать, ознакомившись с данными таблицы, что намеченный план по работе троллейбуса на декабрь 1942 г. был даже перевыполнен.

Выполнение плана по выручке с троллейбуса в декабре 1942 г.

№	Наименование	План	Выполнено	%
1	Количество проданных билетов			
	Всего, тыс. шт.	129,6	163,6	126,2
	В день, тыс. шт.	4,2	5,8	138,1
2	Доход Валовый			
	Всего, тыс. руб.	64,8	81,8	126,2
	В день, тыс. руб.	2,1	2,9	138,1

В связи со строительством троллейбуса в Куйбышеве, необходимы были кадры для обслуживания троллейбусного хозяйства. Для этого бюро Горкома ВКП(б) в конце сентября 1942 г. принимает постановление, которым обязывают директора Куйбышевского филиала Института технического обучения Наркомхоза РСФСР Вишневского, группу курсантов в составе 20—22 человек передать трампарку для подготовки их на водителей троллейбуса и рабочих ремонтников [2, Л. 44].

Также обучением водителей занималась водитель московского троллейбуса, эвакуированная в Куйбышев, инструктор Анна Сырова. А потом, водители, обученные ею, сами становились наставниками. Практику вождения они проходили в октябре 1942 г. в Москве. Из Куйбышева и Свердловска в октябре 1942 года приехали в Москву две группы юношей и девушек для учебы на курсах водителей троллейбуса. Их готовили по ускоренным методикам [3, Л. 53].

Несмотря на распоряжение СНК СССР от 24 ноября 1942 г. о строительстве троллейбусной линии из центральной части города в промышленный район Безымянку, который находился в нескольких километрах от города, строительство несколько законсервировалось и продолжилось лишь после окончания Великой Отечественной войны [1, Л. 241].

Строительство троллейбусной линии стало важной вехой в истории города Куйбышева. Это событие ещё раз обозначило значение города, учитывая, что троллейбусное сообщение было лишь в нескольких городах СССР. Большую роль троллейбус сыграл в перевозке пассажиров от железнодорожного вокзала в историческую часть города. И эта первая очередь положила начало дальнейшему, уже послевоенному развитию троллейбусной сети в городе.

Литература

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее — СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 20. Д. 44.
2. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 855.
3. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 855.
4. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 852.
5. Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 141.
6. ЦГАСО. Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 150.
7. ЦГАСО. Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 158.
8. Волжская Заря. 1972. 10 ноября.
9. Волжская Заря. 1987. 31 октября
10. Волжская Коммуна. 1942. 8 августа.
11. Волжская Коммуна. 1942. 11 ноября.
12. Волжская Коммуна. 1942. 22 ноября.
13. Годы и события. Хроника. Том 2. Самара, 2000.
14. Постановление Куйбышевского горкома ВКП (б) об ускорении строительства первой троллейбусной линии в г.Куйбышеве // Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Документы и материалы. Куйбышев: Книжное изд-во, 1966.
15. Тархов С.А. История Самарского городского электрического транспорта. Самара: Волга-Бизнес, 2005.
16. Храмова Н.П. Куйбышевская область в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). Хроника событий // Патриотический подвиг трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны: Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев: КГПИ, 1985.

Л.В.Горькова

г.Арзамас

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н.И.Лобачевского*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Тема начального периода истории Русского государства аккумулирует в себе политико-правовой аспект. Это касается, главным образом, вопроса институционального оформления политико-правовой системы древней Руси, которое следует рассматривать как одно из направлений российской исторической науки, предполагающей самостоятельный характер формирования Древнерусской государственности.

В этом контексте следует обратиться к историографии данной проблемы. Ставшее уже традиционным для отечественной исторической науки деление исследователей на норманистов и антинорманистов четко обозначает одну из проблемных областей рассматриваемого вопроса. Возникновение норманизма как отдельного направления историографии относится к XVII в. [4]. Основы научного антинорманизма были заложены в XVIII — первой трети XIX вв. первым российским академиком М.В.Ломоносовым и профессором, ректором Дерптского университета Густавом Эверсом (следует отметить, что норманист А.А.Куник родоначальником антинорманизма считал С.Герберштейна еще в XVI в. отметившего, что «Варяжским» Балтийское море называли только на Руси и у балтийских славян) [1, 71].

Пристальный интерес к периоду формирования государственности и права на Руси также является обоснованным и в том плане, что «институционализация политических и правовых структур происходила на протяжении длительного исторического периода, а условия, способы и механизмы властеотношений именно в этот период приобретали системообразующее значение» [3, 3].

Для понимания данного процесса существует необходимость изучения политических и правовых институтов Древней Руси с целью обоснования этапов их становления и, следовательно, доказательства самостоятельного формирования государственности у восточных славян.

Изучению данного аспекта проблемы становления Древнерусского государства посвящена значительная историография. В этой связи следует отметить работы собственно исторического и политико-правового содержания. В дореволюционный период развития отечественной исторической и юридической наук институционализация политико-правовой системы древней Руси (сама терминология характерна для современного этапа развития историографии) освещалась в общем контексте работ, посвященных происхождению государства и права древней Руси. В рамках данного исследования необходимо назвать труды И.Ф.Эверса, А.Рейца, И.Г.Неймана, вычленивших в отдельную проблему, заложивших основы изучения и наметивших перспективные направления исследования политико-правовых институтов древнерусского государства. Конкретное рассмотрение институционального оформления политико-правовой системы древней Руси позволяет указать на следующие основные ее составляющие: политическую и правовую. В политической сфере это, прежде всего, верховенство великокняжеской власти, обусловленное правом престолонаследия, экономической основой которого выступали общественные подати. Во-вторых, существование великокняжеских наместников, роль и значение которых позволяют говорить о наличии «вертикали власти». В-третьих, Совет при князе, обладающий, главным образом, совещательными полномочиями.

Что касается правовой сферы, то здесь в первую очередь необходимо отметить единый для всего государства свод законов — «Русскую правду». На это еще в 1826 г. указал Густав Эверс именно как на систему права. Она предполагает существование «народного права», понимаемого как «следствие гражданственности» [5, 87] и возникновение на его основе частного права. Договоры Олега и Игоря с греками, свидетельствуют о достаточно развитых для того времени правовых началах международного права. Практика древнерусского судопроизводства и влияние церковного права на развитие законодательства и правоотношений в древней Руси знаменуют собой окончательное оформление права как социального института со всеми стоящими перед ним задачами и присущими ему функциями.

Работу в данном направлении продолжили Н.М.Карамзин, И.Д.Беляев, В.Н.Лешков, К.С.Аксаков, Н.И.Ланге, Б.Н.Чичерин, А.С.Геденов, К.Д.Кавелин, Н.И.Костомаров, М.Ф.Владимирский-Буданов, П.Н.Мрочек-Дроздовский, Н.П.Загоскин, В.О.Ключевский, М.А.Дьяконов, С.М.Соловьев, И.Я.Данилевский, С.О.Пахман, В.И.Сергеевич, Ф.И.Леонтович, Н.Л.Дювернуа, Д.Я.Самоковасов, Л.С.Белогриц-Котляревский, В.В.Есипов, П.В.Голубовский, А.С.Лаппо-Данилевский, А.Ф.Гильфердинг, Г.В.Демченко.

Проблемы становления и первых веков существования государственности на Руси активно изучали представители советской исторической науки, в частности, М.Д.Шаргородский, Н.П.Павлов-Сильванский, С.В.Юшков, М.К.Любавский, П.Н.Милюков, Н.С.Державин, А.Е.Пресняков, М.Н.Гернет, Б.Д.Греков, М.Н.Тихомиров, И.Я.Фроянов, В.В.Мавродин, В.Т.Пашуто, Л.В.Черепнин, А.А.Зимин, С.Лесной, О.И.Чистяков, Г.Г.Литаврин, Б.А.Рыбаков, Р.Г.Скрынников, М.Н.Марченко, Н.И.Матузов, А.Г.Кузьмин, Я.Н.Щапов, А.П.Новосельцев, Н.Ф.Котляр, М.Б.Свердлов, В.И.Довженок, В.В.Каргалов, А.В.Назаренко, П.П.Толочко.

В сфере внимания исследователей — процесс государствообразования, который С.В.Юшков, например, связывал с разложением первобытнообщинного строя у восточных славян, Н.П.Павлов-Сильванский — с развитием феодализма, В.В.Мавродин — с переходным этапом общественного развития от первобытности к феодализму и т.д.

На сегодняшний день среди исследователей, изучающих эту проблему с исторических и историографических позиций необходимо отметить А.Н.Сахарова, В.В.Фомина, Б.А.Тимошук, А.А.Горского, Е.А.Мельникову, В.Я.Петрухина, Г.А.Артамонова, А.П.Каменского. По сути своей все они сохраняют преемственность с предшествующей историографической традицией. Появление новых работ в этой области обусловлено, как правило, введением в научный оборот новых источников по древней истории Руси, интерпретацией и обобщением массового историографического материала.

Конкретно юридические исследования, посвященные формированию государственности на Руси, представили С.А.Дробишевский, В.Г.Графский, Н.М.Котляр, В.Н.Синюков, М.Б.Бибииков, Н.П.Кутырев, И.Ф.Мачин, П.Л.Белков, Н.А.Хачатурян, А.Ю.Дворниченко, И.Н.Фалалеева, Н.Н.Ступникова. Характеризуя правовой аспект рассматриваемого вопроса, отметим, что за последние годы значительно увеличилось количество историко-юридических и собственно правоведческих исследований. Отчасти это можно объяснить новыми подходами к изучению «государственно-правового механизма», исследование отдельных правовых и политических институтов древней Руси. В качестве примера нового подхода рассмотрения отдельных аспектов социально-политического характера, теоретически обосновывающие идею многолинейности социальной

эволюции и «неуниверсальности» государственной формы политической организации можно указать исследование Д.М. Бондаренко и А.В. Коротаева.

Следует обратить внимание на то, как на современном этапе развития отечественной историко-юридической науки интерпретируется институциональное оформление политико-правовой системы древней Руси. Так, например, И.Н.Фалалеева в качестве субъектов институциональной системы древней Руси называет князя, дружинную, вечевую организацию и собственно народ. При этом особое место в указанной системе, по мнению исследовательницы занимает церковь. «Несмотря на синкретизм политической и правовой системы Древнерусского государства и... целесообразность их совместного рассмотрения, уже для самой ранней стадии развития государства и права можно отметить определенную функциональную специализацию правовой и политической нормативной основы. В качестве одного из слагаемых нормативной основы политической системы общества может выступать только часть правовых норм, а именно нормы, связанные с осуществлением власти. Кроме того, политические нормы не обязательно получают письменно оформленное выражение. Они могут проявляться не только в нормативно-правовом акте государства, но и непосредственно в политическом акте, что особенно характерно для периода зарождения и становления политико-правовой системы.

Таким образом, нормативная основа политической системы Древней Руси выступает как сложное образование, состоящее из следующих компонентов: 1) правовые принципы и нормы, имеющие политический характер и содержащиеся в международных и междукняжеских договорах, решениях княжеских съездов; 2) политические обычаи и традиции, включающие традиционные формы правления и престолонаследования; 3) иные соционормативные принципы и нормы (в основном — религиозные и моральные)» [3, 30].

Анализ и обобщение данных, накопленных в процессе исторических и политико-правовых исследований, свидетельствуют об институциональном оформлении политико-правовой системы древней Руси в IX—XI вв. При этом основные этапы данного процесса были завершены к 860 г. (поход Руси на Константинополь) и нормативно закреплены в договорах Руси с греками и «Русской Правде».

Сегодня на этом акцентирует внимание М.Б.Свердлов. Ученый аргументировано доказал, что «в середине X в. завершился процесс формирования политически единого Русского государства с присущими государству институтами...» [2, 34].

Подводя общий итог исследованию, следует отметить, что, несмотря на обширную историографию данной проблемы, до настоящего времени ученые не пришли к единому мнению относительно процесса становления Древнерусского государства, который, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в контексте институционального оформления политических и правовых институтов древней Руси.

Литература

1. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 года. М., 2004.
2. Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.
3. Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси IX—XI вв. Волгоград, 2003.
4. Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из Русской истории. Сб. статей и монографий / Составл. и ред. В.В.Фомина. М., 2010.
5. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Перевод с нем. И.Платонова. СПб., 1835.

*В.И.Гребенюков
г.Нижевартовск*

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

«НОВЫЙ» НОРМАННИЗМ, ИЛИ «ЗАПРЕТНАЯ ИСТОРИЯ РУСИ»

На сайте ARI.RU в начале января 2013 года один из его идеологов Владислав Карабанов опубликовал статью «Запретная история Руси». Сама по себе тема заслуживает безусловного внимания, как и постановка вопроса об иных мифах российской истории. С чем нужно согласиться в работе В.Карабанова, так это с выводом о том, что «Эта работа, требует продолжения». Подробное рассмотрение работы не требуется, ввиду очевидности ее направленности. Считаю целесообразным предложить собственную трактовку вопроса.

В поиске устойчивости, или норманнская теория как способ поляризации мнений

Беда как норманнистов так и антинорманнистов состоит в том, что они сузили все возможные рамки изучения вопроса. Между тем, начиная рассмотрение норманнской теории необходимо определиться с основными терминами. Довольно часто в отечественной историографии этнонимы «варяг», «норманн», «викинг» представляются синонимами. Их отождествление связано исключительно с социальным статусом — статусом воинов. Если же говорить об их этническом происхождении, необходимо быть предельно последовательными и учитывать ментальность, историческую и этническую психологию.

Не секрет, что на побережье Балтийского моря жили представители различных этносов — предки шведов, славян, балтов и т.д. Уровень социально-экономического развития этих племен был приблизительно одинаковым — все они переживали период разложения первобытных отношений. Одно из наиболее значительных явлений периода — возрастание роли воинского сословия.

Ясно, по меньшей мере, одно, отказывать какому бы то ни было этносу, из выше упомянутых, иметь своих воинов, свое воинское сословие, у нас нет оснований. Так же понятно, что представители воинского сословия в свободное время от исполнения основной обязанности (защита соплеменников, их имущества), должно было себя чем-то занять. Единственное «достойное» занятие воина того времени — поиск добычи. Умение отнять собственность — самый доблестный поступок так называемой «героической эпохи». Примеры многочисленны, от Ясона до монголов и далее, вплоть до истории современности.

Как правило, объединения воинов на начальных этапах складывания воинского сословия, были моноэтничны. Первобытное общественное сознание не допускало в круг соплеменников чужаков. Известная по этнографическим примерам адаптация (адопция), с усилением социальной стратификации все чаще заменялась патриархальным рабством. Примером может служить эволюция социального статуса «челядина» Древней Руси. Необходимо иметь в виду, что языковое единство в нашем современном понимании, не было в эпоху разложения первобытных отношений признаком родства. Единственным законным правом называться родственником было наличие общих предков.

Имеющееся терминологическое разнообразие военных отрядов на Балтике было следствием их разноэтничности. Варяги, норманны, викинги... Естественно их можно отождествить с предками славяно-балтов, датчан-шведов, норвежцев соответственно. В этом случае все становится на свои места. Приглашение варягов — славяно-балтов новгородцами, приобретает естественные черты.

«Вскрыт единственный на Руси чисто скандинавский могильник в урочище Плакун...», — сообщают современные археологи. [2, 4].

«Из всех балтийских племен, вагры, передовые бойцы на суше против немцев, были первыми удалцами и на море. Они сами собой приучились к морской жизни, так что современники называли их страну морской областью славян. С другой стороны, их положение впереди всех славянских народов, среди врагов, саксов и датчан, отнимало возможность мирного, торгового судоходства. Таким образом, главным занятием вагров сделалась война на море с датчанами, как на суше с немцами, а главным их промыслом — морские разбои» [1].

«Славянских народов существует много. Среди них наиболее западные — вагры...» (Деяния священников Гамбургской епархии под 1075 годом), а сага о Вига-Стире дополняет эти сведения важной деталью: об особом обычае «вэрингов и норманов, что день они проводят в играх и борьбе». Даже русские летописи, не различавшие принципиальной разницы между теми и этими выходцами с Балтики, описывая эпизод призвания варягов, четко разделяют их и шведов: «И пошли за море к варягам-Руси, поскольку те звались варяги-Русь, как иные называются шведами, иные урманы (норманы, мурманы), англъ, а другие — готы» [3, 16].

Таковы некоторые свидетельства.

Крещение Руси... или о чем умолчал Нестор

Несмотря на кажущуюся простоту и изученность, эта тема еще долго будет волновать умы исследователей.

Восприятие мнения Нестора по теме докрещенской Руси, в вопросе причин христианизации, как непогрешимой истины не столь однозначно. Мы не можем игнорировать явно прослеживаемые два этапа в развитии древнерусской государственности — до захвата Олегом Киева и после [3]. Не разработанность вопроса по истории древнерусской государственности до 882 г. не повод для его игнорирования. Предвзятость несторовского взгляда на древнейшую историю Руси легко продемонстрировать на примере изложения истории происхождения названий восточнославянских племен. Нестор явно что-то скрывал, используя в названиях то географический, то патримониальный подход (Как не обратить внимание на версию «подделки» — «Книги Велеса»).... Еще более тенденциозна легенда об Аскольде и Дире как дружинниках Рюрика. Не вдаваясь в подробности, назовем убийство последних Олегом «династическим кризисом».

Проблема династического кризиса может лежать в происхождении династии. Читаем Повесть — «...и поляне, которые теперь зовутся Русь». А теперь обратимся к непризнанной Влесовой книге: «Отсюда начало трем родам. И соединились они, и славны были. Отсюда идут древляне, кривичи и поляне, ибо первая дочь Богумира имела имя — Древа, а другая — Скрева, а третья — Полева. Сыновья же Богумира имели имена — Сева, и младший — Рус. От них идут северяне и русь» [4]. Рус младший в Книге и Повесть это косвенно подтверждает.

Положение в «семейной» иерархии русов, как младших, проистекает из их неславянского происхождения. Широко известно описание Днепровских порогов Константином Багрянородным, который без сомнения разводит русские и славянские гидронимы [2]. Само по себе происхождение руссов является для нас второстепенной задачей. Стоит оговорить лишь одно обстоятельство. Жизнь топонимов, гидронимов очень специфическая отрасль знания. Одно можно утверждать без сомнения — приживаемость новых названий крайне низка и всегда требует времени. Появление скандинавов на Днепре никто не решится датировать ранее

второй половины IX века. При этом, приведенная дата может считаться искусственно притянутой — нахождение скандинавских типов оружия и защитного вооружения может быть расценено и как следствие торговых контактов [14]. Но самое главное, при отсутствии постоянно проживающего достаточно большого массива носителей языка, ни о каком их влиянии на географические названия не может быть и речи. Соответственно мы можем вести свои поиски руссов только среди тех, кто здесь обитал достаточно длительный отрезок времени и мог бы дожить до времени нас интересующего. Более того, носители этого языка должны быть либо массовым явлением, либо значительным, а возможно и тем и другим. Любые наши поиски не славян здесь проживавших, приведут нас либо к алано-сарматам (аланам, донским аланам), либо остготам.

О влиянии иранского языка на формирование особенностей восточнославянского языка написано много [18]. Более того, восприятие этого влияния позволяет понять и Велесову книгу как инкорпорацию в славянский эпос более древнего и разветвленного аланского (алано-сарматского) эпоса.

О Влесовой книге. Допустим, что она стопроцентная подделка. Но из какого источника М.В.Ломоносов почерпнул: «Сему рассуждению согласуются многие свидетельства великих древних писателей, из которых первое предложим о древнем обитании славянвендов в Азии, единоплеменных с европейскими, от них происшедшими. Итак, народ славенопольский по справедливости называет себя сарматским; и я с Кромером согласно заключить не обинуюсь, что славяне и венды вообще суть древние сарматы»? Можно привести сведения и из европейских, более ранних, источников.

Влияние металлургии салтово-аяцкой археологической культуры (однозначно аланской) на развитие славянской металлургии железа сегодня никто не оспаривает. Столь тесное взаимодействие исключает взаимную неприязнь.

Другое дело — остатки остготов. В том, что они сохранились после гуннского нашествия, сомневаться не приходится. Остается понять, кто остался? Часть народа во всем его многообразии или узко-сословная часть, для которой далекое путешествие (бегство) было мало приемлемым. Последний вариант наиболее вероятен. В условиях отсутствия твердого порядка в южнорусских степях эпохи великого переселения народов вплоть до образования Хазарского каганата, такой узко-сословной частью готов могли быть только воины. Не случайно, русы воспринимались как воины и этим отличались от славян. «Что касается русов, то они живут на острове нездоровом, окруженном озером. И это крепость, защищающая их от нападений. Общая численность их достигает 100 000 человек. И нет у них пашен и скота. Страна их граничит с страной славян, и они нападают на последних, поедают (и расхищают) их добро и захватывают их в плен. Рассказывают, что если рождается у кого-либо из них ребенок мужского пола, то кладут на него меч и говорят ему: «Нет у тебя ничего другого, кроме того, что приобретешь своим мечом» [17]. Арабские авторы отметили самую суть этого «явления» — сословие воинов, потерявшее свой народ, от которого они кормились естественным образом в силу традиции, защищая от внешних врагов. В этих новых условиях «кормиться» можно было только разбоем [7].

Развитие социальной стратификации у славян, усиление роли воинского сословия (вследствие роста населения, развития производства) привел, на определенном этапе, к выходу из родовой общины тех, кто не был связан с основным занятием — земледелием. Первыми добровольными изгоями были воины. Нежелание делиться добычей с родичами, сила корпоративного сплочения, толкали их в жизнь, не обремененную традиционными родственными узами. Их семьей стала дружина, а ее предводитель — князь, отцом-патриархом.

Русы, в свою очередь, явно испытывали недостаток в притоке свежих сил. Увеличение в составе русов славянского компонента постепенно изменило этническую доминанту. Русы, в силу естественных причин, перешли на славянский язык, став частью восточнославянского мира [10]. Очевидно, близость ареалов проживания полян и руссов привела их к слиянию, что и отметил Нестор, а Влесова книга называет Руса младшим сыном!

Когда это произошло? Анализ может быть обращен к проблеме появления (бегства) славян на севере Восточной Европы, в районе озера Ильмень [9].

По существующим ныне представлениям начало славянской колонизации Северо-Запада относится к VIII в. Однако, для этого периода о присутствии славян можно говорить лишь для Ладоги и центрального Приильменя — Поозерья и района истока Волхова [11].

Обращает на себя внимание отмеченный А.А.Зализняком на основе анализа новгородских берестяных грамот факт сходства древненовгородского диалекта со словенским.

Таким образом, на современном уровне знаний можно говорить о сложном и неоднородном по истокам характере славянской колонизации При-Ильменя. Это является серьезным аргументом против размещения здесь целостного «племени» в том смысле, который обычно приписывается летописным племенам в литературе [13, 51—53].

В ряде районов Приильменя славяне вступали в той или иной степени в контакты с местным, финно-угорским и балтским населением [11]. Последний факт нам потребуется позднее. А пока...

В середине VII века хазары создают на юге Восточной Европы свое государство — Хазарский каганат. Он выделился из Западно-Тюркского [15]. (Тюркютского) каганата. Каганат занимал территорию Предкавказья, Нижнего и Среднего Поволжья, современного северо-западного Казахстана, Приазовье, восточную часть

Крыма, а также степи и лесостепи Восточной Европы, вплоть до Днепра. Центр государства первоначально находился в приморской части современного Дагестана, позже переместился в низовья Волги. Во главе его стоял каган. Он принадлежал к правящему роду Ашина [1].

В течение VIII в. территория Каганата значительно расширилась: на севере в него вошли верховья Дона и Донца, на западе — правобережье Донца, на востоке — левобережье Волги от дельты до современного Саратовского и междуречья Волги и Дона. Данниками хазар стали волжские булгары, некоторые мордовско-мерянские (буртасы, эрзя, черемисы) и славянские племена (северяне, радимичи, вятичи и на короткое время поляне).

Выход полян из непосредственной зависимости от Каганата можно объяснить их слиянием с русами. Русы, как союзники Хазарского каганата, платили за этот «союз» специфическим образом — выполняли военные поручения.

«Ал-Масуди сообщает о том, что в Итиле на службе у хазарского царя находились русы и славяне (ас-сакалиба), которые составляли часть хазарского войска и, по выражению арабского автора, являлись «слугами» ('абид) правителя Хазарии [12]. О характере обязанностей, возлагавшихся хазарскими властями на воинов из русов и славян, было высказано предположение в связи с сообщением историка первой половины XI в. Хилала ас-Саби. Согласно Хилалу ас-Саби, в первой половине X в. в Дербенте обрушился мол, построенный как продолжение знаменитых стен города с целью защиты его от нападений хазар. Хазары же, не располагавшие собственным флотом, сами никогда не совершали морских набегов. Поэтому В.В.Бартольд предположил, что с моря на Дербент нападали не хазары, а либо находившиеся у них на службе русы, либо же одни русы, действовавшие с согласия хазар» [12].

Имея перечисленные выше сведения, мы можем предположить, что в VIII веке произошла смена славянской правящей династии полян на русо-славянскую. Часть несогласных могла уйти в поисках «новой родины» и нашли ее на озере Ильмень. Когда изменились обстоятельства, в том числе и вследствие принятия Аскольдом и Диром христианства, вожди «беглецов» без труда устранили ненавистную династию и вернули себе власть, принадлежавшую им, возможно, по праву предков.

Реализация законных прав на власть в племени полян Олегом не могла обогатить его знаниями Аскольда и Диры. Сущность этих знаний проста. Высшие сословия полян (да и не только), куда входили и князья (воинское сословие), получая за исполнение общественно-полезных функций часть общественного продукта не могли все полученное не съесть, ни выпить... В тоже время имелась острая необходимость в тех изделиях, которые не производили местные мастера, или производили худшего качества. Единственным обозримым потребителем излишков славян была Византийская империя. Как в любой торговле, достичь справедливого эквивалента обмена очень непросто. Для византийцев славяне — варвары, «нехристи», обмануть их — дело чести. А что оставалось обманутым? Возвратившись домой и... сравнив результаты торговых операций, славяне понимали, их обманули! Единственный известный им способ возмещения понесенных убытков — с оружием в руках требовать компенсации. Попытки заключения договоров о справедливой торговле мало что меняли. Опыт, накопленный предшественниками Аскольда и Диры, привел к пониманию, что достичь справедливости можно через принятие веры торгового партнера. Брата во Христе обманывать нельзя. Эта простая истина дошла до потомков Олега сто лет спустя. Но изменилось время, изменились цели...

Традиционный подход в изучении взаимоотношений княжеской власти со служителями дохристианских культов славян, сложившееся представление о волхвах, мало что может дать для понимания столь сложного вопроса. Большая часть необходимой для анализа информации была вычищена на протяжении всей истории летописания. Оставшиеся сведения уводят нас в сторону мистицизма, к восприятию волхвов как морально изжившего себя явления древней Руси. Нам остается искать косвенные свидетельства самой сути противостояния славянского жречества и формирующейся княжеской (военной) власти. Одним из источников могут быть сведения о положении жречества у других индоевропейских народов.

В Индии существовали и существуют касты (другое название: варны). Касты (варны) — это группы людей, принадлежность к которым определяется рождением. В прошлом принадлежность к той или другой касте определяла, каким видом деятельности должны заниматься люди. Привилегированной кастой были брахманы. Только они одни могли быть служителями культа. Их покровителем считался и считается бог Брахма. Именно поэтому слово «брахман» (в переводе с древнеиндийского языка, называемого санскритом, — «отражение воли Брахмы») обозначало одновременно и человека из данной касты, и служителя культа.

Брахманы в древней Индии обладали большими преимуществами. Кроме монополии на профессиональную религиозную деятельность, они обладали ещё и монополией на педагогическую и научную деятельность. Эти три вида профессиональных занятий приносили им большие доходы. Но, кроме того, они имели ещё право на присвоение половины всех налогов, которые получали светские власти.

Привилегированное положение брахманов в обществе отразилось и в религии того времени. Покровитель их касты и профессии служителей культа, которая монополично принадлежала этой касте, бог Брахма, считался одновременно и верховным богом. Брахма своим сверхъестественным могуществом как бы закреплял те материальные привилегии, которые в реальной жизни имели брахманы. Представители трех других основных каст (кшатрии, вайшьи и шудры), недовольные сложившейся ситуацией, совершили социальный

переворот. Брахманов лишили права присваивать себе часть налогов, лишили их и монополии на педагогическую и научную деятельность. Все, что им оставили, — это право быть служителями культа.

Вместе с тем и в связи с этим три другие основные касты добились и понижения статуса бога Брахмы. Брахманы перестали быть самым привилегированным слоем общества, и их бог-покровитель перестал рассматриваться как верховный бог [8].

Последний эпизод для нас представляет первостепенный интерес. Русского князя, скорее всего, привлекла исключительно материальная сторона дела. Перераспределение доходов власти в пользу военной и хозяйственной ветвей выглядит наиболее приемлемым поводом для принятия христианства в 988 году и последующих гонений на служителей традиционных культов. Не исключено, что десятина легла дополнительным бременем на налогоплательщиков, а налог введенный княгиней Ольгой, поступал в полное распоряжение военной и хозяйственной верхушки. Но это отдельный вопрос, требующий более тщательного рассмотрения.

Христианство медленно входило в жизнь восточных славян. Пережитки первобытного общественного сознания в полной мере демонстрирует Нестор в своей Повести, наделяя исключительными личностными чертами полян. Монгольский погром и последующее вхождение северо-восточных русских земель в сферу Ордынского влияния сделали русскую православную церковь общенародным достоянием. Церковь стала единственным арбитром в делах светских правителей, а христианские нормы морали (в их православной версии) позволили не только консолидировать великорусскую народность, но и создать Российское государство.

Литература

1. Артамонов М.И. История хазар. М., 2001.
2. Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // <http://majesticarticles.ru/nayka-i-obrazovanie/obrazovanie/pred/history/61161972.html>
3. Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. <http://udik.com.ua/books/book-11/>
4. Влешева книга. <http://www.dazzle.ru/spec/veles1.shtml#2>.
5. Гильфердинг А. История балтийских славян. М., 1855. Т. 1.
6. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.
7. И как не вспомнить историю происхождения казачества, явно имевшего в первоначальной основе половецкий субстрат. Половецкая знать, замещенная монгольской, нашла для себя единственный достойный способ выживания — жизнь за счет грабежа. Со временем они стали замещаться славянским субстратом из представителей воинского сословия утративших своих «кормильцев» вследствие усобиц или по иным причинам.
8. Иванова Л.В. Индуизм. М., 2003.
9. Ильменские славяне (*словене*) самая северная группа восточных славян, занимавшая в VI—X вв. побережье озера Ильмень и бассейне р. Волхов, Ловать, Мста и верхнее течение р. Молога. Археологические памятники И. с. VI—VIII вв. — места земледельческих поселений и высокие конические курганы (сопки), содержащие остатки трупосожжений. К VII—VIII вв. относится древнейший слой городища. Железный сошник сохи и другие находки говорят о развитом сельском хозяйстве. Позже (в IX—XII вв.) в земле И. с. появляются города Старая Русса и Новгород. В дальнейшем земля И. с. стала ядром владений Новгородской феодальной республики.
10. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. <http://durian.stack.net/db/book/msg/556>
11. Конечкий В.Я. Социальная организация населения Приильменя и формирование коренной территории Новгородской Земли в конце I тысячелетия нашей эры. <http://bibliotekar.ru/rusNovgorod/25.htm>
12. Коновалова И.Г. Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. <http://www.balto-slavica.com/forum/index.php?showtopic=2781>
13. Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. Карта с. 53.
14. Мечей так называемого скандинавского типа (точнее будет сказать — клинков франкского производства с рукоятями, орнаментированными в «скандинавской» традиции) на территории бывшего СССР найдено всего 87 (в одной Норвегии их обнаружено более 1500), причем значительная их часть была извлечена из курганов Прибалтики, остальные сосредоточены на окраинах древней Руси — в Приладожье, Поднепровье и Поволжье [Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 107—108; Чернышев Н.А. О технике и происхождении «франкских» мечей, найденных на Днепрострое в 1928 г. // Скандинавский сборник. Вып. VI. Таллин, 1963. С. 212]. Наиболее распространены мечи с клеймом мастерской «Ульфберт» (найден 15 таких клинков), находившейся на среднем Рейне. http://ser6042.ua.ru/replies.xml?item_no=382
15. Необходимо учитывать исключительную искусственность названия «Тюркский каганат», используя его как научный термин.
16. Радзивилловская летопись. Л., Наука, 1989.
17. Текст из «Худуд ал-алам» о стране русов и их городах (206), <http://apnovoselcev.narod.ru/text/tx/tx003.html#part310>
18. Трубочёв О. Из славяно-иранских лексических отношений // Трубочёв О. Труды по этимологии. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 2. С. 68—72; Иранизмы в восточнославянских языках. <http://blagoverie.org/world/heritage/Russia/Russians/Iranism.phtml>

ЗАБЫТЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Имя генерала Фадеева в России известно лишь узкому кругу специалистов, его сочинения последний раз издавались сто с лишним лет назад, единственная книга о нем вышла тиражом 150 экземпляров [5]. Между тем, это очевидная несправедливость. Прислушаемся к мнению компетентных людей. Граф С.Ю. Витте, родной племянник нашего героя: «Должен сказать, что я не встречал в своей жизни человека более образованного и талантливого, чем Ростислав Андреевич Фадеев, что, впрочем, должно быть известно всем образованным людям в России, ибо Фадеев написал замечательные работы не только по военной части, но и по внутренней и внешней политике» [2, 17]. Крупный русский правовед барон Б.Э. Нольде: «Я не знаю книг по восточной политике России, равных по силе и по широте исторического горизонта, фадеевской «Кавказской войне» и его «Письмам с Кавказа»; конечно, славянская внешняя программа России нигде не излагалась глубже и зрелее, чем в его «Мнении о восточном вопросе»; наконец, лучшим выражением идей русского конституционализма эпохи Александра II бесспорно была книга Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть)» [1, 226]. Современный историк И.А. Христофоров говорит о Фадееве как о «несомненно талантливом писателе и оригинальном мыслителе» [7, 294—295]. Думаю, что настало время воздать должное этому выдающемуся человеку.

Ростислав Андреевич Фадеев родился в Екатеринославе 28 марта 1824 г. в старинной дворянской семье. Его отец, Андрей Михайлович, уже в 1840-х гг. дослужился до поста саратовского губернатора, затем был управляющим государственными имуществами в Закавказском крае, членом Совета Главного управления наместника Кавказского с чином тайного советника. Мать, Елена Павловна, урождённая княжна Долгорукая, отличалась редкой образованностью и даже учёностью: она известна в истории науки своими вполне профессиональными исследованиями кавказской флоры. Кроме Ростислава, в семье было три дочери: Елена (в замужестве Ган, мать известной теософки Е.П. Блаватской), Екатерина (в замужестве Витте, мать Сергея Юльевича) и Надежда (в дальнейшем издательница посмертного собрания сочинений брата). Многого сын взял от родителей, но ещё больше пришло от дальних предков — прежде всего горячий, вспыльчивый, иной раз даже буйный нрав. Карьера не задалась ему с юности. Уже в пятнадцать лет, в Петербургском артиллерийском училище, молодой человек попал в историю — дал пощёчину офицеру-воспитателю (тот якобы грубо схватил его за волосы). Император Николай Павлович нарушений дисциплины не прощал никому, и строптивый юнкер был отправлен в ссылку, в крепостную артиллерию Тирасполя, простым солдатом. Через три года он вышел в отставку и уехал к родителям в Саратов, где несколько лет прожил без определенных занятий, усердно пополняя свое образование чтением огромного количества исторической и философской литературы. Однако натура иногда брала своё и Фадеев срывался, пускаясь во все тяжкие: то разгуливал по городу в костюме Адама, то палил в воздух из пистолетов, — очевидно горячая кровь юноши требовала дела.

И вот он уже, с 1850 г. — волонтер Кавказского отдельного корпуса, без чина и должности доблестно сражается в рядах русских войск. В 1852 г. — получает чин подпоручика и орден св. Анны 3-й степени с бантом, в 1853 — чин поручика и золотую саблю с надписью «За храбрость», в 1854 — орден св. Владимира 4-й степени с бантом. В это же время Ростислав Андреевич осуществил и свои первые литературные опыты — статьи в газете «Кавказ». Продвигаясь по лестнице чинов и званий, Фадеев в 1856 г. становится офицером штаба Отдельного Кавказского корпуса, в 1857 — штабс-капитаном, в марте 1858 — капитаном, а с сентября того же года — офицером «для особых поручений» при главнокомандующем Кавказской армией князе А.И. Барятинском и близким сотрудником начальника штаба Д.А. Милютину. Эти незаурядные военные руководители оценили не только храбрость и распорядительность темпераментного и эксцентричного капитана, но и его блестящее перо. Фадеев делается чем-то вроде пресс-секретаря Кавказской армии. Но и «бой кровавый» продолжает его манить — именно он настоял в 1859 г. на штурме последнего оплота Шамиля, аула Гуниба, который многие предлагали взять измором, и не только настоял, но и сам, в составе лейб-гвардии Измайловского полка принял в этом штурме самое непосредственное участие, что отмечено орденом Св. Станислава и чином полковника. Барятинский подарил ему после капитуляции Шамиля личное знамя легендарного имама. Он же поручил новоиспеченному полковнику написать официальную историю Кавказской войны. В 1860 г. Фадеев издал её под названием «Шестьдесят лет Кавказской войны». 9 марта 1860 г. за эту книгу Ростислав Андреевич был избран действительным членом Русского географического общества.

Итак, карьера выправилась. Фадеев получает генеральский чин (1864), успех у читателей он закрепляет серией статей в «Московских ведомостях» (1864—1869) под общим названием «Письма с Кавказа», написанных по поручению нового наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича, при котором он также несколько лет состоял «для особых поручений». В эти годы Милютин становится военным министром и развёртывает широкую программу реформирования российской военной системы; Фадеев — один из его талантливых и усердных сотрудников. Однако тогда же назрел раскол в высших военных кругах России.

Генерал-фельдмаршал князь Барятинский, немало способствовавший выдвижению своего талантливому начальнику штаба на пост военного министра, быстро убедился, что тот не намерен становиться ничьим орудием и проводить в жизнь идеи, с которыми не согласен. С этого началась долгая вражда Милютина и Барятинского, расколовшая весь офицерский корпус империи на сторонников победителя Шамиля, или «ретроградов» (т.е. консерваторов), и «либералов», поддерживавших военного министра. Конечно же, в борьбе двух высоких военных авторитетов наш герой не мог не участвовать — своим пером. В течение 1867 года Фадеев напечатал в «Русском вестнике» (а в 1868 г. издал отдельной книгой) серию произведений глубокого впечатления на публику статей под общим названием «Вооружённые силы России». Заодно он писал для Барятинского докладные записки по различным вопросам реформ, которые князь подавал императору, оспаривая каждый шаг Милютина.

Конечно, разногласия между Милютиным и Фадеевым не укладывались в схему карьерных устремлений, хотя известный историк П.А.Зайончковский ухитрился объяснить поведение последнего чисто корыстными мотивами [4, 127]. На самом деле, Фадеев протестовал потому, что реформы военного министра во многом казались ему механическим некритичным перенесением западного опыта на русскую почву, в то время как сам Ростислав Андреевич ратовал за всесторонний учет национальных особенностей и полное использование богатейшего отечественного опыта — всё тот же пункт расхождения между реформаторами, что и в наши дни. Фадеев обосновывал «замещение искусственного, заимствованного устройства вооружённых сил устройством натуральным, соответствующим национальным особенностям и в этом смысле национальным русским». Он считал, что России предстоит решать великие военно-политические задачи, несовместимые с либеральными «канцелярскими» реформами в военном ведомстве. Глубокое изучение военных вопросов закономерно привело его к проблемам военной политики и политики в целом.

Уже в 1869 г., покинувший к тому времени Кавказ и прикомандированный к министерству внутренних дел, генерал-писатель впервые изложил свою программу решения Восточного вопроса в серии статей, помещённых в «Биржевых ведомостях», а затем изданных отдельной книгой. Во «Мнении о Восточном вопросе» анализ Фадеева оплодотворён использованием геополитической методики Милютина, несмотря на всю сложность их личных взаимоотношений. Ничего необычного в этом нет, русские генштабисты уже выполняли к этому времени такие анализы в служебных документах. Но в данном случае важен не столько анализ, сколько синтез, который в полной мере даётся только истинному геополитику. Впервые в России геополитическая экспертиза была произведена частным лицом и не в интересах властных структур Российского государства в узком смысле, а в интересах славянского движения, которому наш герой отдался со всеми присущими ему страстью и безоглядностью. «Мнение о Восточном вопросе» вызвало огромный резонанс в России, в славянских землях, да и в Европе. Книга была переведена на английский, болгарский и чешский языки, несколько чешских общин постановили даровать ее автору почетное гражданство. За Фадеевым упрочилась репутация одного из ведущих панславистов. Но нельзя сказать, чтобы его публицистическая и политическая активность особенно нравилась «наверху», и не только Милютину, называвшего своего упорного критика «авантюристом и пройдохой», но и канцлеру А.М.Горчакову, которому панславизм неумного генерала мешал выстраивать русско-австрийские отношения, наконец, он стал раздражать самого императора. Как-то, гуляя в Царскосельском парке, Ростислав Андреевич столкнулся нос к носу с царём. «Ну а что — ты все пишешь? Скоро ли перестанешь писать?» — такие вот вопросы задал Александр II верному слуге престола... 21 мая 1870 г. генерал-майор Фадеев был «уволен за болезнью от службы с мундиром».

Но вопреки монаршему пожеланию, писать он не перестал. В 1873 г. выходит антимилютинская книга, составленная из газетных и журнальных статей — «Наш военный вопрос». С 1872 г. Фадеев — ведущий сотрудник газеты «Русский мир», где печатает ряд статей о внутреннем состоянии России, в 1874 г. они появляются в виде отдельной книги «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)», произведшей настоящую сенсацию. На неё откликнулись специальными брошюрами такие столпы русской общественной мысли как Ю.Ф.Самарин, К.Д.Кавелин и А.И.Кошелев, журналы «Вестник Европы», «Отечественные записки» и «Гражданин», газеты «Неделя», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» (среди авторов отзывов В.П.Мещерский и А.С.Суворин). Книга имела в библиотеке Ф.М.Достоевского и внимательно им изучалась [См.: 3, 264].

Но очень скоро перо отброшено и вновь извлечён из шкафа армейский сюртук. Египетский хедив отказал турецкому султану в подчинении, и Фадеев узрел здесь возможность вовлечь Египет в систему русской политики. В 1875 г. он становится военным консультантом мятежного каирского правительства. Именно в Каире с ним встречается философ и поэт Владимир Соловьёв, нарисовавший затем выразительный портрет своего случайного собеседника в поэме «Три свидания»:

Всех тешил генерал — десятый номер —
Кавказскую он помнил старину...
Его назвать не грех — давно он помер,
И лихом я его не помяну.

То Ростислав Фадеев был известный,
В отставке воин и владел пером.
Назвать кокотку иль собор поместный —
Ресурсов тьма была сокрыта в нем.

Мы дважды в день сходились за табльдотом;
Он весело и много говорил,
Не лез в карман за скользким анекдотом
И философствовал по мере сил [8].

Однако египетское приключение длится недолго. Обострилось положение на Балканах, вспыхнуло и жестоко подавлено восстание в Болгарии, а в 1876 г. Сербия объявляет войну Турции. Фадеева ждут в Белграде, но Александр II лично запретил ему туда ехать. Тогда с апреля 1876 г. отставной генерал занялся сбором средств для создания болгарского ополчения, в августе у него на руках уже 150 000 рублей, на которые закуплено оружие, успешно примененное в дальнейшем ополченцами генерала Н.Г.Столетова. В марте 1877 г. Ростислав Андреевич все-таки не выдержал и сорвался в Сербию на свой страх и риск, сербы были готовы доверить ему свою армию, но он так и не получил официальных полномочий от России. В октябре того же года Фадеев уже в Черногории, у него возник план объединения военных усилий Сербии и Черногории против Турции под русским (точнее, под его личным) руководством. В Петербурге, естественно на это «добро» не дали, и Фадеев вернулся на родину. В феврале 1878 г. он пишет записку, где доказывает, что у европейских противников России нет сил для серьезной войны против нее, поэтому она должна занять на предстоящей международной конференции жесткую и неуступчивую позицию, а в случае военного столкновения — привлечь на свою сторону войска славянских стран. В июне он снова в Белграде, готовится к войне по прежнему «сербско-черногорскому» плану. Но мы знаем, каким позором для России кончился Берлинский конгресс... Следует отметить, что позднее Фадеев разочаровался в панславизме, решив, что «братушкам» рано жить «самостоятельной жизнью».

В 1880 г., после многочисленных прошений, Ростиславу Андреевичу разрешают вернуться на военную службу, сначала при Главном штабе, потом при начальнике Верховной распорядительной комиссии. Его писательская плодовитость не снижается, в 1881 г. в Лейпциге анонимно выходят (с личного разрешения Александра II) «Письма о современной России», потом переизданные и на родине. Убийство Александра II, восшествие на престол Александра III, отставка Милютиня снова не надолго выдвигают Фадеева на авансцену политической жизни. Именно он стоит у истоков аристократической антиреволюционной тайной организации «Священная дружина», пишет невероятное количество записок по всем важнейшим вопросам государственной и общественной жизни, официально наблюдает за изданием газеты «Правительственный вестник», заседает в Совете Главного управления по делам печати. Но здоровье уже не то, мучает подагра, расстроено пищеварение... С лета 1883 г. Фадеев уже не может заниматься делами. В военном министерстве стала готовиться его новая отставка, но не успели: «За смертью генерал-майора Фадеева не подлежит исполнению» — такой формулировкой завершается дело об его увольнении от службы. Ростислав Андреевич скончался 29 декабря 1883 г. в Одессе.

Социально-политические взгляды нашего героя наиболее обстоятельно изложены в двух его книгах: «Русское общество в настоящем и будущем» и «Письма о современном состоянии России». Первая из них гораздо более оригинальна, почему и вызвала при своем появлении эффект скандала. В сущности, основные ее идеи чрезвычайно просты, как это всегда случается с истинно новыми мыслями. Современная Россия — есть лишь государство, как самодетельное общество она не существует, русское общество лишено внутренней организации, оно пока — «бесформенный студень». Если для предшествующей эпохи, начатой преобразованиями Петра I такое положение было нормальным, то после Великих реформ Александра II — это явный анахронизм. Следовательно, необходимо создать некую общественную силу, способную сделаться организующим центром земского движения, «заквасить» его. Такой силой может быть только дворянство. Но в нем самом, как и во всем русском обществе, нет для этого «дрожжей» и поэтому государство должно взять на себя инициативу формирования «русского культурного слоя», сделав из дворянства снова привилегированное, но в то же время служилое сословие, открытое для вступления в него как состоятельному купечеству, так и наиболее выдающимся интеллектуалам, — «наследственный и сомкнутый образованный слой, доступный с низу притоку созревающих сил». Именно обновленное дворянство должно получить в свои руки управление на местах, взамен нелюбимой Фадеевым бюрократии, исключительно из него же должно состоять и офицерство.

Реакция на эту книгу была бурная и в основном негативная, из всех писавших о ней, автора поддержал только такой сомнительный союзник как князь В.П.Мещерский. Россия в очередной раз доказала, что она самая демократическая страна в мире и не потерпит никакой, даже самой умеренной аристократической прививки. Славянофилы, западники, народники, либеральные бюрократы вроде П.А.Валуева и живое олицетворение консерватизма К.П.Победоносцев — выступили против «еретика» единым фронтом. Особенно

убийственной была критика Ю.Ф.Самарина, окрестившего фадеевскую программу «революционным консерватизмом». Во многом подобная страстность в обличении генерала-публициста была связана еще и с тем, что в нем видели рупор «аристократической партии» во главе с графом П.А.Шуваловым, влиятельным шефом жандармов, стремившемся к преобладанию при дворе. Как достаточно убедительно показал И.А.Христофоров, эти подозрения имели под собой определенную почву [7, 298]. Но значение поставленных Фадеевым вопросов, конечно, не исчерпывается сиюминутной политической конъюнктурой, он сумел в своей книге выявить действительно самые болевые точки пореформенной России, и предложил ясное и четкое направление их лечения. Насколько его положительная программа была реалистична? Христофоров ей в этом качестве отказывает, но мне кажется более близким к истине мнение Нольде: «Оценивая эти мысли Фадеева, мы не должны забывать, что, когда они были высказаны, процесс гибели русского дворянства еще только начинался. Дело шло не о воскресении мертвых, а о сохранении и использовании еще живых сил. С этой точки зрения формула Фадеева реальна, и исторически, и политически. Наступала действительно та последняя минута, когда можно было учесть своеобразный исторический уклад русского дворянства для строительных и политических целей. Фадеев понимал это положение лучше и глубже, чем все его современники и чем следующее русское поколение» [1, 229]. В дальнейшем власть попытается, правда очень робко, использовать кое-что из фадеевских рецептов (земская «контрреформа» Александра III), но будет уже поздно...

Фадеев как-то выпал из истории отечественной социально-политической мысли, между тем он в ней — немаловажное звено, в частности, его идея возрождения дворянства как «культурного слоя», в главных ее чертах, была взята на вооружение К.Н.Леонтьевым, который почему-то сослался на Ростислава Андреевича всего один раз, и то в черновых материалах [6, 736]; отдельные формулировки «Русского общества...» предваряют центральные тезисы Л.А.Тихомирова, думается, автор этой книги вполне заслужил почетный титул отца русского корпоративизма. Нам представляется, что и в начале XXI века Фадеева рано сдавать в архив. Разве наше общество и сегодня не «бесформенный студень», разве у нас до сих пор все преобразования (хорошие ли, плохие ли) не исходят только от государства, разве у нас наконец-то сложился нормальный «культурный слой», нормальная элита? Так что «Русское общество...» воспринимается ныне вполне злободневно.

«Письма о современном состоянии России» менее интересны, хотя это также очень яркая публицистика. В них Фадеев, разочарованный в реальности создания «культурного слоя», встает на обычную либерально—славянофильскую точку зрения, выступая за дальнейшее совершенствование всесословного земства и передачу ему властных полномочий на местах. Как увенчание развитой системы местного самоуправления ему виделся Земский Собор, совещательное народное представительство при монархе.

По большому счету, судьба Р.Ф.Фадеева сложилась печально — он не был в полной мере востребован своим Отечеством. В эпоху «умеренности и аккуратности», коей являлись правления Николая I, Александра II и Александра III ему не хватало воздуха. Система костенела и выталкивала из себя чересчур живых людей, которых ранее она прекрасно умела использовать. Столкновение Фадеева с Милютиним было не случайно: яркая, эксцентрическая, несколько даже анархическая индивидуальность не могла вписаться в строго выстроенную бюрократическую структуру, недаром же главная претензия генерала-писателя к милютинской реформе состояла в том, что она «вытравляет в армии личность и заменяет ее мертвым механизмом». Фадеева часто обвиняли в непомерном честолюбии, карьеризме, желании услужить сильным мира сего. Похоже, все эти качества в нем действительно присутствовали (особенно честолюбие), но, если бы они превалировали, вряд ли столь неблагоприятными оказались итоги его жизни. После него не осталось ни семьи (он никогда не был женат), ни состояния (от своей части отцовского наследства он отказался в пользу сестер, а генеральский его оклад составлял лишь 1 017 рублей и 1 000 рублей квартирных в год), ни даже дома (в России он большей частью жил в номере петербургской гостиницы «Париж» — видимо все-таки Ростислав Андреевич Фадеев в первую очередь думал не о собственном благополучии... Зато остались его проникнутые острой мыслью и горячей любовью к Отечеству труды, которые нам предстоит заново прочитать.

Литература

1. Барон Б.Э. Нольде. Юрий Самарин и его время. Париж, 1926.
2. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 21. Л., 1980.
4. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952.
5. Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.
6. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
7. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002.
8. http://sthibase.ru/author/s/solovjov/tri_svidanja/ (дата обращения 17.11.2012).

ПРОБЛЕМА УЧЕТА ОПЫТА ВОСПИТАНИЯ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Проблема воинского воспитания офицеров Российской армии в условиях реформирования Вооруженных сил является объектом пристального внимания высшего руководства страны. Не менее актуален этот вопрос подготовки войск был и во второй половине XIX — начале XX вв. В том числе и в частях Сибирского военного округа.

Уже в начале XX в. военные аналитики отмечали: «Вряд ли кто станет отрицать, что звание офицера требует выработки и развития известных сторон его характера, вряд ли кто станет отрицать, что воспитание офицера не может кончаться в училище, а между тем для воспитания офицера нами ровно ничего не сделано, не осознана на деле даже его необходимость» [8, 308]. Находясь в подразделении вместе с подчиненными офицеры округа подвергались практически всем тем же формам и средствам воинского воспитания, что и нижние чины подразделений. Обязательность, например, участия офицеров в *религиозных обрядах*, совершаемых в составе части, устанавливалась даже в приказном порядке [3]. Так же в составе подразделения офицеры участвовали в деятельности церковных хоров, на военных и церковных парадах, все военные торжества освящались молебном, предшествовавшим парадам, при этом офицер был обязан не реже одного раза в год причащаться.

Император был верховным вождем армии, являлся связующим звеном таких основополагающих для военнослужащего понятий как Бог, Святость, Родина, Отечество, присяга, долг, честь, поэтому трудно переоценить силу и значение таких актов общения, даже и заочного, посредством различного рода взаимных поздравлений и телеграмм от войск округа. Безусловно, всяческое улучшение уровня жизни офицеров в округе связывалось также с именем монарха, способствуя росту его популярности и авторитета. Так, приказом по военному ведомству от 29 марта 1874 г. № 110 в строевых частях Сибирского казачьего войска «монаршей милостью» были установлены новые оклады столовых денег штаб-офицерам, сотенным командирам, полковым адъютантам и казначеям [4].

Своеобразие идеологического воспитания офицерского состава округа заключалось в таком подборе методов и средств воспитания, который обеспечил бы формирование корпоративного мировоззрения «элиты», и связанных с этим нравственных и этических ориентиров. В этом случае важнейшими источниками воспитания правильных идеологических установок становились командир и старшие офицеры части. Причем ведущая роль в воспитании офицеров отводилась командирам частей. «Справочная книжка для офицера», составленная в Генеральном штабе, содержала в себе следующие обязанности командира части: «Как представитель чести и славы (*части*) — развивать чувство долга, преданность Государю, любовь к Отечеству, духовность и строжайшую дисциплину, поддерживать боевые традиции (*части*). Быть ровным, настойчивым в требованиях; как на службе, так и вне ее быть начальником. Заботиться о подчиненных в служебном отношении и частной жизни» [16, 65].

Главным условием успеха работы с молодыми офицерами считалось формирование доверительных отношений в офицерской среде. Одной из наиболее удачных организационных форм реализации этой идеи руководители военного ведомства признавали *офицерское собрание*. На основании пункта 4 Устава военных собраний, утвержденного приказом по Военному ведомству № 289 1874 г. «все, состоящие по службе офицеры и классные чины тех частей, для коих устроено Офицерское собрание, должны состоять обязательно членами этих собраний» [10]. Так, в 1882 г. в Западной Сибири насчитывалось 9 военных собраний [7, 58]. В Омском военном собрании тогда состоял 171 постоянный член [5, 43]. Врачи и чиновники военного ведомства, занимавшие штатные места в части, не состоя членами собрания, могли его посещать на правах временных членов. Подпрапорщики, эстандарт-юнкера и подхорунжие допускались в столовую, пользовались библиотекой и участвовали в тактических занятиях, но принимать участие во всякого рода играх в собрании им воспрещалось. Вольноопределяющиеся в офицерское собрание не допускались. При офицерском собрании функционировали *суды офицерской чести*, учрежденные при войсковых частях еще в 1863 г., которые «рассматривали поступки, несовместимые с понятием о воинской чести, доблести, нравственности и благородстве, а также ссоры между офицерами» [1, 153]. Так 4 июля 1905 г. состоялось общее собрание офицеров 12-го Барнаульского полка, на котором избрали состав «суда общества офицеров» [2, 137]. Непосредственно во время боевых действий офицерскому суду 12-го Барнаульского полка был привлечен подпоручик 4-й роты Фертов за то, что жаловался на несправедливость при распределении наград и «умалял деятельность полка» [2, 52].

Важным фактором успеха воспитания необходимых офицеру идеологических ориентиров и ценностей, а также условием обеспечения *самоподготовки* офицерского состава служили *библиотеки офицерских собраний*. Именно в библиотеке Омского офицерского собрания проводились «предварительные испытания» для офицеров, изъявивших желание обучаться в Николаевской академии Генерального штаба и Военно-юридической академии [11].

Другим важным направлением проявления заботы и воспитательного воздействия на офицерский корпус было установление государством различных *льгот и привилегий* за своеобразие условий службы в округе. Законами Империи были установлены определенные преимущества службы в отдаленных краях империи. Особыми преимуществами пользовались и служащие сибирских военных округов. Особые преимущества заключались в выдаче прогонных денег по чинам, подъемных денег, кроме того, получившие прогоны и пособия обязаны были прослужить 3 года.

Неоспоримое значение в идеологическом и патриотическом воспитании офицеров округа имела существующая *система поощрений*. Командующие войсками округа, как представители высшей государственной власти, благодаря офицеров подчиненных войск, как правило, выражали в приказах по войскам округа «признательность за их примерное усердие к службе и распорядительность» [12].

Важным и очень действенным воспитательным воздействием на офицерский состав округа обладала существующая *система наказаний*, налагаемых на офицеров. Наказания для военнослужащих могли быть: дисциплинарные и налагаемые по суду. Наказания по суду разделялись на уголовные и исправительные. Так, в 1887 г. прапорщик Семипалатинской местной команды Алексей Перменев за неявку на службу более месяца [13], а подпоручик Тобольского резервного батальона Александр Рыпин [14] и штабс-капитан Тобольской местной батальона Александр Парфентьев за растрату казенных вещей, присвоение денег и противозаконное увольнение в отпуск нижних чинов были преданы военному суду [15]. Наказание офицеров производилось с объявлением в приказах по войскам округа.

Офицеры сибирских частей не всегда являлись *примером для подчиненных*, и, видимо, не всегда стремились к этому. Подобное недопустимое положение становилось предметом внимания командования. После инспекторского осмотра полковых казачьих округов в 1869 г. и проверки боевой подготовки личного состава командующий округом приказал, «чтобы офицеры непременно участвовали в конном строю, не отговариваясь неимением лошадей, что без сомнения подает дурной пример казакам...» [5]. Кроме офицерских судов важной формой воздействия на качество офицерского состава, его соответствия предъявляемым самодержавием требованиям стали *периодические аттестации офицеров округа*.

Важнейшей формой воспитательного воздействия на офицерский состав становится *воспитание чувства корпоративизма*, так как особая «миссия, которая возлагалась на армию и ее офицерский корпус, определяли особый статус офицеров» [9, 44], кроме того, подобное «приятное» чувство корпоративной исключительности помогало государству с меньшими материальными затратами привлекать в состав офицерского корпуса действительно достойных людей.

Таким образом, воспитание офицера продолжалось уже в части, под непосредственным участием командира части и офицерского коллектива. Теперь качество идеологической подкованности зависело от *личных качеств начальника*, его авторитета, степени компетентности, а также подбора офицерского состава части. Находясь в подразделении вместе с подчиненными нижними чинами, офицеры округа подвергались практически всем *тем же формам и средствам* воинского воспитания, что и нижние чины подразделений. Отличительным фактором воспитания офицера в русле требуемых идеологических установок была культивация в офицерской среде *корпоративных отношений*. Умело использовались *система поощрений и наказаний*, причем всяческое улучшение уровня жизни офицеров в округе доводилось до их сведения в приказном порядке и неизменно связывалось с *именем монарха*, поддерживая тем самым привитые ранее чувства любви и уважения.

Образованные в округе *суды офицерской чести и офицерские собрания* содействовали развитию в среде офицеров военного образования, организации свободного времени офицеров, поддерживали офицеров экономически, успешно справлялись с поставленными перед ними задачами по взаимному сближению офицеров и поддержанию между ними правильных товарищеских отношений, соответствующих духу и требованиям идеологических установок. Отмечая своеобразие условий службы в сибирских военных округах, государство установило *различные льготы и привилегии* для офицеров, убывающих для дальнейшего прохождения службы в Сибирь.

В целях определения профессиональной годности офицера к службе, лояльности государству и правящей династии периодически проводились *аттестации офицеров*, однако, как показано исследованием, довольно формальные, так как офицеры округа не всегда являлись *примером для своих подчиненных*.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия. М., 1976. Т. 25.
2. Белоусов И., Добротин С.Ф. Журнал военных действий 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка с 2-го февраля 1904 по 1 января 1905 г. М.: тип. «Печатня С.П.Яковлева», 1906.

3. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1790. Л. 39.
4. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12471. Л. 84об.
5. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 9. Л. 47.
6. Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX — начале XX вв. Монография. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004.
7. Копылов В.А., Милохин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории. Новосибирск: тип. СО РАН, 1995.
8. Морозов Н. К вопросу обновления армии // Русский Инвалид. 1907. № 105; Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания / Сост.: А.И.Каменев, И.В.Домнин, Ю.Т.Белов, А.Е.Савинкин, ред. А.Е.Савинкин / Москва: Военный университет: Русский путь, 2000 — «Российский военный сборник», № 17.
9. Морихин В.Е. Забытые традиции русского офицерского корпуса // Военно-исторический журнал. 2004. № 1.
10. Приказ по войскам Западного Сибирского военного округа № 26 от 4 февраля 1875 г.
11. Приказание по войскам Омского военного округа № 84 от 5 июня 1897 г.
12. Приказ по войскам Западного Сибирского военного округа № 34 от 4 марта 1878 г. (например).
13. Приказание по войскам Омского военного округа № 19 от 23 ноября 1887 г.
14. Приказание по войскам Омского военного округа № 12 от 12 декабря 1887 г.
15. Приказание по войскам Омского военного округа № 117 от 6 сентября 1887 г.
16. Справочная книжка для офицеров. М., 1902.

А.А.Журавлёв

г. Санкт-Петербург

*Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
имени академика И.П.Павлова*

МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА ЖЕНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурге хранятся дела о деятельности Петербургского Женского медицинского института. В фонде хранятся как личные дела слушательниц, преподавателей и младшего обслуживающего персонала института, так и материалы заседаний Совет института, Правления, личная переписка директора и другие материалы, связанные с работой учебного заведения. Материалы заседаний Совета института документировались вначале секретарём, а в дальнейшем печатались на письменной машинке. Все дела в хорошем состоянии и дают прекрасный материал для изучения жизни института в дореволюционный период.

Начало практической работы института с 1897 г. сопровождалось формированием структур, обеспечивавших его управление. Жизнь нового учебного заведения руководили директор института, Совет, Правление, Попечительный комитет, профессорский дисциплинарный суд и инспектриса.

Если директоров института назначало министерство народного просвещения (кроме периода автономии с 1905 по 1911 гг.), то его внутреннюю жизнь во многом определял коллегиальными решениями Совет института (ныне — Учёный Совет университета).

В регламентирующих документах чётко определялась сфера ведения Совета. Согласно § 61, Совет имел право рассматривать на своих заседаниях следующие вопросы:

- утверждение лиц женского пола в звании лекаря и в учёной степени доктора медицины;
- выбор лиц, оставляемых при институте для усовершенствования в науках;
- назначение ежегодных задач слушательницам для написания сочинений и присуждение медалей и наград;
- присуждение премий за учёные труды в тех случаях, когда право это предоставлено Совету особым постановлением;
- рассмотрение сочинений, предназначенных к изданию за счёт института или с его одобрения;
- рассмотрение отчётов преподавателей о практических занятиях со слушательницами;
- избрание почётных членов и профессоров института;
- предложения о сокращении срока чтения лекций для получения звания профессора;
- предложения о соединении и разделении кафедр, о замене одной на другую и об открытии новых;
- предложения об учреждении учёных обществ при институте;
- рассмотрение учебных планов и изменений в этих планах;
- составление программ курсовых испытаний; составление правил приёма слушательниц в институт;
- рассмотрение проектов Правления института по распределению сумм на учебно-вспомогательные установления при отдельных кафедрах, а равно предложения и ходатайства о мерах по улучшению этих установлений;
- рассмотрение расписания доходов и расходов института, составленного Правлением института [8, Л. 9].

В состав Совета института входили все профессора. Сотрудники, не имевшие звания профессора, но возглавлявшие кафедры, также входили в состав Совета. Поскольку состав профессоров института в силу тех или иных причин менялся, то соответствующим образом менялся и состав Совета. Например, в 1904 г. после ликвидации кафедры лечения зубных болезней и полости рта из состава Совета вывели заведующего кафедрой Ф.А.Звержховского, который не имел профессорского звания.

Возглавлял Совет института директор. Заседания проходили 1 раз в месяц, но в некоторых случаях и чаще. Решения принимались большинством голосов, но в случае равенства, голос председателя был решающим.

Фактически на Совете, как и сегодня на Учёных Советах университета рассматривали важные вопросы, непосредственным образом затрагивающие все стороны жизни института. Но была и обычная текучка. В том числе дисциплинарная. Дело в том, что профессора периодически пропускали заседания Совета, поэтому не была кворума, и решения Совета становились юридически недействительными.

Отметим, что многие из профессоров параллельно со своими обязанностями в институте, занимали не последние должности в Российском обществе Красного Креста, Военно-медицинской академии, Придворной медицинской части министерства Императорского двора и других серьёзных учреждениях. При этом для профессоров никто не отменял и частную практику. В результате совсем не было времени.

Поэтому отсутствие профессоров на заседаниях Совета, вызывало обоснованное недовольство директора института. Согласно Положению, заседания Совета должны были проходить только в присутствии 2/3 членов Совета. При этом, каждый пропуск заседания Совета должен был обосновываться соответствующим рапортом о причине неявки.

Один раз вопрос «о состоянии трудовой дисциплины» профессоров института был вынесен на заседание Совета. Видимо к 1909 г. «коллектив совсем разболтался». 30 апреля 1909 г., директор института профессор С.С. Салазкин вынес дисциплинарный вопрос на заседание Совета. Председатель указал на то, что «на последние три заседания Совета члены последнего не являлись в законном числе, благодаря чему нельзя было произвести постановленных на повестку баллотировок, а последнее заседание и вовсе не могло состояться».

Естественно, для этого Совета директор института собрал соответствующий материал о «профессорах-прогульщиках». С.С.Салазкин представил Совету сведения о пропусках заседаний в весеннем семестре 1908—1909 учебного года (за исключением тех профессоров, которые не были на заседаниях по причине болезни или командировки).

Не пропустили ни одного заседания без уважительной причины профессора: С.С.Салазкин, Б.В.Верховский, А.С.Гинзберг, А.А.Кадьян, А.А.Лихачёв, П.Т.Садовский, К.М.Сулов и Г.Ф.Цейдлер.

По одному пропуску заседаний имели: П.М.Альбицкий, В.И.Вартанов, Д.К.Заболотный, Г.А.Смирнов, В.А.Фаусек и Н.Я.Чистович.

Дважды не явились на заседания Совета — Г.А.Надсон и В.К.Тищенко.

Среди тех, кто трижды отсутствовал на заседаниях, оказались: В.М.Бехтерев, Н.П.Ивановский, С.Я.Кульнев и Д.А.Соколов.

Остальные члены Совета пропустили его заседания 4 и более раз, среди них: Н.И.Андогский, Р.Л.Вейнберг, М.М.Волков, А.М.Левин, Г.В.Хлопин, В.А.Тиле и М.А.Шателен. Злостными прогульщиками оказались — Н.Ф.Виноградов, А.С.Догель, П.А.Земятченский, Н.П.Савваитов [3, л. 207].

С.С.Салазкин просил Совет высказаться по поводу абсентеизма (так в стенограмме — А.Ж.) членов Совета. При обмене мнений, все члены Совета признали «серьёзный вред для института от наблюдаемого явления», причём единогласно было принято решение, чтобы члены Совета, «не могущие прибыть на заседание последнего, присылали о том уведомление до начала заседания» [4, л. 43]. Следует отметить, что подобный разбор хорошо воздействовал на уважаемых профессоров, после этого ситуация не повторялась и заседания Совета проходили при необходимом количестве участников.

На Совете рассматривали множество вопросов. Удивительно, что многие из них вносятся в повестку Учёных Советов вузов уже несколько столетий. Например, ежегодно на Совете заслушивался вопрос о приёме слушательниц на 1 курс (сейчас это отчёт Приемной комиссии, в котором ежегодно констатируется, что «студент стал уже не тот»).

Для Совета это был очень важный вопрос, поскольку до 1904 г. институт фактически жил за счёт платы за учёбу слушательниц. Особенно это стало проблемой для него, когда количество желающих учиться стало сокращаться. В результате Совет постоянно продлевал время зачисления на первый курс. Так, на заседании Совета от 2 сентября 1908 года председатель сообщил, «что до сих пор подано прошений лицами, удовлетворяющими условиям приёма — 231 христианка и 93 — еврейки, причём из числа последних может быть принято, в виду установленной 3% нормы, 8 человек, а всего может быть принято 241, то есть ещё остаётся 9 вакансий, в виду чего председатель предложил продолжить приём прошений ... и затем принять на свободные вакансии 9 человек по конкурсу»[2, Л. 3].

Хронический недобор слушательниц подтолкнул администрацию института вынести на заседание Совета вопрос о приёме в Женский медицинский институт молодых людей (в документе — «представителей противоположного пола» — А.Ж.). Впервые этот вопрос обсуждался на заседании Совета в марте 1913 года. Тогда

председатель напомнил Совету «о желании, высказанном многими членами о возбуждении перед министерством ходатайства о приёме в институт на свободные вакансии мужчин в виду того, что, благодаря некомплекту приёма, наблюдающемуся из года в год, специальные средства института страдают. Единогласно постановлено: безотлагательно возбудить соответственное ходатайство перед министерством» [7, Л. 28].

Министерство пошло навстречу ходатайству института и «первые мальчики», а это были студенты-естественники Петербургского университета, появились в институте осенью 1916 г. Они изучали в стенах Женского медицинского института анатомию. Предлагалось перевести их на второй курс и зачислить в число слушателей института [7, Л. 5, 7]. Как это ни странно «девочки»-слушательницы возмутились, такой вопиющей утратой «девичества» Женского медицинского института. Они даже провели однодневную забастовку, требуя убрать «лиц противоположного пола» из аудиторий института. Трудно сказать насколько искренним был этот протест. Официально слушательницы были недовольны тем, что в анатомичке из-за «мальчиков» не хватает мест.

Надо сказать, что свой «женский характер» наш медицинский университет сохраняет по сей день. Мальчиков учится, как правило, не более одной трети от всех студентов вуза. Да и в 1916 г. их было очень немного. За период с 1917 по 1922 г. Петроградский медицинский институт закончили только 39 мужчин [12, Л. 229]. Но, тем не менее, это был первый опыт совместного обучения «лиц противоположного пола».

Поскольку Женский медицинский институт был одним из первых негосударственных вузов России, то после того, как в 1905 г. начался их обвальная потеря, Совет института неоднократно привлекался к экспертной оценке подобных образовательных проектов. Например, в конце 1909 г. министерство обращается к Совету Женского медицинского института с просьбой дать принципиальное заключение по поводу целого пакета обращений по созданию негосударственных вузов медицинского профиля. После изучения бумаг, в октябре 1909 г. состоялся доклад «Комиссии по вопросу об учреждении частных высших медицинских курсов», который был заслушан и принят Советом института.

Принципиальные положения доклада следующие. Во-первых, констатировали переполненность существующих женских медицинских учебных заведений, которая была связана с востребованностью обществом врачей. Во-вторых, определялась главная проблема в процессе становления коммерческого высшего медицинского образования — «могут ли частные высшие медицинские курсы, открываемые на коммерческих началах, удовлетворять тем требованиям, которые должны к ним предъявляться с точки зрения общественных и государственных интересов». Итоговое резюме было жёстким: «Высшие медицинские женские курсы не могут быть делом частных предпринимателей, они должны быть либо правительственными, либо общественными, либо образованными на пожертвованные капиталы». При этом подчёркивали, что «Открытие частных высших медицинских курсов не только не разрешает вопроса об удовлетворении существующей потребности в высшем медицинском образовании, а, напротив, усложняя и запутывая его, даёт суррогат, который, несомненно, должен повести к понижению уровня медицинского образования, что, конечно, не в интересах государства» [9, Л. 195—199].

В целом, несмотря на разброс мнений, о перспективах развития частного высшего медицинского образования, мнение Совета сводилось к следующим положениям: во-первых, частное (негосударственное) высшее медицинское образование возможно только в связи с общественными учреждениями, под жёстким контролем медицинской общественности и государственных структур. Во-вторых, чистая коммерциализация частного высшего медицинского образования недопустима.

В большинстве документов подчёркивалось, что Санкт-Петербургский Женский медицинский институт возник, как частное учебное заведение, но возник он «на идейной почве с целью дать женщинам возможность осуществить право на высшее образование». То есть во всех ответах Совета проводилось чёткое разграничение понятий: «частное» и «коммерческое». И если, с существованием частных (негосударственных) высших медицинских учебных заведений были согласны почти все (необходимо учитывать то, что преподавателями во вновь открываемых частных учебных заведениях, как правило, выступали те же самые, что и на медицинских факультетах университетов), то против коммерциализации высшего медицинского образования также выступали почти все.

Значительное место на заседаниях Совета занимали вопросы, связанные с ходом образовательного процесса. В рамках Совета была создана специальная комиссия (сегодня мы называем «это» «рабочей группой»), которая рассматривала вопрос о развитии учебной деятельности института. В её состав вошли профессора В.И.Вартанов, Г.А.Надсон, П.Т.Садовский, М.М.Волков, под председательством учёного секретаря института А.А.Лихачёва. При рассмотрении отдельных вопросов комиссия приглашала на заседания заинтересованных профессоров, а также, исключительно с информационной целью, представительниц слушательниц. За короткое время, комиссия обсудила следующие вопросы:

- о порядке прохождения курсов различных предметов;
- об обязательных практических занятиях;
- о согласовании расписания лекций и практических занятий;
- о зачётных и экзаменационных требованиях в конце каждого года;
- о порядке проведения экзаменов и переэкзаменовки;
- об экзаменационных периодах.

Обсуждался вопрос об обязательных и необязательных практических занятиях слушательниц. При обсуждении были представлены предметы и часы, сведённые в таблицу [10, л. 10].

На заседаниях Совета регулярно заслушивались вопросы об освобождении от платы за обучение тех или иных слушательниц. При этом их обучение оплачивалось из других источников. Их количество было невелико — не более 50 человек. Кроме этого некоторым выдавались средства на покрытие недоимок за обучение из «специальных сумм» института, специально для этого предназначенных, таких было — не больше 10.

На одном из заседаний Совета профессора института заслушали сообщение профессора В.А.Фаусека о посещении им слушательниц института, которые пострадали в ходе событий 9 января 1905 г. в столице. Широко известно, что в организованном шествии к Зимнему дворцу приняли участие многие жители столицы, в том числе женщины и дети, в их числе оказались и слушательницы института. Профессорский состав института в ходе дискуссии по поводу событий 9 января принял следующее обращение. «Совет профессоров Женского медицинского института, потрясённый событиями 9 января, когда среди безоружной толпы тяжко пострадали и несколько слушательниц института, единогласно выражает своё глубокое сожаление по поводу допущенного насилия и постановляет донести о сём до сведения министру народному просвещения» [1, Л. 29]. Среди пострадавших во время мирного шествия оказались: «слушательница 5 курса Комлева оказалась легко раненой в руку пулей; Брюллова, дочь художника П.А.Брюллова была ранена во время залпа у Полицейского моста и доставлена в частную клинику Венгеровой. Она получила сквозную рану пулей в тазобедренную область без повреждений костей, случайно проходивший в это время сын госпожи Венгеровой, студент университета, немедленно отвёз её в лечебницу своей матери. Слушательница Данилова пострадала тяжелее всех остальных. Во время залпа у Троицкого моста она получила две раны: в стопу и в тазобедренную область, с раздроблением бедренной кости. Она была помещена в хирургическую клинику Военно-медицинской академии, и как врач клиники, так и начальник академии отнеслись к ней с чрезвычайной заботливостью и вниманием» [1, Л. 143].

Коллегия профессоров обсуждала на своих заседаниях и вопросы корпоративной этики. Как в любом учебном заведении, где происходит процесс совместной работы учащихся и учащихся периодически возникали конфликты не только между ними, но и внутри профессорской группы. Одной из таких проблем являлось время сдачи экзаменов и зачётов. Как мы уже указывали, согласно утвержденным правилам, экзаменационные сессии происходили 3 раза в год (осенью, зимой и весной) и некоторые из профессоров стремились «побыстрее» завершить этот «мучительный процесс», выходя за утверждённые графики. Это вызывало недовольство других профессоров, поскольку слушательницы фактически прекращали учиться и начинали готовиться к таким «подпольным» экзаменам.

Так, на очередном Совете в апреле 1909 года председатель сообщил, что «некоторые профессора не исполняют постановление не проводить экзаменов на Пасхальной неделе». Поэтому директор института профессор С.С.Салазкин предложил обсудить вопрос о том, «являются ли постановления Совета обязательными для всех». В итоге Совет «единогласно высказался за то, чтобы все постановления строго исполнялись всеми членами Совета» [4, Л. 39].

Однако, несмотря на единодушие членов Совета при принятии решения, его так и не выполнили. Ситуация повторилась через несколько лет. В апреле 1912 года профессор А.М.Левин заявил, что «число слушательниц, посещающих его лекции, после Пасхи стало настолько меньше нормального, что сами лекции приобретают формальный характер» [5, 39]. Причиной названного явления профессор считал то, что слушательницы начали готовиться к экзаменам по тем предметам, которые им были условно зачтены при переходе на 3-ий курс. В ходе обмена мнений, по предложению учёного секретаря А.А.Лихачёва члены Совета приняли решение напомнить профессорам постановление Совета о том, что «производство экзаменов вне экзаменационных сроков строго запрещено».

Периодически слушательницы не посещали лекции профессоров и по другим причинам. Например, на одном из заседаний Совета обсуждалась скандальная ситуация, когда на лекции профессора П.М.Альбицкого слушательницы практически перестали ходить. Из-за этого одна из лекций была отменена. В ходе выяснения этой крайне неприятной для профессора ситуации выяснилось следующее: «В часы лекций профессора П.М.Альбицкого, профессор В.А.Тиле производит операции, которые, как новость для слушательниц, только что перешедших на III курс, привлекают их в значительном числе».

Думается и сегодня при подобном «раскладе» студенты-медики пошли бы посмотреть операцию маститого хирурга, а не слушать очередную, пусть и важную лекцию. Интересно, куда смотрела Учебная часть института?

В результате Совет принял решение обратиться к профессору В.А.Тиле с просьбой не производить операции в часы своих лекций. Как это ни удивительно, но подобное решение вызвало недовольство профессора В.А.Тиле, поэтому Совет был вынужден вернуться к обсуждению этого, вроде бы очевидного вопроса на следующем заседании. Так, В.А.Тиле заявил, что «чувствует себя несколько обиженным» тем, что заявление было сделано не ему, а директору института и обсуждалось на заседании Совета без предварительного согласования с ним.

В ходе возникшей дискуссии по существу вопроса высказывались и другие профессора. Например, профессор А.А.Кадьян справедливо полагал, что «присутствие слушательниц, только что перешедших на III курс, полезно далеко не на всех операциях». Конец спорам положил учёный секретарь, который вновь напомнил всем, что «прежнее принципиальное постановление Совета остаётся в полной силе» [7, Л. 22—23]. Эта ситуация показывает, что повседневный образовательный процесс периодически порождал конфликтные ситуации, неизбежные в любой деятельности. Это было и раньше, бывает это и сегодня. К сожалению.

Иногда достаточно «скользкие» ситуации затрагивали и признанных корифеев медицинской науки. Так на одном из заседаний Совета профессору В.М.Бехтереву предложили отчитаться, «почему им был засчитан 10 семестр по его предмету при прочтении только 1 лекции». Действительно странно. Однако ещё более странно, что «медицинскому генералу» пришлось представить письменный отчёт о работе со слушательницами. В отчёте В.М.Бехтерев отметил, что «слушательницы за весь учебный год, то есть за 2 семестра, в виду особых условий, имели возможность получить от клиники нервных и душевных болезней не менее сведений, чем при обыкновенном курсе» [6, Л. 16]. Кроме этого ему пришлось давать письменное объяснение по итогам полученного слушательницами зачёта. В итоге Совет признал его действия «удовлетворительными».

Иногда на заседаниях Совета рассматривались и анекдотические вопросы. В 1911 г. некая госпожа Захарова предложила институту приобрести её труп. Обсудив «интересное предложение», члены Совета пришли к выводу, что «предложение госпожи Захаровой имеет целью продажу ею трупа, то есть предмета, при жизни владельца, не имеющего рыночной стоимости. Постановили предложение отклонить» [11, Л. 133].

В предложенной статье рассмотрены не все вопросы, которые рассматривались членами Совета, но даже их неполное перечисление позволяет судить о том как строился учебный процесс и какие вопросы рассматривались Советом института.

Литература

1. Журнал заседаний Совета за 1904—1905 гг. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГИА СПб). Ф. 436. Оп. 1. Д. 14695.
2. Журнал заседаний Совета за 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14802.
3. Журнал заседаний Совета за 1908—1909 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14819.
4. Журнал заседаний Совета за 1909 г. // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14821.
5. Журнал заседаний Совета за 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14911.
6. Журнал заседаний Совета за 1912 г. // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14913.
7. Журнал заседаний Совета за 1913 г. // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14937.
8. О введении высочайше утверждённого 10 мая 1904 года нового Положения и штата Женского медицинского института // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14707.
9. О курсах и учреждениях // Российский государственный исторический архив (в дальнейшем РГИА) Ф. 733. Оп. 154. Д. 483.
10. О работе комиссии по развитию учебной части института // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14828.
11. Переписка с частными лицами и учреждениями в 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14891.
12. Разная переписка 1923 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГА СПб.) Ф. 3132. Оп. 1. Д. 65.

И.А.Зварцев

г.Владимир

Владимирский государственный университет

им. А.Г. и Н.Г.Столетовых

СССР НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ В ЖЕНЕВЕ 1932—1934 ГГ.

К началу 30-х годов советским правительством была проделана значительная работа по укреплению международного положения СССР. Ещё в 20-х годах Советский Союз добился нормализации отношений почти со всеми соседними государствами, заключил с ними договоры об экономическом сотрудничестве, дружбе и нейтралитете. Дипломатические отношения были установлены со всеми крупнейшими мировыми государствами за исключением США.

Агрессия Японии в Китае ухудшила международную обстановку. Обострялись противоречия между США и Японией на Дальнем Востоке. Борьба за рынки сбыта и сырья, за разграничение сфер влияния оказывала значительное воздействие на развитие международных отношений. В этой обстановке началась подготовка к созыву Международной конференции по разоружению, которая неоднократно откладывалась с 1926 года.

22 мая 1931 года Совет Лиги наций назначил председателя конференции — А.Гендерсона и утвердил состав участников — всех членов Лиги наций (55 государств), а также СССР, США, Турцию, Мексику, Бразилию, Египет, Афганистан, Эквадор и Коста-Рику, не являвшихся в то время членами Лиги. Конференция открылась 2 февраля 1932 года в Женеве. С самого начала конференции у дипломатов сложился различный подход к проблеме разоружения.

Французская делегация во главе с премьер-министром А.Тардье, выдвинула свой проект разоружения (план Тардье), основным элементом которого была идея «передачи Лиге наций, бомбардировочной авиации, дальнобойной артиллерии, подводных лодок и крупных надводных кораблей, а также создание международных полицейских сил для предотвращения войны» [4, т. 1, 49]. Весь смысл плана состоял в гегемонии Франции в Европе под эгидой Лиги.

Германия выступила с требованием уравнивания в правах на вооружение, хотя и прикрывала это требование призывами к всеобщему разоружению.

Англия выдвинула предложения, предусматривавшие уничтожение подводного флота, химических средств войны, отмену всеобщей воинской повинности.

Делегация США особо подчеркнула вопросы качественного разоружения, требуя в первую очередь ликвидации танков, подвижной тяжёлой артиллерии и газов.

Советская делегация предлагала сделать войну невозможной посредством полного всеобщего разоружения и настаивала на принятии этого принципа в качестве основы для работы конференции. При этом СССР подтвердил готовность обсуждать любые предложения, направленные на сокращение вооружений. Представители СССР предлагали «полное уничтожение наиболее агрессивных видов вооружений, включая танки, сверхдальнюю артиллерию большой мощности, крупные надводные корабли и авианосцы, тяжёлые бомбардировщики, все средства химической и бактериологической войны» [5, т. 3, 161].

По сути дела, европейские государства и США стремились к ослаблению своих потенциальных противников, были заинтересованы в сохранении и усилении своих военных преимуществ. 23 июля 1932 года первая сессия конференции закончилась в обстановке растущих противоречий, наглядным показателем которых являлась позиция Германии, требовавшей принципа равноправия в области вооружений.

Вторая сессия Конференции началась с рассмотрения французского предложения Эррио — Поль-Бонкура. Оно характеризовалось тем, что по существу, не затрагивало вопроса о сокращении вооружений, а на первое место выдвигало различные меры по укреплению безопасности: консультации участников соглашения в случае нарушения или угрозы нарушения мира применение к нападающей стороне экономических санкций; лояльное соблюдение 16 статьи устава Лиги наций, предусматривавшей применение к агрессору военных санкций; создание в Европе организации, которая гарантировала бы безопасность её членов путём оказания взаимной помощи против агрессора. План предусматривал «сохранение военного status quo в Европе с обеспечением гегемонии Франции, устанавливалась единая система призыва в армию на основе всеобщей трёхмесячной воинской повинности» [5, 568]. Он содержал предложение о международных вооружённых силах в виде соединений военной авиации, создаваемой на основе вербовки добровольцев различных национальностей.

Позиция Советского правительства в отношении французского плана была изложена 6 февраля 1933 года в выступлении председателя советской делегации на Конференции по разоружению наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова. Он констатировал, что этот план фактически не содержит предложений в области сокращения вооружений. Нарком отметил, что лучшим средством обеспечения безопасности для всех народов является полное разоружение или хотя бы максимальное сокращение вооружений. Что касается французских предложений, то СССР поддерживал не все из них, а только некоторые. Литвинов подчеркнул, что «вне полного разоружения проблема безопасности представляется настолько сложной, вызывает столько серьёзных политических вопросов и связанных с ними международных противоречий, что она вряд ли может быть исчерпана в короткое время» [2, 74].

Изложив позицию СССР по отношению к французскому плану, М.М.Литвинов внёс в своей речи важнейшее новое предложение Советского правительства — проект Декларации об определении агрессии. В условиях, когда вслед за Японией на путь агрессии становилась и Германия, это предложение приобретало особую актуальность.

Обосновывая советское предложение, М.М.Литвинов отметил, что «французские предложения предусматривают применение санкций к агрессору, т.е. нападающей стороне» [7, 39]. Поэтому неизбежно встанет вопрос о том кто и как определит нападающую сторону. Необходим был чёткий механизм по которому можно было бы безошибочно выявить агрессора.

Советский проект декларации исходил из того, что в интересах всеобщего мира необходимо обеспечить каждому государству «свободно развиваться им самим избранным путём и для этого оградить безопасность, независимость и полную неприкосновенность его территории» [2, 80]. Нападающей стороной, по первой части декларации, предлагалось считать государство, которое совершило первым одно из следующих действий:

«— Объявило войну другому государству;

— Вооружённые силы которого без объявления войны вторглись на территорию другого государства;

— Сухопутные, морские или воздушные силы которого обстреляли территорию другого государства или сознательно атаковали его морские или воздушные суда;

— Сухопутные, морские и воздушные силы которого были высажены или введены в пределы другого государства без разрешения правительства последнего или нарушили условия такового разрешения, в частности в отношении времени или расширения районов пребывания;

— Установило морскую блокаду берегов или портов другого государства» [2, 80—81].

Вторая часть советского проекта декларации состояла из перечисления мотивов, которые могут служить оправданием нападения. Эти мотивы основывались на имевшемся опыте международных отношений, когда одни государства, осуществляя агрессивную политику, неоднократно нападали на другие страны. В частности были учтены те несостоятельные аргументы, которые выдвигались Японией для оправдания своих агрессивных действий на Дальнем Востоке.

Во-первых, это были мотивы, связанные с внутренним положением в каком-либо государстве, как-то: политическая, экономическая или культурная отсталость; революционное или контрреволюционное движение, гражданская война, забастовки или беспорядки; установление или сохранение в государстве того или иного политического, экономического или социального режима и др.

Во-вторых, имелись в виду действия, законы и распоряжения какого-либо государства, как, например: нарушение экономических прав и интересов иностранного государства и его граждан; разрыв дипломатических или экономических отношений; экономический или финансовый бойкот; отказ от уплаты долгов; отказ в пропуски вооружённых сил на территорию третьего государства; религиозные и антирелигиозные мероприятия; пограничные инциденты и др.

М.М.Литвинов подчеркнул, что принятие такого документа «придаст особое значение международным соглашениям об отказе от войны, о ненападении, она даст всем народам некоторое чувство безопасности» [6, 50]. Необходимость такой декларации особенно отчётливо проявлялась в связи с тем, что Лига наций уже полтора года обсуждала вопрос о японской агрессии против Китая, но так и не смогла в своих резолюциях указать, кто же является агрессором в этом конфликте. А решение этого вопроса имело принципиальное значение для того, чтобы можно было принять решение о применении санкций против агрессора.

Выработка общепринятых норм определения агрессии была важной для государств, находившихся под непосредственной угрозой нападения со стороны агрессоров. Принятие советского предложения об определении агрессии сделало бы невозможным оправдание какими-либо предлогами нападения на другие страны, оно облегчало бы выявление виновной стороны и применение необходимых мер против агрессии.

Выдвинутый советской делегацией проект декларации вызвал на конференции огромный интерес у представителей многих стран, особенно малых государств.

Последним планом, выдвинутым перед конференцией, был план Р.Макдональда, который был оглашён на конференции 16 марта 1933 года. Он предполагал частичное сокращение сухопутных армий только европейских стран (Франция — 400 тысяч человек, Италия — 250 тысяч, Германия и Польша — 200 тысяч, Румыния — 150 тысяч), ограничение тоннажа ВМФ, сокращение ВВС по которому Англия получала большие преимущества перед Францией и Италией.

Советский проект встретил поддержку большинства (против только Англия), но так и не был поставлен на голосование в Генеральном комитете конференции. Проект провозглашал такие принципы как неприкосновенность границ любого государства, невмешательство в дела, в развитие, в законодательство, в администрацию другого государства. Ввиду разногласий между тремя планами: Макдональда; Эррио — Поль-Бонкура и советским работа конференции по разоружению была прервана до осени 1933 года.

Поскольку не приходилось рассчитывать на быстрое принятие на Конференции по разоружению советских инициатив, Советское правительство решило выступить с предложением о подписании соответствующих соглашений и введении их в силу в региональном масштабе. Оно исходило из того, что это придаст «большую эффективность договорам о ненападении, заключённым СССР с рядом государств, будет новым шагом вперёд в укреплении мира и безопасности» [6, 80].

3 июля 1933 года конвенцию об определении агрессии подписали СССР, Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Иран и Афганистан. 4 июля была подписана аналогичная конвенция с участием СССР, Румынии, Чехословакии, Турции и Югославии, открытая для присоединения любых стран, а 5 июля конвенция между СССР и Литвой.

Подписание конвенций было крупным успехом советской дипломатии, заметным вкладом в борьбу с агрессией, содействовало выработке международных правовых норм, призванных содействовать предотвращению агрессии. С тех пор в международном праве широко пользуются этим определением. Вместе с тем эта конвенция, подписанная рядом стран Восточной Европы, была своего рода противовесом «пакту четырёх» (Англия, Франция, Германия, Италия), который в то время пытались сколотить правящие круги западных держав.

Выступая 3 июля перед представителями печати, М.М.Литвинов заявил, что «подписанная конвенция является новым звеном в цепи мероприятий Советского правительства, систематически направленных на укрепление его мирных отношений с соседними государствами» [6, 87]. Советский Союз был готов подписать

аналогичные конвенции с любыми государствами независимо от их географического положения и существующих с ними отношений.

Конференция по сокращению и ограничению вооружений возобновила свою работу в апреле-мае 1934 года, началась третья сессия. 10 апреля Б.Е.Штейн, член советской делегации, в своём выступлении выделил следующие проблемные моменты в работе конференции: «Необходимость прекращения работы по укреплению существующих и созданию новых гарантий мира другими способами и средствами; необходимость признания, что единственным и универсальным законом становится всеобщая гонка вооружений на суше, на море и в воздухе; всеобщая гонка вооружений никогда не могла служить делу укрепления мира, а, наоборот, ускоряла и развязывала международные конфликты» [3, 249—250].

В этих условиях М.М.Литвинов, выступая 29 мая на заседании генеральной комиссии, поставил вопрос о том, не может ли конференция предложить другие, помимо разоружения, гарантии мира. Нарком изложил предложение Советского правительства превратить Конференцию по сокращению и ограничению вооружений в Постоянную конференцию мира, которая «должна была бы предупреждать возникновение войны, заботиться об охране безопасности всех государств и всеобщего мира, вырабатывать, расширять и совершенствовать методы укрепления безопасности, своевременно откликаться на предостережения о военной опасности, на призывы о помощи государствам, которым угрожает опасность, и оказывать последним своевременную посильную помощь, будь то моральная, экономическая, финансовая или иная» [7, 57].

3 июня 1934 года Генеральная комиссия Конференции по разоружению приняла проект резолюции, по которому конференция была преобразована в Постоянную конференцию мира. Задачами конференции стали: «Продолжение работ по достижению соглашения и выработке конвенции о сокращении и ограничении вооружений; выработка соглашений и принятие решений и мероприятий, создающих новые гарантии безопасности; принятие превентивных мер, способных предотвратить военные конфликты; контроль над выполнением конвенции и решений конференции; консультации в случае нарушения международных договоров по сохранению мира» [3, 367—368]. При этом, переименование конференции не нарушает ранее существовавших отношений с Лигой наций.

Таким образом, Советский Союз, занимая твёрдую позицию по отношению к агрессии содействовал росту доверия к себе со стороны зарубежной печати. Политический авторитет СССР был общепризнанным. К сожалению, пакты о ненападении не были заключены с ведущими европейскими государствами, которые не проявляли инициативы к всеобщему разоружению и предпочитали откладывать важные вопросы, стоящие перед Конференцией по разоружению в «долгий ящик», решая только незначительные общие организационные вопросы.

Литература

1. Документы внешней политики СССР 1932 г. (т. 15). М.: Политиздат, 1969. 867 с.
2. Документы внешней политики СССР 1933 г. (т. 16). М.: Политиздат, 1970. 920 с.
3. Документы внешней политики СССР 1934 г. (т. 17). М.: Политиздат, 1971. 879 с.
4. История внешней политики СССР, 1917—1985: в 2-х т. / Под ред. А.А.Громько, В.Н.Пономарёва. М.: Наука, 1986.
5. История дипломатии (т. 3) / Под ред. В.А.Зорина и др. М.: Госполитиздат, 1963. 830 с.
6. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933—35 гг. М.: Наука, 1980. 391 с.
7. Сиполс В.Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933—39 гг. М.: Мысль, 1974. 428 с.

И.Л.Зубова, Д.И.Лукин

г. Ульяновск

Ульяновский государственный университет

ЛЕВ ЕРОХИН — ЛЕГЕНДА СОВЕТСКОГО СПОРТА

Имя мотогогонщика Льва Петровича Ерохина (1937—2005) с конца 50-х годов прошлого века на протяжении двух десятилетий гремело по Ульяновской области и Поволжью. Перечень достижений спортсмена довольно обширен: член сборной команды СССР по мотогонкам на льду, участник международных матчевых встреч, неоднократный призер всесоюзных и республиканских соревнований, чемпион СССР и России по ипподромным гонкам, Почетный мастер спорта СССР. Однако имя спортсмена, являвшегося в свое время своеобразной «визитной карточкой» города сейчас оказалось забытым, как и сами успехи ульяновского мотоспорта.

Чтобы ответить на вопрос: почему и как советский спортсмен стал легендой, а потом оказался забытым, необходимо обозначить некоторые теоретико-методологические аспекты исследования.

Обращение к истории советского спорта, включая мотоспорт Ульяновской области в «антропологической интерпретации» в жанре персональной истории переключает регистр научного поиска на микроисторию, где

присутствует все, что «не чуждо человеку» и где история сотворяется людьми как историческими существами. Презентативно-эксplikативный метод раскрывает историю спорта, историю государства и общества как «Целое» через рассмотрение его малой «части» — фактов биографии спортсмена индивидуально и уникально выражающей все «Целое». Микроисторический подход не сужает, а расширяет масштаб научного рассмотрения вопроса, повышает статус и престиж краеведческих исследований, наполненных многообразным и конкретным проявлением реальности под названием «жизнь» человека и общества [3, 8].

Антропологически ориентированное исследование апеллирует к реальному содержанию массового быденного сознания людей разных эпох, к устойчивым ментальным представлениям, символическим системам, обычаям, ценностям, к психологическим установкам, стереотипам восприятия и моделям поведения. Анализ спортивных достижений с акцентом на состоянии человеческого сознания, включенного во все сферы социальной жизни на правах одного из факторов ее динамики, выявляет, диагностирует состояние всех «частей» рассматриваемого «Целого» в определенный период времени.

В качестве источников, позволяющих концептуально представить спортивную карьеру Л.Ерохина с избранных теоретико-методологических позиций, годятся любые «следы» деятельности личности. При этом документы официального характера отступают на второй план, уступая место источникам с ярким, эмоционально окрашенным восприятием легендарного героя спорта — фото- и кинодокументы, газетные и журнальные публикации и особенно материалы устной истории.

Почему Л.Ерохин стал народным героем, легендой при жизни, кумиром поколений 50—70-х гг. прошлого века на которого равнялись, а мальчишки играли «в Ерохина», представляя себя на его месте? Рассмотрим феномен легендарности советских спортсменов на примере ульяновского мотогогонщика.

Детство и становление спортсмена Л.Ерохина происходило в атмосфере послевоенной разрухи, но сильного духовного подъема и стремительного развития спорта. Его увлеченность мотогогонками началась примерно в 14 лет, когда он попадает в секцию мотоспорта при стадионе «Спартак». Ему разрешили приходить в мотосекцию и познавать азы техники (перебирать детали мотоцикла, чистить их до блеска и т.д.) без возможности участия в гонках. Прохождение начальных ступеней не напугала молодого Льва Ерохина, а еще сильнее зажгла страсть к мотоспорту. Умение своими руками выполнять технические работы, проявлять изобретательскую смекалку являлись отличительными чертами гонщиков того времени. Они самостоятельно запросто могли ремонтировать, модернизировать и даже строить мотоциклы, что позволяло почувствовать себя с мотоциклом единым целым в момент гонок. Скорее всего, именно достижение и ощущения этого единства и делало из обычного спортсмена — чемпиона. Судьба свела Льва Ерохина с мотоспортом, в котором он стал универсальным гонщиком, легко выступающим в гонках на льду, ипподроме, пересеченной местности.

Большинство советских спортсменов не обращали внимания на отсутствие элементарных условий для подготовки, денежных призовых выплат, проявляли сильную волю к победе, отказывали себе во многих радостях, поднимали отечественный спорт на качественно новый уровень, делали жизнь людей лучше и насыщеннее.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что советские спортсмены, достигшие невероятного мастерства и добившиеся успеха, вопреки всем обстоятельствам, по праву вызывали искреннее восхищение, становились кумирами и легендами. Из простых людей они превращались в богатырей наделенных сверхспособностями.

Победа в войне, желание наладить мирную жизнь, достичь более высоких показателей ее уровня, обрести уверенность в завтрашнем дне при материальной бедности, стимулировали энтузиазм во всех сферах человеческой активности. Энтузиазм — это выражение энергетического напряжения духовного состояния человека, общества. Удерживаться в состоянии духовного напряжения и проявлять активность в повседневной жизнедеятельности невозможно без определенной подпитки, роль которой выполняли кумиры. Наличие кумира — объекта для восхищения, поклонения, образца для подражания помогало мобилизации собственных духовных сил, вдохновляло людей на высокие стремления и самореализацию в собственной жизни.

Лучший бомбардир в истории ульяновского клуба «Волга» по хоккею с мячом, а порой всего чемпионата страны, заслуженный мастер спорта СССР Николай Афанасенко (р. 1949 г.) сам является легендой спорта. Но он до сих пор вспоминает, вдохновившего его на спортивные подвиги Л.П.Ерохина. В своем интервью, данном накануне собственного шестидесятилетия, он отметил, что «никогда не забуду мотогогонки в Ульяновске, в парке «Винновская роща» и самого классного нашего мотогогонщика Льва Ерохина. Вот это было зрелище!» [5].

А вот пример связанный с областью неспортивных достижений. Доктор философских наук, профессор УлГТУ Г.Ф.Миронов (1944—2008) в детстве и ранней юности проживал в поселке Карасевка Заволжского района. Рядом с этим поселком традиционно проходил мотокросс. Как все мальчишки он бегал «смотреть на Ерохина». Профессора охватило чувство нескрываемого восторга, когда он узнал, что его аспирантка Ирина Зубова — дочь «того самого Л.Ерохина». Он неоднократно признавался ей в том, что ее отец был кумиром его молодости. Ерохин, безусловно, повлиял на мальчика с рабочей окраины из многодетной бедной семьи, принявшего решение сначала стать учителем физики, потом поступить в московскую аспирантуру по философии, защитить, поражающие своей новизной и оригинальностью кандидатскую и докторскую диссертации.

Несмотря на все успехи и известность, Ерохин, как и многие советские спортсмены, имели устойчивый иммунитет к «звездной болезни». Знакомством и дружескими отношениями с Л.Ерохиным гордились многие люди, даже если когда-то перекинулись с ним всего парой слов. За жизненным советом, технической консультацией, любой другой помощью или ради простого любопытства посмотреть на прославленного спортсмена к нему (в личный гараж, мотосекцию, домой) почти каждый день приходили десятки людей, включая молодежь. Она постоянно крутилась вокруг него. Благодаря открытости всей подготовительной к гонкам работе юное поколение могло наглядно понять секрет Льва Ерохин, что он добился признания благодаря своему труду и таланту, а не деньгам, допингу или более мощной технике.

Посещение мотоциклетных соревнований являлось одной из важнейших составляющих досуга не избалованных иными зрелищными мероприятиями жителей города. Сегодня футбол и хоккей, а тем более мотоспорт лишились прежней широкой популярности. Людские интересы утратили духовную целеустремленность, стали более прозаическими и приземленными, а в рассматриваемый период, все соревнования без специальной рекламы собирали тысячи искренних и верных болельщиков. Сохранилось множество фотографий профессиональных и любительских запечатлевших толпы людей напряженно следящих за ходом гонки или как «свиты» болельщиков сопровождают Ерохина — победителя соревнований.

В отличие от сегодняшнего времени, в 50-е—70-е спортсмены не были представителями определенного торговой марки (бренда), с огромными гонорарами. Они просто защищали честь своего автотоклуба и города, рискуя жизнью и здоровьем. Согласитесь, есть мало спортивных дисциплин, где вы рискуете своим здоровьем и даже жизнью буквально каждую секунду своего выступления.

Став членом сборной команды СССР по ледовому спидвею Ерохин получил заманчивое предложение переехать в центр развития нового вида мотоспорта в г.Уфу [4]. Причем ему сразу гарантировали предоставление квартиры для его семьи и отдельной квартиры для родителей. Гонщик отказался от лучших условий для жизни и спортивной карьеры, предпочел место, где вырос и тех людей, которые его воспитали и любили.

Ульяновцы обожали Ерохина, наделяли его личность исключительно положительными качествами, верили в его непобедимость, не хотели воспринимать и искренне переживали неудачи. В городе не было такого места, где бы его не узнали. Ему прощали некое «пижонство» — безобидное в принципе озорство, когда Ерохин мог промчатся на собственной машине по городу, включив музыкальный сигнал (мелодия популярной тогда песни «Кукарача»). Впрочем, легендарных людей нельзя и представить без подобных поступков. Машину и сигнал Ерохин купил на свои собственные сбережения, но его поклонники считали их подарком самой английской королевы.

Осуществление главной мечты спортсмена, стать чемпионом СССР по ипподромным гонкам, по своему сценарию практически не отличается от легенды. Финал чемпионата СССР состоялся в Таллинне в 1970 г. Выступать на чужой трассе всегда труднее, особенно когда среди соперников есть местный сильный гонщик, которым был Г.Хельм (трехкратный чемпион СССР по мотогонкам, пятнадцатикратный чемпион Эстонии). Атмосфера на этом ипподроме кардинально отличалась от атмосферы трасс в Перми или даже Уфе. Во многом это связано с непростыми межнациональными отношениями, возникшими после включения Эстонии в состав СССР. Надо ли говорить, что российским гонщикам пришлось выдержать серьезный психологический прессинг.

Финальный этап чемпионата СССР состоял из 4-х заездов по кубковой системе (четвертьфинал, полуфинал с заездом «Надежды» и собственно сам финал). Первая гонка удачнее всех сложилась для местного фаворита Хельма, сумевшего показать время 2 минуты 25 секунд. Вторым, с отставанием в 5.2 секунды стал Лев Ерохин. Все складывалось для ульяновского гонщика вполне удачно, но в полуфинале его ждало огромное разочарование — мотоцикл просто не завелся, не дав возможности показать результат. К счастью технику удалось подправить, но спортсмену пришлось прорываться в финал через дополнительный заезд «Надежды». Кстати, сам Лев Петрович находил формулу розыгрыша мест в финале через заезд «Надежды» очень удачной. По его словам она обостряет борьбу и исключает элемент случайности. Вот и в данный момент случайная поломка мотоцикла не лишила ульяновского спортсмена возможности побороться за высшую медаль чемпионата СССР. Ерохин выиграл утешительный заезд, но от попадания камня, отлетевшего из-под колеса соперника, потек картер. Пришлось заклеивать пробойну на скорую руку медицинским пластырем.

В финальном заезде ульяновец немного отстал на старте, отпустив Хельма и Дудорина вперед, но сдаваться не в его принципах. В одном из поворотов Лев Ерохин решает на отчаянный и опасный шаг, обход своих соперников по внешнему радиусу. Весь стадион ахнул от неожиданности смены лидера в заезде. Триумфатора Ерохина после заезда качали на руках вместе с мотоциклом. В родном городе в год 100-летия В.И.Ленина его встретили как настоящего героя. Про него писали в газетах, а известная ульяновская телеведущая Римма Шепелькова посвятила ему телепередачу.

Фактом общественной и культурной амнезии по отношению к прославленным советским спортсменам стало отсутствие их имен в областной целевой программе «Увековечение памяти лиц, внесших особый вклад в историю Ульяновской области» на 2011—2013 гг. Названная программа претендует на комплексность подхода к решению вопроса об увековечивании памяти знаменитых земляков и на полноту охвата их имён. Истинная цель программы отклоняется от заявленной в официальном документе, по крайней мере, на коррупционный

градус. Происходит строительство монументальных сооружений и установление мемориальных памятных досок «кому попало», по баснословно завышенным ценам. Ведь не зря современное государство характеризуется различными оппозиционными силами как «криминальное», «коррупционное», «олигархическое» да еще с «прозападной ориентацией». В забывание легенды советского спорта Л.Ерохина wpisалось также прекращение существования советского государства и стремление современной власти откеститься и дистанцироваться от всего «советского».

Тем не менее, объяснение исторической забывчивости не исчерпывается указанными обстоятельствами. Посмотрим на нарушение памяти с позиций концепции общества потребления Ж.Бодрийера. Согласно, идеям французского мыслителя в современном гедонистическом мире потребления все общественные феномены лишаются реальных оснований и социального смысла, заменяются игрой знаков [2]. Все вещи превращаются в знаковые объекты потребления. Причем объект не потребляют в его потребительской стоимости, он включен в гонку потребления и чем шире потребление престижных вещей, тем выше положение человека в статусной иерархии. Отсюда спорт как объект знакового и навязываемого потребления, лишается высоких духовных целей, перестает порождать легендарных спортсменов. Бесплодие относительно харизматичных спортсменов сопровождается убийством человеческой теплоты и бескорыстного людского соучастия. Взамен получаем спортивную симуляцию, пустую игру знаков в отношениях спортивных «звезд» и их фанатов, рекламой, красочной атрибутикой, прибылью от спортивного шоу. В результате потлача накапывает экзистенциальная тоска и ностальгия по спорту с живой душой и трансцендентными духовными ценностями.

Литература

1. Бодрийер Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006.
2. Ерохин Л. Лев Ерохин из заезда «Надежды» — на пьедестал почета // Журнал «За рулем». 1970. № 11. С. 28—29.
3. Зубова И.Л. Микроистория, превосходящая сама себя. V Сыгинские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция «История и культура Поволжья в микроисторическом измерении». Г.Ульяновск, 24—25 октября 2008. Тезисы докладов. Ульяновск, 2008.
4. Никитин В. Лев Ерохин Жизнь без страха и упрека // Ульяновская правда. 7 декабря
5. Тишаков О. Добрый богатырь, которого все боялись // Чемпион. 4 дек. 2009.

А.Ф.Иоаниди, Н.В.Лидер

г.Омск

*Военная академия материально-технического обеспечения
(Омский филиал)*

О ПРАКТИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАГЛЯДНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИСТОРИИ РОССИИ

Российская Федерация сотрудничает в военной области с десятками стран, в т.ч. готова в российских военных вузах иностранных военных специалистов. В Омском филиале Военной академии материально-технического обеспечения обучаются военнослужащие из Анголы, Йемена, Кубы, Монголии и других стран. В соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами в программу их обучения, в качестве обязательных, входят гуманитарные и социально-экономические дисциплины, в том числе и «История России».

Несмотря на иностранное гражданство обучаемых, преподавание истории России играет важную роль в подготовке специалистов. Изучение истории способствует быстрому росту языковой подготовки иностранных военных специалистов, их успешной инкультурации и социализации. Для обучаемых это важно, потому что они живут на территории Российской Федерации в течение шести лет и от этого зависит качество их жизни. Преподавание истории России иностранным военным специалистам соответствует интересам нашего государства, т.к. формирует у них позитивное отношение к Российской Федерации [3].

Изучение дисциплины «История России» организуется и проводится на основе общих руководящих дидактических принципов, среди которых важное место занимает *принцип наглядности*. Для иностранных военных специалистов, владеющих русским языком на базовом уровне, значение данного принципа многократно возрастает по сравнению с преподаванием дисциплины российским курсантам.

Наглядность в обучении предполагает постоянное взаимодействие живого восприятия и абстрактного мышления, т.е. конкретного и общего. На основе первого у обучаемых возникают конкретные образы и представления изучаемых предметов, явлений и процессов. На основе второго эти образы и представления осмысливаются, анализируются и обобщаются.

Применительно к истории средства наглядности можно подразделить на: изобразительные (картины, портреты, репродукции, фотографии исторических событий, мест); графические (схемы, таблицы, графики,

карты и т.п.); предметные (реконструированные предметы культуры, быта, производства); подлинные предметы материальной культуры (орудия труда, оружие, кости, украшения и т.д.); естественные монументальные (храмы, сооружения и т.п.); аудиовизуальные (диапозитивы (слайды), пленочные транспаранты, телефильмы, кинофильмы, радио, звукозаписи, компьютерные версии и т.д.).

В практике преподавания истории России педагогами Омского филиала ВАМТО наиболее часто используются изобразительные и графические средства наглядности: портреты, картины, схемы, карты и т.д. Так, например, портреты изучаются в узком и широком смысле слова.

При изучении портрета в узком смысле слова преподаватель, в первую очередь, обращает внимание курсантов на черты лица, характеризующие изображенного на нем человека как личности. Так, на семинарском занятии с курсантами-иностранцами при рассмотрении портрета маршала К.К.Рокоссовского преподаватель просит обучающихся описать внешность полководца. Курсанты в первую очередь отмечают: открытое лицо, правильные черты, высокий лоб, волевой подбородок, строгий, умный взгляд, т.е. все, что говорит о сильной, волевой личности, обладающей недюжинным талантом, способностью принимать решения и брать на себя ответственность за их реализацию и конечный результат. Такая характеристика соответствует роли и месту Рокоссовского в истории: полководческий талант, проявившийся с первых дней Великой Отечественной войны и, особенно, летом 1944 года при проведении операции по освобождению Белоруссии, гордость, высокое личное достоинство, принципиальность и уважение к личному достоинству подчиненных. 24 июня 1945 года по решению И.В.Сталина именно К.К.Рокоссовский командовал Парадом Победы в Москве [1].

При изучении портрета в широком смысле слова, наряду с обрисованием анатомических черт лица и их расшифровкой, преподаватель больше внимания обращает на награды, знаки отличия. Все это комментируется педагогом, что в конечном итоге дает содержательную характеристику изображенной личности и ее места в истории. Например, на лекции преподаватель, раскрывая внешнюю политику Российской империи во второй половине XVIII века, демонстрирует портрет русского полководца графа Пётра Александровича Румянцева-Задунайского. На груди фельдмаршала выделяется голубая лента через правое плечо. Это говорит о том, что полководец был удостоен высшей награды России — ордена святого Андрея Первозванного (за победу при Кольберге). Преподаватель сопровождает демонстрацию портрета соответствующими пояснениями: «В 1774 году с 50-тысячным войском полководец выступил против 150-тысячной турецкой армии, которая, избегая битвы, сосредоточилась на высотах у Шумлы. Румянцева с частью своего войска обошел турецкий стан и отрезал визирю сообщение с Адрианополем, что вызвало в турецкой армии такую панику, что визирь принял все мирные условия. Так заключен был Кучук-Кайнарджийский мир, доставивший Румянцеву фельдмаршальский жезл, наименование Задунайского и другие награды» и т.д. Так, одна за другой рассматриваются награды русского полководца. Педагог акцентирует внимание курсантов на том, что за каждой наградой стоит сражение, победа и т.д. В результате, по портрету П.А.Румянцева иностранные курсанты познают боевой путь полководца, победы русской армии, принесшие славу России [2].

Работа с портретом может строиться на изучении одежды, головного убора, обуви, причесок, что в свою очередь характеризует время, традиции, стиль и т.д. Например, рассматривая портреты русских князей, царей, бояр (до XVIII в.), обучаемые обращают внимание на восточный стиль их одежды — в золоте и бриллиантах длинные шубы, конусного типа головные уборы, бороды и усы на лице и т.д. Начиная с Петровской эпохи портреты современников выглядят больше по-европейски: выбритые лица, завитые парики, расшитые камзолы, модные цветные «галстуки», высокие башмаки с золотыми пряжками; у женщин — открытые платья с большими вырезами на груди и спине, причудливые парики, прически в виде фрегата, замка, букета цветов, несусветной величины шляпы и т.д.

Использование наглядности усиливает восприятие учебного материала. На семинарском занятии курсанты-иностранцы с удовольствием рассматривают, например, шедевры русской скульптуры и живописи по мотивам важных событий и фактов истории нашей страны. Из практики преподавания известно, что чем больше положительных эмоций, эстетического удовольствия получают курсанты, чем комфортнее они себя чувствуют на занятии, тем быстрее происходят процессы усвоения учебного материала, а затем порождения собственных высказываний. Занятие проходит в живой, непринужденной форме как диалог между преподавателем и обучающимися.

Наибольшую ценность для развития образности представляют картины (репродукции). Демонстрируемые на занятии картины должны быть больших размеров и с четкими изображениями. Современные мультимедийные средства позволяют демонстрировать картины (репродукции) на экране. Учитывая проблемы восприятия учебного материала курсантами-иностранцами, картины (репродукции) целесообразно использовать на всех видах занятий. Выбор определяется тем, насколько широк и глубок охват изображенных на ней исторических событий, насколько изображение соответствует теме и будет способствовать ее раскрытию.

Особенно значимо использование наглядности, когда курсантам предлагаются картины, содержание которых носило для России судьбоносный характер («Боярыня Морозова» и «Утро стрелецкой казни» В.И.Сурикова; «Петр I» В.А.Серова; «Кутузов во время Бородинской битвы» А.Шепелюка; «Победа» П.Кривоногова и др.) На них изображены события, сыгравшие огромную роль в истории России.

Графическая наглядность в виде схем, таблиц, графиков, карт и т.п. должна находить наиболее частое применение в ходе изложения учебного материала преподавателем на лекции, может быть использована на семинаре, самостоятельном занятии под руководством преподавателя [4].

При этом с целью повышения качества обучения курсантов-иностранцев, графическая наглядность должна отвечать ряду требований:

- соответствие средства содержанию изучаемого материала;
- неперегруженность объектами для запоминания;
- четкость изображения;
- широкая цветовая гамма изображения и т.д.

Схемы позволяют представить учебный материал в структурированном виде. Они делятся на логические, структурные и поисковые. Так структурные схемы отражают взаиморасположение и связь составных частей чего-либо. Логические схемы — это графические изображения, отражающие процесс, содержащие его составляющие, вытекающие одно из другого. Поисковые схемы — это графические изображения в виде логической схемы, составные части которых содержат наряду с информацией продуктивно-познавательные вопросы, ответы на которые позволяют курсантам логически мыслить и рассуждать, более осознанно усваивать получаемые знания. Таким образом, логическая схема легко превращается в поисковую.

Таблицы — это перечень цифровых данных или каких-либо других сведений, расположенных в определенном порядке по графам. Они повышают информативность учебного материала, способствуют его пониманию курсантами и дальнейшему воспроизводству, развитию навыков устной и письменной речи.

Большие возможности дает использование на лекции и семинаре презентации — одного из электронных (мультимедийных) способов представления учебного текста. Она позволяет включать в себя фотографии, репродукции картин, видеоролики, графический текст, звукозаписи, музыкальное сопровождение, элементы компьютерной графики и анимации и др. Этот способ представления учебного материала обладает свойством интерактивности, что может позволить преподавателю открыть огромные возможности более активного участия курсантов в процессе восприятия учебного текста и взаимодействия с ним. Динамичность презентации позволяет активизировать не только процессы восприятия текста, но и мыслительную работу.

При проведении лекционных и семинарских занятий с иностранными военнослужащими рекомендуется использовать средства наглядности в следующих количествах: слайды презентаций — до 10; видео-фрагменты учебных фильмов — суммарное время демонстрации — 10—15 мин.; рисунки, схемы и графики, изображаемые на доске — 1—5.

Преподаватель, разрабатывая средства наглядности, должен выполнить основное требование к ним: содержание средств наглядности должно быть предельно кратким, выразительным, лаконичным, не перегруженным лишней информацией.

При этом преподавателю необходимо помнить, что кроме конкретных требований рассмотренного принципа наглядности в обучении обязательно учитываются требования всех дидактических принципов, которые связаны между собой, обуславливают и дополняют друг друга [5]. Строгое выполнение требований всех дидактических принципов — важное условие повышения эффективности усвоения учебного материала дисциплины «История России» иностранными военными специалистами.

Литература

1. История России. XX век: 1939—2007 / Под ред. А.Б.Зубова. М.: Астрель: АСТ, 2009. 847 с.
2. Кудинова Н.Т. История России IX—XX веков: Учебное пособие для студентов-иностранцев технических вузов / Н.Т.Кудинова. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2003.
3. Повышение эффективности профессиональной подготовки иностранных военнослужащих в инженерных вузах Военно-воздушных Сил России: дисс. ... канд. пед. наук / А.А.Булков. М., ВУ МО РФ, 2007. 185 с.
4. Родин В.Ф. Формирование познавательного интереса у курсантов (слушателей) вузов МВД РФ (теоретико-методологический аспект): дисс. ... доктора пед. наук / педагогических наук / В.Ф.Родин. М., 2003.
5. Сурыгин А.И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб.: Златоуст, 2000. 230 с.

МЕСТО ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Преуспевающие участники глобальной экономики, базирующейся на знаниях уже сформировали и последовательно реализуют концепцию национальных инновационных систем. Интеграция науки, образования, бизнеса и производства становится системообразующим фактором инновационной экономики. Все возрастающая конкуренция обеспечивает успех тем государствам и компаниям, которые не только обладают мощным научно-техническим потенциалом, но и умеют быстро и эффективно трансформировать новые научные достижения в готовую продукцию.

Система высшего технического образования является одним из главных участников процесса формирования отечественной инновационной системы. Осознание значимости культивирования интеллектуального потенциала страны, подготовки инженерно-технических кадров высшей квалификации характерно для всех ведущих стран мира. Выпускник инженерного вуза должен владеть навыками исследовательской, проектной, производственной и управленческой деятельности; обладать мобильностью, способностью менять сферу деятельности и обучаться в течение всей жизни; выступать в качестве связующего звена между техникой, наукой и культурой, быть генератором и проводником идей модернизации. Значимость инженерной профессии возрастает и в связи с повышением социальной роли специалиста в области техники и технологии в трансформирующемся обществе. Генерировать инновации может только инженер с новым мышлением. Гуманитарная составляющая инженерного образования призвана формировать социо-культурную компетентность, гражданскую позицию и способность к творческой деятельности.

В сентябре 2010 г. российская высшая техническая школа окончательно перешла на двухуровневую систему высшего образования. Очевидно, что адаптация к требованиям Болонской декларации — процесс сложный, является не только институциональной, но и социальной проблемой. Реформирование высшего профессионального образования затрагивает интересы не только большого слоя научно-педагогических работников вузов, молодежи, но и потенциальных работодателей. Отечественная высшая техническая школа, отвечая на вызовы времени, должна осуществлять подготовку инженеров нового поколения — разработчиков высоких технологий и наукоемких производств, владеющих математикой, методами моделирования, информатики, управления. В этой связи возросло значение фундаментальной компоненты в обучении, которая может быть достигнута за счет расширения и углубления междисциплинарных знаний специалиста, ориентированных на решение проблемных ситуаций в научной, проектировочной и предпринимательской деятельности; повышения уровня сформированности методов познавательной, профессиональной, коммуникативной и аксиологической деятельности; обеспечения синтеза естественнонаучного и гуманитарного знания; методологизации, генерализации и различных видов моделирования социально-профессиональной деятельности.

В российской высшей технической школе в целом сформировалась инновационная компонента в виде учебно-научно-производственных объединений, технопарков, технополисов, бизнес-инкубаторов, представительств выпускающих кафедр на предприятиях (система «физтех»). Такое соединение образовательной и инновационной деятельности является убедительным доказательством активизации научно-образовательной кооперации. Свидетельством активизации инновационных процессов стало открытие во многих вузах специальностей по направлению «нанотехнология».

К числу приоритетных государственных проектов относится создание федеральных и национальных исследовательских университетов, деятельность которых предполагает консолидацию образовательного процесса и науки. Однако эксперты указывают на возникающие проблемы при реализации этих проектов.

По нашему мнению, в настоящее время инновационные процессы активно, но не без проблем разворачиваются только в ведущих вузах страны, прежде всего, в федеральных и национальных исследовательских университетах. Однако добиться полноценного взаимодействия с бизнес-сообществом, как потенциальным работодателем и возможным инвестором для развития инновационной инфраструктуры не удалось. В ходе реформирования вузовского сектора отечественной науки были предприняты попытки использования мировых моделей, продемонстрировавших свою эффективность, но в целом к настоящему времени не удалось осуществить полноценную интеграцию науки, образования и производства.

Полагаем, что важнейшими условиями модернизации инженерного образования могут стать государственная поддержка, четкая и продуманная программа реформирования, являющаяся составной частью комплексной программы по модернизации научно-технического комплекса страны. Модель инженерного образования, ориентированная на подготовку специалистов, обладающих инновационным мышлением, способных сочетать исследовательскую, проектную и предпринимательскую деятельность, может быть создана в России не «аппаратно», а только в случае объединения усилий государства, вузовской и научной общественности,

представителей бизнеса. Невозможным считаем повторение крупной стратегической ошибки, допущенной при разработке и принятии новых стандартов: к этому процессу мало привлекали работодателей — промышленные предприятия, научные институты, банки, государственные организации и т.д. Кроме того, никакой прорыв не возможен без мощных капиталовложений в сферу образования.

К.В.Калинова

г.Москва

*Российский государственный университет нефти и газа
имени И.М.Губкина*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ «ОТРАСЛЕВОЙ» НАУКИ В 1920—1930-е гг.

В годы реализации НЭПа начинает складываться структура, обеспечивающая установление прочных связей научных учреждений Научно-технического отдела (НТО) ВСНХ с производством, внедрение результатов научно-технической деятельности, являющаяся составной частью формирующей единой системы партийно-государственного управления промышленной сферой. В условиях хозяйственного расчета требовалась более тесная связь науки с производством. Тем более, решения XII съезда партии именно на это и нацеливали. 2 июля 1923 г. Президиум ВСНХ утвердил положение об упразднении Центрального научно-технического совета (ЦНТС) и преобразовании его секторов в самостоятельные научно-технические советы по 11 отраслям промышленности [10, 98—101]. С 1925 г. советам была поручена работа по совершенствованию структуры отраслей промышленности, разработке научно обоснованных планов восстановления и расширения предприятий и т.д.

В ноябре 1923 г. на базе НТО ВСНХ РСФСР был сформирован НТО ВСНХ СССР. Предприятия союзного значения и вся сеть прикладных научно-исследовательских институтов, получивших статус союзных, была передана в ведение союзно-республиканского промышленного Наркомата — ВСНХ СССР. НТО функционировал на уровне центральных органов государственного управления союзного государства в разные годы под разными названиями: Научно-техническое управление (НТУ), Научно-исследовательский сектор (НИС) ВСНХ — Наркомтяжпрома СССР. Во главе НТО ВСНХ СССР находилась коллегия, состав которой назначался Президиумом ВСНХ [8, 99].

С середины 20-х гг. структуры управления отраслевой наукой постепенно трансформируются, создавая новые, обеспечивающие межведомственные научные коммуникации и внедрение результатов научно-технической деятельности. В сентябре 1926 г. отдел был переименован в Научно-техническое управление (НТУ). Основными учреждениями НТУ оставались научно-технические советы. Важнейшим фактором, ускорившим создание мощного научно потенциала промышленности, стала индустриализация. 15 января 1926 г. коллегией НТО было принято решение о необходимости научно-технического обеспечения крупнейших отраслей промышленности и о создании сети институтов [9, Л. 14—39]. В 1930 г. НТУ было трансформировано в Научно-исследовательский сектор (НИС). Анализ архивных документов позволил установить, что в годы функционирования НТО основными вопросами, которыми приходилось заниматься его сотрудникам, были вопросы, связанные с управлением научной и образовательной сферой. Но в основном функции управляющих органов на этом этапе сводились к обеспечению материалами, помещениями и финансами [11, Л. 4—39]. Институты, находившиеся в 1923—1936 гг. в ведении НТО—НТУ—НИС, осуществляли научные исследования, обеспечивая результатами не только промышленность, но и строительную индустрию, угле- и нефтедобычу, производство минеральных удобрений и т.д. [4, 118].

Призыв: «Наука — лицом к производству!» демонстрировал суть происходящих реорганизаций, о чем свидетельствовала и передача в непосредственное подчинение союзного правительства АН СССР, Особого технического бюро и ряда других научных учреждений. В 1926 г. для руководства их деятельностью был создан Отдел научных учреждений и Комиссия содействия работам АН СССР при СНК СССР (ОНУ) [3, 75]. В марте 1927 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б), которое требовало более тесной связи науки с производством [5, 161—165].

Анализ нормативно-правовой базы и других источников позволяет утверждать, что в условиях форсированной индустриализации шел поиск наиболее оптимальных форм координации деятельности науки и производства через отраслевые научно-технические советы и внедрение планирования в научно-исследовательскую работу.

Сложилось двухуровневое управление наукой: на центральном уровне — академической наукой, на наркоматском — прикладной.

В год «великого перелома» АН СССР теряла свою независимость, тематика исследований стала планироваться и ориентировалась, прежде всего, на нужды промышленности [2, Л. 3, 8, 10, 12].

В 1930 — начале 1931 гг. происходила реорганизация сети институтов ВСНХ СССР, вызванная необходимостью еще большего укрепления связи науки с производством. Для упрочения межотраслевых связей предлагалось создание комплексов, административно объединяющих научно-исследовательское учреждение, завод и высшее, учебное заведение [1, 42, 49, 144].

В январе 1932 г., в ходе очередной реорганизации управления (упразднился ВСНХ), был образован Наркомат тяжелой промышленности СССР, сеть научных организаций, насчитывавшая 137 институтов с филиальной сетью (93 учреждения) и научным персоналом примерно в 9 тыс. человек [12, 37], перешла в его ведение. НИС стал сектором НКТП. Основным направлением его деятельности являлось расширение сети прикладных институтов. Но особое внимание уделялось созданию фабрично-заводских лабораторий. Сеть научных организаций в рамках НКТП к середине 30-х гг. были частично упразднены, частично — преобразованы в заводские и трестовские лаборатории. Приоритет оставался за отраслевой наукой. При НИС НКТП возникли специальные бюро с целью рассмотрения «особо значимых» научно-технических проблем. В 1934 г. ЦНИС был преобразован в сектор научно-исследовательской и технической пропаганды (НИС-Техпроп) НКТП [7, XVII].

К началу 1932 г. в ВСНХ СССР, а затем в НКТП СССР имелся самый мощный комплекс научных учреждений. Такой рост был обусловлен не только директивами центра, но и желанием ведомств иметь «свои» НИИ. Тем более, что прикладная наука финансировалась государством в приоритетном порядке. Окончательно ведомственный принцип управления отраслевыми институтами сложился к середине 30-х гг. Подобные методы управления способствовали осуществлению целенаправленных, ускоренных разработок, но препятствовали межотраслевым связям, наука шла за производством. Структура управления научной сферой трансформировалась в двухуровневую. Центральные институты управлялись на уровне наркоматов, остальные — на уровне главков и объединений. Руководству предприятий подчинялся заводской сектор науки, включавший лаборатории, конструкторские и технологические бюро [6, 9—10, 25—28], которые и доводили результаты научно-исследовательской деятельности до производства. Различия между отраслевой и заводской наукой были ликвидированы лишь в 1970—1980-е гг., когда в заводскую науку вошли сочлененные с предприятиями научно-технические организации.

Подобная система управления наукой в сложных условиях форсированной индустриализации, ограниченности ресурсов, опасной международной ситуации, позволяла концентрировать ресурсы и силы на приоритетных направлениях, обеспечивающих быстрое внедрение научных разработок в производство.

Литература

1. Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы: Стенограф. отчет. М.; Л., 1931. С. 49, 144.
2. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 2. Д. 13. Л. 3, 8, 10, 12.
3. Есаков В.Д. Указ. соч. С. 169; Основные принципы и общие проблемы управления наукой. М., 1978.
4. Курепин А.А. Власть и наука. 1917—1937 гг. (на материалах Петрограда-Ленинграда): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.
5. КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4.
6. Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М., 1990.
7. Научно-исследовательские учреждения тяжелой промышленности. М.; Л., 1935.
8. Организация советской науки в 1926—1932 гг. Сб. док. Л., 1974.
9. Организация советской науки в 1926—1932 гг. Сб. док. Л., 1974.
10. Положение о Научно-техническом отделе ВСНХ СССР // Организация науки в первые годы Советской власти.
11. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 113. Л. 7; Д. 131. Л. 14—39.
12. Тасиц Н.А. Государственная политика СССР в сфере науки (1929—1941 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

К.Е.Кондратьева

г.Елабуга

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Елабужский институт)*

СПОРТИВНОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В НАЧАЛЕ XXI в.

Здоровый образ жизни будущего поколения — это одна из самых актуальных проблем настоящего времени. Каждая страна понимает, что ее будущее зависит от нового молодого поколения, которое должно быть здоровым, работоспособным, а также способным защитить свою Родину. В Республике Татарстан основное внимание направлено на спортивное воспитание детей, подростков, молодежи, то есть именно на тот возраст, когда человек начинает делать свой выбор, что ему интересно и более доступно.

Спортивное воспитание молодежи республики стало особенно актуальной в преддверии проведения в городе Казани XXVII Всемирной Универсиады 2013.

2011 год в Республике Татарстан отмечен интенсивным укреплением материально-технической базы для развития физической культуры и спорта.

В результате создания современных условий для занятий физкультурой и спортом увеличивается доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом: 26,58% — 1 006 530 человек (в 2010 году 23,15% — 875 507 чел.) [2, 141].

Спорт в республике выполняет свою роль — продвижение спортивного имиджа Татарстана, укрепление здоровья населения, чему способствует строительство современных спортивных объектов. В прошедшем 2011 году в республике сдано в эксплуатацию 97 спортивных сооружений. По проекту Всемирной летней универсиады 2013 года в г.Казани введено 27 спортивных объектов По Федеральной Целевой программе сданы объекты в Тукаевском, Менделеевском, Лаишевском, Нижнекамском районах.

Можно проследить хорошие темпы увеличения численности занимающихся физической культурой и спортом (на 3,5%). Этот показатель составляет около 27% от общей численности населения. Существенно он возрос в г. Казани — 6,5%, среди лидеров — Актанышский, Альметьевский, Бавлинский, Заинский, Нурлатский, Сабинский районы [1, 4].

В 2011 году наблюдается увеличение численности студентов, занимающихся внеурочной формой физической культурой спортом: в 2011 году — 77 021 человек, что составляет 47% от всей численности республики (в 2010 году — 58 642 чел.).

Импульсом развития студенческого, молодежного спорта стало совершенствование материально-технической базы в вузах. На данный момент при них введено 15 из 17 спорткомплексов, в которых проводятся учебные, культурные занятия в учебное и во внеурочное время. В сентябре 2011 года состоялся первый набор студентов в ФГОУ ВПО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» в г.Казани, в структуру которой входят 7 высокотехнологичных спортивных объектов, международный студенческий образовательный центр FISU (Международная организация Студенческого Спорта).

В октябре 2011 года для развития студенческого спорта на заседании Совета ректоров вузов республики Татарстан подписано двухстороннее соглашение о сотрудничестве и взаимодействии с ректорами 9 крупных вузов республики.

В сентябре состоялся первый набор 245 студентов в Поволжскую государственную Академию физической культуры, спорта и туризма. Среди них представители 40 муниципальных образований республики, 15 субъектов Российской Федерации и трех государств ближнего зарубежья. Перспективно выглядит уровень их спортивной подготовки — 29 мастеров спорта, 56 кандидатов в мастера спорта.

В развитии как массового, так и спорта высших достижений ключевое звено — Детско-юношеские спортивные школы.

Для улучшения материально-технической базы ДЮСШ — они переводятся на новые спортивные объекты. В 2011 году в Центр гребных видов спорта переведена муниципальная детско-юношеская спортивная школа по водно-гребным видам спорта. В спортивный комплекс «Бустан» переехали ДЮСШ «Приволжанка» по художественной гимнастике и «Лидер» по гандболу. Созданы 3 новые школы в Альметьевском, Булганском, Мензелинском районах [2, 6].

Вместе с тем в 158 спортивных школах количество занимающихся уменьшилось на 5 732 человека и составляет 91 586 учащихся, наибольшее снижение дают Нижнекамский район (1 620 человек), Набережные Челны (935 человек), Казань (725 человек) [1, 6]. Отчасти это связано с уменьшением количества тренеров — преподавателей (1 тренер на 76 человек) по сравнению с прошлым годом.

В 2011 году Президентом и Премьер-министром была поддержана реорганизация «Центрального спортивного клуба» в «Центр спортивной подготовки». Исходя из его задач в прошедшем году, в ЦСП принято 125 спортсменов-инструкторов, 17 главных тренеров по видам спорта, с ними заключены контракты и утверждены индивидуальные планы подготовки.

Спортсмен имеет возможность помимо финансового обеспечения получить научно-методическое и системное медико-биологическое обеспечение, приобретает социальную защищенность.

Работа Центра спортивной подготовки на новом уровне дает свои результаты в достижениях спортсменов. Так, в проведении Спартакиады учащихся России в 2011 году татарстанцы поднялись до 8 места. Всего молодыми спортсменами Республики Татарстан на всероссийских и международных соревнованиях завоевано 592 медали (в 2010 г. — 584), на универсиаде в Шеньжене — 10 золотых, 4 серебряных, 6 бронзовых медалей [2, 142].

Республика Татарстан и Казань по-прежнему являются местом проведения крупнейших соревнований. В 2010 году в Татарстане проведено около 600 соревнований различного уровня. В 2011 году проведено 25 наиболее крупных российских и международных соревнований в рамках подготовки к Универсиаде 2013 года.

Можно сделать вывод, что благодаря интенсивному спортивному воспитанию молодежи не только происходит укрепление физического и нравственного здоровья будущего поколения, но и с помощью популяризации

спорта в молодежных кругах резко сокращается процент молодых людей, имеющих вредные привычки (табакокурение, алкоголизм, наркомания).

Таким образом, спортивное воспитание молодежи — это неотъемлемая часть развития будущего поколения нашей страны.

Литература

1. Итоги работы Министерства по делам молодежи, спорту и туризму Республики Татарстан за 2011 год и задачи на 2012 год/Министерство по делам молодежи, спорту и туризму РТ; под ред. Р. Т. Бурганова. Казань: РЦМИПП, 2012. 20 с.

2. Отчет о деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан за 2011 год // [http://www.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/2_28\(otchet%20pril\).pdf](http://www.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/2_28(otchet%20pril).pdf)

Е.С.Косых

г.Стерлитамак

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1920-х гг. ОБ ИНОСТРАННЫХ КОНЦЕССИЯХ

Проблема привлечения иностранного капитала в советскую экономику появляется с первых месяцев возникновения Советской власти и рассматривается советским руководством в двух аспектах: политическом и экономическом. Концессионный вопрос, прежде всего, был идеологическим вопросом. Среди большевиков были две точки зрения: первая защищала необходимость экономического компромисса с Западом, вторая считала концессионную политику «изменой собственному делу», «малодушием», «неверием в творческие силы пролетариата» [1, 20]. Концессии, по мнению рабочих и рядовых партийцев, были «сдачей позиций», «отступлением». Иностраный капитал плохо сочетался с коммунистическим идеалом, но жизненные реалии заставляли большевистское руководство идти против идеологических принципов.

Агитационно-пропагандистская литература 20-х гг. была призвана смягчить общественное мнение в сторону большей терпимости к иностранным концессиям. В центральных издательствах были опубликованы сборники работ Ленина о нэпе и концессиях, тексты его выступлений и докладов. Специально для молодого читателя литература о нэпе и концессиях издавалась в серии книг так называемого первого круга чтения комсомольца. Авторы этих статей подчеркивали вынужденный, чрезвычайный характер концессий, вызванный необходимостью их привлечения для восстановления экономики.

Все первые предложения о концессиях вызывали самую живую полемику в печати. Значительное внимание было уделено концессии английского предпринимателя Лесли Уркварта. Условия Уркварта были признаны слишком тяжелыми, уступки советской власти чрезмерными: подписание договора означало бы полную капитуляцию перед иностранным капиталом [10, 14].

До революции Л Уркварт владел железнорудными и медеплавильными предприятиями на Урале, в Сибири и Казахстане. Претензии группы Уркварта в Советской России составляли 54 млн. ф. ст., и она была готова рискнуть и возобновить прерванную работу. Предварительный договор с Урквартом был подписан 9 сентября 1922 г. На Западе его встретили с восторгом. Лондонская «Таймс» писала: «Советское правительство обязуется компенсировать обществу понесенные им убытки, начиная с 1917 г.» [12, 335]. Фактически речь шла о реституции. Договор был отклонен.

В октябре 1922 г. начинается обсуждение в советской печати — «Правде» и «Торгово-промышленной газете» — условий урквартовской концессии. Авторы практически не возражали против сдачи концессии Уркварту, но на более приемлемых для советского государства условиях [10, 12]. Иностранная и эмигрантская печать главной причиной не утверждения договора называла статью, которая лишала профсоюзы права вмешиваться в административные и оперативные распоряжения администрации, в том числе в наем и увольнение рабочих. Уркварт требовал экстерриториальности своих заводов, но на такой шаг, на отступление от «одного из основных завоеваний Октябрьской революции» советское правительство пойти не могло [4, 159].

По словам Г.Е.Зиновьева, «Владимир Ильич выступил против этой концессии не потому, что условия Уркварта были плохи, а потому, что, в конце концов, он себе сказал, он и мы вместе с ним: лучше безденежная, серенькая Советская Россия, медленно восстанавливающаяся, но своя, чем быстро восстанавливающаяся, но пустившая козла в огород, такого козла, как Уркварт» [3, 169].

Ленин хотел крупных политических уступок со стороны Англии в обмен на концессию Уркварта. Если бы она их сделала, договор стал бы прецедентом и был бы вполне приемлем. Ленин хотел сделать признание Советской власти и ее роли в европейских делах предпосылкой экономического сближения с Западом.

В 1925—1927 гг. появляются первые специальные исследования, посвященные концессиям. Их авторами были работники Главного концессионного комитета А.Июффе, М.Июэльсон, В.Бутковский, М.Яннин и др.

Они считали, что допущение концессий определяется не уступками буржуазии, а экономическими потребностями советского государства. Государство нуждается в концессионном капитале, иностранной технике и специалистах для того, чтобы восстановить экономику. Работники Главконцесскома считали, что не следует бояться концессионного капитала, так как в руках у государства находятся все командные высоты. Все авторы статей ратовали за развитие иностранных концессий, которые могли оказать значительную помощь в начавшейся индустриализации страны, но на основе плановой организации.

Отдельными брошюрами были опубликованы концессионные договоры правительства СССР о наиболее крупных концессиях: с А.Гарриманом, с компанией «Лена Голдфилдс», со смешанными лесными обществами и др.

Литература 20-х гг. предприняла попытку внушить доверие к концессиям, как со стороны общественного мнения Советской России, так и Запада. Она утвердила оценку концессионной политики как тактического приема в строительстве социалистической экономики и временного компромисса с Западом.

Пристально следил за развитием концессионного дела в Советской России меньшевистский «Социалистический Вестник». В первые годы нэпа он опасался, что в руки иностранцев попадут многие важные экономические узлы, и освободиться от иностранной зависимости будет очень трудно. «Социалистический Вестник» нелестно отзывался об идее концессий: «Примитивно хитрый способ уловления капитала, выдуманный Лениным и приспособленный к нуждам коммунистического хозяйства» [11, 2].

Концессионная политика Советской власти привлекала внимание иностранной периодической печати 20-х гг. и не раз являлась предметом оживленной полемики. Германская печать после заключения Рапалльского договора в радужных тонах смотрела на перспективы сотрудничества с Советской Россией, она требовала активной политики кабинета по отношению к России: заключения торгового договора и оказания финансовой поддержки в виде кредита германской промышленности при разработке различных концессий в России. Французская печать отражала взгляды антиконцессионного лобби, выражавшего интересы бывших собственников. Английская пресса в целом придерживалась сходной точки зрения, за исключением газеты «Манчестер Гардиан», симпатизировавшей большевикам.

Вопрос упирался в правовые гарантии для западных предпринимателей. Кроме того, для английских и французских бизнесменов широкое сотрудничество с Советской Россией было возможно только в случае расплаты по дореволюционным долгам и за национализированное после революции имущество. Иностранцы предпринимателей также останавливало отсутствие доверия к Советской власти.

Однако иностранцы рисковали и вкладывали деньги в Советской России. Некоторые из них рисковали и своей свободой. Зарубежная пресса отмечала случаи ареста иностранных граждан, нелестно отзываясь как о советской правовой системе, так и о ее «карающем мече» — ВЧК — ОГПУ [7]. Иностранная пресса делала вывод, что общие условия Советской России таковы, что капиталисты не могут решиться вложить в Россию крупные капиталы. Хотя, с другой стороны, «еще больший убыток произойдет от нерешительности и ожидания. Предпринимательская деятельность при завоевании новых рынков всегда содержит в себе несколько шансов убыточности. От этих убытков могут не спасти даже договоры и правовые гарантии. Великие деяния могут быть созданы только частной инициативой» [6].

Американец Синклер в 1922 г. рискнул заключить с правительством ДВР концессионный договор на эксплуатацию нефтяных источников Северного Сахалина. Но Северный Сахалин был оккупирован Японией, и представителей компании Синклера просто не допустили на концессию. В 1924 г. советское правительство начало переговоры с Японией о заключении мирного договора. Япония требовала или продать остров, или предоставить долгосрочные концессии. Концессия Синклера мешала и СССР и Японии. В январе 1925 г. Совнарком аннулировал концессию Синклера [9]. Правительство США не вмешивалось в бизнес своих граждан за границей, считая его их частным делом.

Иностранная печать оценила расторжение договора с Синклером однозначно: это дело является показательным с точки зрения отношения советского правительства к договорам вообще и того, как мало значения можно придавать его подписи («Морнинг Пост») [5]. В Америке расторжение договора с Синклером явилось аргументом в руках сторонников признания СССР, которые доказывали, что из-за оттягивания признания США потеряли богатые нефтяные источники на Сахалине и могут потерять нефтяные источники в Баку, где японцы оказывали сильную конкуренцию.

Советская печать одобрительно встретила расторжение договора с Синклером и не скрывала радости по поводу подписания концессионных договоров с японскими фирмами, но в то же время ясно отдавала себе отчет, что это «концессии в специфически дальневосточном понимании, более или менее прозрачное прикрытие политического проникновения и территориального захвата» [13]. Концессии не раз становились козырной картой во внешней политике СССР. В угоду одному концессионеру, чтобы добиться внешнеполитических преимуществ, притесняли других.

Пока экономические официозы — «Экономическая жизнь», «Плановое хозяйство», «Торгово-промышленная газета» — разрабатывали тему о планомерной раздаче концессий, политические газеты и партийные вожди не переставали доказывать, что иностранный капитал пойти к нам не может, так как он заинтересован в экономической отсталости России. Поэтому лозунг «индустриализация» направлен против мировой буржуазии,

и война с мировым капиталом ведется отныне уже не на полях сражений, а в сфере экономических достижений и промышленного развития. Попытка популяризации концессионной политики, предпринятая в советской экономической печати в 1925—1927 гг., особого успеха не имела. Трудно было изменить массовое военно-коммунистическое сознание. Да и к самим концессиям было утилитарное отношение.

Единого мнения в оценке роли иностранного капитала не было даже между самими работниками ГКК. Замечательно выразился работник Главконцесскома М.И.Лацис: «В виде временной меры мы допускаем концессии в надежде, что они же помогут нам скорее покончить с концессиями навсегда» [2, 83].

Крайне тенденциозно освещались в советской периодической печати причины ликвидации концессий. Если же публиковались интервью с западными бизнесменами с объяснениями причин экспроприации или провала некоторых концессий, то эти объяснения были последовательно просоветскими. А статьи советских авторов на эту тему были намеренно лживы. Их целью было поощрить дальнейшие вложения западных компаний. Как писала «Франкфуртер Цайтунг», «Советская Россия против капитализма, но она прекрасно знает его психологию. Почти все концессионеры до сих пор терпели крах. Почти все, так как кое-кому даются преимущества, чтобы он мог служить рекламой. Это и завлекает западных капиталистов» [8]. В советской периодической печати — «Правде» и «Известиях» — появлялись статьи откровенно антиконцессионной направленности. Их фактическими оппонентами выступали «Экономическая жизнь» и «Торгово-промышленная газета».

Иностранная пресса 20-х гг. была уверена, что советская власть не рассматривала всерьез задачи привлечения иностранного капитала в Россию, что концессионные переговоры были лишь способом парализовать интервенционистскую политику, а также средством советской пропаганды за границей.

Литература

1. Ларин Ю. У колыбели // Народное хозяйство. 1919. № 11.
2. Лацис М.И. Сельскохозяйственные концессии. М., Л., 1926.
3. Наше Отечество. М.: Терра, 1991. Т. 2.
4. Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин: Обелиск, 1923.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 6. Д. 337. Л. 127.
6. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1531. Л. 259.
7. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1802а. Л. 1590-1590б.
8. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1802б. Л. 179об.
9. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 585. Л. 6.
10. Свердлов В. К вопросу о концессии Уркарта. М., 1923.
11. Социалистический Вестник. 1922. № 20.
12. Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Л.: Наука, 1969.
13. Экономическая жизнь. 1925. 11 марта.

А.Л.Кузьминых

г.Вологда

Вологодский институт права и экономики ФСИН России

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ПЛЕНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД¹

Перспективным научным направлением в изучении истории советского военного плена Второй мировой войны является социокультурный подход, который предполагает использование понятийного аппарата и теоретико-методологического инструментария таких дисциплин, как социология, психология, культурология и антропология.

С позиции социологии наиболее продуктивно изучение, во-первых, структуры и стратификации лагерного социума (лагерной иерархии, системы статусов и ролей, социальных групп); во-вторых, социального поведения индивидов в условиях военного плена (конформности и протеста, социального контроля и девиации); в-третьих, социальной коммуникации (межличностной и групповой, формальной и неформальной); в-четвертых, межнациональных, гендерных, возрастных аспектов военного плена (этнической идентичности, сексуальности и т.п.).

Основываясь на концепции американского социолога И.Гоффмана, военный плен следует рассматривать как *тотальный институт ресоциализации человека*. Особый мир тотального института — условия, в которых люди изолированы от общества и ими управляет персонал администрации. По мнению И.Гоффмана, тотальные

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12—01—00344а.

институты отличаются двумя особенностями. Во-первых, персонал надзирает за всеми сферами повседневной жизни узников, включая места питания, сна и работы. Во-вторых, среда тотального института абсолютно стандартизирована, отличаясь однообразным питанием, формой одежды и занятиями для всех. Для человека, лишенного или ограниченного в контактах с внешней средой, такой институт превращается в особый замкнутый мир [16, 193].

Заслуживающей внимания также является концепция И.П.Щерова, который связывает плен с понятием *маргинальности*, а военнопленных называет *маргиналами* или *мигрантами военной поры*, т.е. людьми, временно утратившими свой социальный статус и выпавшими из системы прежних социальных связей [41, 11]. С точки зрения основателя теории маргинальности американского социолога Р.Парка, последняя означает положение индивидов, находящихся на границе культур и испытывающих влияние противоречащих друг другу норм и ценностей. Особенностью маргинала является состояние, при котором он объективно все еще оставаясь в рамках определенного сословия, теряет его субъективные признаки, социально и психологически деклассируется [13, 148].

Маргинальный статус иностранцев в советском плену усугублялся тем, что они, в отличие от заключенных ГУЛАГа, не были четко вписаны в социальную структуру советского общества. Они не имели советского гражданства, в подавляющем большинстве не знали русского языка, не имели представления о советской системе норм и ценностей. Законы советского государства запрещали браки иностранцев с советскими гражданами и свободный выезд за границу, что затрудняло межкультурную коммуникацию и интеграцию в советское общество.

Немаловажное значение для адекватного отображения специфики пребывания человека в плену имеет использование теоретических наработок психологической науки, в первую очередь такого ее направления как *военная психология*. В работах военных психологов содержится ценная информация о мотивации и поведении участников боевых действий [12], отношениях личности и коллектива в армии [19], формах девиантного поведения [3; 18; 42] и посттравматических расстройств у военнослужащих [32], особенностях социально-психологической реабилитации комбатантов [8; 11]. Из отечественных исследователей социально-психологические аспекты поведения военнослужащих в условиях плена наиболее глубоко раскрыты В.П.Галицким [4].

Применение психологического подхода в процессе изучения военного плена основывается на предположении, что плен имеет прежде всего индивидуальное измерение, а поэтому все групповые формы поведения человека в условиях плена выводятся из анализа поведения индивидов. По мнению военных психологов, одной из причин сдачи в плен является страх смерти. Согласно исследованиям, до 75% военнослужащих во время боя испытывают неконтролируемое чувство тревоги и страха, в силу чего легко подвержены панике и бегству [31, 24]. Именно этим обстоятельством объясняются, с одной стороны, факты дезертирства или сдачи в плен во время боевых действий, с другой — применения превентивных или ответных карательных мер со стороны государства (формирование заградительных отрядов, расстрелы трусов и паникеров, суровое обращение с лицами, перешедшими на сторону неприятеля).

Перспективным представляется исследование механизмов суггестии и контрсуггестии (внушения и психологического сопротивления ему) в условиях плена. Известно, что многие иностранцы в советском плену достаточно легко поддавались идеологической обработке. Многие из них верили в разумность и справедливость происходящего, в то, что сталинский режим действительно создает условия для «новой, небывало прекрасной жизни» [17].

Другим направлением, которое с успехом может быть применено в области изучения истории военного плена, является *психология поведения человека в экстремальных ситуациях*. В качестве примера можно привести труды Б.Беттельхайма и В.Франкла о поведении человека в условиях концентрационного лагеря [1; 38]. Так, Б.Беттельхайм выделяет три этапа в психологическом состоянии человека, попавшего в концлагерь: первый этап — исходный шок человека, внезапно лишенного свободы; второй этап — перевозка в лагерь и опыт первых дней пребывания в нем; третий этап — постепенная адаптация к жизни в лагере. Что касается структуры лагерного социума, то исследователь выделяет в ней две категории: «новичков», не привыкших к лагерной жизни и «стариков», уже адаптировавшихся к жизни за колючей проволокой [1, 102].

Характеристика В.Франклом психологического состояния заключенных концлагерей во многом схожа со взглядами Б.Беттельхайма. Однако типология психического состояния заключенных имеет некоторые отличия. Так, В.Франкл выделяет три фазы психологической реакции на лагерную жизнь: период, сопровождающий прибытие в лагерь (фаза шока); период глубокого погружения в лагерную жизнь (фаза апатии); период, следующий за освобождением (адаптация к свободной жизни) [37]. Даже поверхностный взгляд на плен позволяет заключить, что в положении узников концлагерей и военнопленных очень много общего, а, следовательно, теоретические положения о специфике лагерного бытия могут быть схожими.

Определенный интерес представляет взгляд на военный плен с позиций психоаналитического подхода. Сторонники данного направления видят источник военных конфликтов во врожденной агрессивности и деструктивности человеческого поведения [39]. По-своему объясняет многократно зафиксированные в истории факты жесткого обращения с военнопленными французский антрополог Р.Жирар. По его мнению, поведение

человеческого сообщества основано на трансформации коллективной агрессии «всех против всех» в ритуальное жертвоприношение. В роли жертвы, как правило, выступает раб, пленник, чужестранец. Растерзав его в «жертвоприношении», общество сохраняет себя от разрушительных инстинктов [7]. Таким образом, согласно этой концепции война и плен являются регуляторами внутренней агрессии того или иного общества.

В отличие от представителей психоанализа, социобиологи считают, что война и плен — это средство, с помощью которого индивидуумы пытаются получить свою долю ресурсов (пищи и брачных партнеров), что, в свою очередь, обеспечивает успех в естественном отборе. Проанализировав поведение более чем 50 видов животных, австрийский ученый К.Лоренц сделал вывод, что у сильно вооруженных видов эволюционный отбор выработал также сильную врожденную мораль — инстинктивный запрет применять оружие во внутривидовых стычках, в особенности, если побежденный демонстрирует покорность. И наоборот, слабо вооруженные виды имеют слабую врожденную мораль, поскольку сильная врожденная мораль таким видам эволюционно ни к чему. Согласно К.Лоренцу, человек от природы — слабо вооруженный вид (нападающий мог только поцарапать, опасно ударить, укусить или душить, а жертва имела достаточно возможностей убежать). С изобретением искусственного оружия человек стал самым вооруженным видом на Земле, а мораль осталась на прежнем уровне [15].

Таким образом, формирование института военного плена следует рассматривать как способ подавления социальной агрессии. Неслучайно, по мере становления человеческой цивилизации развивается сложный комплекс религиозных (культурных), а впоследствии и международно-правовых норм, все более и более ограничивающих убийство и иные способы причинения вреда обезоруженному врагу.

Определенный интерес в контексте изучения истории военного плена представляют этнопсихологические исследования [30; 35]. Очевидно, что без анализа стереотипов восприятия различных наций и народов, оказавшихся в советском плену, сложно объяснить многие стороны лагерной жизни. Равным образом, процесс межкультурного и межнационального диалога в условиях плена нельзя адекватно осмыслить без учета особенностей национальной психологии и культуры.

Объективное исследование положения военнопленных невозможно без раскрытия социокультурного феномена восприятия «чужого» в экстремальных условиях войны и плена. В период Второй мировой войны «образ врага», активно формировавшийся и эксплуатировавшийся военно-политической пропагандой противоборствующих сторон, оказывал исключительное влияние на теорию и практику военного плена. Судя по многочисленным публикациям, вышедшим в последние годы, «образ врага» как в Советском Союзе, так и в Германии претерпел значительную эволюцию на официальном (государственном) и неформальном (личном) уровне в первой половине XX века [2; 6; 14; 28; 36; 40; 43].

В последние десятилетия изучение проблемы взаимовосприятия различных культур оформилось в самостоятельную научную дисциплину — имагологию (от лат. *imago* — образ) [10]. Предметом ее научного интереса является формирование и отражение образа «чужого» (другой страны, народа и т.д.) в общественном и культурном сознании той или иной страны и эпохи [5, 3]. В германской историографии данное направление представлено «Вуппертальским проектом по изучению представлений немцев и русских друг о друге», в рамках которого выходит многотомное издание «Западно-восточные отражения» в двух сериях — «Русские и Россия глазами немцев» и «Немцы и Германия глазами русских». Результаты исследований российских ученых в этом направлении оформились в серию сборников «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия», издаваемых Институтом российской истории РАН [20; 21; 22; 23; 24].

История военного плена в этом отношении не является исключением. Во время пребывания в СССР военнопленные и интернированные имели возможность познакомиться с особенностями жизни в Советском Союзе. После возвращения иностранцев на родину их лагерный опыт стал мощным источником формирования общественного сознания в отношении советской системы. Впечатления и воспоминания о времени, проведенном в плену, о системе ценностей русского народа, его характере и образе жизни, оказали существенное влияние на восприятие советского государства в послевоенной Европе и в мире в целом. Более того, по данным социологов, общая память о войне и плене вплоть до настоящего времени остается важным фактором в отношениях между Россией и другими странами [9].

Культурологический подход дает возможность исследовать процесс адаптации военнопленных и интернированных к жизни в советском плену. При этом состояние иностранцев, столкнувшихся с советской действительностью, может быть определено как «культурный шок» (*cultural shock*) [33]. Последний проявлялся в столкновении иностранцев в советском плену с новой культурной реальностью (непривычные климат, одежда, жилища, пища, организация труда и досуга, язык), которая разительно отличалась от западноевропейской [34]. Возвращение на родину после долгого пребывания в плену сопровождалось «обратным культурным шоком», когда репатрианты были вынуждены заново осваивать забытый опыт родной культуры.

Изучение «человеческого измерения» истории плена невозможно без обращения к такой области научно-го знания, как *военно-историческая антропология*. Наиболее продуктивными в этом отношении являются исследования Е.С.Сенявской, раскрывающие теоретико-методологические, источниковедческие и конкретно-исторические аспекты изучения человека и общества в экстремальных условиях вооруженных конфликтов [25; 26; 27]. Характеризуя психологическое состояние человека на войне, автор использует термин

«пограничная ситуация», заимствованный у философов-экзистенциалистов [29, 8]. Вполне закономерно предположить, что военный плен, как продолжение войны, также является своего рода «пограничной ситуацией», оказывающей исключительное влияние на духовное бытие человека. Как и в любой экстремальной ситуации, на войне и в плену проявлялись не только лучшие (героизм, бесстрашие, взаимопомощь), но и худшие человеческие качества (предательство, малодушие, жестокость).

Таким образом, выбранная в качестве базовой методологической установки парадигма социокультурного подхода, на наш взгляд, значительно расширяет исследовательские возможности в изучении института военного плена, позволяет выработать объективное, научное представление об истории пребывания военнопленных Второй мировой войны в СССР с учетом достижений современного социогуманитарного знания.

Литература

1. Беттельхайм Б. Индивидуальное и массовое поведение в крайних ситуациях // Дружба народов. 1992. № 11—12. С. 101—116.
2. Вашик К. Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате // Родина. 2002. № 10. С. 14—17.
3. Волков Е.П. Уклонения от исполнения служебных обязанностей как форма девиантного поведения офицеров: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1998.
4. Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48—63.
5. Голубев А.В. Инокультурные представления в истории // Российская история. 2010. № 5. С. 3—6.
6. Горяева Т. Убить немца. Образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10. С. 41—44.
7. Дейниченко П. Зачарованный злом [Рец. на кн.: Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. 400 с.] // Книжное обозрение. 2000. № 48. С. 6.
8. Захаров А.В. Социальная реабилитация участников локальных военных конфликтов: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2000.
9. Здравомыслов А.Г. Немцы о русских накануне нового тысячелетия. М., 2003.
10. Казакова О.Ю. Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия // Российская история. 2010. № 5. С. 6—18.
11. Караяни А.Г. Социально-психологическая реадaptация участников боевых действий // Военно-историческая антропология. Новые научные направления. М., 2005. С. 431—440.
12. Караяни А.Г. Психология войны: постановка проблемы с позиций военно-психологической науки // Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 38—49.
13. Краткий словарь по социологии / сост. Э.М.Коржева, Н.Ф.Наумова. М., 1988.
14. Кринко Е.Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941—1945 годах // Российская история. 2010. № 5. С. 74—89.
15. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PSI-NO/LORENC/agressiya.txt> (дата обращения: 23.05.2012).
16. Масионис Дж. Социология. СПб., 2004.
17. Оболонский А.В. Советский режим: механика властвования // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 135—151.
18. Отмахов И.М. Военнослужащие в дисциплинарных воинских частях (особенности социального облика): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1998.
19. Подоляк Я.В. Личность и коллектив: психология военного управления. М., 1989.
20. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 1 / отв. ред. А.В.Голубев. М., 2000.
21. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 2 / отв. ред. А.В.Голубев. М., 2002.
22. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 3 / отв. ред. А.В.Голубев. М., 2006.
23. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 4 / отв. ред. А.В.Голубев. М., 2008.
24. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 5. М., 2009.
25. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5—22.
26. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
27. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
28. Сенявская Е.С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 92—103.
29. Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7—16.
30. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 5-е изд. М., 2007.
31. Серебрянников В.В. Человек и война в зеркале социологии // Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 23—37.
32. Смирнова Л.В. Посттравматические стрессовые расстройства у военнослужащих (клиника, коморбидные состояния, факторы риска, терапия): дис. ... канд. мед. наук. Курск, 2003.
33. Стефаненко Т.Г. Культурный шок [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Социальная%20психология/Культурный%20шок/> (дата обращения: 05.04.2012).
34. Суржикова Н.В. «Мы были в шоке»: советский плен и интернирование как стресс аккультурации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 132—143.

35. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Психология народов и наций. Донецк, 1997.
36. Токарев В.А. Советский культурный ландшафт в тени пакта Молотова-Риббентропа (1939—1941 гг.) // Российская история. 2010. № 5. С. 61—74.
37. Франкл В. Человек в концентрационном лагере // Франкл В. Человек в поисках смысла [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt> (дата обращения: 01.04.2012).
38. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
39. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности // Человек. 1993. № 1. С. 102—123.
40. Хлынина Т.П. Запад в восприятии советского человека 1920-х годов // Российская история. 2010. № 5. С. 38—48.
41. Щеров И.П. Военнопленные Второй мировой войны. Смоленск, 2005.
42. Яворский А.А. Суицид и агрессия в армии: социальные и клинико-психологические особенности агрессивного и суицидального поведения у военнослужащих. Екатеринбург, 2007.
43. Ян П. «Русского — пулей, француза — в пузо!» Россия в восприятии немцев в Первую мировую войну // Родина. 2002. № 10. С. 38—40.

И.Н.Макарова
г. Самара
Самарский государственный университет

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ И ВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ В 1955—1965 ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Изучение социальной истории советского времени невозможно без изучения деятельности общественных организаций. В настоящей статье рассматривается вопрос о том, какое участие в развитии науки и образования в 1950—60-е гг. на областном и городском уровне принимали профсоюзы работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, а также другие организации (коллегии и советы, постоянные комиссии по делам молодежи, по делам несовершеннолетних, создаваемые при местных Советах народных депутатов, и др.).

Так, при горисполкоме города Сызрани активно работала Комиссия по делам несовершеннолетних. Она рассматривала дела родителей, уклоняющихся от воспитания детей. Только за один 1960 год четыре человека были лишены материнских прав. Широко практиковалось закрепление за трудновоспитуемыми шефов из офицеров-отставников и учителей-пенсионеров. Президиум горкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений выносили постановления просить облОНО и Обком союза о награждении Почетной грамотой облисполкома лиц, активно оказывающих практическую помощь в подготовке школ к новому учебному году, в том числе руководителей шефствующих заводов, организаций и предприятий [2, Л. 5].

В ПТУ, так же как и в общеобразовательных школах, имелись коллегиальные органы управления, общественные организации: педагогический и родительский советы, методические комиссии по общеобразовательным и специальным предметам, комсомольская и профсоюзная организации. Общее руководство деятельностью этих организаций и администрации осуществляла партийная организация училища.

В рассматриваемый период происходили важные изменения и в высших учебных заведениях. Значительно возрос научный потенциал институтов, повысилось их использование в разработке тем теоретического, отраслевого и регионального уровня. Институтские кафедры и их преподаватели приобретали все больший авторитет в местных органах управления. Научные работники институтов стали регулярно привлекаться к подготовке важных хозяйственных решений, проведению областных, городских и районных научно-технических и экономических конференций, теоретических семинаров.

1963 год считается годом рождения вузовского студстроя. Впрочем студенты Куйбышевской, Ульяновской и других областей и раньше помогали стране своим трудом в период летних каникул. Они активно участвовали в завершении строительства Волжской гидроэлектростанции, возводили завод синтетического каучука в Тольятти, нефтехимические предприятия в Новокуйбышевске. Только в 1960 г. более 20 студенческих бригад занимались электрофикацией и радиофикацией сел Куйбышевской области. Однако с 1963 г. студстрой начал приобретать плановый характер. Заранее заключались договора, и сотни студентов каждое лето отправлялись на стройки.

Роль общественных организаций в рассматриваемый период в сфере образования была настолько велика, что даже в высшие учебные заведения принимали на основе характеристик, выдаваемых партийными, профсоюзными, комсомольскими и другими общественными организациями, руководителями промышленных предприятий и правлениями колхозов с тем, чтобы путем конкурсного отбора зачислять в вузы наиболее достойных, проявивших себя на производстве, подготовленных и способных людей. При зачислении в высшие учебные заведения преимущества предоставлялись лицам, имеющим стаж практической работы.

Профкомы институтов Куйбышевской области ежегодно организовывали экскурсии, в том числе в Дом-музей В.И.Ленина, краеведческий музей, музей М.В.Фрунзе и другие музеи областного центра, автобусные выезды за город, прогулки по Волге, встречи с известными людьми, смотр-конкурсы на звание лучшей учебной группы института и т.д. В целом 1950—60-е годы были насыщены событиями в общественной жизни студентов. Комсомольская и профсоюзная организации прилагали много сил к созданию условий для жизни и учебы студентов, повышению их общественной активности, воспитанию смены представителям старшего поколения инженеров, ученых, педагогов. Партийная и студенческая общественные организации институтов стремились больше времени уделять быту и досугу будущих специалистов.

Высоко оценивалась партийным руководством деятельность ВЛКСМ. Главная задача его состояла в «воспитании юношей и девушек на героических традициях революционной борьбы, на примерах самоотверженного труда рабочих, колхозников, интеллигенции, на великих идеях марксизма-ленинизма, подготовке стойких, высокообразованных, любящих труд молодых строителей коммунизма» [1, 65].

Идеологическая работа с учителями и другими работниками учебных заведений организовалась в системе политического просвещения (университеты марксизма-ленинизма, семинары, лекции, теоретические конференции и др.). Деятельность коммунистов в школах регламентировалась планом работы партийной организации, которая служила основой планирования всей школьной работы. Целям воспитания коммунистов, формирования и укрепления школьных коллективов отвечали партийные собрания и заседания партийного бюро, на которых обсуждались наиболее актуальные вопросы, такие, например, «осуществление политического обучения, трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся», «совместная работа школы с общественностью по коммунистическому воспитанию учащихся» и др. Как правило, коммунисты руководили главными участками работы школы, с высокой ответственностью относились к выполнению партийных поручений и были обязаны своим личным примером оказывать положительное влияние на всех членов школьного коллектива. В справках исполкомов местных советов отмечалось, что советские, партийные и общественные организации оказывали большую помощь отделам народного образования и школам «по выполнению закона о школе, по претворению в жизнь XXII съезда КПСС» [2, Л. 36].

В соответствии с Уставом средней общеобразовательной школы в учебных заведениях, где работало более трех учителей для рассмотрения основных вопросов учебной, воспитательной и методической работы образовывался педагогический совет. В его состав входили директор школы (постоянный председатель), заместители директора, включая организатора внеклассной и внешкольной работы с учащимися, военный руководитель, заведующий школьным интернатом, все учителя, воспитатели, школьный врач, старший пионервожатый, библиотекарь.

На педагогических советах, как правило, присутствовал председатель школьного родительского комитета. В случае необходимости директор школы мог приглашать на заседания педагогического совета (с правом совещательного голоса) представителей общественных организаций, школьной комсомольской организации, пионерской дружины, ученического комитета, шефствующих над школой предприятий, колхозов, совхозов, родителей учеников и других лиц. Педагогический совет избирал из своего состава секретаря на учебный год. Педагогический совет объединял усилия коллектива школы, направляя их на повышение уровня учебно-воспитательной работы, внедрение в практику достижений педагогической науки и передового опыта обучения и воспитания. В его компетенцию входило обсуждение планов работы, информации и отчетов о деятельности школы и отдельных ее подразделений, учителей, классных руководителей и других работников школы, представителей шефствующих над школой организаций, педагогических мастерских и организационных вопросов, принятие решений о создании кружков и других объединений учащихся, о допуске школьников к экзаменам и переводе их в следующие классы, о выдаче свидетельств о восьмилетнем образовании и аттестатов о среднем образовании, о годовых оценках учащихся по поведению, о поощрениях и взысканиях, а также об исключении учеников из школы в порядке, предусмотренном Уставом средней общеобразовательной школы.

Заседания педагогического совета проводились, как правило, один раз в течение четверти учебного года. В случае необходимости директор имел право созывать внеочередные заседания совета. К каждому заседанию совета проводилась заблаговременная подготовка. Члены совета могли вносить на его рассмотрение вопросы, связанные с улучшением работы школы. Постановления педагогического совета вступали в силу лишь после утверждения их директором школы, в обязанность которого входила реализация принятых советом решений и рекомендаций и информация о результатах этой реализации на очередном заседании совета. Следует отметить, что решение педагогического совета об исключении учащегося из школы подлежало утверждению районным (городским) отделом народного образования, который совместно с родителями принимал меры к продолжению образования учащегося или его трудоустройству.

В школе работали методические объединения, которые могли быть классными (для учителей начальных классов и классных руководителей) и предметными. Организовывались они по решению педагогического совета при наличии не менее трех учителей начальных классов или по тому или иному предмету. Кроме того, создавались школьные политехнические межпредметными методические объединения учителей общеобразовательных предметов и преподавателей общетехнических и специальных дисциплин профессионального

цикла. Методические объединения обеспечивали повышение идейно-теоретического уровня, специальной подготовки, педагогического и методического мастерства учителей, способствовали улучшению постановки всей учебно-воспитательной работы школы. В содержание работы методических объединений входило вооружение учителей, классных руководителей и воспитателей новейшими достижениями педагогической науки, прогрессивными методами обучения и воспитания, передовым педагогическим опытом, поддержка и помощь их в творческих поисках. Коллективные формы методической работы в школе (заседания педагогического совета и методических объединений, семинары, совещания, школы педагогического мастерства и др.) сочетались с систематической самостоятельной работой каждого учителя по повышению своей квалификации.

Администрация школы всю свою деятельность проводила под руководством школьной партийной организации, работала в тесном взаимодействии с профсоюзной и комсомольской организациями, с родительским комитетом, органами самоуправления учащихся. Ведущая роль в обеспечении общего руководства школой принадлежала первичной партийной организации, которая создавалась при наличии не менее трех членов партии. Объединяя передовых учителей и других работников школы, партийная организация являлась ядром школьного коллектива, сплачивала и организовывала на успешное выполнение поставленных перед школой задач. Партийная организация привлекала к глубокому изучению коммунистами и беспартийными марксистско-ленинской теории в тесной связи с практикой коммунистического строительства, постановлений и решений КПСС и Советского правительства по идеологической и политико-воспитательной работе [1, 67].

В педагогическом коллективе администрация школы под руководством партийной организации, в контакте с профсоюзной и другими общественными организациями ставила перед собой цель формировать такие качества как единство и целеустремленность педагогических воздействий, общая ответственность за порученное дело, взаимопомощь, критика и самокритика, атмосфера доброжелательности и благоприятный морально-психологический климат. В совершенствовании управления и руководства учебно-воспитательным процессом важную роль играла научная организация педагогического труда. Научная организация труда в школе должна была способствовать совершенствованию деятельности администрации, педагогического коллектива и учащихся, созданию оптимальных условий, обеспечивающих достижение лучших результатов при минимальной затрате времени, сил и средств. В.И. Ленин считал научную организацию труда самым главным, коренным и злободневным вопросом всей общественной жизни.

В 1960-е годы усиливалось значение профсоюзов в руководстве хозяйством, в организации соревнования за коммунистический труд, в обучении масс управлению социалистическим производством и общественными делами, в повышении коммунистической сознательности трудящихся. Перед профсоюзами со стороны партии ставилась задача — «постоянная забота о человеке, его труде, образовании, быте, здоровье, отдыхе» [1, 64].

Однако сохранились сведения и о неудачах в работе профсоюзов и общественных организаций. Например, в приказе областного отдела народного образования от 05 января 1959 года «О работе органов народного образования по выполнению постановления III пленума обкома профсоюза начальной и средней школы по улучшению труда и быта работников образования области» отмечалось, что многие школьные здания не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам и требовали капитального ремонта. Во многих школах Похвистневского, Больше-Глушицкого, Больше-Черниговского, Кутузовского и других районов неоднократно создавалось серьезное положение со снабжением школ и учителей топливом, что грозило срывом занятий [3, Л. 5]. Также бесспорным является тот факт, что достойное материальное положение работников образования являлось непременным условием их плодотворной и успешной работы. Профсоюзы понимали важность этих проблем, неоднократно поднимали их на собраниях, но до конца решить не смогли.

Можно сделать вывод, что педагогические советы и методические объединения ставили перед собой цель формировать такие качества как единство и целеустремленность педагогических воздействий, общая ответственность за порученное дело, взаимопомощь, критика и самокритика, атмосфера доброжелательности и благоприятный морально-психологический климат. В управлении народным образованием, высшей школой и наукой повышалось значение профсоюзов.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1955—1959 гг.). Т. 7. М., 1985.
2. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. 187. Оп. 5. Д. 49.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 400. Оп. 3. Д. 237.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ О ЕВРОПЕЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АЛЕКСАНДРА I

Интерес к личности Александра I и его внешней политике возник еще во время его правления, о чем свидетельствуют мемуарные и эпистолярные источники, в которых отразились взгляды современников на личность и деятельность императора Александра Павловича. Оценки современников личности и внешнеполитической деятельности Александра I отличались разнообразием мнений и взглядов. А между тем, вопросы, поставленные еще дореволюционными историками, вызывают интерес и сегодня.

Значительный вклад в изучение эпохи Александра I внес великий князь Николай Михайлович (1859—1919). Советские историки [1], а вслед за ними и некоторые современные исследователи относят Николая Михайловича к представителям консервативной историографии. Однако анализ работ и взглядов данного историка позволили некоторым современным историкам отнести Николая Михайловича к представителям либеральной историографии или, по крайней мере, охарактеризовать его как тяготеющего и симпатизировавшего либеральному направлению и «буржуазному объективизму» [2].

Несмотря на свою титулованность и близость к императорской семье, Николай Михайлович в своих исследованиях предпринял попытку дать объективную оценку императора Александра I, его государственной и политической деятельности, откровенно указывая на заблуждения и ошибки. Прежде же всего Николая Михайловича влекла эпоха Александра I, самого интересного, на его взгляд, времени, когда происходил рост самосознания русского общества.

Наиболее фундаментальным трудом Николая Михайловича является исследование «Император Александр I. Опыт исторического исследования» [3]. Появлению этой монографии предшествовала работа автора не только в русских, но и во многих зарубежных — французских, прусских, австрийских — архивах. Как отмечает Д.И.Исмаил-Заде: «Привилегированное положение великого князя открывало ему доступ к секретным архивным документам не только России, но и Франции, Германии. Но он и сам прекрасно знал — что и где искать» [4, 10].

Однако, несмотря на свое привилегированное положение, Николай Михайлович констатировал в предисловии к своему исследованию по Александру I нехватку источниковой базы по ряду причин: в силу систематического истребления источников Николаем I, невозможности воспользоваться всеми иностранными архивами, закрытости доступа к некоторым частным архивам, как русским, так и иностранным [3, 19]. Сам факт таких замечаний автора свидетельствует о фундаментальности и серьезности его подхода.

Николай Михайлович в «Предисловии» к своему главному труду так определил его цель: «Мы стремимся дать опыт исторического исследования характера и деятельности Александра Павловича, не только как государя и повелителя земли русской, но и как человека. Мы не стремились дать историю царствования императора Александра I... Наша задача гораздо скромнее: мы давали и даем материалы, которыми будущие русские историки могут воспользоваться» [3, 19—20].

Автор так характеризовал российского императора: «В эти первые годы сказала уже основная черта характера Александра I, а именно: блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителем этой идеи, но всю тяжесть работы переносить на других, внимательно прислушиваясь к общественному мнению, но ни на минуту не подавая даже вида, что в глубине души его симпатии уже ослабевают к предпринятому делу» [3, 35].

Новизна, внесенная великим князем в исследование, начиналась с его периодизации царствования императора Александра I. Николай Михайлович выделил пять периодов, каждому из которых дал характеристику:

1) 1801—1807 гг. — «эпоха колебаний». Самый, по словам Николая Михайловича, неопределенный период из всего царствования, начавшийся «с проблесков какого-то возрождения», а закончившийся «погромом русского оружия»: «Показались новые силы в лице юных и неопытных новаторов, были привлечены некоторые почтенные деятели века Екатерины... В мире военном не сумели оценить Кутузова и Багратиона, а привлекали или бездарностей, или неопытных новаторов» [3, 58].

2) 1807—1812 гг. — время «союза с Наполеоном», который носил унижительный для Александра I характер. Ключевой для характеристики этого периода Николай Михайлович считал фразу Александра I: «Мне пришлось проводить свои дни с Бонапартом» [3, 63]. Позитивное же содержание данного периода Николай Михайлович видел в присоединении Финляндии к России. Он полагал, что этим Александр I завершил дело, достойное Петра I [3, 71—72]. К числу конструктивных моментов Николай Михайлович отнес начало в 1810—1812 гг. реальной подготовки к войне с Наполеоном, предпринятую, благодаря усилиям Аракчеева и Барклая де Толли [3, 84].

3) 1812—1815 гг. — период «великой борьбы с Наполеон». В рамках данного этапа Николай Михайлович отдельно рассматривал войну 1812 г., во время которой Александр I осознал «народную мощь, всегда существовавшую на Руси; и сплотился с ней» [3, 110]. Однако если 1812 год и его воздействие на Александра I

великий князь оценивал положительно, то влияние заграничных походов по своим последствиям на историю России и личность Александра I историк причислял к негативным фактам [3, 110, 258].

4) 1816—1822 гг. — «эпоха конгрессов, мистицизм, военные поселения» [3, 146]. Все эти явления несли в себе больше минусов, чем плюсов для России и ее императора.

5) 1822—1825 гг. — «эпоха общего разочарования» нашла свое наиболее яркое и одновременно болезненное для общества выражение в выступлении декабристов [3, 260—261].

В отличие от С.М.Соловьева, пришедшего к уверенному выводу, что у императора Александра I на всем протяжении его царствования существовала своя неизменная основа внешнеполитических взглядов и своя особая система, которой он последовательно придерживался [5, 632—636], Николай Михайлович приходит к несколько иному выводу. «Что же можно сказать о внешней политике за тот же период? — пишет Николай Михайлович о первых годах царствования Александра I. — Имел ли Александр ясное и определенное воззрение, как ему следовало вести дела сношений с иностранными государствами? Едва ли и на этой почве, до Тильзита, у монарха был какой-либо определенный план, а все делалось ощупью, под минутными впечатлениями и без всякой системы» [3, 37]. О существовании какого-то плана действий у Александра в области внешней политики Николай Михайлович считает возможным говорить только после 1805 года: «Если Александр Павлович так настойчиво заявлял всем и каждому, что он ни за что первый не откроет враждебных действий против Наполеона, то эта настойчивость объясняется вполне созревшим у него планом борьбы. Основная идея уже была намечена и нашла поддержку в среде многих из наших генералов, а в особенно в осторожном Барклае. ...уместно вспомнить и подчеркнуть, что обдуманые ходы Русского Государя стали его отличительной чертой вскоре после Тильзита, когда произошел первый заметный перелом в его характере, заметный для нас, но скрытый от большинства его современников и скрытый нарочно, обдуманно, с замечательной последовательностью и настойчивостью. ...еще осенью 1808 г. Александр совершенно ясно отдавал себе отчет в предпринятых им действиях. Нужно было еще раз укрепить, хоть наружно, союзные отношения с Наполеоном, усыпить его, а самому только готовиться и наблюдать, когда настанет та желанная минута, что союзник его окажется зрелым для крушения своего могущества и славы» [3, 86—87].

Историк выделил для Александра I в русской истории не самое высокое значение, в отличие, к примеру, от того же С.М.Соловьева, называвшего императора «Агамемноном среди царей, пастырем народов» [5, 637]. «Для России «Александр не был великим, хоть его царствование дало многое, — писал Николай Михайлович, — но ему не хватало знания ни русского человека, ни русского народа. <...> Его облик стал как бы необходимым дополнением образа Наполеона, до того эти два человека-антипода умели, каждый на свой лад, обворожить и подчинить своей воле окружавших их людей. <...> Что же касается Александра, то гениальность Наполеона отразилась, как на воде, на нем и придала ему то значение, которого он не имел бы, не будь этого отражения; может быть, это парадокс, но мы его допускаем» [3, 260].

Великий князь, назвав личность Александра I сложной, счел возможным дать ей положительную оценку только для «години Отечественной войны», в другие же периоды царствования императора интересы России, к сожалению, отходили на второй план в сознании императора [3, 258—259]. Историк писал, что 1812 г. стал «звездным часом» Александра I, сблизил царя с народом и стал лучшим временем в его царствовании, так как русскому императору удалось оправдать надежды своих подданных [3, 257—258].

Историк ошибками, имевшими серьезные негативные последствия, считал заграничные походы, заглушившие чувство патриотизма, заключение Священного союза. По мнению Николая Михайловича, заграничные походы русской армии после Отечественной войны 1812 г. были следствиями «увлечения успехами политики и внешней славой» и отнюдь не являлись следствиями русских интересов: «Интересы России не требовали такого вмешательства, оказавшегося не соответствующим благу родины и приведшего только к выгоде чужеземцев, а вовсе не русских. Нескончаемая война продолжалась еще целых три года, потребовала громадных издержек и множества человеческих сил, которые можно было сохранить в целостности, и они пригодились бы впоследствии. <...> Александр скоро пресытился благами величия и славы, впал в настроенное, заглушившее в нем чувства патриотизма, и отдался всецело зловредному мистицизму в области недостижимого на земле блаженства, которое высказалось в применении на практике идеи Священного союза, столь невыгодного и вредного для интересов России. А Священный союз породил никому ненужные конгрессы» [3, 258].

В другом месте книги историк пишет, что идея Александра I окончательно сокрушить Наполеона после его поражения в 1812 году была невыгодна России в долгосрочной перспективе: «нам кажется, что они (Кутузов, Ростовчин и Шишков — Т.М.) были правы, и с точки зрения интересов России казалось выгоднее не вмешиваться в дела Европы. Будущее показало весьма скоро, что такое мнение имело свои основания, и что России последующие войны принесли мало пользы, а скорее даже вред» [3, 110].

Таким образом, на примере исследования Великого князя Николая Михайловича, мы видим, что обойдя стороной такой острый вопрос, как противостояние «либерального начала» и «реакционного конца» царствования Александра I благодаря своей периодизации, он, подошел к личности Александра I и его деятельности с критических позиций.

Литература

1. См., к примеру: Цамугали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985; он же. Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996; Марков Л.В. Россия и Священный Союз // Новая и новейшая история. 1989. № 1.
2. См., к примеру: Безотосный В.М. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Изд-во Саратовского ун-та, 1991 // Отечественная история. 1993. № 2; Исмаил-Заде Д.И. Великий князь Николай Михайлович — судьба и книги // Николай Михайлович (Великий князь). Император Александр I. М., 1999; Непеин И.Г. Великий князь Николай Михайлович — историк // Вопросы истории. 1994. № 10.
3. Николай Михайлович (Великий князь). Император Александр I. М., 1999.
4. Исмаил-Заде Д.И. Великий князь Николай Михайлович — судьба и книги // Николай Михайлович (Великий князь). Император Александр I. М., 1999.
5. Соловьев С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 2003.

Ю.А.Мартынова

г.Казань

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и искусств*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНИ)

С установлением Советской власти начался новый период в истории профессионального музыкального образования в России. Одним из основных направлений в строительстве новой системы образования была его ориентация на массовость и общедоступность. Декретом от 9 ноября 1917 г. была организована Государственная комиссия по просвещению, которая занялась разработкой основ строительства новой системы народного образования. В этом же году народный комиссар по просвещению А.В.Луначарский изложил основные принципы и задачи советского правительства в области народного образования: всеобщее обязательное начальное обучение, общедоступность школы всех ступеней, демократизация народного образования, учет местных и национальных особенностей [3].

Летом 1918 г. в Москве при Наркомпросе (НКП) была созвана конференция по реформе музыкального образования. На конференции решался вопрос отделения высшего музыкального образования от среднего и уравнения обоих типов музыкально-учебных заведений в правах, положении с соответственными типами общеобразовательных учреждений НКП. В частности, консерваториям предполагалось дать полную автономию. Управление музыкальными учреждениями предполагалось сосредоточить в НКП [2, 20].

В 1918 г. В.И.Ленин в беседе с К.Цеткин подчеркнул первостепенные задачи искусства в советском обществе: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу трудящихся масс. Оно должно быть понято этими массами и любимо ими. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их» [8, 15]. В этом же году за подписью В.И.Ленина вышли первые декреты о музыкальном образовании. Так, 12 июня Совнарком постановил, что «Московская и Петроградская консерватории переходят в ведение Народного Комиссариата по просвещению на равных со всеми высшими учебными заведениями правах с уничтожением их от зависимости от Русского музыкального общества» [2, 13]. Все имущество и инвентарь консерваторий, необходимые для целей государственного музыкального строительства, были объявлены «народной государственной собственностью». 19 декабря 1918 г. В.И.Лениным был подписан второй декрет — о национализации всех частных музыкальных предприятий, в том числе театров и нотных издательств [5]. В это время декларировалось активное строительство новой — пролетарской массовой культуры и искусства. Но мы отметим, что в своих выступлениях В.И.Ленин подверг острой критике ошибочные взгляды и практику Пролеткульта, который отрицал культурное наследие прошлого и предлагал создать особые, «пролетарские», культуру и искусство [Там же].

Советское правительство поставило вопрос о необходимости поднятия культурного уровня народных масс с помощью искусства. Выступая со страниц журналов, народный комиссар просвещения А.В.Луначарский призывал «знакомить пролетариат и крестьянство с искусством прошлого», считая задачу «просвещения масс бесспорно одной из центральных задач Рабочее-Крестьянской власти» [4, 2].

Огромная работа по строительству новой музыкальной культуры и образования проводилась и в губернских центрах. До 1919 г. в Казанской губернии не существовало руководящего органа, непосредственно занимавшегося специальным музыкальным образованием.

После Февральской революции в Казани для руководства музыкальной жизнью были созданы отделы культурно-просветительской работы Совета рабочих и солдатских депутатов, союзы сценических деятелей, оркестрантов и т.д. Летом 1917 г. при КПО СРСД была создана комиссия «разумных развлечений», которая занималась организацией концертной жизни в Казани [1, 11].

После Октябрьской революции КПО СРСД работало в 3-х направлениях: 1) музыкальное просвещение — создание Народных домов, клубов и т.д.; 2) учет артистических сил Казанской губернии; 3) концертная работа.

Вопросами национального культурного строительства занимались следующие отделы: научная коллегия Центрального мусульманского комиссариата Народного комиссариата по делам национальностей, отдел народного образования мусульманского комиссариата Казанского Совета и мусульманский социалистический комитет. Большую роль в ознакомлении татарского населения с музыкальным искусством сыграла музыкальная секция, созданная в составе КПО [1, 13].

29 января 1919 г. для организации и управления делами народного образования Казанской губернии при Казанском губернском исполкоме Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов согласно «Положению об организации дела народного образования в РСФСР» был создан Губернский отдел по народному образованию (Губотнаробр). Вопросами музыкального образования стал заниматься подотдел искусств Губотнаробра. В его задачи входило «приобщение широких народных масс к искусству» [7].

Подотдел искусств состоял из двух секций: 1) изобразительных искусств; 2) секции театра, музыки и художественной литературы. В компетенцию подотдела искусств входила научная, педагогическая и музыкально-просветительская работа в губернии. Научной работой занималась коллегия под руководством проф. А.Ф.Самойлова, В.А.Богородицкого и Б.В.Адлера. Педагогическая коллегия решала вопросы общего и специального музыкального образования. Коллегия общего музыкального образования занималась вопросами подготовки учителей для единой трудовой школы (ЕТШ), музыкальных руководителей для учреждений дошкольного образования (детсады, интернаты и т.д.), а также инструкторов, организаторов музыкальных, хоровых кружков, ансамблей и струнных оркестров. Сотрудники коллегии специального музыкального образования работали над организацией музыкальных школ, студий, техникумов в Казанской губернии.

Культурно-просветительской работой занималась клубная секция внешкольного подотдела Губотнаробра. Летом 1919 г. при поддержке этой секции в Казани проходил 1-й Губернский съезд работников по внешкольному образованию, где проблемам музыкального образования было уделено одно из главных мест в вопросах работы внешкольных учреждений. По инициативе клубной секции внешкольного подотдела были организованы инструкторские курсы по внешкольному образованию сначала в Казани, затем в Чистополе и Арске. В их программе большое внимание было уделено работе музыкальных кружков.

В ноябре 1919 г. подотдел искусств был ликвидирован и на его месте, согласно постановлению Губернского отдела народного образования возникла Музыкальная секция Губотнаробра. Деятельность секции проводилась в трех направлениях: 1) учебно-педагогической; 2) культурно-просветительской; 3) в снабжении города и уездов музыкальными инструментами [6].

В 1920 г. для управления художественным образованием был создан Художественный отдел НКП ТАССР состоящий из следующих отделов: театрального (ТЕО), музыкального (МУЗО), литературного (ЛИТО) и отдела фотокино, сыгравший основную роль в строительстве музыкальной культуры в ТАССР.

В начале 20-х гг. XX в. подготовка музыкальных кадров в республике распределилась между секциями музыкального образования НКП ТАССР и Городского отдела народного образования (Горотнароба). Специальные музыкальные школы (ЦВМШ и двухступенная) входили в ведение НКП; деятельностью народных музыкальных школ, а также руководством детских домов, интернатов, трудовых школ занимался городской отдел народного образования.

Большую роль в организации музыкального образования в ТАССР сыграл МУЗО НКП РСФСР, образованный 1 июля 1918 г. в Москве. Он состоял из следующих художественных подотделов: 1) специального музыкального образования, 2) общего музыкального образования, 3) концертного, 4) академического, 5) издательского, 6) детского. Художественные подотделы делились на секции. Например, подотдел общего музыкального образования имел следующие секции: дошкольную, школьную и внешкольную. Подотдел специального музыкального образования состоял из секций начального, среднего и высшего специального музыкального образования и т.д.

МУЗО НКП РСФСР предстояло решить две главные задачи в области музыкального образования: это, во-первых, приобщение в том или ином виде к музыкальному искусству широких народных масс и, во-вторых, уже давно назревшая реформа в постановке музыкального образования в специальных музыкальных школах, воспитывающих будущих музыкантов профессионалов; эта задача, в свою очередь, с одной стороны требовала национализации музыкального образования, с другой — реформы самого преподавания, его методов и программ. Для разработки всего плана реформы МУЗО были организованы в Петрограде и Москве две комиссии по реформе музыкального образования в стране. В той и другой комиссии были объединены значительнейшие силы обеих столиц из музыкально-педагогического и артистического мира. В состав Петроградской комиссии вошли: Баринова, Николаев, Глазунов, Ляпунов, Миклашевская-Михельсон, Беляев, Митусов, Асафьев, Каратыгин, Преображенский, Коутс, Гадшин и Фительберг. Московская комиссия работала в составе: Фортера, Эйгеса, Селиванова, Метнера, Кусевитского, Крейна, фон Глена, Гедике, Гольденвейзера, Брюсовой, Гельмана, Кастаньского, Миклашевского [9, 41].

Сотрудники отдела стали заниматься открытием музыкально-образовательных учреждений таких как: музыкальные школы, техникумы и организационно-просветительской работой. МУЗО провел работу по учету

музыкальных деятелей, наличного запаса нот, музыкальных инструментов и т.д. Далее были собраны все данные о положении существовавших музыкальных школ, о постановке в них учебного процесса и проч. Эта работа показала необходимость полной реорганизации музыкального образования. Так возникла идея о необходимости создания специальной комиссии по реформе музыкального образования. Эта комиссия была создана в Москве, в числе её сотрудников были такие известные музыканты как: К.Игумнов, А.Гречанинов, П.Ламм, Н.Брюсова и др. К началу 20-х гг. МУЗО НКП РСФСР были сформированы программы музыкальных школ трех ступеней.

МУЗО НКП занимался вопросами музыкального строительства не только в Москве и Петрограде, но и в губернских центрах. Для более прогрессивного руководства музыкальной жизнью во всей стране МУЗО НКП разделил территорию РСФСР на музыкальные округа, всего их было шесть: Московский, Петербургский, Витебский, Нижегородский, Саратовский и Тамбовский. Казанская губерния входила в состав Нижегородского округа, во главе которого встал известный музыкант А.А.Литвинов.

Сотрудниками МУЗО была организована сеть бесплатных Народных музыкальных школ, преимущественно в рабочих районах, где занятия велись в вечерние часы. Задачей этих школ являлось дать слушателям общее музыкальное воспитание, а затем и образование.

Литература

1. Вайда-Сайдашева Г.К. Звуки времени: о становлении музыкальной культуры в Татарстане. Казань, 1991.
2. Искусство. М., 1918. № 4—5.
3. Константинов Н.А. История педагогики. М., 1982. URL <http://www.detskiysad.ru/ped/ped133.html>
4. Луначарский А.В. Художественная задача Советской власти // Художественная жизнь. 1919. № 1. С. 2—3.
5. Музыка 1917—1920 // Народный хор «Терле». URL http://www.terle.ru/article/toccata/imu/muzyka_19171920.htm
6. Положение о создании Музыкальной секции Казанского Губотнаробра // НА РТ. Ф. 271. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 249—251.
7. Положение о создании подотдела искусств Казанского Губотнаробра // НА РТ. Ф. 271. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 100—104.
8. Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1976.
9. Эйгес К. О муз.образовании в России // Художественная жизнь. 1919. № 1. С. 41—42.

В.Я.Мауль

г.Нижневартовск

*Нижневартовский филиал Тюменского Государственного
Нефтегазового Университета*

О КОНЦЕПЦИИ «КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН В РОССИИ»

Известно, что гносеологической доминантой советской историографии являлось признание классовой борьбы движущей силой общественного развития. Неудивительно, что именно этот аспект прошлого в наибольшей степени привлекал ученое внимание историков на всем протяжении эпохи строительства социализма. В частности, исследуя массовые народные восстания в России XVII—XVIII вв., они пришли к закономерному для себя выводу, что наиболее крупные из них по своей типовой маркировке были крестьянскими войнами. Поскольку данная классификация до сих пор преобладает в нашей учебной, а нередко и научной литературе, требуется рассмотреть ее обоснованность в соответствии с современными познавательными возможностями историописания.

Надо понимать, что становление концепции «крестьянских войн в России» было органически связано с освоением «марксистско-ленинского» теоретического наследия в рамках так называемой формационной теории. Подобный взгляд, разумеется, не был присущ никому из предшествующих историков, следовательно, в этом отношении советская историческая наука противопоставила себя «как дореволюционной русской дворянско-буржуазной, так и современной буржуазной историографии, для которой ... общей чертой является резко отрицательный взгляд на крестьянские войны как на «бунт бессмысленный и беспощадный»» [6, 3].

Новое слово в теоретическом осмыслении проблемы требовалось методологически и эмпирически обосновать, но получилось это сделать не вдруг и не без проблем. Только в 1960—70-е годы на свет в большом количестве стали появляться соответствующие фундаментальные исследования [1; 2; 3; 5; 7].

Позиция советских историков диктовалась идеологически ангажированным стремлением доказать высокий уровень классовой борьбы в России, якобы непрерывно сотрясавший основы эксплуататорской государственности на всем протяжении ее существования и, наконец, воплотившийся в событиях Великого Октября. В изложении авторов концепции «крестьянских войн в России» все они «представляют собой единую цепь в развертывании классовой борьбы, несмотря на своеобразие каждой из них. От одной войны к другой росла

ненависть к угнетателям, накапливался боевой опыт, передавались традиции сопротивления, вспоминались имена крестьянских вождей, которые приобретали широкую известность» [4, 12].

Согласно азам марксистского понимания истории, каждую антагонистическую общественно-экономическую формацию характеризуют непримиримые классовые противоречия — между рабами и рабовладельцами, крестьянами и феодалами, пролетариями и буржуазией. Поэтому для феодальной формации движения, враждебные по отношению к существующему режиму, должны были быть неизбежно крестьянскими. Высшей же формой классовой борьбы крестьян при феодализме, как показал Ф.Энгельс, являются именно крестьянские войны [8, 343—437].

Развивая идеи классиков «марксизма-ленинизма», советские историки пришли к выводу, что крестьянские войны — это разновидность гражданских войн, «раскалывающих общество на два противоположных лагеря», и применительно к России выделили их отличительные признаки. Назовем только важнейшие среди них: 1) направлена не против отдельных феодалов и чиновников, а против всей крепостнической системы в целом; 2) крестьянство поднимается против господствующего класса феодалов в масштабе всей страны; 3) наличие обширной территории, освобожденной от феодалов и феодальных властей; 4) борьба за власть в ее старой самодержавной форме, не против монархии, а за нее, но во главе со своим мужицким царем; 5) существование единого повстанческого центра руководства восставшими; 6) наличие слаженного и организованного повстанческого войска, ведущего вооруженную борьбу против феодалов; 7) более или менее общие лозунги, отражающие социальные чаяния и стремления восставших; 8) слияние классовой борьбы русских трудящихся с классовой борьбой трудящихся нерусских народов Российского государства.

Эти и некоторые другие критерии стали познавательным мерилом, с помощью которого историки пытались «отыскать» в прошлом нашей страны крестьянских войн «числом поболе». Под это понятие «обычно подводили три крупных крестьянских движения: 1606—1607 гг. под предводительством И.И.Болотникова, 1667—1671 гг. под предводительством С.Т.Разина, 1773—1775 гг. под предводительством Е.И.Пугачева. Изучение документального материала советскими историками ... привело к достаточно обоснованному выводу, что характер крестьянской войны имело и движение, возглавленное в 1708—1709 гг. К.А.Булавиным и продолжавшееся после его гибели» [4, 5—6].

«Крестьянским войнам» были даны соответствующие порядковые номера, хотя даже относительно хронологических рамок каждой из них среди ученых не было единства. Дискуссионными оставались трактовка восстания Болотникова как крупнейшей крестьянской войны и сам факт отнесения к крестьянским войнам Булавиного восстания. Кроме того, острые дебаты велись о социальном составе, идеологическом содержании, направленности, характере непосредственного воздействия крестьянских войн на будущее России. Проблема также шла вокруг тезиса о двух возможных путях развития страны в случае победы восставших: феодального перерождения верхушки повстанческого войска или свободного развития в направлении капитализма и т.д.

Но все эти споры проходили в методологических рамках, ограниченных гносеологическими установками исторического материализма и соответствующими им познавательными запросами, адресованными к прошлому. Вспомним, что одна из аксиом историописания обуславливает изучение истории через диалог двух культур — изучаемой и изучающей. Историк отводится роль всего лишь посредника в этой культурной коммуникации, но он, как известно, — человек своей эпохи и общества, несет в себе их родовые черты, обращается к минувшим векам с вопросами, которые навеяны современной ему действительностью. Сказанное, несомненно, относится и к советским историкам, «вооруженным» не только научно обоснованным историзмом, но и принципом партийности, понимаемым как классовый подход к прошлому. Поэтому распад СССР и начало строительства нового «социального», «правового», «демократического» государства, уже сами по себе должны были сместить ключевые историографические акценты.

В последние примерно два-три десятилетия данное обстоятельство дополнилось также «сменой парадигм» под влиянием постмодернистской революции и успехов неклассической историографии, ознаменовавших перемену исследовательских приоритетов. На смену монистическому взгляду на историю пришел ярко выраженный методологический плюрализм с его возможностями и перспективами. В таких условиях концепция «крестьянских войн в России», лишившись прежней идеологической востребованности, выглядит уже не актуальной в современной системе познавательных координат, в которой ангажируется не событийная, а эмотивная компонента «протестующей толпы», не «действия», а их «переживания».

Понятно же, что сами российские простолюдины XVII—XVIII веков едва ли задумывались над волновавшими советских историков вопросами. Например, к какому типу относится повстанческое движение, вождями или рядовыми участниками которого они были? Было ли оно закономерным в историческом масштабе? Можно его считать антифеодальным или нет и почему? Живут ли они в условиях именно феодальной формации, и что такое вообще этот самый феодализм? и т.д.

С другой стороны, реальные поведенческие реакции бунтарей детерминировались такими социально-психологическими факторами, которые оставались на периферии научного интереса советской историографии. Например, их очень сильно беспокоило приближение последних времен, без конца тревожило правление «неправедных» и будоражило ожидание «истинных» царей, возмущало «отступление» церкви и власти

от настоящей веры и многое подобное. Как раз к этим аспектам истории все чаще обращается сегодняшнее историописание. Объективная реальность прошлого, реконструируемая через множество субъективных смыслов его участников, обеспечивает принципиально иные познавательные возможности и более адекватные научные результаты, в том числе в отношении тех событий былых столетий, которые в советское время устойчиво именовались крестьянскими войнами.

Литература

1. Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М.: Наука, 1969. 360 с.
2. Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. [Текст]. М.: Наука, 1976. 223 с.
3. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России [Текст]. М.: Наука, 1975. 390 с.
4. Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения [Текст]. М.: Наука, 1974. 449 с.
5. Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина /1707—1709/ [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.
6. Смирнов, И.И., Маньков, А.Г., Подъяпольская, Е.П., Мавродин, В.В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. [Текст]. М.; Л.: Наука, 1966. 352 с.
7. Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. [Текст]. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. Т. 1: Восстание Степана Разина. 370 с.; 1972. Т. 2. Ч. 1: Начальный период крестьянской войны. 158 с.
8. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 7. С. 343—437.

О.А.Милевский

г.Сургут

Сургутский государственный педагогический университет

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв. РАБОТАХ Л.А.ТИХОМИРОВА

В современной российской исторической науке социально-экономические идеи консервативных мыслителей вызывают устойчивый научный интерес [1]. В данном аспекте крайне важным представляется знакомство с идеями одного из ведущих теоретиков отечественной консервативной мысли Л.А.Тихомирова.

Отметим, что социально-экономическая тематика всегда занимала важное место в его публицистике. Так, рассматривая его взгляды революционного периода можно отметить сильное теоретическое влияние на них идей В.П.Воронцова (В.В. — О. М.).

Однако к началу 90-х гг. XIX в., пережив радикальную идейную эволюцию, Л.Тихомиров начинает по-новому оценивать роль капитализма, осознавая при этом всю сложность и неоднозначность этого экономического явления, в том числе и применительно к российским условиям.

Л.Тихомиров, отталкиваясь от опыта европейской экономической модернизации, во многом оцениваемой им негативно, полагал, что Россия как страна «догоняющего развития», сможет при правильной социально-экономической политике проводимой верховной властью избежать тех пагубных последствий капитализации общества, с которыми столкнулись передовые европейские страны. В своих статьях на экономические темы он и пытался развивать подобные мысли. В частности показательна в этом отношении его статья «Нужна ли нам фабрика?».

В ней он анализировал перспективы капиталистического развития страны и пытался изложить свое понимание необходимости для России в изменившихся социально-экономических условиях сильной самодержавной государственной власти. Категорически не соглашался он и с укоренившимися у некоторых деятелей монархического лагеря взглядами на опасность развития капитализма, выразившимися в противопоставлении ими земледелия обрабатывающей промышленности, а в сфере последней мелкого кустарничества — крупному производству. Отстаивая данную мысль, он обращал внимание сторонников этого экономического направления на то, что для развития промышленности и сельского хозяйства Россия должна все дальше удалиться от роли международного поставщика сырья, больше внимания уделять развитию своего внутреннего рынка, и как следствие — созданию собственной обрабатывающей промышленности.

Идею ориентации на развитие крупной национальной индустрии Л.Тихомиров увязывал с созданием целостной программы социально-экономических преобразований под эгидой сильной и социально-справедливой монархической власти. В то же время он предостерегал правительство от недооценки общественно-политических последствий быстрого развития капитализма в Российской империи.

Такие мысли Л.Тихомирова были не по душе многим представителям консервативного лагеря. Трения подобного рода являлись отражением общих разногласий, затронувших «правых» при изучении и анализе перспектив социально-экономического развития государства. Так Д.Н.Цертелев, разбирая статью

Л.Тихомирова «Нужна ли нам фабрика?», не преминул заметить: «Ряды консерваторов стали у нас быстро пополняться новообращенными, которые нередко оказываются большими роялистами, чем сам король» [2].

Однако, несмотря на дискуссии по проблемам экономического развития России, очевидным для абсолютного большинства спорящих было следующее обстоятельство. Бурное капиталистическое развитие экономики в России в 90-е гг. XIX в. привело к форсированному росту промышленного производства.

Поэтому в конце XIX в. внимание общественных деятелей правого лагеря чрезвычайно занимали вопросы выработки новых ориентиров в оценке перспектив дальнейшей экономической модернизации России. Большое внимание данной проблеме уделял и Л.Тихомиров. Причем наиболее значимые его работы отнюдь не шли в фарватере правительственной политики, проводимой кабинетом С.Ю.Витте.

Так в 1899—1900 гг. он выпустил две брошюры, логически вытекающие одна из другой: «Земля и фабрика»(1899 г.) и «Вопросы экономической политики»(1900 г.). В них Л.Тихомиров концептуально обосновал свои, к тому времени уже сложившиеся, взгляды на пути экономического развития страны. Выступая против мнения ряда экономистов и публицистов, ратующих в духе С.Витте за наводнение России иностранными капиталами, Л.Тихомиров отстаивал другую модель ее экономического развития.

Его идеалом являлась своеобразная экономическая автаркия, создающая мощное самоудовлетворяющееся производство, практически не зависящее от иностранного капитала и развивающееся под эгидой государства, регулирующего все экономические процессы. В своих экономических выкладках он выступал и за равновесие производства, то есть за сбалансированность добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности. Л.Тихомиров сводил главную задачу национальной экономики к трем составляющим: 1) сильное производство; 2) возможно более полное равновесие производства; 3) правильное распределение продукта производства [3].

Довольно скептически он относился и к идее мирового рынка, выступая против переустройства экономики России по типу промышленно развитых стран Европы. Л.Тихомиров придерживался мысли, что широкая постановка экономической политики на основе внешних рынков оказывалась возможной лишь до тех пор, пока существовала разница в промышленном развитии Европы и остального мира. На современном этапе, по его мнению, для такой страны, как Россия, как и для любой другой великой страны, «потребность во внешних рынках имеет весьма небольшую степень важности» [4].

Поэтому, как он полагал, все приоритеты должно иметь развитие внутреннего рынка, а для этого необходимо было проводить и определенную социальную политику, направленную на повышение покупательной способности основной массы населения, а оно в России, по сравнению с другими странами Европы, было огромно — в 1913 г. 170 009,6 млн. чел. Для поддержания внутреннего рынка и приоритетного развития национальной промышленности, дававшей работу миллионам рабочих рук, он высказывался за протекционистскую систему, выступая против политики иностранных займов, толкавших по его мнению экономику страны на работу для внешнего рынка в ущерб развитию рынка внутреннего.

По мысли Л.Тихомирова, необходимо всячески способствовать созданию сильного внутреннего рынка на возможно более тесной связи своей же фабрики со своей же собственной землей, где иностранный рынок является исключением, не основой, а небольшим придатком, даже если иностранное сырье будет дешевле.

Оценивая его предложения с позиций современного научного знания, хотелось бы отметить, что выдвигаемые им тогда экономические проекты во многом предвосхитили идеи, положенные во второй половине 20 — начале 30-х гг. XX в. в основу социальной модели развития, получившей название доктрина «третьего пути», интеллектуальным знаменем которой в то время стала концепция «консервативной революции». На практике эти идеи в той или иной форме получили в тридцатые годы реализацию в социально-экономической политике ряда сформировавшихся на европейском континенте тоталитарных политических режимов.

Представляется, что разрабатываемые Л.Тихомировым модели экономического развития России оказались во многом близки экономической практике осуществляемой режимом Б.Муссолини в Италии [5]. Это касалось, например, желания видеть более активное участие государства в регулировании экономических процессов. Однако главное, что их объединяло — это идея создания самодостаточной, независимой от влияния внешних факторов экономики — автаркии. Предлагаемая Л. Тихомировым теоретическая модель экономической автаркии очень напоминала ту, что в 30-е гг. XX в. попытались реализовать в Италии [6].

Л.Тихомиров негативно относился и к политике ориентированной на привлечение большого количества иностранного капитала в экономику страны. Он считал, что это вредно для интересов государства, так как «затягивает петлю на шею национального русского труда, все более нарушая необходимое его равновесие» [7]. В его программных экономических работах этого периода, несомненно, наличествовали вполне разумные, а главное — необходимые экономические предложения, особенно в отношении крестьянства. Но при этом явно утопично звучала идея об экономической изоляции страны, ее дистанцировании от объективных мировых экономических процессов таких, как участие в нарождавшемся международном разделении труда, в которое все активнее втягивалась Россия.

При этом стоит отдать должное Л.Тихомирову в том, что он попытался предостеречь правительство от игнорирования назревающих в стране социальных проблем в угоду частному и особенно иностранному

капиталу. Проблем, помноженных на явную отсталость российского рабочего законодательства, что могло привести, и, в конечном счете, привело, большинство промышленных рабочих в объятия различных «левых» партий и к активному участию в I Русской революции.

В дальнейшем к вопросам, непосредственно касающимся разработки экономической модели развития страны, Л.Тихомиров возвращается в 1909 г. будучи редактором-издателем «Московских ведомостей».

О стремлении Тихомирова влиять через подведомственную ему газету на выработку правительством «правильного» экономического курса свидетельствует и появившаяся в самом начале его редакторской карьеры статья «Экономические задачи времени». Задачи экономического развития России на современном этапе, по его мнению, заключались в следующем: главное — это укрепление внутреннего рынка, а для этого необходимо повысить покупательный спрос населения, чего можно достичь, лишь проводя верную социально-экономическую политику.

В связи со ставкой на повышение покупательной способности городского населения необходимо было добиваться оживления промышленной деятельности. Здесь Л.Тихомиров видел две задачи.

Первая — расширить рынки сбыта на окраинах страны (Закавказье, Средняя Азия и Дальний Восток) и увеличить сферу влияния России за счет более слабых экономически пограничных государств и регионов: Китай, Персия, Балканы, Галиция [8].

Вторую задачу правительственной политики он видел в поощрении русской промышленности и защите ее от иностранных государств. Кроме того, по его мнению, необходима была продуманная политика государства в отношении старых промышленных регионов, примером он ставил Урал [9].

Насущной проблемой, связанной с развитием внутреннего рынка, была и борьба с монополией синдикатов, завышавших цены на товары. В этом вопросе Л.Тихомиров высказывался за активное вмешательство государства, которое не должно допускать узаконивания синдикатов в России, так как тогда исчезнет всякая конкуренция и желание технических усовершенствований производства. Как пример, он приводил борьбу министра путей сообщения с «Продаметом» [10]. Выступал он и за то, чтобы, по примеру других стран, разработать специальное антимонопольное законодательство.

Рассматривая в целом экономический блок газеты, руководимой Л.Тихомировым, можно отметить, что в ней проводилась линия на поддержку основных мероприятий правительства возглавляемого П.Столыпиным. Так активно именно с точки зрения экономической целесообразности Л.Тихомиров поддержал аграрные мероприятия, проводимые премьером. Особенно явно это прозвучало в его статье «Великая историческая реформа». В ней давалась восторженная оценка правительственных мероприятий в сфере сельского хозяйства [11].

Положительно отзывался он и о других частях правительственной программы, а именно попыток решения уральских проблем; отношении к синдикатам и ряда других начинаний. Однако при этом не уставал предостерегать, что «мы, поддерживая эти части программы, не можем не отмечать, одного пункта, в котором находим необходимым несравненно более энергичное действие, а именно в области рабочего законодательства» [11].

Анализируя экономическую составляющую в его комплексной программе «национальных реформ», которые должны были способствовать преобразованию страны следует признать, что выдвигаемые Л.Тихомировым предложения укладывались в общую концепцию развития российского государства под эгидой сильной монархической власти. Он выступал за экономическую модернизацию страны «сверху» с учетом национальной специфики Российской империи. По его мысли именно государство должно было играть ведущую роль в регулировании экономических процессов, а для этого, по мнению Л.Тихомирова была необходима полная экономическая независимость Российской империи. Отсюда и ставка на автаркию, и на ограниченное использование иностранного капитала.

Естественно в современном глобальном мире с постоянно усиливающейся экономической интеграцией предложения Л.Тихомирова могут показаться архаичными. Однако не будем забывать, что первое десятилетие XX в. качественно отличается от сегодняшней ситуации. И если полностью не экстраполировать его предложения на современность, а рассматривать их в контексте той эпохи то они покажутся не столь иррациональными. Несомненно, в какой-то мере опора «экономической модели» Л.Тихомирова на автаркию была реакцией на те модернизационные процессы по западному образцу, которые пронизывали всю политическую и социокультурную ткань России.

Поэтому он в своих работах на социально-экономические темы и пытался создать алгоритм движения, который бы позволил России избежать слепого копирования европейского экономического опыта. В свою очередь для этого как полагал Л.Тихомиров, необходимо было разрабатывать программу экономического развития страны с учетом национальной специфики, изначально базирующейся на качественно иной в отличие от Европы политико-экономической модели развития российского государства и общества.

Ведь не секрет, что в разные периоды своего существования Россия в проведении экономических реформ в основном копировала и не всегда удачно западный опыт, зачастую пренебрегая национальной спецификой. Во-многом, мы и сегодня историю развития нашей экономической мысли XIX — начала XX вв. преимущественно воспринимаем сквозь призму западной экономической традиции. Ее проводниками в разное

время выступали: И.А.Вышнеградский, Н.Х.Бунге, С.Ю.Витте и другие отечественные последователи классической западной экономической мысли.

При этом практически не обращалось внимание на теоретические разработки представителей русской экономической школы так до конца не понятой и не оцененной. Идеалом этого самобытного национального течения была независимая от западных стран экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей при этом традиционный нравственный характер. К числу представителей этого направления кроме Л.Тихомирова можно отнести: А.И.Кошелева, С.Ф.Шарапова, И.Д.Беляева, Н.П.Гилярова-Платонова и ряд других мыслителей.

Их экономические идеи изначально объявлялись химеричными и не заслуживающими внимания, а зачастую и просто оставались не изученными. То есть интеллектуальное господство европейской либеральной экономической мысли сделало ее фактически безальтернативной и эта тенденция достаточно устойчива. Хотя стоило бы напомнить мысль современного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии 2005 г. Р.Ауманна о том, что противоположные научные теории вовсе не обязательно противоречат друг другу.

«Возможно даже, чтобы две конкурирующие теории счастливо существовали бок о бок и использовались одновременно, подобно тому, как многие из нас хранят письма и в хронологическом порядке, и по именам корреспондентов», — писал в своих трудах Р.Ауманн. По его мнению, главное в теории — даже не ее истинность, а ее полезность. Может быть при оценке идей высказанных представителями русской национальной экономической школы, в том числе и Л.Тихомировым, и отринутых в начале XX в. властью вспомнить слова нобелевского лауреата?

Литература

1. См. напр.: Степанов В.Л. «Национальная» экономика в России: консервативная утопия или реальная цель // Русский консерватизм: Проблемы, подходы, мнения (Круглый стол) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 121—124.; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Лукьянов М.Н. Проблемы промышленного развития и российский консерватизм накануне Первой мировой войны // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Ч. 2. Воронеж, 2004. С. 179—195. и др.
2. Цит. по.: Костылев В.Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. № 6—7. С. 38.
3. Тихомиров Л.А. Земля и фабрика. М., 1899. С. 37.
4. Тихомиров Л.А. Вопросы экономической политики. М., 1900. С. 24—28.
5. См. подр.: Милевский О.А. Л.А.Тихомиров и Б.Муссолини: две концепции «корпоративного государства» (опыт сравнительного анализа) // Актуальные проблемы региональных исследований. Барнаул, 2006. Вып. VI. С. 89—124.
6. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 190.
7. Тихомиров Л.А. Земля и фабрика. М., 1899. С. 42.
8. См.напр.:Тихомиров Л.А. Необходимость расширения рынков // Московские ведомости. 1909. № 71; Он же. Россия и Англия в Персии // Московские ведомости. 1909. № 75.
9. Тихомиров Л.А. Кризис на Урале // Московские ведомости. 1909. № 66. Он же. Необходимость оздоровления Урала // Московские ведомости. 1909. № 4; Он же. Причины уральского кризиса // Московские ведомости. 1910. № 2.
10. Тихомиров Л.А. Борьба синдикатами // Московские ведомости. 1909. № 156.
11. Тихомиров Л.А. Великая историческая реформа // Московские ведомости. 1909. № 25.
12. Там же.

В.В.Митрофанов

г.Нижевартовск

Филиал «Южно-Уральского государственного Университета (НИУ)

в г.Нижевартовске

НЕПРОЧИТАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ ДОКЛАДА С.Ф.ПЛАТОНОВА «НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИИ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ» В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ 19 НОЯБРЯ 1882 ГОДА

Сегодня исследователи все больше уделяют внимание работам С.Ф.Платонова, которые были написаны им в студенческие и первые годы после окончания университета. Как правило, они оставались до недавнего времени неопубликованными [17, 23—184; 18, 393—406; 19, 167—169]. При этом представляют историографический интерес, так как дают представления о начале исследовательской деятельности на этапе становления выдающегося ученого, первоначальных научных поисках, методах и способах научных изысканий «незаурядного студента» [13, 391].

По истории Земских соборов существует обширная историография. Эта тема активно разрабатывалась в дореволюционное время, примером тому являются труды В.Н.Латкина [12], Б.Н.Чичерина [34], И.Д.Беляева [5], К.Н.Бестужева-Рюмина [6], В.О.Ключевского [9] в советский период она привлекала С.В.Юшкова [36];

37, 39—51], М.Н.Тихомирова [29], Г.Б.Гальперина [7, 81—94; 8, 123—125; 107—115], Л.В.Черепнина [32], Н.И.Павленко [14, 98], Носова [28] при этом, оставаясь во многом дискуссионной и сегодня, привлекает внимание и современных историографов [24, 362—372; 25, 3—8; 26, 16—18; 27]. Суждения и выводы С.Ф.Платонова по этой проблематике продолжают довольно активно привлекаться.

Студент-исследователь насчитал «до двадцати» статей, что, по его мнению, значит «масса» литературы, которая была «богатая по объему», посвященная «этому любопытнейшему явлению в жизни Московского государства» [16, 1]. К моменту написания работы по истории Земских соборов в российской историографии (в то время под ней понимался комплекс исследований по одной теме) сложилось уже несколько точек зрения на это государственное учреждение.

С.М.Соловьев указывал на Земские соборы, как «опору против заподозренной дружины» [23, 444]. Известный славянофил К.С.Аксаков видел в Земских соборах преемников древнерусского веча. Кстати, свои взгляды на Земские соборы мыслитель излагал в виде рецензий на сочинения основателя «государственной школы» [1, 125—172; 2, 217—254; 3, 255—290].

Б.Н.Чечерин отводил Земским соборам роль «чисто совещательную» [34, 362, 364], И.Д.Беляев полагал, что они «утвердили и взлелеяли царскую власть», которая созывала их «по своему усмотрению» [5, 53]. Один из учителей С.Ф.Платонова В.И.Сергеевич полагал, что «значение московских соборов не исчерпывается понятием совещательного учреждения» [22, 11—12].

Заниматься разработкой темы «Московские Земские соборы XVI—XVII» С.Ф.Платонов начал еще студентом III курса историко-филологического факультета по рекомендации К.Н.Бестужева-Рюмина [16, 11—21]. По наблюдениям В.С.Брачева, «Платонов приступил к разработке темы о московских земских соборах XVI—XVII вв.» В результате кропотливой работы над имевшейся в то время литературы получилось «обширное сочинение», которое было одобрено научным руководителем, а в 1883 г. «извлечения» из этой работы были опубликованы в «Журнале Министерства народного просвещения». «Мне хотелось, — отмечал Платонов, — углубить изучение данной переходной эпохи исследовать всесторонне начало и развитие того общественного движения, которое создало ополчение князя Д.М.Пожарского, и в нем образовало устойчивое временное правительство. Это мое желание подсказывало тему для магистерской диссертации» [4, 111—128].

Эта сторона формирования будущего светила отечественной исторической науки привлекала внимание многих исследователей его творчества и историографов. Например, как заметил А.Н.Цамутали, над сочинением он работал «напряженно» [30, 73] но работа не получила одобрения научного руководителя. Первым успешным печатным дебютом по праву может считаться его статья, в оценке А.А.Чернобаева «извлечения» из «обширного сочинения» [33, 379], помещенная в авторитетном издании [16, 1—20]. А.Н.Цамутали говорит, что статья была написана на основе его «кандидатского сочинения» [31, 540], при этом подчеркивает, что автор «уделил внимание» именно 1612—1613 гг. При этом обращает внимание на то, что работы о Земских соборах «заставляли задуматься над вопросом» — почему «форма представительных учреждений» не получила в России «должного развития» [31, 548].

Н.М.Рогожин называет эту работу «дипломной» [21, 10], а С.О.Шмидт студенческой «монографией» [35, 19]. Последнюю оценку следует поддержать, так как и по содержанию, и по проблемам, поднятым и проанализированным в работе, новизне подходов, выводов, в целом вкладу в историографию вопроса, да и по объему, это исследование и по современным меркам должно считаться таковым.

Кстати, история Земских соборов рассматривалась и в качестве возможного магистерского сочинения молодого ученого.

Работа над сочинением «Московские земские соборы XVI—XVII вв.» увлекла Платонова. Он не только проверил весь известный материал, но, используя показания Разрядных книг, сделал новые наблюдения и выводы. Н.К.Бестужев-Рюмин не обнаружил в сочинении своего влияния, при этом хвалил работу и готов был за честь ее в качестве диссертации на степень кандидата, которой выпускники заканчивали историко-филологический факультет. Тем не менее, в разговоре с Платоновым ученый предложил ему написать другое сочинение. «Такая постановка дела, — вспоминал Платонов, — меня удивила, огорчила и даже оскорбила» [10, 5—15].

На основе этой работы С.Ф.Платонов подготовил и доклад «Некоторые замечания к истории земских соборов», с которым ноября 1882 г. дебютировал на ученом собрании в филологическом обществе (4 февраля 1869 г. Утвержден Устав Филологического общества при Санкт-Петербургском университете) [20, 114], Санкт-Петербургского университета, уже в качестве преподавателя. Доклад получился обширный, время для представления ограничивалось, как правило, 20 минутами, по всей видимости, это обстоятельство и вынудило докладчика его сократить. Довольно обширные части реферата в его тексте выделены и рядом имеется помета «отмеченное синим карандашом, не читается» [14, 1]. Необходимо заметить, что исключенный текст представляет в большей части собственные рассуждения и наблюдения референта. Здесь мы встречаем и некоторые сомнения, мысли, не подтвержденные источниками или архивными материалами, и обращения к слушателям за советом, с просьбами. Исключенной оказалась и заключительная часть первоначального варианта доклада, но она представляет особый интерес. По всей видимости, наблюдения, сделанные из анализа

и имеющиеся в опубликованных в то время архивных источниках, не могли аргументировано подкрепить собственные наблюдения докладчика. Например, бытовало мнение о «внутреннем ничтожестве и гнилости наших соборов», о времени прекращения земских соборов и др. Многие вопросы, затронутые в докладе, станут предметом исследования как самим С.Ф.Платоновым в будущем, так и его учениками, например, П.Г.Васенко и П.Г.Любимировым.

Стиль реферата соответствует эпохе, принятым правилам выступления. Исключенный текст публикуется в квадратных скобках, перед ним помещается часть предыдущего предложения.

С.Ф.Платонов

Некоторые замечания к истории земских соборов — доклад в филологическом обществе 19 ноября 1882 г. (исключенные из доклада фрагменты)

«...грамота совсем не дает известий.... [О личном присутствии на соборе (1566) Грозного говорится и еще в одном документе, мне в подлиннике неизвестном. В 1 т. монографии А.П.Барсукова «Род Шереметевых (СПб. 1881) читаем, между прочим, следующее (стр. 286): «Заседание земского собора проходило во дворце... Неподалеку от царя, сидевшего на троне, разместились за особым столом власти (духовенство). Поодаль на лавках сидели бояре один за другим в порядке (далее автор цитирует какой-то документ) кто кого породю ниже, а не тем кто выше и преж в чину; окольничие — под боярами против того ж и т.д.». Откуда сделана подобная выписка и где г. Барсуков почерпнул эти подробности о внешнем порядке заседания, он, к сожалению, не указывает, а личные мои поиски до сих пор не привели ни к чему. В интересах дела мне остается обратиться к почтенному собранию: быть может, кто-либо из Вас, милостивые господа, встречал источник с вышеприведенными частностями]».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1245. Л. 3 об-4.

«...в оправдание перед лицом исторической науки... [Не останавливаюсь я и на соборе, осудивших при Лжедмитрии Шуйских в 1605 г (пройду молчанием и мятежное скопище москвичей, которое в 1610 г. «ссадил с государства « В.И. Шуйского и в некоторых статьях имело притязание стать на ряду с земским собором, несмотря на то, что действовало не в силу представительства, составляющего отличительный признак соборов). Не буду, наконец, утруждать внимание подробным изложением деятельности собора или вернее соборов 1611 г. в подмосковной рати Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого. Скажу только, что соборы эти совсем не принятые во внимание в литературе земских соборов ограничивали своим (слово влиянием — подчеркнуто) авторитетом власть вождей ополчения и составляют одно из любопытнейших Л 5 замечательнейших явлений смутной эпохи по тем здоровым, гуманным началам, которые лежали в основе их деятельности]»

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1245. Л. 4 об.

«[около 26 октября 612 (в день освобождения Москвы от поляков нужно заметить следующее С.М.Соловьев полагает на основании разрядов 613 г. (Двор. Разр. 1) будто Московский Кремль взят был 27 ноября. Это несомненная ошибка. Уже 15 ноября 612 мы имеем грамоту кн. Пожарского в Новгород о взятии Москвы (ДАИ 1 № 166), в этой грамоте днем взятия города названо 26 октября. Тот же месяц октябрь и то же приблизительно число и в Новом Летописце (стр. 1580 и Ином сказании о Самозванце (стр. 71)]»

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1245. Л. 8 об.

«...Загоскина, исчерпывающая все данные для решения занимающего нас вопроса, [но как и всякое творение рук человеческих труд молодого ученого не лишен недостатков и промахов. В некоторой его части можно назвать даже мертворожденным, ибо Н.П.Загоскин не принял или не мог принять во внимание тех данных о внешней истории Уложения, которые были напечатаны Археологическим Институтом немного ранее или одновременно с его трудом и опровергают некоторые положения Загоскина]»

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1245. Л. 12 об.

«...еще в мае 653 г. (конец) [Надеюсь, милостивые государи, что этим своим слабым очерком я успел показать Вам несостоятельность старого воззрения на собор 653 г. как на пустую форму; надеюсь также, что, взяв в расчет представленные мною данные, Вы поверите мне, что на соборной практике 653 г. нельзя строить теорий о внутреннем ничтожестве и гнилости наших соборов, как это делалось не раз.

Соборами 1653 г. круто обрывается долгий и частый ряд земских соборов. После 1653 их больше не видим. Вы возразите мне: а собор о местничестве 1682 г.? Смею думать, что это не земский собор. Приговор о местничестве (С.Г. и Д № 130 и ПСЗ 905) сам свидетельствует, что составлен он духовенством и высшими придворными чинами; эти чины рассмотрели челобитные дворян, которые просили уничтожить местничество, но сами не участвовали в приговоре, не выходили из скромной роли чинов комиссии по улучшению московской военной организации. На соборе 1682 г. о местничестве не было представительства всех сословий и его отсутствие лишает собор права быть тем, что в науке зовется земским собором. Против того моего положения, что после 1653 г. соборы прекратились, можно еще возразить, что отсутствие указаний о соборах после 653 не дает еще права утверждать будто их не было, может быть найдутся еще о них сведения. Это так: но положение мое приобретает пока, мне кажется, вероятностью главным образом вот почему: До 1653 г. Алексей Михайлович созвал в течение 8 лет 4 собора в 648, 650, 651 и 653 гг. по делам как внешним, так и

внутренним. С 653 же года соборов совсем не видно, войны решаются без участия земских соборов. Так же как и внутренние затруднения. Приведу два примера: в 1673 грозила война Турцией. Исключительно Боярской думой и духовенством были обсуждены средства обороны государства и решен был экстренный сбор: с духовных и служилых людей по полтине со двора, а с тяглых — 10 деньга (СГр. Д. 4 № 85). Буквально то же самое повторилось и в 1679 г (Кн. Разр. 2. 1073 и др.) А прежде, по такого рода делам созывались неукоснительно земские представители. Эти факты свидетельствуют ясно, что взгляд на земский совет в высших московских сферах почему то изменился и с половины XVII в. земские соборы созывать перестали, довольствуясь решением думы по тем делам, которые прежде выносились на рассмотрение земских соборов.

Почему же это произошло. Одни мнения о причинах прекращения земских соборов не выдерживают критики; другие не вполне объясняют дело, и вопрос этот требует пересмотра. Я лично не могу его разрешить и скажу только, что причины прекращения соборов следует искать в обстоятельствах внутренней жизни московского государства в 50 и 60-е годы XVII в., а не позднее. Впрочем, здесь я не выхожу из пределов личного мнения]»

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1245. Л. 18, 20.

Литература

1. Аксаков К.С. По поводу VI тома История России г. Соловьёва / К.С.Аксаков // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: Сочинения исторические. Т. I. М., 1861. С. 125—172.
2. Аксаков К.С. По поводу VII тома История России г. Соловьёва / К.С.Аксаков // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: Сочинения исторические. Т. I. М., 1861. С. 217—254.
3. Аксаков К.С. По поводу VIII тома История России г.Соловьёва / К.С.Аксаков // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: Сочинения исторические. Т. I. М., 1861. С. 255—290.
4. Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов / В.С.Брачев // Отечественная история. 1993. № 1.
5. Беляев И.Д. Земские соборы на Руси. 1-е изд. / И.Д.Беляев. М., 1867.
6. Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова (Глава X из «Истории России») / К.Н.Бестужев-Рюмин // Журнал Министерства Народного просвещения. 1887. № 7. Отд. 2.
7. Гальперин Г.Б. Сословно-представительная монархия в России / Г.Б.Гальперин // Вести. Ленингр. ун-та. 1967. № 23. С. 81—94.
8. Гальперин Г.Б. Форма правления единого Российского государства в русской политической мысли / Г.Б.Гальперин // Вести. Ленингр. ун-та. 1969. Вып. 4(23). С. 123—125; 1971. Вып. 2(11). С. 107—115.
9. Ключевский В.О. Состав представительства на земских соборах / В.О.Ключевский / Русская мысль. 1890. № 1; 1892. № 1; 1901. № 1.
10. Колобков В.А. Академик С.Ф.Платонов и его учебник русской истории / В.А.Колобков // Платонов С.Ф. Учебник русской истории. М., 1992. С. 5—15.
11. Латкин В.Н. Материалы для истории земских соборов XVII столетия / В.Н.Латкин. СПб., 1884.
12. Латкин В.Н. Земские соборы древней Руси / В.Н. Латкин. СПб., 1885.
13. Медведев И.П. Студенческий реферат С.Ф.Платонова «О местопребывании готов-тетракситов» / И.П.Медведев // Античная древность и средние века. 2011. Вып. 40. С. 391.
14. Отдел Рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1245. Л. 1.
15. Павленко Н.И. К истории земских соборов XVI в. / Н.И. Павленко // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 98.
16. Платонов С.Ф. Заметки по истории Земских соборов // Журнал Министерства Народного просвещения. 1883. Ч. 226. С. 1—21.
17. Платонов С.Ф. Московские земские соборы XVI и XVII веков / С.Ф.Платонов // Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6 т. М., 2010. Т. 1. С. 23—184.
18. Платонов С.Ф. О Местожительстве готов-тетракситов С.Ф.Платонов // Античная древность и средние века. 2011. Вып. 40. С. 393—406 (публ. под. И.П.Медведевым (заметим, с этим большим докладом он выступал 10 декабря 1880 г. в семинарии В.Г.Васильевского).
19. Платонов С.Ф. Граф Алексей Сергеевич Уваров: [Некролог] / С.Ф.Платонов // Российская археология. 2008. № 4. С. 167—169 (публ. подг. В.В.Митрофанов).
20. Протоколы заседания Совета за 1-ю половину. 1869/70 а. г. СПб., 1870. С. 114.
21. Рогожин Н.М. С.Ф.Платонов — творческий путь / Н.М.Рогожин // С.Ф.Платонов Русская история. М., 1996. С. 10.
22. Сергеевич В.И. Земские соборы в Московском государстве / В.И.Сергеевич // Сборник государственных знаний. СПб., 1875. С. 11—12.
23. Соловьёв С.М. Шлёцер и антиисторическое направление / С.М.Соловьёв // Русская беседа. 1857. Т. VIII. С. 444.
24. Солодкин Я.Г. К истории земских соборов конца XVI в. / Я.Г.Солодкин // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 362—372.
25. Солодкин Я.Г. К истории земских соборов Московской Руси конца XVI века / Я.Г.Солодкин // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3. С. 3—8.
26. Солодкин Я.Г. Земские соборы середины 1580-х гг.: историографический обзор / Я.Г.Солодкин // История государства и права. 2009. № 21. С. 16—18.
27. Солодкин Я.Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века (спорные проблемы истории и историографии): Монография / Я.Г.Солодкин. Нижневартовск, 2010. 162 с.
28. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

29. Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII вв. / М.Н.Тихомиров. М., 1973.
30. Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки / А.Н.Цамутали. Л., 1985. С. 73.
31. Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов / А.Н.Цамутали // Историки России XVIII — начала XX в. М., 1996. С. 540.
32. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. / Л.В.Черепнин. М., 1978.
33. Чернобаев А.А. Платонов Сергей Федорович (1860—1933) / А.А.Чернобаев // Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А.Чернобаев. М., 2001. С. 379.
34. Чичерин Б.Н. О народном представительстве / Б.Н.Чичерин. М., 1866. Кн. III. Гл. 5.
35. Шмидт С.О. Предисловие / Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6 т. / С.О.Шмидт. М., 2010. Т. 1. С. 19.
36. Юшков С.В. История государства и права / С.В.Юшков. М., 1950.
37. Юшков С.В. К вопросу о политических формах сословно-представительной монархии в России / С.В.Юшков // Советское государство и право. 1950. № 10. С. 39—51.

Н.Н.Мокина

г.Самара

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСТАВКИ ПОЧТЫ В КУЙБЫШЕВСКОЙ И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТЯХ В 1941—1945 гг.

Как известно, почта — учреждение, осуществляющее регулярную пересылку почтовых отправлений — письменной корреспонденции, периодических изданий, денежных переводов, бандеролей, посылок при помощи транспортных средств. Доставка почты в 1940-е гг. во многих странах осуществлялась в основном железнодорожным транспортом. В СССР с его огромными расстояниями и разнообразными климатическими и дорожными условиями для доставки почты применяли все виды транспорта: воздушный, железнодорожный, водный, аэросанный, гужевой и велосипедный. Каждое транспортное средство оказывало существенное влияние на организацию доставки почты. На основе изучения материалов Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) и Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ) попытаемся рассмотреть недостаточно изученные проблемы транспортного обеспечения почтовых учреждений Куйбышевской и Ульяновской областей в военный период. До 1943 г. Ульяновская область входила в Куйбышевскую область.

В годы Великой Отечественной войны в Куйбышевской и Ульяновской областях для обеспечения постоянной почтовой связи действовали магистральные, внутриобластные, межрайонные, внутрирайонные, городские почтовые маршруты. Так, магистральные почтовые маршруты соединяли между собой главные и областные почтовые узлы страны; внутриобластные — областной почтовый узел с межрайонными, районными и городскими почтовыми узлами; межрайонные — смежные районные центры; внутрирайонные — районный центр с отделениями связи; городские — городские почтовые узлы с отделениями связи [12, 13—14].

На магистральных и внутриобластных путях почтовых сообщений основным видом транспорта был железнодорожный. Такие преимущества как бесперебойность и регулярность движения независимо от времени суток, широкая разветвленность железнодорожной сети, достаточно большая грузоподъемность, сравнительно невысокая себестоимость перевозок, выдвинули данный вид транспорта в число важнейших в организации почтового дела еще накануне войны [1, 4]. В 1941—1945 гг. перевозка почты осуществлялась по довоенным маршрутам движения почтовых вагонов СССР, за исключением периодов, когда в силу экстремальных условий они изменялись [См.: Схема маршрутов почтовых вагонов СССР [Карты]: сост. по данным на 25 мая 1939 г. — Б.м.: б.и., б.г.].

Для перевозки почты Наркомат связи использовал свой парк специально оборудованных почтовых вагонов, кроме этого арендовал у Наркомата путей сообщений багажные вагоны и специально оборудованные купе пассажирских вагонов [10, 92].

В 1940—1942 гг. в Куйбышевской области для доставки разнообразной корреспонденции на магистральных и внутриобластных путях почтовых сообщений также использовали воздушный транспорт. Самолеты курсировали по проложенным трассам регулярных сообщений союзного значения и внутриобластным линиям. Обслуживание внутриобластного сообщения в 1940 г. осуществлялось на участках Куйбышев — Ульяновск, Куйбышев — Астрадамовка, Куйбышев — Камышла [4, 45] куйбышевскими авиаторами. Всего за год местные авиалинии перевезли 94,7 тонн почты [3, 2]. В целях укрепления и улучшения почтового обмена между городом и селом коллегия при Куйбышевском областном управлении Наркомата связи признала необходимым дальнейшее расширение воздушных внутриобластных линий. В течение 1941 г. предполагалось открыть новое воздушное направление Куйбышев — Пестравка [4, 45], но начавшаяся Великая Отечественная война смешала все планы. Так, с августа 1941 г. прекратилась доставка почты по воздушным линиям, что

значительно уменьшило скорость прохождения почтовых отправок [5, 4 об.]. Как свидетельствуют документы, в 1941 г. местные авиалинии перевезли 50,4 тонн почты [5, 2], что на 44,3 тонны меньше, чем в 1940 г.

Доставку почты по воздушным линиям удалось возобновить в 1942 г. В условиях военного времени она производилась только по линиям Куйбышев — Большая Черниговка, Куйбышев — Мелекесс. Также с марта до сентября 1942 г. производились рейсы из г. Куйбышева в Москву, Ташкент и эпизодически во фронтовые и прифронтовые города (Сталинград, Саратов), тыловые города (Свердловск, Горький, Челябинск). Следует отметить, что самолеты в этих направлениях летали нерегулярно, что естественно, сказывалось на сроках доставки почты [6, 1 об.]. Так, в 1942 г. самолетами доставили 13,1 тонн почты [6, 11], что на 81,6 тонны меньше, чем в 1940 г.

В 1943 г. перевозку почтовой корреспонденции по воздушным линиям в Куйбышевской и Ульяновской областях приостановили вплоть до окончания Великой Отечественной войны [7, 31]. Согласно архивным данным, в период перестройки гражданского воздушного флота на работу в мирных условиях между областным управлением Наркомата связи и 24-м авиаотрядом гражданского воздушного флота был заключен договор на кольцевые рейсы самолетов. С июля 1945 г. началась доставка почты на самолетах по северному кольцу с обслуживанием 9 районов, а с сентября ввели движение по южному кольцу с обслуживанием 5 районов, а с декабря 1945 г. — по западному кольцу с обслуживанием 6 районов. Всего самолеты 24-го авиаотряда гражданского воздушного флота обеспечивали доставку почты в 20 глубинных трактовых районов Куйбышевской области [9, 43].

В военное время для доставки почтовых отправок в регионе использовали и такой вид транспорта, как автомобильный. Он обслуживал городские и внутриобластные пути почтовых сообщений. В распоряжении Куйбышевского областного управления Наркомата связи находилась транспортная контора, в функции которой входило руководство всем транспортом предприятий связи области. Как свидетельствуют документы, на протяжении рассматриваемого периода транспортное хозяйство конторы находилось в крайне запущенном техническом состоянии. Так, только в довоенный период на куйбышевской автобазе простаивали 12 автомашин, которые совершенно не выходили на линию по причине технической неисправности. Кроме этого, до середины 1941 г. в ожидании ремонта находились и 3 мотоцикла, которые в начале войны были отремонтированы и переданы в РККА [5, 51]. Так как большая часть автомашин находилась в неисправном состоянии, ходовой парк должен был работать круглосуточно с пробегом до 160 км в день для обеспечения нормального продвижения почты [11, 13]. Несмотря на неудовлетворительное состояние транспортных средств, в годы войны значительная часть автотранспорта парка была мобилизована. Так, только в 1941 г. Куйбышевское областное управление Наркомата связи передало военкоматам автомашины на общую стоимость 211 068 руб., мотоциклов — 17 400 руб. [10, 23]. В распоряжении транспортной конторы остались 43 машины, из которых только 7 были на ходу [2, 26].

Для доставки почты предприятия связи региона в 1941—1945 гг. использовали и другие собственные транспортные средства, и среди них — велосипеды. В начале войны в Куйбышевской области в этом процессе удалось задействовать лишь 13 велосипедов, что составляло 21% от их общего количества. В основном это было связано с неудовлетворительным техническим состоянием данного транспортного средства. Согласно архивным данным, большинство велосипедов невозможно было отремонтировать из-за отсутствия в продаже деталей [9, 43]. Лишь в 1944 г. происходит определенное увеличение числа велосипедов занятых в доставке почтовых отправок.

В целом в течение Великой Отечественной войны транспортные средства, которые использовались в регионе для доставки почты, не соответствовали требованиям, предъявляемым к обслуживанию связью. Разумеется, об этом знали центральные и местные органы власти, понимая, что отмеченные недостатки будут ликвидированы только при условии удовлетворительной материальной поддержки почтовых учреждений, строительстве новых помещений автопарка, снабжении запасными частями и др. Но по объективным и субъективным причинам в Куйбышевской и Ульяновской областях, как и во многих других тыловых регионах не удалось создать хотя бы относительно приемлемых материально-технических условий для функционирования предприятий связи.

Одним из традиционных видов российских транспортных средств являлся гужевой транспорт, который пригодился и в условиях Великой Отечественной войны. В состав некоторых отделений предприятий связи входили конно-почтовые станции. Они предназначались для обслуживания внутрирайонных и межрайонных почтовых маршрутов. В течение рассматриваемого периода количество лошадей конно-почтовых станций Куйбышевского областного управления Наркомата связи полностью не обеспечивало доставку почты по основным межрайонным трактам [8, 54]. Чтобы ускорить продвижение почтовой корреспонденции руководители предприятий связи заключали договора на использование тяговой силы колхозов и совхозов. По нашим подсчетам среднее число наемных лошадей, занятых перевозкой почты в годы войны составляет 2 257, а конно-почтовые станции Наркомата связи представляли только против 61 лошадей.

Таким образом, наемный гужевой транспорт значительно увеличивал скорость продвижения почтовых отправок по трактам области, хотя были и недостатки в организации этого процесса. Так, в 1944 г. сложилось очень тяжелое положение с перевозкой почты по трактам Куйбышевской области из-за неудовлетворительного

состояния тяговой силы колхозов. Это приводило к тому, что за почтой не приезжали, либо она находилась длительное время в пути, установленные сроки доставки почты всячески нарушались. Отметим, что и в 1945 г. ситуация с лошадьми в колхозах не изменилась (и не могла измениться) к лучшему, что продолжало негативно влиять на доставку почты в сельской местности [9, 8].

Для разгрузки гужевого транспорта в военное время использовали пароходы [11, 27], однако в силу чрезвычайно низкой скорости, сезонности и нерегулярности речных перевозок достаточно эффективно можно было доставлять только тяжеловесную почтовую корреспонденцию [8, 45].

Исходя из вышеизложенных фактов, мы можем утверждать, что предприятия связи Куйбышевской области в 1941—1945 гг., с одной стороны, были оснащены разнообразными транспортными средствами: специально оборудованными почтовыми вагонами и автомобилями, а также обычными автомобилями, гужевым транспортом и велосипедами. Каждый вид транспорта оказывал специфическое влияние на организацию доставки почты, хотя не все средства отвечали требованиям, предъявляемым к обслуживанию связью. Элементарная нехватка транспортных средств и запасных частей для их ремонта приводила к невыездам за почтой, что нарушало контрольные сроки движения почты и отражалось на качестве обслуживания. Тем не менее, жители региона, в условиях военного времени, в целом были обеспечены почтовой связью.

Литература

1. Барсук В.А. Границы эффективности применения различного транспорта для перевозки почты. М.: Связьиздат, 1960. 20 с.
2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ) Ф. Р-656. Оп. 33. Д. 238.
3. Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО) Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 16.
4. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 18.
5. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 19.
6. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 23.
7. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 34.
8. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 49.
9. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 58.
10. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 61.
11. ЦГАСО Ф. Р-2329. Оп. 4. Д. 2.
12. Шнырева Н.Н. Организация и эксплуатация почтовой связи: Учебник для электротехникумов связи. М.: Радио и связь, 1986. 325 с.: ил.

Н.Ю.Николаев

г.Волжский

*Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета*

ИДЕИ МИРОТВОРЧЕСТВА В ТРУДАХ Л.А.КАМАРОВСКОГО

Российские ученые-правоведы внесли немалый вклад в развитие и пропаганду миротворческих идей на рубеже XIX—XX вв. В работах Ф.Ф.Мартенса, А.Н.Ладьянского, М.А.Таубе, Б.Э.Нольде и пр. рассматривались прежде всего юридические механизмы достижения всеобщего мира. В этом ряду особое место занимает фигура Л.А.Камаровского (1846—1912) — видного ученого, профессора Московского университета, специалиста в области международного права. Однако современникам была знакома не столько деятельность Камаровского на ниве науки и просвещения, сколько его активная борьба с милитаризмом, горячая пропаганда идей разоружения, создания третейского суда и кодификации гуманитарного права. Порядка трети из почти двухсот работ, принадлежащих перу ученого, посвящено миротворческой тематике [1, 301—302]. «Он верил..., — писал русский публицист и правовед С.А.Котляревский, — что конечным законом человеческого общежития не может быть истребительная борьба и разнузданный эгоизм. Отсюда его твердое убеждение в возможность постепенного осуществления всеобщего мира» [13, 222].

Следует отметить, что Камаровский крайне негативно относился к войне как общественно-политическому феномену. Отдельные справедливые (оборонительные) военные конфликты не отрицали по сути их варварский и архаичный характер. Установлению мира в Европе, по мнению ученого, препятствовали как частные причины (наличие нерешенных геополитических проблем в отношениях между великими державами), так и причины общего характера (национализм, протекционизм, милитаризм и снижение политической нравственности (макиавеллизм)) [2, 85—90].

Камаровский считал, что достижение всеобщего мира возможно, но лишь при условии совместных усилий в этом направлении общества и правительства. «Мир из мечты превратится в реальность, — убеждал он

читателей, — когда к достижению его дружно направляются все факторы общественной жизни: религия, школа, наука, печать. Общественное же мнение народов, в этом пункте единодушное, способно в свою очередь оказать нужное давление на палаты и правительства». В то же время, правительства должны были предпринимать усилия по мирному разрешению наиболее сложных международных конфликтов, активно обсуждать проблему разоружения, поощрять развитие практики третейского разбирательства и проводить разумный экономический курс [7, 32—33].

Уже в магистерской диссертации Камаровского отчетливо наблюдалось стремление установить в международных отношениях известный правовой порядок и определить необходимые механизмы для предотвращения вооруженных конфликтов между государствами. Создание соответствующих учреждений действующих «по определенным юридическим нормам» способно было принести Европе долгожданную политическую стабильность и минимизировать случаи военных столкновений [8, 104—107].

В своей самой известной работе «О международном суде» Камаровский указал на важность юридической организации международной жизни, в качестве основного условия обеспечения ее стабильности и безопасности. Создание международного арбитража, по мысли ученого, способствовало бы гармонизации отношений между великими державами, ускорило бы кодификацию международного права, уменьшило бы вероятность военных конфликтов и содействовало бы всеобщему разоружению [6, 539].

Особое значение в продвижении идей всеобщего мира Камаровский придавал поэтапному строительству международного союза, созданного на базе единой христианской культуры и осознания общих политических и социально-экономических интересов. Истоки этого союза ученый видел в зародившейся в XVII в. вестфальской системе, однако его юридическое оформление представлялось ему делом будущего. По мере роста популярности пацифистских идей, кодификации международного права, прогресса политической морали и решения назревших межгосударственных проблем будет происходить и процесс правовой фиксации международного союза, который «настолько сблизит и соединит между собой все цивилизованные народы, что всякие разделяющие их вопросы решались бы мирно и сообразно с принципами справедливости и общего блага» [12, 124—126].

Одной из самых сложных проблем на пути к умиротворению континента, по мнению Камаровского, был вопрос о разоружении. Важнейшими причинами усиления милитаризма, стали обострившаяся борьба за колонии и ужесточение протекционистской политики. Однако, несмотря на все очевидные препятствия, разоружение европейских государств, как считал ученый, было вполне достижимо, и в своих работах он разработал соответствующий инструментарий.

Начало процессу демилитаризации должны были положить предварительные конференции, на которых следовало не только обсудить наиболее сложные проблемы международных отношений, но и продемонстрировать неподдельное желание политических кругов преодолеть состояние «вооруженного мира». Процесс разоружения виделся Камаровскому одновременным, постепенным и основанным на принципах общего согласия. К его участникам необходимо было подходить дифференцированно и проводить сокращение армии в зависимости от общего количества населения, требований внутренней безопасности, величины колониальных владений и т.д.. Учитывая безусловную сложность и новизну предпринятого мероприятия, ученый рекомендовал ограничить предложения по разоружению определенным сроком и лишь в дальнейшем приступить к полной и бессрочной демилитаризации. Настаивал Камаровский и на политико-правовых гарантиях выполнения принятых государствами обязательств. По его мнению, соглашение о разоружении должно контролироваться всеми странами-подписантами, а в дальнейшем специально созданной международной организацией. В этом случае закономерным развитием международных отношений стало бы создание общей армии («принудительной силы»), которая «явилась бы охранительницей общего мира и справедливости на земле».

Позитивные социально-экономические и политические последствия, в случае реализации предложенных мер были бы неисчислимы. Здравоохранение, образование и правовая система получили бы мощный импульс к развитию. Возросший уровень жизни населения помог бы в значительной мере преодолеть социальные противоречия и обеспечить внутреннюю стабильность и безопасность. Отметал ученый и возражения милитаристов, предсказывавших следствием разоружения погружение человечества в нравственный застой и материальный эгоизм. Разоружение он понимал не как лишение государств их военной силы, а лишь приведение ее в соответствие с потребностями внутренней и внешней безопасности. Более того, по мысли Камаровского, уменьшение вооружений вовсе не привело бы к полному исчезновению войн, но «сделало бы их более редкими и справедливыми» [5, 347—354].

Серьезным препятствием на пути усиления милитаризма и расширения напряженности в Европе Камаровский считал кодификацию международного права. Он был одним из видных деятелей института международного права созданного с целью кодификации права войны, содействия мирному разрешению военных конфликтов, распространения идей гуманизма и справедливости в межгосударственных отношениях. Ученый высоко оценивал работу этой неправительственной организации, ставшей, по его мнению, «юридической совестью цивилизованных народов». Признавая наличие существенных расхождений во взглядах как членов института, так и заинтересованных держав, Камаровский, тем не менее, призывал к скорейшему

решению наиболее назревших проблем международного права [10, 93—118]. Важнейшей задачей института он считал кодификацию принципов гуманитарного права. «Так называемые «законы войны», — писал Камаровский, — по существу призваны служить плотиной против злоупотреблений силой, уздой, налагаемой на животные страсти человека, возбужденного крайностями борьбы». Ученый был глубоко убежден в том, что «дело мира сделает новый шаг вперед», если правительства позаботятся «об обучении войск основным началам войны» [11, 191—196].

С большим воодушевлением встретил Л.А.Камаровский появившийся в августе 1898 г. циркуляр русского правительства, в котором предлагалось созвать первую мирную конференцию. Данная инициатива полностью вписывалась в пропагандируемую им идеологию умеренного миротворчества (пацифизма), нацеленного на постепенное достижение международного мира совместными усилиями общества и государства. Соответственно важнейшей задачей предстоящего собрания должна была стать разработка долгосрочной программы, конкретные направления которой будут реализовываться уже в ходе работы следующих мирных конференций [4, 80—84].

Впрочем, и те результаты, что были достигнуты в Гааге, ученый оценивал достаточно высоко. В числе подписанных конвенций, по его мнению, особенно выделялось соглашение о мирном решении международных столкновений. Особенно комплиментарно Камаровский отзывался о принятом решении придать третейскому суду постоянный статус [3, 77—105]. Однозначно одобрял он и подписанную на конференции конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, положения которой непременно должны быть дополнены на последующих встречах. Даже отсутствие прогресса в деле сокращения вооружений, вызвавшее известное разочарование у Камаровского, он предпочел рассматривать позитивном ключе, то есть как признание политиками разрушительного влияния милитаризма на развитие человеческой цивилизации [9, 69—99].

Таким образом, анализ миротворческих тематик в работах Камаровского показывает очевидную приверженность автора к правовым механизмам достижения всеобщего мира. Ученый призывал прежде всего к юридическому упорядочиванию международной жизни, через кодификацию гуманитарного права, создание третейского суда, переговорное разрешение проблемы роста вооружений и пр. Венчать этот процесс конструирования юридически организованного и справедливого мира, должна была международная организация, выступавшая гарантом его сохранения и укрепления. Кроме того, весьма далекий от взглядов пацифистов-максималистов, Камаровский ратовал за тесное антивоенное сотрудничество общества и государства, видя в этом действенный способ достижения миротворческих идеалов.

Литература

1. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.
2. Камаровский Л.А. Война или мир? // Русская мысль. 1892. № 2. С. 80—96.
3. Камаровский Л.А. Вопрос о посредничестве и международном третейском суде на Гаагской конференции // Русская мысль. 1900. № 1. С. 77—105.
4. Камаровский Л.А. Вопрос о сокращении вооружений // Русская мысль. 1899. № 5. С. 80—84.
5. Камаровский Л.А. Обзор современной литературы по международному праву. М.: Тип. А.И.Мамонтова и К^о, 1887. 354 с.
6. Камаровский Л.А. О международном суде. М.: Тип. Т.Малинского, 1881. 550 с.
7. Камаровский Л.А. О стремлениях народов к миру // Русская мысль. 1888. № 7. С. 17—33.
8. Камаровский Л.А. Начало невмешательства. Рассуждения гр. Л.Камаровского. М.: Университет. Тип. (Катков и К^о). 1874. 304 с.
9. Камаровский Л.А. Предложение России об ограничении вооружений // Русская мысль. 1900. № 5. С. 69—99.
10. Камаровский Л.А. Работа института международного права за последнее пятилетие (1876—1881 гг.) // Русская мысль. 1883. № 5. С. 93—118.
11. Камаровский Л.А. Работа института международного права за последнее пятилетие (1876—1881 гг.) // Русская мысль. 1883. № 6. С. 191—211.
12. Камаровский Л.А. Факторы мира в современной жизни // Русская мысль. 1895. № 9. С. 107—132.
13. Котляревский С.А. Несколько слов памяти гр. Л.А.Камаровского // Юридический вестник. 1913. № 4. С. 222—223.

«ЦАРЬ-АНТИХРИСТ» И «ЦАРЕВИЧ-ИЗБАВИТЕЛЬ» В НЕПРИГОЖИХ РЕЧАХ XVIII ВЕКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ПОЯВЛЕНИЯ САМОЗВАНЦЕВ

В науке принято считать, что легенды о возвращающихся «царях-избавителях» являются важнейшим культурно-историческим источником появления российских самозванцев. Однако по материалам XVIII столетия бытование таких легенд прослеживается с большим трудом. Зато для этого века характерно активное распространение «непригожих речей», в которых правящие особы, хотя и по разным конкретным поводам, воспринимаются и критикуются как «неправедные» цари. Следовательно, они в массовой ментальности интерпретируются в традиционном эсхатологическом контексте как ставленники дьявола, слуги сатаны, призванные нести людям смерть, страдания и несчастья. «Непригожие речи» способствовали осознанию происходивших в стране перемен в качестве кощунственной ломки незыблемых традиций святой старины, приводили к разочарованию социальных низов в конкретных монархах и росту народных ожиданий появления «избавителя». Поскольку престолом овладел «ложный» государь, где-то должен был находиться царь «истинный», они осознаются как естественные антиподы.

Иначе говоря, широкое распространение в обществе «непригожих речей», а не некие виртуально предполагаемые утопические легенды об «избавителях», можно рассматривать в качестве социокультурной предпосылки для появления «истинных» царей-самозванцев. Не случайно, что «непригожие речи» и возгласения различных лжецарей или их «родни» тесно коррелируют между собой в событийной истории страны.

Правители XVIII столетия хорошо знали, какой угрозой для стабильности трона может стать получивший поддержку простонародья самозванец, и опасались такого нежелательного развития событий, пытались превентивно его предотвратить принятыми мерами. В «непригожих речах» населения им каждый раз вполне обоснованно мог грезиться грозный призрак нового самозванства или самозванчества. Тем более что едва ли остался хотя бы один монарх, чья личность и деятельность не подверглась бы суровому осуждению подданных. Власть в эту эпоху очень оперативно реагировала на нередко звучащую критику высочайшего имени социальными низами: «Недаром же ведут их за те речи «непотребные» в вертепы Розыскных дел тайной канцелярии, — писал М.И.Семевский. — Если бы никто не находил в тех словах смысла и значения, зачем же вести болтунов на пытку, под кнут, на эшафот» [11, 5].

Давно доказано, что развернувшаяся в XVIII веке вестернизация страны стала верным симптомом кризиса общественной, групповой и личной идентичности в разных социальных слоях. Как отмечает Г.Ю.Литвинцева, «Петр пытается установить «натуральное право» на веселье, внушая мысль, что «разгул», «шумство», «бесовства» — обыкновенная вещь и веселиться можно всем где угодно и когда угодно» [8, 194].

Иначе на петровское «экспериментаторство» реагировали общественные низы. Значительно возросло количество дел о преступлениях против власти и государевой чести. Наиболее часто встречалась публичная критика действий Петра I или установленного им порядка управления, которые осмысливались как «неправильные» и «неправедные» [9, 277—278].

Однако не согласимся с мнением, будто бы «непригожие речи» о Петре I, решительно осуждавшие его самого и его дела, свидетельствовали о падении престижа образа монархии в глазах подданных, о развернувшейся в сознании современников десакрализации монарха как такового. Имеющиеся данные говорят совсем об ином. Они вполне органично вписываются в народную монархическую «картину мира», уходящую корнями в глубокую культурную архаику прошлого. Надо понимать, что в религиозном восприятии изучаемой эпохи царь — это сакральная фигура, уже по одной этой причине не подвергавшаяся сомнению и оспариванию со стороны социальных низов. Он — наместник бога на земле и гарант незыблемости, установленных богом справедливых порядков. В полном соответствии с императивами царистской психологии Петр I изначально должен был бы восприниматься как благочестивый помазанник божий, но волею обстоятельств оказавшийся, так сказать, «в плену» у бояр-изменников, а потому лишенный свободы воли, выбора решений и действий. Поэтому причины народных бедствий и страданий никак не ассоциируются с «истинным» царем, зато их источником могут быть, например, происки отдельных «злодеев» — чиновников и придворных.

В качестве одного из главных обвиняемых персонажей «непригожие речи» регулярно называли любимца Петра I светлейшего князя А.Д.Меншикова, у которого «в душе сатана сидит... на устах-то молитва, а в сердце злоба! От кого теперь тягости народу? Все от него. Кто царя научает? Он, матушка!» Так, выражая мнение многих простолюдинов, говорили в 1720—1721 гг. на Украине две обычные крестьянские женщины [7, 52].

Досталось «Алексахке» и от неизвестного нищего, который в 1719 году рассказал, приотившему его хозяину, что «Меншиков убил царевича, а царевича сын жаловался на него, Меншикова, о том государю своему деду, и государь Меншикова сковал» [5, 80].

Прямо противоположные речи, но также с Меншиковым в качестве отрицательного персонажа произносились в 1723 году, когда «солдат Комкин объявлял про одного офицера и стряпчего, будто они говорили, что императору этого года не пережить, и будет царствовать Меншиков» [2, 165].

Поэтому «непригожие речи» о Петре I выстраиваются в определенный культурно-семантический ряд. Социальные низы должны были объяснить причины и смысл тех событий, которые со страшной силой «подняли Россию на дыбы», но сделать это так, чтобы не подвергнуть сомнению сакральный авторитет царской власти. Так, тюремный сиделец, беглый солдат «Соколов при допросе в Преображенском» выказал недовольство по поводу того, что нынешний государь велел «платье носить немецкое и брить бороды и лбы, а людей берут неволею в солдаты и пятнают им руки и велит служить себе неволею и женился на другой жене, на иноземке, а прежнюю царицу послал в заточение в Ладогу» [7, 89].

Для народа ключевым представлялся вопрос о виновнике происходящего, о том, кто инициировал все эти драматические перемены? В «непригожих речах» нередко звучит откровенное недоумение. Народу было вполне понятно, что «настоящий» царь так поступать не мог. Но тогда — кто эта «персона», сидящая на троне? В масштабе религиозной «картины мира» пугающий воображение ответ напрашивался сам собой. Начинается постепенное осмысление конкретного правителя (Петра I) в контексте вселенского противостояния Добра и Зла как не «истинного» царя. И вот из разных концов необъятной страны раздаются крики откровения и предупреждения о царе-антихристе. В 1723 году один крестьянин говорил громко, что Петр «это — неистовый царь; никак он швед»; один раскольник в том же году толковал иезекииелево пророчество о Гоге и Магоге, «что Гог — гордость султана турецкого, Магог — владение нашего государя», или «Магог — наш российский государь император» [2, 163—164].

Не удивительно, что все большую силу набирало народное убеждение, будто которого «вы называете царь Петр Алексеевич — тот и антихрист. Прибудет он в столицу и недолго там будет, отъедет в Казань, а в те времена уже покою не будет», «у нас преставление света скоро будет» [5, 89; 7, 86, 96].

Слухи, активно циркулировавшие по стране, убедительно объясняли и другое недоумение: как антихрист умудрился оказаться на царском престоле? Говорили о том, что государя «на Москве нет. Семь лет в полону, а на царстве сидит немчин». «Государь не царского колена, немецкой породы, — передавали друг другу в 1700 г. крепостные из вневских вотчин И. Стрешнева и помещицы Мышецкой, — а великого государя скрали немцы у мамок, в малых летех, а вместо ево подменили инова»; «наш царь — в немцах, в бочку закован, да в море пущен». «Это де не наш царь, то де басурман, а наш де царь в иной земле, засажен в темницу», — рассказывал в 1705 г. белевский крестьянин Григорий Анисифоров. Да и позже подобные сомнения иногда будоражили народное сознание [3, 168—169; 2, 164, 166].

В контексте эсхатологических толкований причины бедствий, творимых «подменным» царем, теперь, в общем-то, оказывались всем понятны: «настало ныне последнее время, и антихрист в мир пришел, а антихристом в том своем письме, ругаясь, писал великого государя, также и иные многие статьи ему Государю воровством своим в укоризну писал, а народам от него государя отступить велел, и слушать его государя и всяких податей Ему платить не велел» [6, 60].

Казавшиеся кощунственными масштабные инновации решительно осуждались обычными простолюдинами, видевшими своими глазами, как «царь-антихрист» государство свое «все разорил, что уже в иных местах не сыщешь у мужика авць» [10, 28, 29].

В 1701 году вологодский крестьянин Савка Васильев, недовольный, казалось бы, всего лишь меркантильными мерами царя, т.е. введением очередного налога, громко возмущался: «Что он, великий государь!», «хорошо ему, что один он только и велик, — всеми командует! А кабы кто больше его, государя, нашелся, так тот бы его за такие указы повесил!» [1, 63].

Понятно, что в глазах истинно верующего простого крестьянина «больше» государя мог быть только бог. Поэтому вполне профанное, на первый взгляд, суждение вологодского землепашца в действительности наполнялось сакральным смыслом. Именно всевышнего, по сути дела, призывал он в помощь «православным христианам» для исправления вселенской неправды, императивно утверждавшейся на Руси сатанинскими происками через указы «подменного» царя.

Таким образом, «непригожие речи» о «царе-антихристе» Петре I рисовали в возбужденном коллективном сознании современников вполне очевидную картину всеобщих бедствий в «последнюю эпоху». Все ее звенья органично вписывались в четкую и логическую схему народного монархизма. Дело оставалось только за выбором личности «избавителя», который в масштабе традиционного мифологического мышления — страдательная фигура. Поскольку он радетель за народное благо, постольку неизбежно должен подвергаться жестоким гонениям со стороны адептов торжествующего зла. Понятно, почему «подменный» царь «пустошил» свою землю. Однако главной задачей для него оставалось устранение потенциального конкурента, т.е. «истинного» царя, представлявшего наибольшую опасность. Условиями и обстоятельствами эпохи на роль «избавителя» словно бы был «обречен» царевич Алексей Петрович, ставший объектом народной идеализации.

Его репутация противника петровских нововведений была хорошо известна и вызвала у многих искреннее сочувствие. Сторож Благовещенского собора Еремей в разговоре с жильцом Басманной слободы Мокатениновым выразил массовые ожидания и надежды: «Как-де будет на царстве наш государь царевич Алексей Петрович, тогда-де государь наш царь Петр Алексеевич убирайся и прочие с ним» [5, 79].

Понятно, что дело и гибель царевича произвели на современников удручающее впечатление, так как он, судя по «непригожим речам», воспринимался как насильственно пострадавший от происков «царя-антихриста» и его слуг. Но в контексте народно-монархических убеждений «избавитель» не мог погибнуть окончательно. Его имманентной особенностью считалась способность к «чудесному избавлению» от происков врагов рода человеческого, а потому ему «предписывалось» обязательно избежать смерти, скрыться от злодеев-изменников и дождаться подходящего повода для своего возвращения. Многочисленные самозванные царевичи под именем Алексея Петровича, реализуя эти ожидания, и принимали на себя роли и функции долгожданного царя-«избавителя». Кроме того, анализ «непригожих речей» о Петре I показывает, что в них мы встречаемся не с аксиологическим развенчанием монарха как политического института (насколько его понимали социальные низы) и не монархии как формы правления, идущей от бога, а личности конкретного правителя, действия которого действительно вызвали всенародное осуждение. Причем, что важно, образ Петра не подвергался десакрализации. Через осмысление его как антихриста сакральная оценка просто сдвигалась в сторону отрицательных значений шкалы ценностей вселенской иерархии. Но данное обстоятельство несколько не дезавуировало привычного традиционного миропонимания царя как ставленника божия на земле, напротив, органично вписывалось в него и готовило подходящие условия для зарождения и осуществления самозванческих интриг.

Литература

1. Арсеньев А.В. «Непристойные речи» (Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии, XVIII в.) [Текст] // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. С. 59—80; 375—398.
2. Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени [Текст]. Харьков: Типография «Печатное дело», 1910. 307 с.
3. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа [Текст]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 337 с.
4. Доношение дьячка Василия Федорова на отставного капрала и Волоколамского помещика, Василия Кобылина, в брани царского величества, государя Петра I-го [Текст] // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 2. Смес. С. 21—25.
5. Есипов Г.В. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии [Текст]. СПб.: Типография А.С.Суворина, 1880. 444 с.
6. Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии [Текст]. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1863. Т. 2. 277 с.
7. Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого: Рассказы из дел Тайной Канцелярии и других архивов [Текст]. СПб.: Изд-во А.С.Суворина, 1885. 387 с.
8. Литвинцева Г.Ю. Западноевропейское влияние на светскую жизнь русского дворянства в петровскую и екатерининскую эпохи [Текст] // Екатерина Великая: эпоха российской истории. СПб.: Изд-во СПбНЦ, 1996. С. 192—194.
9. Мауль, В.Я. Пугачевский бунт в зеркале народной смеховой культуры [Текст] // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 275—292.
10. Подметное письмо государю императору Петру Первому [Текст] // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 2. Смес. С. 27—30.
11. Семевский М.И. Слово и дело! 1700—1725 [Текст] // Семевский М.И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. СПб.: Типография В.С.Балашева, 1884. С. 1—339.
12. Трефилов Е.Н. Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени [Текст]: Дис. соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2010. 222 с.

*М.В.Платонова
г.Нижевартовск
МБОУ «СОШ № 31 с УИП ХЭП»*

СТРУКТУРА ОРГАНОВ ГУБЕРНСКОЙ ВЛАСТИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ)

Веками в России поднимался, частично разрешался, откладывался вопрос о рациональном устройстве вертикали управления.

Принятое в 1890 г. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» усилило контроль за выборами в органы общественного управления. В целом, администрация активно использовала предоставленное законом право контролировать процесс формирования состава самоуправления.

Центральным звеном механизма управления губернией являлась система губернаторской власти, состоявшая из подчиненных губернатору учреждений и должностных лиц.

Руководящий состав органов губернской власти можно характеризовать исходя из возложенных на них полномочий:

1) собственно управленческие должности, к которым относились чиновники 4-го — 6-го класса (председатели/управляющие губернских палат);

2) управленческие должности вспомогательного типа — чиновниками от 5-го до 9-го класса (советники, правители канцелярии /секретари, ассесоры, чиновники особых поручений).

3) Управленческие должности специализированного типа, с узкофункциональным статусом, которые замещались служащими 6-го — 7 класса (губернские инженер, архитектор, землемер, врачебный инспектор, казначей, прокурор и стряпчие).

4) «Технические» должности — чиновники 10—14 классов (эзекутор, казначей, архивариус, регистратор).

Также можно их объединить по сфере деятельности:

Учреждения с постоянным штатом:

— Губернское правление, состоящее из 4 отделений и возглавляемое старшим советником и инспекторами, которые непосредственно подчинялись губернатору. Именно им был присвоен чин VI класса.

— Казенная и контрольная палаты — губернское учреждение Министерства финансов, по департаменту Государственного казначейства. Казенной палате подчинялось казначейство, которое возглавлялось губернским казначеем, чиновником министерства финансов. Казначей был подотчетен губернатору, но не подчинялся ему.

— Контрольная палата — губернское учреждение Государственного контроля. Палату возглавляли управляющий и его помощник. Для решения важных дел собиралось Общее присутствие Контрольной палаты в составе управляющего, его помощника и старших ревизоров.

— Управление земледелия и государственных имуществ работали совместно с губернскими землеустроительными комиссиями и губернскими лесоохранительными комитетами. Штат управлений был небольшим (до 10 чиновников), им подчинялись все чины лесной охраны, а также инструкторы по сельскому хозяйству. До образования губернских землеустроительных комиссий управлениям подчинялись также и землемеры.

— Губернские землеустроительные комиссии были учреждены в 1906 году. Комиссии, под председательством губернатора, состояли из губернского предводителя дворянства, председателя губернской земской управы, неперменного члена (назначаемого главным управлением земледелия и землеустройства), управляющего казенной палатой, управляющего местными отделениями Крестьянского и Дворянского поземельного банков (как правило, эти должности совмещало одно лицо), одного из членов окружного суда, одного из неперменных членов губернского присутствия, управляющего удельным округом (если он имелся), шести членов, избираемых губернским земским собранием, из которых три должны были быть крестьянами.

— Городские полицейские управления делились на части и возглавлялись заведующими.

Постоянно действующие комиссии, комитеты:

— губернское присутствие — независимая межведомственная комиссия, под председательством губернатора, состоявшую из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружного суда или его товарища, и двух неперменных членов от правительства. Два неперменных члена присутствия были его штатными сотрудниками. Они назначались из лиц, не менее трех лет работавших в должностях не ниже VI класса, связанных с управлением крестьянскими делами. Неперменные члены могли производиться в V класс (статский советник), а при особых заслугах — в IV класс (действительный статский советник).

— Тобольский губернский попечительный комитет о тюрьмах и Тобольский губернский попечительный о тюрьмах комитет по женскому отделению осуществлял наблюдение за порядком размещения арестантов в тюремных камерах, состоянием тюремных помещений и больниц, препровождением арестантов.

В приведенном выше списке административных органов отсутствуют учреждения, отвечающие за весьма важные функции, по следующим причинам:

Судебные учреждения представляли собой независимую ветвь власти и не относились к числу губернских учреждений.

Образование управлялось через 12 учебных округов министерства народного просвещения, на губернском уровне управление высшим образованием отсутствовало.

Центральной фигурой общественного самоуправления в конце XIX — начале XX вв. стал городской голова, который, будучи избран думой, утверждался в должности губернатором и министром внутренних дел.

Судебную защиту городского самоуправления должны были обеспечивать губернские по городским делам присутствия, в состав которых входили: председатель губернского правления, управляющий казенной палатой и губернский прокурор.

Органы самоуправления взаимодействовали с сословными организациями: купеческими и мещанскими обществами. Купеческие управы, в отличие от мещанских, принимали активное материальное участие в экономических проектах дум. Тобольская городская дума в январе 1898 г. обратилась к мещанскому старосте с просьбой оказать денежную помощь на содержание временной тифозной больницы. В том же году дума

Тобольска просила мещанского и купеческого старост помочь организовать обед в честь приезда в город министра путей сообщения.

Таким образом, рассматривая состав органов губернской власти на примере Тобольского губернского управления конца XIX — начала XX веков можно заключить, что система отличалась четкостью и продуманностью. Губернские учреждения, в целом возглавляемые чиновником министерства внутренних дел — губернатором, находились под началом различных министерств и ведомств. Основным законом, регулирующим их деятельность, был «Свод учреждений губернских». В состав губернских учреждений не входили судебные и военные учреждения.

Н.В.Пискунов

*Волгоградская область, г.Волжский
Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского
гуманитарного университета*

СЕЛО ВЕРХНЯЯ АХТУБА В 1930-е ГОДЫ

Нынешний город Волжский, известный в советское время как город гидростроителей, располагается на месте села Верхняя Ахтуба, представлявшего собой важный административный пункт, соединявший юго-восточную часть тогдашней Сталинградской области с остальной ее частью. История данного поселения на сегодняшний день является одним из наиболее важных вопросов местного краеведения, т.к. многие исторические события истории Нижнего Поволжья происходили именно в районе, где располагалось село. Также немаловажный интерес представляет история поселения во времена сталинского режима, особенно 1930-е годы, так как именно этот временной промежуток повлиял на жизнь людей и во многом способствовал укреплению сельского хозяйства в этой местности.

Население Верхней Ахтубы в 1930-е годы насчитывало 10,5 тысяч человек, что говорило о больших размерах села [1, Л. 175]. И действительно, поселение было достаточно большим — около двух километров в длину и одного километра в ширину, расположенного вдоль левого берега р. Ахтуба. Жители работали в трех колхозах, территориально прикрепленных к поселковому совету Верхней Ахтубы — «Большевик», «Красный Буксир» и «Пролетарий» [2, Л. 190]. Коллективные хозяйства специализировались, в основном, на производстве мелкого и крупного рогатого скота, овощной и молочной продукции. Также в 1930-е гг. появился колхоз «Безбожник», специализировавшийся на производстве силосных культур [3, Л. 136]. Тогда же была введена звеньевая система работы крестьян в коллективных хозяйствах — за каждым звеном закреплялся участок земли и давался план. Сверхплановая продукция оставалась в звене и делилась на всех. Для повышения производительности труда широко использовалось социалистическое соревнование или движение «пятисотников» — овощеводов, которое начиналось в с. Верхняя Ахтуба (село Безродное), особенно в колхозе «Безбожник», образованном в 1932 г. Инициатором соревнования выступила бригадир колхоза «Безбожник» Анна Ивановна Сахарова. Соцсоревнование заключалось в стремлении получить урожай в 500 центнеров с 1 га и 100 центнеров картофеля с 1 га земли. Государственный план колхоз «Безбожник» выполнил полностью к 1939 г. — было сдано 1159 центнеров помидор, 686 центнеров огурцов, 688 центнеров капусты и др., значительно перевыполнив план. На трудодни крестьянам было выдано и перераспределено около 10 тыс. центнеров овощей. Благодаря стараниям активиста поселкового совета Степана Васильевича Кумскова в селе был организован плодовый питомник, приносящий колхозу ежегодно 45—50 рублей дохода. В 1939 г. С.В.Кумсков участвовал в работе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, где обменивался опытом по выращиванию мичуринских сортов яблок и груш [4, Л. 2]. Помимо работы в коллективных хозяйствах, часть крестьян работала в рыбколхозе, откуда рыбу отправляли в Сталинград и Астрахань по Волге [5, Л. 150]. Также функционировала мельница, где перерабатывался хлеб, выращенный в колхозах. Система народного просвещения начала работать в Верхней Ахтубе с 1920-х гг.

Сразу же после установления Советской власти в селе начала работать изба-читальня, где жители могли узнать о происходивших в стране событиях. Однако, основным просветительским центром поселения продолжала оставаться старая школа, директором которой с конца 1920-х гг. и до начала Великой Отечественной войны была супруга главного верхнеахтубинского овощевода Степана Васильевича Кумскова Мария Ивановна Кумскова. В течение каждого учебного года возникали проблемы, связанные в основном с необходимостью капитального ремонта здания, и обеспечением его отопления зимой. Поселковый совет зачастую ограничивался косметическим ремонтом, а школьное здание отапливалось кизяком, так как очень часто не хватало дров [6, Л. 20]. Сложной была ситуация и с обеспечением учителей Верхнеахтубинской средней школы жильем. Второй этаж школьного здания был приспособлен под учительское общежитие, сохранившееся до конца Великой Отечественной войны. Ежегодно в поселковой школе обучалось около 300—350 человек [7, Л. 21].

К 1937 г. село успешно развивалось, постоянно считалось передовым по выполнению планов по развитию сельского хозяйства, являлось экономической опорой Среднеахтубинского района. Однако, политические репрессии, набравшие полный оборот в 1937 г., внесли свой отпечаток в социальную и хозяйственную жизнь села. Еще в 1936 г. репрессии коснулись средних партийных чиновников района, проживавших в Верхней Ахтубе. Так, в июне 1936 г. была арестована Мария Григорьевна Пшестанчик, занимавшая должность заместителя директора Средне-Ахтубинской машинно-тракторной станции (МТС) по политчасти. Причиной ареста была «пропаганда троцкизма и вредительство», проводимые совместно с ее супругом Люшниним, занимавшем должность заведующего культпропагандой Среднеахтубинского района. Пшестанчик и Люшнин были исключены из рядов ВКП(б), отправлены в Сибирь, где впоследствии были расстреляны [8, Л. 155]. После этого был арестован заведующий Среднеахтубинского РОНО Рокицкий, которого также обвинили в провокационной и антипартийной деятельности [9, Л. 12—16]. В 1936 г. в Верхней Ахтубе произошел неприятный инцидент, заставивший серьезно побеспокоиться районный комитет партии и областной комитет. 28 августа 1936 г., гражданин Кузьмин Василий Иванович во время агитационного собрания в избе-читальне села Верхняя Ахтуба совершил контрреволюционное выступление — восхвалял Троцкого и присваивал ему исключительные заслуги в деле обороны Царицына в 1918 г., принижая тем самым, заслуги И.В.Сталина [10, Л. 166]. После этого происшествия был снят с должности, исключен из рядов партии и осужден руководитель агитационной части Верхней Ахтубы, по обвинению в ненадлежащей агитационной и просветительской работе с Кузьминым, что привело к появлению сомнений у других присутствовавших во время собрания товарищей [11, Л. 167]. В 1937 г. началась проверка деятельности партийных и хозяйственных работников всех уровней в районе, и в селе Верхняя Ахтуба, в частности. Были смены председатели колхозов, новые председатели также проходили многочисленные проверки. В целом, это вылилось в череду частых смен председателей колхозов, что в свою очередь, серьезно отразилось на уровне сельскохозяйственного производства. Большая часть сельского поселкового совета Верхней Ахтубы лишилась своих должностей, некоторые были осуждены на небольшие тюремные сроки. К марту 1939 г. — к моменту XVIII Съезда ВКП(б), на котором И.В.Сталин объявил о разгроме троцкизма в СССР — репрессивная кампания стала подходить к концу. Верхняя Ахтуба стала постепенно возвращаться в привычное русло хозяйственной жизни, расширившись до своих максимальных пределов, объединив в себе более 2 тыс. дворов с населением около 10 500 человек [12, Л. 100].

Таким образом, 1930-е годы стали знаменательным в истории села Верхняя Ахтуба, в это время активно развивалась хозяйственная работа, развивались колхозы и формировались предпосылки для возможной в будущем организации небольшого промышленного производства, или, в крайнем случае, организации бесперебойных поставок сельскохозяйственной продукции в Сталинград. Активная работа верхнеахтубинской средней школы была замечена руководством Среднеахтубинского района, в результате чего сельская школа была признана одной из лучших в районе. Наиболее важным и значимым итогом развития Верхней Ахтубы в 1930-е гг. стало формирование устойчивой базы на левом берегу Волги, подразумевавшей под собой наличие развивавшегося села, идеально подходившего под осуществление сталинских планов преобразования Волго-Ахтубинской поймы и строительства Сталинградской ГЭС.

Литература

1. Протокол № 13 заседания бюро райкома 1936 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 1. Д. 20. Л. 175.
2. Протокол № 27 заседания бюро райкома ВКП(б) 1938 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 1. Д. 58. Л. 190.
3. Протокол № 1 заседания бюро райкома 1935 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 1. Д. 7. Л. 136.
4. Садовод // Колхозная Ахтуба. 1940. 1 мая. Л. 2
5. Акт об ущербе и убытках, причиненных немецко-фашистскими захватчиками колхозу «Безбожник» Верхнеахтубинского сельсовета Среднеахтубинского района Сталинградской обл. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6088. Оп. 1. Д. 756. Л. 150.
6. Протокол № 7 заседания Верхнеахтубинского сельского поселкового совета 1937 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 4. Д. 19. Л. 20.
7. Протокол № 31 заседания бюро райкома ВКП(б) 1935 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 7. Д. 6. Л. 21.
8. Протокол № 13 заседания бюро райкома ВКП(б) 1936 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 1. Д. 20. Л. 155.
9. Протокол № 20 заседания бюро райкома ВКП(б) 1936 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 1. Д. 23. Л. 12—16.
10. Протокол № 31 заседания бюро райкома ВКП(б) 1936 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 7. Д. 20. Л. 166.
11. Протокол № 31 заседания бюро райкома ВКП(б) 1936 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 89. Оп. 7. Д. 20. Л. 167.
12. Протокол № 1 общего партийного собрания и план работы на 1940-й год // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 4064. Оп. 1. Д. 7. Л. 100.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1928—1929 гг.

Культурно-просветительная работа в 1928 г. на территории Владимирской губернии была довольно широко распространена и охватывала всех сферы культурной жизни населения, как городского, так и сельского.

Деятельность культурно-просветительной работы в основном заключалась в удовлетворении культурных запросов граждан, а так же была поставлена задача улучшить и развить сеть культурно-просветительных учреждений страны.

Основным очагом проведения культурно-просветительной работы были рабочие клубы. На многих предприятиях наряду с клубами начали создаваться цеховые красные уголки. В клубах проводились торжественные вечера, читались лекции, устраивались художественные выставки, выпускались стенные газеты. «Работники районной сельской школы участвовали в демонстрации и проводили беседу об октябре на кружке самообразования» [1, 1]. Так в Ягодинской волости, Судогодского уезда, Владимирской губернии учительством были проведены празднества по очередной годовщине Октябрьской революции, подготовили спектакль, выпустили стенгазету. «Через школу было перенесено на население массовые демонстрации с поголовным участием граждан, даже пожилых и стариков. Ко дню революции во многих селениях культурный подход вылился в реальность. Например, в д.Чернятино, Судогодского уезда, Ягодинской волости был открыт красный уголок на самообслуживание граждан» [1,3]. 1920-х гг. рабочий клуб стал центром политической и культурной жизни населения. При клубе имела библиотека, работали кружки политпросвещения, хоровой, физкультурный, драматический и производственный. Основным типом просветительных учреждений в селах были изба-читальня. В ее состав входили библиотека, различные кружки. Как и в городских клубах, центральное место в деятельности изб-читален заняли собрания, лекции, беседы, постановка спектаклей, громкие читки и обсуждения газет и журналов. Как правило, активная деятельность этих учреждений приходилась на разные праздники и кампании. Во Владимирской губернии среди населения участие в местной культурной работе клубов и изб-читален было не столь активным как в других губерниях. Поэтому комиссия по вопросам культурной работы особо отмечает факт привлечения большого количества населения, в особенности деревенского, к культурной жизни.

Особо же нужно отметить вопрос об антирелигиозной работе среди населения. Основным вопросом культурной работы в период с октября 1928 г. по апрель 1929 г. стал вопрос о поднятии «безбожной квалификации просвещенца и усилении антирелигиозной работы внутри союза, в школе и среди окружающего населения». Среди некоторых учителей в школе все ещё присутствовали «религиозные настроения (церковные похороны, хождение в церковь, ношение крестов, хранение икон и т.п.), кое-где есть разговоры о религиозном «нейтралитете». С этими нездоровыми, вредными явлениями союз, общественное мнение просвещенцев должны понести самую решительную борьбу» [1, 7]. «Слабость работы в этом направлении объясняется неумением ее организовывать и вести, слабостью безбожной квалификации». Так как учителей в 1920-е годы катастрофически не хватало, чтобы все получили начальное школьное образование, то выбирать не приходилось, и поэтому в школах работали в основном учителя старой закалки, которые были в основном верующими. Советские власти не один год потратили на то чтобы искоренить этот православный настрой среди учителей в школьной среде. «Антирелигиозная работа — это в высокой степени важная общественно-политическая работа, потому что реакция укрепляется сейчас особенно на религиозном фронте — нарождение всевозможных сект, группировок, являющимся резервуаром, где скопляются антисоветские, антипролетарские силы» [1, 7]. Конечно, советские власти считали, что любые антисоветские недовольства могут появиться только в церковной среде среди верующего населения, поэтому борьба против религии была одной из приоритетных задач на территории всей страны.

Особенно предлагалось усилить работу среди рабочих живущих в деревне, «проникая непосредственно в места их жительства, через красные уголки и библиотеки, читальни, кино и радиоустановки, что и облегчит втягивание их в производственную и общественную жизнь предприятия». Были поставлены задачи организовать антирелигиозную пропаганду не только с помощью лекций, но и «художественно-лекционными постановками, организацией кружков по изучению антирелигиозных вопросов, снабжением литературой библиотек, оказание в работе помощи ячейкам союза безбожников» [1, 13]. Людей всячески вовлекали в организацию красных уголков, изб-читален и работу клубов, в особенности легко было это делать в уездных городах или деревнях, потому что люди были мало образованы и радовались любым новшествам в их повседневной жизни. В каждой школьной и сельской библиотеке должна была обязательно появиться хотя бы одна книжка на антирелигиозную тематику.

Практически данные вопросы, по мнению союза, должны были выразиться в: подготовке актива через семинарии, курсы самообразования; «создание условий работы: библиотеки, подбор учебников, выписка

из газет и журналов; организация антирелигиозных кружков при увязке с союзами безбожников»; внесение во все виды культработы антирелигиозного колорита. А в школах было решено «пропитать антирелигиозным содержанием все программы школы, и не ставить антирелигиозные вопросы целью, а как окраска, оттенки при иллюстрации отдельных вопросов. Например: по естествоведению, химии, физики, краткий обзор религиозных точек зрения на все темы (происхождение грома, молнии, человека и т.п.). По обществоведению возможно при проработке тем классовой природы, роли и значения религиозных верований и церковных» [1, 18]. При школах первой ступени было решено обязательно открыть уголок безбожника, а так же организовать повышенного типа безбожников, которые непосредственно наблюдали за обучением школьников и конечно за работой учителей.

Одной из распространенных форм антирелигиозной пропаганды 1920-е гг. были так называемые «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха», делающие ставку на эмоциональность молодежи. Повсеместно рекомендовалось проводить обход по домам с красной звездой, «славя Советскую власть», устраивать «красные елки». Комсомольцы должны были показать, что в праздниках нет никакой святости, а новому поколению не нужны ни боги, ни черти.

В апреле 1928 года в г.Владимире на совещании культкомиссии на повестке дня стоял «вопрос о проведении праздника 1-го мая» [2, 15], который также проводили вместе антирелигиозной неделей в часть празднования Пасхи. Православный праздник активно пытались заменить современным советским, что конечно по началу люди восприняли крайне настороженно, и нужно отметить, что не во всех городах Владимирской губернии от прижился в 1920-е годы.

3 апреля 1929 года на совещании культкомиссии вышло решение о проведении антипасхальной кампании в г.Владимире. Постановили обязать все клубы города приступить к подготовке коллективов к проведению антипасхальной кампании, «использовать шире в этой работе членов в Союзе Безбожников, оживляя их работу по линии использования сил Горсовета безбожников вовлекая в проведение антипасхальной кампании художественные кружки» [2, 136].

Комсомольцев призывали праздновать свои праздники, посвященные победам над классовыми врагами трудящихся и над силами природы. Ценность новых праздников видели в поклонении не святым воспринимаемым молодежью как нечто мифическое, а людям, которые пострадали за строительство коммунизма, то есть за комсомольцев. В то же время комсомольцы обязывались не устраняться от религиозных праздников, а использовать их в интересах антирелигиозной пропаганды, демонстрируя, что «молодежь не верит богам земным и небесным и стаскивает их на землю показывает их такими, каковы они без прикрас [3, 82—83].

В 1920-е гг. антирелигиозный вопрос занимал одну из важнейших задач при строительстве «нового общества». Советское правительство с помощью агитации и пропаганды атеистической идеологии пыталось избавиться от православной идеологии, которая господствовала в царской России.

Литература

1. ГАВО. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 77. Л. 34.
2. ГАВО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 51. Л. 238.
3. Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12.

Н.В. Сапожникова

ВОСПОМИНАНИЯ Р.Р. ФОН РАУПАХА «FACIES HIPPOCRATICA (ЛИК УМИРАЮЩЕГО)» О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ РОССИИ

Палитра человеческой памяти, как правило, предполагает два средства «Макрополос»: курсивом — радости и пунктиром — потери. И помня о многом, человек забывает главное — опыт предшественников и цену, уплаченную за его приобретение. Хотя вопрос «исторического баланса» — «как не стереть историю», упиваясь иллюзией свободного полета «воздушного шарика объективности» [1], — сегодня как никогда актуален. В подобном контексте мемуаристика выполняет роль камертона с его «чистотой звуковой настройки» инструмента Истории на Понимание. Как справедливо заметил великий Ю.М.Лотман, знать и понимать историю — вещи разные: «История не меню, где можно выбирать блюда по вкусу. Здесь требуется знание и понимание» [2].

Прошлое обнаруживает свое присутствие в настоящем самыми различными способами и, прежде всего, в виде определенной «перекодировки» коллективной памяти с сохранением письменных свидетельств о нем в форме создаваемых по «горячим событийным следам» дневников, записок, писем. Либо — с ретроспективной дистанцией в «одну человеческую жизнь» на уровне воспоминаний и мемуаров, где соседствуют авторская наблюдательность, избирательный характер отношения к фиксируемым фактам и событиям, смена

настроений, моральные и этические установки, умение быть интересным собеседником. И если талант рассказчика сочетается с психологически тонкими его наблюдениями, аналитически грамотными прогнозами, подтвержденными самой жизнью, юмором и отсутствием желания свести «счета» с кем-то из современников с помощью листа бумаги — у такого жанра есть будущее и благодарные читатели.

Именно так случилось в XXI-м веке (!) с недавно опубликованными воспоминаниями практически неизвестного для большинства историков-специалистов полковника Р.Р. фон Раупаха (1870—1943) — «хорошо информированного» военного прокурора, очевидца и активного участника многих событий в России революционного рубежа [3]. Он был членом Чрезвычайной Следственной комиссии 1917 г., организатором побега генерала Л.Г.Корнилова (1870—1918) из Быховской тюрьмы в ноябре 1917 г.; одним из инициаторов возникновения Белого движения и напрямую связанным с последующими страницами его истории.

Написанные в годы эмиграции в Финляндии воспоминания фон Раупаха предваряет авторское Предисловие с объяснением не столько причин их появления, сколько приглашением читателей вслед за памятью пройти маршрутами «ландкарты», которые позволили бы «проследить тот путь, *который неизбежно должен был привести и действительно привел бывшую империю к распаду*» (курсив наш — Н.В.С.). При этом оговаривались «естественные границы авторского обзора», «метод исследования» и те источники, которые позволили фон Раупаху прорисовать «лик умирающей России» [4]. Страна, владевшая скрытыми в ее недрах потенциальными сокровищами, по замечанию мемуариста, имела скорее «только возможности. Обладавший ими народ был беден»: «У русского мужика оно состояло из медного пятака и медного креста на шее. <...> Бедность была одной из причин того, что в России многое было второсортным, недоделанным и потому отсталым» [5].

Калейдоскоп исторических лиц, череда политических судеб, уникальный фотоархив на основе авторских синхронных снимков, стремление соблюсти «точность фактологической фокусировки» и личной сопричастности к тем или иным событиям — делают эти воспоминания поистине уникальным источниковым материалом. С достаточно удаленной временной ретроспекции, в условиях начавшейся Второй мировой войны мемуарист пытается осмыслить причины полномасштабного краха самодержавной государственной машины власти. Он проницателен в характеристиках царственных особо и придворных, генералитета и духовенства, политических деятелей царского и Временного правительств, в том числе А.Керенского, слова которого были «не более как иллюзия его несчастного сердца» [6]. Фон Раупах исчерпывающе краток в анализе самой общественной атмосферы *января/февраля — октября 1917 г.*, периода «неудержимого развала и распада государства»: «Вся русская интеллигенция уступила руководство событиями без всякой борьбы. <...> Когда в ночь на 26 октября большевики повели атаку на Зимний дворец, ... то бедные девушки, кассирши, кондукторши, да сотня казаков и юнкеров оказалось всем, что в России пожелало защищать свою государственную власть» [7].

Автор оказался одним из немногих (возможно, единственным), кто с большим сочувствием относился к положению русских женщин в эпоху столь разрушительных перемен, отдавая дань уважения и девушкам-революционеркам, воспроизведя знаменитые когда-то стихи в прозе И.С.Тургенева «Порог», правда, приведя их без авторства — столь узнаваемы были в России эти строки! Он первым в мемуаристике не просто дал панораму страданий и унижений женщин из создававшихся в годы Первой мировой войны женских батальонов, но и принес «высокое мужское покаяние»: «...Только русская женщина показала, что могут быть и в России возможности, (возвышающие) к звездам. Погибшим на войне бесчисленным русским девушкам за подвиги, вероятно, единственные в истории человечества, никто не сказал даже спасибо. Не сказал и, конечно, никогда не скажет, ибо их имена давно забыты и могилы никому не известны. Пусть же мне будет позволено мысленно возложить на эти могилы тот венок, который сплел и которым украсил наш великий писатель русскую девушку, эту лучшую надежду русского будущего» [8].

Примечательно, что вопреки многим синхронным воспоминаниям эмигрантского лагеря, фон Раупах выступает практически «апологетом» В.И.Ленина и его политики, подчеркивая, что тот «один здравым умом своим уловил дух народа много вернее Миллюкова и Керенского»: «Двумя словами: «Долой войну» он обратил миллионы вооруженных людей в большевиков и, опираясь на них, захватил власть, покончил с пустословием и иссушающей мозг словесной одурью» [9]. «И в ... близости к народу, умении создать тесную связь с ним, а вовсе не в одном терроре заключается вся сила коммунистического строя». Но параллельно с этим, автор прозорлив в отношении ситуации, «когда государство находится на волос от гибели», — тогда «цвет (курсив авт. — Р.Р.Раупаха) этого волоса утрачивает всякое значение, и «самодержавие» должно быть по всей линии. Никаких партий кроме правящей, никакой печати, кроме правительственной, никаких свобод собраний ... и никого кроме верноподданных. Иначе гибель. Воображаю, — подчеркивает он, — какие ушаты помоев будут выливать на мою голову по поводу этих выводов и соображений. Но цель моя честная и искренняя». Чуть ниже он делает оговорку, что сердце его склоняется не к Интернационалу К.Маркса, а к идеалу А.Гитлера с его пространной, как показала история, Валтасаровой патетикой стремления, «чтобы каждый немец предпочел чистить улицу на своей родине, чем царствовать в другой стране» [10].

Парадоксально интересными предстают авторские реминисценции о судьбе русского народа, который «не умер — он жив. Вместе с верой в новую жизнь и в свое будущее он научился уже понимать, что ничто так

беспощадно не убивает любви к родине, как ее ничтожество и невозможность ею гордиться. <...> Итак, вперед, — заключает автор. — Вперед без оглядки на ... прошлое... Жертвы принесены, дело сделано» [11]. Эпилог книги впечатляет смысловой глубиной прощания не только с Россией, но и жизнью: «Всякое кладбище вызывает грустное чувство. Кладбище моих воспоминаний сделало это с особенной силой. Сколько счастливых переживаний, дорогих образов и милых лиц с тихой печалью смотрят на меня из тумана безвозвратно ушедших годов. Жизненная буря оторвала их от меня, но вместе с ними она вырвала и мое сердце. Прощай, прошлое, прощай, жизнь!» [12].

Не все воспоминания выдерживают испытание временем и читательским вниманием, которое сегодня явно избаловано обилием глянцевого обложки. Однако именно «живой голос истории», донесенный до нас Р.Р.фон Раупахом, оказался настолько «привлекательно-высоким» и не сорвавшимся на фальшь, что не потерялся в современном полиграфическом изобилии, став другом. Он оказался способным рассказать много больше, чем иные сочинения профессионалов, перед которыми стоят, пусть и благородные, но совершенно иные задачи, нередко понимаемые порой грубовато утилитарно, словно История — это большой склад ненужных, забытых и истлевших вещей, имен, фактов. Фон Раупах вернул нам ощущение противоречивой реальности того прошлого, временная проекция которого, как фантом, сегодня едва различима, поскольку ушли не просто люди — исчезла за гранью времен память о тех, кто может «от первого лица» рассказать «о времени и о себе», а не только о «себе во времени». Это позволяет вместе с Аврелием Августинем воскликнуть: «Велика сила памяти; не знаю, Господи, что-то внушающее ужас есть в многообразии ее бесчисленных глубин. И это моя душа, это я сам. <...> Жизнь пестрая, многообразная, бесконечной неизмеримости!» [13].

Литература

1. Ананченко А. История опасна, как ядерная физика. // Профиль. Еженедельный журнал. № 32 (587) от 01.09.2008. URL: <http://www.profile.ru/items/?item=26884>. Дата доступа 01.02.2013 г.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство. СПб., 1994. С. 14.
3. Раупах Р.Р. фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 г. / ред. и коммент. С.А.Манькова. СПб.: Международная Ассоциация «Русская культура»; Алетея, 2007. 416 с.
4. Раупах Р.Р. фон. Указ.соч. С. 25—26.
5. Там же. С. 28.
6. Там же. С. 289.
7. Там же. С. 289—290.
8. Там же. С. 157 — 159.
9. Там же. С. 290.
10. Там же. С. 291— 292.
11. Там же. С. 295.
12. Там же.
13. Цит. По: Бердинских В. Ремесло историка в России. М.: Новое лит. обозрение, 2009.

Ю.Н.Смирнов

г.Самара

Самарский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ И ОБУСТРОЙСТВА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ В ОРЕНБУРГСКИХ «ПРОЖЕКТАХ» Д.В.ВОЛКОВА 1763—1764 ГОДОВ

Начало 60-х гг. XVIII в. остается одним из недостаточно изученных периодов в истории Заволжья и Приуралья, находившихся тогда в составе молодой Оренбургской губернии. Есть обширная литература, в т.ч. монографическая, посвященная образованию и начальному этапу существования этой губернии [10], ее первому губернатору И.И.Неплюеву [2], в которой охватываются 1730-е—50-е гг. Весьма обстоятельно рассмотрены важные вопросы драматической истории региона с середины 1760—х до середины 1770-х гг., такие как созыв и работа Уложенной комиссии [1], Пугачевщина [8] и борьба с ней [7]. В настоящей статье нами из истории юго-восточных окраин страны в первой половине 1760-х гг. было выделено пребывание во главе оренбургской администрации известного государственного деятеля Д.В.Волкова.

С февраля 1758 г. после отставки Неплюева пост губернатора оставался вакантным более 14 месяцев, в течение которых местные органы находились, как это бывало раньше при отлучках Неплюева из губернии, под ведением А.И.Тевкелева и П.И.Рычкова. С 1759 по 1762 г. оренбургским губернатором являлся А.Р.Давыдов, оставшийся незаметным в тени предшественника и вызвавший многочисленные жалобы на свои действия. На этом основании Екатерина II приняла решение об отставке Давыдова [6].

Дела последнего 9 мая 1763 г. принял Д.В.Волков. Формально он стал первым в истории Оренбургской губернии вице-губернатором, попав сюда в почетную ссылку [4].

Волков был приближенным свергнутого императора Петра III. Ему приписывается авторство самого знаменитого законодательного акта того недолгого царствования — «Манифеста о вольности дворянской».

Удаляя на время царедворца из столицы, Екатерина II, тем не менее, продолжала ценить Волкова как администратора. В июне того же года она возвела его на должность губернатора и наделила «по его в делах способности» дополнительными полномочиями, разрешив лично ей «от себя самого всякие представления делать и присылать проекты» [11, 186].

Волков оправдал ожидания императрицы в плане прожектерства, но оказался не готов к ответственной самостоятельной работе на окраине, что, впрочем, сам понимал и признавал. Он оставался в Оренбурге чужим, никак не мог даже получить необходимые сведения от губернской канцелярии и таможи: «...Я в сих делах признаюсь здесь за самого постороннего человека» [5, Л. 12 об.].

Все-таки пронизательный взгляд опытного столичного чиновника подметил многие интересные для нас особенности управления на юго-восточном пограничье Империи. Может быть, как раз этому и способствовал взгляд «постороннего», не слившегося с местной средой, а потому не утратившего способность подмечать в ней особенное и непривычное.

Наряду с традиционными для оренбургского губернатора вопросами продвижения в Азию, развития восточной торговли, добычи полезных ископаемых, взаимоотношений с кочевниками Волков внимательно вглядывался также в состояние и перспективы освоения подведомственных территорий, в том числе в сельскохозяйственном отношении. Его раздражало, что в «толь высоком собрании премудрости и прозорливости», каким должен быть Сенат, от губернатора требуют мнения «единственно о распространении здешней коммерции и о большем вымине золота и серебра». Он же убежден, что на все надо смотреть гораздо шире: «...В бытность мою при делах случилось мне многократно опытами удостовериться, что самые лучшие мнения, но единственно к одному только предмету устремленные, а с другими обстоятельствами несогласные, обращались к великому других важных государственных дел повреждению, чему и теперь столько примеров настоит, что я их здесь приводить и не осмелюсь» [3, 454].

«Держась порядку, учиненного» им самим в изложении порученных ему дел, Волков уделил немало места состоянию земледелия и крестьянства: «Мало, скажут мне, хлеба и в самом Оренбурге, но естли о сем рассуждать, то никогда и Оренбурга не было б. В самом начале сего заведения получался сюда хлеб весьма высокою ценою, да и то так трудно и недостаточно, что помирали люди с голоду. Ныне, слава богу, становится сюда мука гораздо дешевле, нежели в Новгороде... Следуя удачному в том примеру, надобно только приложить большее старание, и до того конечно довести можно, что Оренбургская губерния свой избытки хлеба за Яик отпустить будет. Того требует разум и государственная политика. Где заведется пашня, там и домостроительство, а где домостроительство, там и тишина и власть законов (выделено нами — Ю.С.). Напротиву того кочующие народы всегда будут ветрены и законам не подчинены. Пример мы тому видим в собственных ваших россиянах. Естли б наши крестьяня не повадились, хотя из под неволи, домов своих и сродников лишаться и всякой год далеко на заводы вояжировать, и через то не сделались бы бурлаками, они снесли бы может быть и еще столько ж налогов, сколько несли, а однако ж не взбунтовали б...» [5, Л. 15 об.-16]

Волков полагал, что делу заселения и освоения новых земель не должны мешать ни национальные или религиозные предубеждения, ни опасения сокращения числа работников в уже обжитых регионах. Он не видел ничего предосудительного в движении нерусских крестьян на новые земли, советовал реально взглянуть на малоутешительные итоги принудительных способов обращения в христианство, считал за лучшее поощрять движение многонационального населения из Казанской губернии в близкую Оренбургскую, чем провоцировать запретами и притеснениями бегство жителей за кубанскую границу России или в другие отдаленные места [3, 457].

В оренбургских «прожектах» Волкова постоянно присутствует мысль, что не столько внешняя угроза российскому пограничью, сколько здешнее внутреннее неустройство чревато большими опасностями для государства. Предчувствие приближающейся социальной грозы отличает его взгляды от позиции многих других сановников и администраторов. Он предупреждает, что крестьянство «из под неволи» выбивается из привычного и устойчивого состояния, склоняясь к бунту.

Не все хорошо и во взаимоотношениях власти с другими слоями общества. Так, Волкову претит бытующий подход к торговому люду, «чтоб купцов хуже собаки почитать, и потому их к себе на глаза не пускать» [5, Л. 18].

Губернатора тревожит далекое от послушания и исполнительности восприятие местным чиновничеством распоряжений центральных органов власти, которое в свою очередь вызвано некомпетентностью и глупостью столичных деятелей, заслуживающих за то «в пример другим» жестокого наказания. Он пишет императрице, хоть той «несравненно приятнее было б слышать повсюду согласное с матерним Вашего Величества попечением поведение», что положение в местных органах власти далеко от того, что та ожидает: «Поведить невозможно, с каким любопытством рассматривают в подчиненных местах приходящие от вышних

правительств указы. Сверх природной в людях к критикованию склонности, примечал неоднократно, что малых мест люди радуются больших мест ошибкам, говоря: «видно, что и там такие ж люди, как и мы, грешники», а сие буде не первым, то однако ж не последним источником государственных болезней почитать должно» [5, Л. 12 об., 18].

Волкова настораживает недальновидный подход к главной опоре правительства в пограничном крае — людям военным, солдатам и казакам местных гарнизонов. Характерен поворот в рассуждениях о недостатках на пограничных линиях от вопросов военной к внутренней политике: «Построенные вдоль по рекам на превеликом расстоянии крепости, кои называются линиею, ибо другой никакой нет, требуют превеликого губернаторского попечения. Прямое сих крепостей описание и подобие таково, как бы где после великого пожара за первое почтено было, погорелое место каким ни есть забором обнести, ибо кроме дурного забору ничего и нет, а людям для скорости землянки или из обгорелых бревешек какие-нибудь лачужки поделывать. Я не говорю, чтоб сии крепости делать сего имени достойными, и знаю, что в том нужды нет, а по меньшей мере не тем спешить надобно. Но то не терпит времени, что почти во всех сих крепостях недостает уже не токмо чем помянутые заборы починивать и шалаши делать, но чем и хлебы печи; что также в большой и самонужнейшей части сих крепостей такая дороговизнь, что ржаная мука с лишком по 20-ти коп. пуд бедными солдатами покупается. Естли которой женат или детей имеет по нещастию, вместо того что надлежало б, ни одного в оных не иметь неженатого. Сии люди в такой бедности и в таких тяжких всегда работах, что самим варварам, смотря на них, нельзя не сжалиться (выделено нами — Ю.С.). А всему тому пособию также не выше сил человеческих». Сообщение о неустройстве в пограничных войсках вызвало особое беспокойство императрицы. Она отвечала: «О крепостях линейных пришлите прямое сведение, какого и в чем они требуют поправления, а особливо опишите мне тяжкую работу и то иго, в котором тамошние солдаты поработежь» [5, Л. 5, 16 и об.].

Губернатор в ответ внимательней присмотрелся к войскам и отметил в новом своем донесении другие недостатки, которые можно разделить на связанные 1) с их содержанием, 2) характером службы, 3) комплектованием рядового и офицерского состава. Соответственно были указаны пути решения [3, 454—455]:

— «по линии в крепостях расположенные полки в такое состояние привести, чтоб они домостройно жили и со временем сами собою комплектовались, чтоб офицеры и другие чины и наипаче того экономию свою здесь завели. Праздных и удобных мест найдется довольно, буде не при всех, то при многих крепостях, а в иных со временем по усмотрению можно и перемену сделать».

— учесть, что «здесь гарнизоны не столько упражнены и изнуряются службою, сколько непрерывным за сими злодеями (арестантами и каторжанами — Ю.С.) смотрением и раскомандировкою для поимки... от того ж происходит, что здесь не остается почти негоненного сквозь строй солдата».

— прекратить практику ссылки в край на службу как военных, так и гражданских лиц. Для обеспечения порядка и службы «необходимо будет не токмо не отягощать здешнее место и полки негодными к службе в армейских полках бездельниками беглецами и ворами как потому, что оные к заведению порядка и экономии не годны и дурной другим пример подають., но всемерно надобно еще, чтоб... здешних полков штаб- и оберофицеры производимы были, и потому достойные и достаточные люди здешнего места не убежали, и чтоб не присылались сюда на выбор такие офицеры, кои называются к понесению службы в полевых полках неспособными».

Губернатор уже сам почувствовал первые негативные последствия провозглашенной при его участии дворянской «вольности»: «Крайняя в том надобность не была может быть никогда так чувствительна, как ныне, как рассматриваемую ныне вольностию дворянства почти все лучшие офицеры в минувшую зиму в отставку пошли, а на место их никого не произведено и вновь еще не прибыло, ... а затем при полку, на великой дистанции расположенном, в некоторых ротах остались капралы главными командирами».

Волков подчеркивал особый характер службы на юго-восточной границе, которая требует инициативы не только от старших командиров, но и от младших и даже рядовых. В этих условиях требования к личному составу повышались: «Здесь гарнизонные и ландмилицкие полки совсем иного от прочих сего имени полков состояния, как оные разделены малыми частями во многих крепостях и на превеликом расстоянии и, сверх того, все лето в открытой степи отдаленные форпосты и разъезды содержать должны, то редко случается здесь кому-либо править должность субалтерн-офицера, но почти каждому достается главным командиром быть и не токмо военное, но и гражданское и экономическое дело исправлять, да часто и в заграничные посылки употребляться».

Некоторые волковские предупреждения выглядят написанными чуть ли не во время Пугачевщины. На самом же деле до восстания оставалось еще 10 лет, которые так и не были использованы правительством не только для решения социальных проблем, но даже для приведения в порядок собственных вооруженных сил, размещенных на юго-восточной окраине государства.

Сам Волков из-за краткости пребывания здесь к исполнению им же самим предложенного приступить не успел. В основном помешали ему удержаться в должности неимение военного чина и неумение наладить контакты с местными командирами. Он ставил под сомнение разумность назначения в здешние края генерала-поручика Лачинова и ряда генерал-майоров, полагая возможным сосредоточение и военной и гражданской власти в руках одного губернатора [5, Л. 18 об.].

Сильную помеху составил новому губернатору и старый сподвижник И.К.Кирилова и И.И.Неплюева А.И.Тевкелев. Признание последнего дорогое стоило для претендента на первую роль в заволжском и южноуральском крае. Об этом напоминала и опала бывшего в 1737—1739 гг. руководителем Оренбургской экспедиции В.Н.Татищева, поводом для которой стал донос Тевкелева, и успех последней интриги против губернатора Давыдова.

За Тевкелевым стояли влиятельные круги губернского офицерства и чиновничества, местные дворянские роды. Да и сам генерал, несмотря на преклонный возраст (а, может быть, именно благодаря этой причине), не сдерживал личных амбиций и решился на открытый демарш.

Когда Тевкелев был в Петербурге, императрица велела вице-канцлеру князю Голицыну посоветоваться с ним о казахских делах. В ответ Тевкелев заявил, что он не может представить никаких соображений, пока не будет знать, кого угодно государыне назначить к этим делам. Если будет послан он сам, то подаст мнение, каким образом следует поступать, а для другого человека мнения написать не может. При этом Тевкелев подчеркивал свои прежние службы и заслуги. Коллегия Иностранных дел пришла к заключению: «Примечено из его слов, что он охотно бы поехал туда, может быть, захочет он получить главную команду в Оренбурге, но, кажется, в рассуждении его магометанского закона то было бы не весьма прилично» [11, 229].

Императрица тоже сочла неудобным поставить мусульманина своим наместником на азиатской границе империи. Волкову были предоставлены тогда же достаточные, по ее мнению, полномочия, чтобы удержаться на губернаторском месте. Однако, в октябре 1763 г. она все же была вынуждена отставить оренбургского губернатора от должности и временно поручить ее исполнение тамошним генералам, сначала упоминавшемуся Лачинову, а затем генерал-майору и оберкоменданту Ланову. Лишь 21 августа 1764 г. был назначен новый губернатор тайный советник князь А.А.Путятин [4].

Если деятельность Д.В.Волкова можно рассматривать в рамках общегосударственной политики «просвещенного абсолютизма», то А.А.Путятин оказался сторонником открыто продворянского крепостнического курса [9]. В результате Заволжский край и Приуралье ускорили движение навстречу Пугачевщине.

Литература

1. Артамонова Л.М. Отечественная историография и основные результаты изучения наказов крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кн. 1. Вологда, 2009.
2. Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889—1895. Вып. 1—4.
3. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. М., 1956.
4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 222. Панины. Т. XI. Л. 19 об.-20.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 813.
6. Сборник Русского исторического общества. Т. 7. СПб., 1871. С. 278—279.
7. Смирнов Ю.Н. Деятельность А.И.Бибикова и П.И.Панина в 1773—1775 гг. по умиротворению мятежных территорий, восстановлению на них управления и правопорядка // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX—XXI вв. Липецк, 2010.
8. Смирнов Ю.Н. Заволжский очаг и район восстания 1773—1775 гг. // Идеи свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Уфа, 2004.
9. Смирнов Ю.Н. Обострение взаимоотношений властей Оренбургской губернии с населением Заволжья в 1764—1768 гг. // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А.Столыпина. Самара, 2011.
10. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30—40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 25 // Сочинения. М., 1994. Кн. XIII.

А.А.Смирнова

г.Сургут

Сургутский государственный университет

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ДЕМОНСТРАЦИИ 5 ДЕКАБРЯ 1965 ГОДА НА ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ

5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась первая в СССР, после выступления Л.Троцкого, несанкционированная властями демонстрация.

Она проходила под правозащитными лозунгами. Участники демонстрации требовали гласности судопроизводства (в связи с готовившимся тогда процессом по делу Синявского и Даниэля) и соблюдения Конституции.

Акция продолжалась очень короткое время, т.к. в считанные минуты плакаты были вырваны из рук митингующих, многие участники были задержаны; некоторые принудительно помещены в психиатрические больницы, все студенты исключены из комсомола, многие из них были отчислены из вузов. Организаторы событий 5 декабря в дальнейшем стали видными деятелями правозащитного движения (Ю.Галансков, А.Гинзбург, В.Буковский и др.).

В публикациях, посвященных этому митингу, много внимания уделяется вопросу о численности демонстрантов. Разброс оценок достаточно велик: от 50—60 человек до 200—300.

Л.Алексеева в своей работе «История инакомыслия в СССР» считает, что «демонстрантов было мало, на мой взгляд, человек пятьдесят. Было много нас, наблюдателей. Должна сказать, что очень многие теперь рассказывают, что они были на демонстрации, а на самом деле они были такие же наблюдатели, как и мы» [1]. Те же цифры содержатся в записке председателя КГБ В.Е. Семичастного в ЦК КПСС: «...в Москве около памятника Пушкину собралась группа молодежи в количестве 50—60 человек, преимущественно студентов различных вузов и техникумов, молодых сотрудников некоторых научно-исследовательских учреждений, а также лиц без определенных занятий» [4].

Александр и Виктория Вольпины число митингующих определяли от 60 до 80. При этом А.Вольпин считал более важным сам факт выступления, а не число его участников: «...но по мне, что восемь, что восемь тысяч — важно, что были и что лозунги были развернуты» [6].

Другой видный диссидент А.Амальрик в своих воспоминаниях говорит об участии в демонстрации около ста человек [2].

Известный правозащитник О.Воробьев говорит о более значительных цифрах: «На площади было очень много народу, может быть, человек 200 или 300» [2], видимо включая в это число не только самих митингующих, но и простых наблюдателей.

В.Буковский, ссылаясь на мнения близких ему участников демонстрации, убедительно пишет о том, что, «...толпа постепенно осмелела, стягивалась к памятнику, и уже человек двести образовали плотную группу в центре» [2].

Л.Алексеева категорически возражает ему: «Я не могу согласиться с Буковским, который написал, что демонстрантов было человек двести...я запомнила именно кучку демонстрантов: тех, кто с плакатами стоял, и тех, кого потом забирали» [2].

Этот разброс мнений закономерен, т.к. никакой «истинной» цифры не существует в природе, поскольку не существует формального критерия, кого считать участником демонстрации.

Таким образом, анализ литературы, посвященной истории первой правозащитной демонстрации в СССР свидетельствуют о большом разбросе мнений относительно числа его участников. Это трудноразрешимая задача, видимо, никогда не будет иметь своего ответа. Воскресным вечером 5 декабря 1965 года в многочисленной толпе отдыхающих москвичей трудно было определить «организаторов антисоветской провокации». Материалы компетентных органов также не вносят ясности в этот вопрос. Так, например, в одной из объяснительных записок студентов было следующее содержание: «Своей виной, прежде всего, считаю то, что я не разобрался, да и не пытался разобраться в подлинных целях митинга. Митинг был не только не нужен, но и вреден, так как его, как неорганизованное по существу сборище, легко можно было превратить в антисоветский, что, наверное, кто-то и пытался сделать» [5].

Впрочем, в этом случае, а возможно и в других, такое объяснение является заведомой маскировкой.

Вместе с тем, косвенные свидетельства, нашедшие отражения в воспоминаниях В.Буковского, А.Есенина-Вольпина говорят о предшествующей демонстрации напряженной подготовительной работе. Многочисленные исключения из учебных заведений, последовавшие аресты и помещения в психлечебницы, свидетельствуют о нравственном и политическом значении этой правозащитной акции, привлекавшей внимание общественности к диссидентам не только в СССР, но и за рубежом.

Литература

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР [Электронный ресурс] / Историко-просветительский центр «Мемориал». Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/DISS/books/ALEXEEWA/>. Загл. с экрана.
2. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? [Электронный ресурс] / Электронная библиотека LIBES.RU. Режим доступа: <http://libes.ru/1269.read>. Загл. с экрана.
3. Буковский В. И возвращается ветер... [Электронный ресурс] / Архив самиздата библиотеки «ВЪХИ». Режим доступа: <http://www.vehi.net/samizdat/bukovsky.html>. Загл. с экрана.
4. Записка председателя КГБ при СМ СССР В.Е.Семичастного от 6 декабря 1965. [Электронный ресурс] / Историко-просветительский центр «Мемориал». Режим доступа: <http://memo.ru/history/diss/books/5dec/>. Загл. с экрана.
5. Объяснительная записка С.Н. в деканат биолого-почвенного факультета МГУ [Электронный ресурс] / Историко-просветительский центр «Мемориал». Режим доступа: <http://memo.ru/history/diss/books/5dec/>. Загл. с экрана.
6. Пятое декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах Самиздата, документах партийных и комсомольских организаций и в записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС [Электронный ресурс] / Историко-просветительский центр «Мемориал». Режим доступа: <http://memo.ru/history/diss/books/5dec/>. Загл. с экрана.

ДЖ.ХИКС И «ДЕЛО» СОВЕТСКИХ БАНКОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1928 г.)

В конце 1920-х гг. советско-британские отношения были достаточно сложными. Дипломатические отношения между двумя странами были прерваны в мае 1927 г при правительстве консерваторов. Попытка министра внутренних дел Джойсона-Хикса изгнать из Великобритании советские банки в 1928 г. являлась продолжением политики правительства С.Болдуина, направленной на ограничение экономических контактов с СССР. В начале мая 1928 г. на заседании Политбюро был рассмотрен вопрос об инциденте с Московским Народным банком. Данное кредитное учреждение осуществляло финансирование торговли советских кооперативных организаций с Великобританией.

В постановлении Политбюро констатировалось, «что со стороны представителей ЦК Английской компартии было допущено непозволительное использование сотрудников советских учреждений, которое не могло не подрывать положения советских учреждений в глазах английских властей». Руководителям советских учреждений категорически запрещалось оказывать прямую или косвенную материальную помощь Английской компартии. В особом постановлении Политбюро предписывалось в двухнедельный срок «ведомству» дать сведения о том, могли ли быть случаи передачи его средств в руки ирландцев. 14 мая Политбюро вновь заслушало доклад Чичерина об Англии и вынесло решение не делать в Лондоне никаких официальных заявлений относительно деятельности полпредства и торгпредства. Такие решения были связаны с тем, что в апреле, отвечая в парламенте на запрос депутата от консерваторов майора Киндерсли Джойсон-Хикс рассказал историю о таинственных банкнотах, ведущих свое происхождение от советского банка в Англии, якобы найденных у членов английской компартии, арестованных за незаконное хранение оружия (первоначально говорилось о финансировании вооруженных ирландцев).

В конце мая английские газеты опубликовали заявление министра внутренних дел представителям печати по вопросу о деятельности Московского народного банка и Банка для русской торговли, в котором обвинялись в незаконной деятельности и английские коммунисты. В беседе с сотрудником «Ивнинг Стандарт» Джойсон-Хикс указал, что на протяжении шести месяцев он производил систематическое расследование через посредство Скотланд-Ярда относительно денежных источников коммунистов. Заявление «английского Муссолини» (так называли Хикса в либеральной прессе) вызвало широкий отклик в британских газетах. В ответ на обвинения МВД Великобритании в расхождении денежных сумм на ведение «революционной пропаганды» в Англии правление Московского Народного банка и Банка для русской торговли (учрежден в Лондоне в 1923 г.) обратились к министру внутренних дел с письмами, в которых заявили, что их банки занимаются «исключительно обычными банковскими и коммерческими операциями» и изъявили готовность обеспечить расследование обстоятельств при которых были произведены «все платежи за любой период».

Однако, несмотря на данные заявления большевистское руководство было озабочено ситуацией складывающейся вокруг советских банков в Лондоне. На заседании Политбюро 31 мая 1928 г. по заявлению Сталина было принято решение, в котором Лозовскому вменялось в обязанность просить разрешения Политбюро при каждой посылке денег за границу. Лидер английских коммунистов Г.Поллит 1 июня направил в Москву письмо, выражая крайнее недовольство ситуацией, в котором оказалась КПА из-за поведения советских чиновников. На следующий день опросом членов Политбюро было принято предложение Сталина и Бухарина, которое осудило позицию лидера британских коммунистов. 11 июня Джойсон-Хикс выступил в палате общин с сообщением по вопросу о деятельности в Англии советских банков. Он заявил, что в конечном итоге связь между банками и советскими властями не была установлена. «Мне не удалось найти канал, через который происходила пересылка денег между ними. Тот факт, что деньги здесь и что они используются, совершенно очевиден», — отметил он. В связи с выступлением министра внутренних дел в парламенте газета «Дэйли Телеграф» указывала, что неясно является ли какие-либо из установленных фактов чьим-либо правонарушением. Палата выслушала хороший детективный рассказ, но еще вопрос можно ли придавать ему какое-либо политическое значение. «Дэйли Геральд» задавала вопрос: считает ли Болдуин соответствующим интересам государства, чтобы министр внутренних дел изыскивал всяческие поводы, чтобы ставить под угрозу торговлю Англии с СССР. Напротив, «Дэйли Мэйль» подчеркивала, что теперь определенно установлено, что советское правительство преднамеренно и систематически финансировало в Англии людей чтобы поднять мятеж, подстрекать к забастовкам и делать все возможное в целях разрушения правительства и благополучия страны.

14 июня Политбюро заслушало доклад Сталина о речи Хикса. Было решено опубликовать речь в печати, поручив это Наркомату иностранных дел. При этом в «Правде» дать статью, а в «Известиях» ограничиться комментариями из Лондона. Было предложено ускорить работу в отношении хозяйственных и банковских органов во Франции и Германии. Инцидент с советскими банками в Великобритании заставил партийное руководство СССР осторожней относиться к вопросу о методах финансирования зарубежных компартий. Однако вскоре внимание партийной элиты переключилось на политические аспекты внутрипартийной борьбы,

в том числе и в Коминтерне. Попытка Джойсона-Хикса изгнать советские банки из Англии свидетельствовало о нежелании консерваторов в 1928 г. идти на восстановление дипломатических отношений с СССР. Они пытались ограничить экономические и дипломатические контакты с Советским Союзом путем разжигания антисоветских настроений в британском обществе. В то же время консерваторы пытались разыграть «русский вопрос» в условиях политической борьбы с лейбористами накануне предстоящих выборов.

Я.Г.Солодкин

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

К ИСТОРИИ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ КОНЦА XVI ВЕКА: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследователи не пришли к единому мнению по вопросу о том, предшествовал ли коронации «освященного» Федора Ивановича Земский собор. Перипетии же избрания на царство, уже бесспорно соборного, Бориса Годунова раскрываются в историографии опять-таки далеко не однозначно.

С.Ф.Платонов в своем кандидатском сочинении, тщательно сопоставив показания источников, счел возможным заключить (кстати, вслед за Н.П.Загоскиным), что весной 1584 г. после сравнительно долгого перерыва в Московском государстве возобновилась практика совещаний представителей высших сословий по ключевым проблемам внутренней и внешней политики [9, 224—226; 41, 36, 39, 57—58, 159, 160]. (В последующие десятилетия о Земском соборе 1584 г. писали, в частности, такие видные историки, как В.О.Ключевский, К.Н.Бестужев-Рюмин, С.В.Бахрушин, М.Н.Тихомиров, Л.В.Черепнин, Р.Г.Скрынников). С.М.Середонин, однако, пришел к выводу, что англичанин Дж.Горсей, сообщениям которого о «Московии» 1570-х — 1580-х гг. часто следовали историки, имел в виду заседания Боярской думы и освященного собора накануне коронации Федора Ивановича, а вовсе не один из соборов, которые ученые называют Земскими [51, 232, 233]. (Позднее аналогичную мысль высказали Н.И.Павленко, А.А.Зимин, А.П.Павлов, Х.-Й. Торке, сомневавшийся и в реальности последнего Земского собора XVI в. [58, 8]). Спустя столетие после издания монографии С.М.Середонина Ю.Н.Мельников нашел, что к 24 апреля 1584 г. (когда, не исключено, было принято решение о ликвидации опричного двора) можно отнести либо Земский собор, либо совместное заседание думы и освященного собора [25, 199]. (Некоторые исследователи считают, что в записках Дж.Горсея имеются сведения о Земских соборах [15, 224, 226; 24, 244], тогда как издавшая эти мемуары А.А.Севастьянова держалась противоположного взгляда. Попутно отметим, что взгляд, будто в широко известной монографии Л.В.Черепнина «с исчерпывающей полнотой» привлечены источники и историография [19, 93; ср. 49, 10] должен считаться заблуждением). В.Н.Алексеев затруднялся решить, состоялся ли весной 1584 г. Земский собор или же было созвано «просто собрание во дворце именитых москвичей», поскольку не сохранилось ни Утвержденной, ни известительной грамот об избрании Федора Ивановича на престол [1, 482]. Благодаря «статейному списку» смоленских дворян Дивовых позднее, однако, историки узнали о выборе десяти «лутчих» дворян из Смоленска в Москву (как и пяти — в 1598 г.) в начале царствования Федора Ивановича. Можно полагать, что эти дворяне являлись представителями «местных сословных групп» на Земские соборы [22, 171, 172, 176; 33, 359]. (Тем самым, между прочим, опровергается мнение А.В.Лаврентьева, будто «всенародное множество» на соборе 1598 г., о котором говорится в «Утвержденной грамоте» (далее — УГ) конца XVI в., — это выборные дворяне, находившиеся на службе в Москве, а не «депутаты» уездных дворянских корпораций [19, 97—99]). Не исключено, впрочем, что В.Дивов и другие «лутчие» смоляне побывали в столице уже по окончании соборных заседаний, на коронации «святонаставшего» государя. Ведь кандидатура Федора Ивановича обсуждалась сугубо формально, ибо в столице ему принесли присягу как наследнику Грозного тотчас после смерти «гордояростного» царя. А.В.Лаврентьев склонен говорить о Земском соборе 1584 г., поскольку «сама церемония венчания на царство предполагала некие формы «народного одобрения» в виде съезда провинциальных дворян» в Москву [19, 101. Примеч. 12]. (Н.В.Мысин думает, что участниками этого собора были в основном служилые люди [31, 152, 153]). Однако собор 1584 г., если и созывался (такая точка зрения кажется более убедительной, чем противоположная), то не «в ходе коронации Федора Ивановича» [32, 262], а как минимум месяцем прежде. В.И.Корецкий в подтверждение версии о Земском соборе 1584 г. ссылался на упоминание в так называемом Московском летописце второй четверти XVII в. «выбранных людей» «всяких чинов» [17, 71]. Но о них, как замечал сам историк, говорится и в более раннем Безнинском летописце. Выборные дворяне, выборные люди фигурируют и в разрядных записях о событиях, не имеющих ничего общего с сословно-представительными учреждениями [2, 41—42; 17, 77; 47, 49, 129]. (Л.А.Юзефович, кстати, под выборными дворянами почему-то понимает делегатов «от провинции», а А.В.Лаврентьев — детей боярских [19, 97, 99; 61, 94]). Синонимом Земского собора В.И.Корецкий считал и выражение «вся земля» [17, 71]. Однако в русской посольской документации собранием «всей земли» иногда

называется съезд знати — крымских царевичей и князей [5, 70; 6, 276], а в Пискаревском летописце (далее — ПЛ) (вывод о нижегородском происхождении которого [60, 365] должен считаться заблуждением) под «всей землей» понимаются люди «всяких чинов» «Российского государства» [43, 198, 201, ср. 243, 248; см. также: 7, 13, 19, 21—24, 26, 28, 29, 33, 36, 37, 44, 45, 50, и др.; 18, 216; 43, 69, 70, 96, 109]. (Кстати, вопреки предположению Р.Г.Скрынникова, выражение «сесть на царство» далеко не всегда означало коронацию [см., напр.: 2, VI, VIII, 83, 116, 133, 212, 240, 257; 4, 173; 6, 276, 287; 13. Примеч. 88; 43, 35, 56; 44, 195, 198, 207, 262; 45, 135, 137]).

Утверждение И.Г.Шишкина, что «русские летописи ... сообщали не об избрании, а о венчании Федора Ивановича на царство» [60, 119], относительно тех сочинений, на которые ссылается исследователь, да и некоторых других, по крайней мере односторонне [56, 42—47, 49, 51, 59. Примеч. 49].

Следующий Земский собор, о котором мы можем судить по УГ конца XVI в. (точнее, весны 1599 г. [20, 140, 141, 281, и др.]) и многочисленным другим источникам, избрал царем «великой России» Бориса Годунова. А.В.Лаврентьев называет эту грамоту (которую иногда относит к числу Уложенных) порождением «Смутного времени начала XVII в.». Но исследователь сам замечает, что 1598 г., когда Борис Федорович занял трон, выдался мирным.

На взгляд А.В.Лаврентьева, «очевидно, в 1598 г. ... не нашлось подходящего наименования для столь оригинального документа, каковым была» УГ, и ее назвали по аналогии с договорными грамотами великих и удельных князей XIV—XV столетий [19, 91]. В ряде летописей, однако, упоминается об «утвержденной грамоте» церковного собора 1503 г., «что от ставления у попов мзды не имати, ни вдовцем попом и диаконам не служити»; эту грамоту «написали да и руки свои приклали, и печать привесли». (Последние слова, кстати, есть в ПЛ относительно «излюбленной записи» Земского собора, который возвел Бориса Годунова на царство, или, по определению других «слогателей», «книги», «книги приговорной», «скрижали велией», «миролюбивой хартии» нового «скифетродержателя» [7, 74; 17, 130, 133; 42, 257; 44, 8, 201]). «Грамоту утвержденную» о митрополичьем белом клобуке (1564 г.) опубликовал еще Н. М. Карамзин. В описи посольского архива 1614 г. (на которую ссылается и А.В.Лаврентьев) перечислены две «грамоты утвержденные» царей Федора и Бориса с Сигизмундом III (1592 и 1602 гг.). «Грамота утвержденная новгородских посадников, и тысечников, и всех новгородских посадских людей межь себя, что им к московским к великим князем ни о чем бити челом не посылати» (за 1478 г.), список с яжелбицкой «утвержденной грамоты» Василия II с новгородскими посадниками [34, 51, 52, 94, 95; ср. 11, 59, 62, 63]. В той же описи упоминается «столп 106 (1598. — Я.Г.) году, обиранье на царство царя Бориса, начало отодрано». В силу последнего обстоятельства это дело, видимо, и назвали не УГ (в отличие от основного документа Земского собора 1613 г.), а «столпом». Стало быть, можно отклонить взгляд С.П.Мордовиной, что в описи архива Посольского приказа 1614 г. УГ Бориса Федоровича не значится [28, 128; 34, 128].

Как пишет А.В.Лаврентьев, вдова «преблаженного» Федора, приняв постиг 15 января 1598 г., формально предоставила «свободу действий Земскому собору» [19, 91, 95—98]. (Утверждая, что даже враждебно настроенные по отношению к Борису Годунову «авторы не высказывали сомнений в законности его избрания» на трон, А.В.Лаврентьев явно забывает о создателях «Повести 1606 г.», Жития царевича Дмитрия, Иване Тимофееве, не говоря уже про «слогателей» более поздних «проромановских» сочинений). Вопреки мнению Р.Г.Скрынникова, Ирина вовсе не стала монахиней по требованию бояр и не отказалась от власти в их пользу [21, 409; 52, 108, и др.], тем более, что номинально она правила и после 15 января. Как думалось А.А.Зимину, реальная власть принадлежала в ту пору патриарху Иову. Он, на взгляд Л.Е.Морозовой, фактически управлял страной и в первые дни после смерти Федора Ивановича, т. е. в пору «державства» вдовы прослывшего земным ангелом царя [12, 215; 29, 12; 30, 572; ср. 40, 302]. Скорее всего Иов делил верховную власть с Борисом Годуновым, который, находясь в Новодевичьем монастыре, продолжал оставаться правителем. Как читаем в Повести о Смуте, «царица Ирина начаскифетръ Российскаго государства держати под правительством едиnorodного своего брата». Согласно одному посольскому наказу 1600 г., умирая, Федор Иванович повелел быть на троне жене, а властвовать Борису [38, 39; 39, 362]. Ирина, являвшаяся в течение 9 дней законной государыней, причем по завещанию мужа [9, 160; 10, 87], сделалась инокиней Новодевичьей обители. 17 февраля, вслед за истечением «сорочин» по «святым сопричесному» государю, Земский собор вынес решение о возведении на опустевший трон «изрядного правителя». Его согласие принять скипетр, полученное соборными «чинами» четыре дня спустя после слезных умолений в Новодевичьем монастыре, означало конец междуцарствия [36, 57; 59, 248].

В одной из разрядных книг сказано, что «на масляной неделе (в феврале 1598 г. — Я.С.) наречен на Московское государства царем Борис Федорович и бояря князь Федор Иванович Мстисловский с товарищи и всяких чинов люди крест целовали» [47, 138; ср. 134]. Эта запись, между прочим, опровергает тезис Р.Г.Скрынникова, будто добиться присяги в Боярской думе новому самодержцу удалось только в первые недели после венчания на престол.

Как убеждена А.С.Мельникова, Борис Годунов оставался фактическим правителем России со времени смерти Федора Ивановича до коронации, т. е. еще свыше полугода [26, 45; 27, 64]. А.П.Павловым, однако, показано, что сразу после 21 февраля 1598 г. брат «мнихоцарицы» Александры (ранее Ирины Федоровны)

выступал в качестве легитимного государя [36, 53, 59; 37, 211. Примеч.; см. также: 8, 236, 237; 14, 202—205; 48, 5—6; 54, 138, 142, 147; 57, 76, 79]. Вскоре состоялось «крестоцелование» Борису (в Пскове, например, в мае [46, 265]). После коронации шурина «святопочившего» царя присяга была повторена. А.В.Беляков, как и С.Ф.Платонов, датирует ее 15 сентября 1598 г. [3, 59]. Более вероятно, что в тот день крестоцеловальную запись лишь скопировали в Соли Вычегодской. Известно, что 29 октября 1598 г. Р.И.Неелов приехал из Москвы в Устюг с грамотами «о царском богомолии и о крестном целовании» [15, 49]. Этот новгородский дворянин [см. 8, 285; 33, 268; 34, 514; 50, 129, 244, 338—339, 635, и др.] (считать Р.И.Неелова верхотурским атаманом [52, 25] не приходится) покинул столицу скорее всего в начале указанного месяца. В 1611 г., кстати, Л.Сапега заявлял, что царь Борис «часто приводил ... все земли к присяге на верность потомкам своим» [23, 6].

Любопытно, что во время коронации Бориса Федоровича осыпал золотыми его сын Федор, а не князь Ф.И.Мстиславский, как утверждает в официальном Новом летописце [4, 183; 43, 51; 47, 163. Примеч. 8], возможно, потому, что старейшему боярину довелось это делать и в 1613 г. [2, 24, 65, 109. Примеч. 4; 110, 151, 167; 43, 131].

С точки зрения А.Б.Соколова, царь Борис вынашивал планы усиления значения Земских соборов [55, 74]. На чем основана такая уверенность, определить затруднительно. К тому же следующий Земский собор, насколько известно, был созван только в 1604 г., т.е. уже незадолго до смерти «рабоименного» (в оценке Ивана Тимофеева) самодержца.

Литература

1. Алексеев В. Земские соборы Московского государства // Книга для чтения по истории нового времени. Б. м., б. г.
2. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907.
3. Беляков А.В. Чингисиды в Смуту // Мининские чтения: Тр. участников междунар. конф. Нижний Новгород, 2010.
4. Буганов В.И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) // Зап. Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И.Ленина. М., 1957. Вып. 19.
5. Виноградов А.В. Посольство А.Ф.Нагого в Крыму (1563—1573 гг.) // Российская дипломатия: История и современность: Мат-лы науч.-практ. конф., посвященной 450-летию создания Посольского приказа: 29 октября 1999 года. М., 2001.
6. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1570—1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-тагарские государства. Казань, 2010. Вып. 2.
7. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.
8. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. Академии наук. СПб., 1846. Т. 1.
9. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань, 1877. Т. 1.
10. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань, 1879. Т. 2.
11. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986.
12. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986.
13. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 11.
14. Кистерев С.Н. Таможенные правила в Белозерском крае в середине XVI — начале XVII в. // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007.
15. Колобков В.А. Рец.: Горсей Джером. Записки о России: XVI — начало XVII в. М., 1990 // Вопросы истории (далее — ВИ). 1991. № 11.
16. Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI — начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): Сб. ст. памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М., 1973.
17. Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986.
18. Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984.
19. Лаврентьев А.В. Выборы царя 1598, 1606 и 1613 гг.: опыт Смутного времени (К постановке вопроса) // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века: К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П.Ляпунова: Сб. тр. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.Н.Козляков. Рязань, 2011.
20. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.
21. Лихачев Д.С., Вагнер Г.К., Вздорнов Г.И., Скрынников Р.Г. Великая Русь: История и художественная культура: X—XVII века. М., 1994.
22. Лукичев М.П., Назаров В.Д. Из родословной Дивовых. Известия «статейного списка» по истории земских соборов и Смуты конца XVI — начала XVII вв. // Исторический архив. 1995. № 3.
23. Любавский М. Литовский канцлер Лев Сапега о событиях Смутного времени. М., 1901.
24. Медушевский А.Н. / Комментарии // Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
25. Мельников Ю.Н. Ликвидация двора (опричнины) // ВИ. 1991. № 11.
26. Мельникова А.С. Монеты Бориса Федоровича Годунова // Нумизматика и эпиграфика. М., 1989. Т. 15.
27. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989.
28. Мордовина С.П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.

29. Морозова Л.Е. История России в лицах: Первая половина XVII в.: Государственные деятели Смутного времени. М., 2000.
30. /Морозова Л.Е./ Федор Иванович (1557—1598) // Исторический лексикон: XIV—XVI века. М., 2004. Кн. 2.
31. Мысин Н.В. Борьба за наследство Ивана Грозного // Клио: Журнал для ученых. 2011. № 1 (52).
32. Назаров В.Д. Земские соборы // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2.
33. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века: 1601—1608: Сб. док. М., 2003.
34. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О.Шмидта. М., 1960.
35. Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009 (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8).
36. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992.
37. Павлов А.П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 10.
38. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2.
39. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987.
40. Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001.
41. Платонов С.Ф. Собр. соч. в 6 т. М., 2010. Т. 1: Московские земские соборы XVI и XVII веков: Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник.
42. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1901. Т. 12.
43. ПСРЛ. М., 1965. Т. 14.
44. ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.
45. Посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. М., 1979.
46. Псковские летописи / Под ред. А.Н.Насонова. М., 1955. Вып. 2.
47. Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1.
48. Разрядная книга 1475—1605. М., 1994. Т. 4. Ч. 1.
49. Редколлегия. Введение // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти академика Л.В.Черепнина. М., 2010.
50. Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
51. Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «OftheRusseCommonWealth» как исторический источник. СПб., 1891.
52. Симачкова Н.Н. К вопросу о системе управления Сибирью в начальный период освоения края // Проблемы отечественной истории и историографии XVII—XX веков: Сб. ст., посвященный 60-летию профессора Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2011.
53. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983.
54. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.
55. Соколов А. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI—XVIII вв. Ярославль, 1992.
56. Солодкин Я.Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века: Спорные проблемы истории и историографии. Нижневартовск, 2010.
57. Станиславский А.Л. Новые документы о восстании Болотникова // ВИ. 1981. № 7.
58. Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России // ВИ. 1991. № 11.
59. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.
60. Шишкин И.Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV—XVI вв. (1917 г. — начало XXI в.). Тюмень, 2009.
61. Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется ...»: Русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. М., 1988.

З.В.Степаненкова

г.Сургут

Сургутский государственный педагогический университет

КРИТИКА В.В.БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИМ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОВ О ПЕЧАТИ

Известный общественный деятель и публицист второй половины XIX в, близкий к революционному народничеству, В.В.Берви-Флеровский на протяжении всей своей жизни был связан с литературной деятельностью. Взгляды ученого зачастую шли в разрез с официальной идеологией России того времени. В силу этого проблема свободы слова играла в творчестве мыслителя весьма важную роль. Мысль о громадном значении, которое занимает свободная пресса в жизни общества, проходит красной нитью через все произведения В.В.Берви-Флеровского. Однако наиболее полное свое отражение она нашла в вышедшей в свет в 1869 г. книге «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати», включающей в себя две части [1]. В первой части на основе анализа значительного количества исторических фактов автор доказывает важность установления в

обществе свободы слова и терпимости, необходимых для его нормального социально-политического развития, во второй — рассматривает современное ему российское законодательство о печати.

Следует отметить, что сам термин «свобода речи» понимается мыслителем очень широко. Под свободой слова он подразумевает не просто отмену отдельных цензурных ограничений, а терпимость к чужим социально-политическим взглядам, мнению, образу жизни, и как следствие этого, отсутствие каких-либо политических и религиозных запретов на печатное слово и свободу высказываний.

В.В.Берви-Флеровский полагал, что возникновение в России цензуры обусловлено некоторыми особенностями ее исторического развития. Во-первых, российские самодержцы, преобразуя отечественные учреждения по европейским образцам, заимствовали и идею о том, что для неограниченной монархии цензура жизненно необходима. Во-вторых, наше общество было недостаточно просвещенным, в силу чего «парализующее действие цензуры на мысль не могло быть замечено», «политически неразвитое общество не могло понять, в чем заключается дух терпимости» [1, 174].

В.В.Берви-Флеровский полагал, что для России введение свободы речи особенно актуально. Он обосновывает его необходимость как международным положением России, отставанием ее от наиболее развитых государств Европы и Америки, так и внутренними особенностями развития страны (медленное продвижение реформ, нравственное настроение общества, многонациональность населения, наличие в ней целого ряда конфессий и т.п.). При этом особое значение он придавал именно последнему фактору. По мнению Берви для многонационального государства, население которого исповедует различные религиозные взгляды, «необходима терпимость и хорошее впечатление, производимое на соседей». Ведь «стремление национальностей отделиться от государств коснеющих и отстающих не только не будет уменьшаться, но будет развиваться», в силу чего «мы должны непременно производить на живущие в нашей среде национальности значительное впечатление нашим развитием, нашей гуманностью и энергией, а без свободы слова мы этого никогда не достигнем» [1, 188—189]. Проводимая правительством политика русификации лишь увеличивает в обществе нетерпимость и в конечном итоге «может привести к результатам, противоположным ожидаемым» [1, 192].

Необходимо для России установление свободы слова еще и потому, что она является неограниченной монархией. Согласно воззрениям Берви, любой монарх должен, прежде всего, управлять страной в соответствии с потребностями и интересами народа в целом, а не со своими политическими пристрастиями. Иначе говоря, он должен вести себя так, чтобы никто не мог подозревать, что он симпатизирует преимущественно одному классу или сословию, он не должен принадлежать никакой партии или направлению. При малейшем снижении популярности власти государь должен «менять управление». В этом случае исключительная роль принадлежит «обличительной литературе» [1, 248]. Она, по сути, является единственным средством, которое может указать, популярны ли назначаемые государем чиновники, их решения и пр. Поэтому любые запреты на критические высказывания в прессе по поводу российской действительности отрицательно влияют на систему взаимоотношений между властью и обществом.

При этом В.В.Берви-Флеровский подчеркивает, что Россия нуждается не просто в принятии нового или коррекции действующего цензурного законодательства, а в целенаправленном воспитании во всех слоях общества чувства уважения к чужому мнению. «Свобода речи, — пишет он, — может быть только плодом народного убеждения. Без него самые свободные законы о печати останутся бесполезно исписанной бумагой» [1, 194]. Поэтому в первую очередь надо не просто «разбирать законы о печати, а пытаться укоренить в народе мнение о необходимости свободы слова». Для этого нужно не только не допускать никаких наказаний за свободное выражение своих чувств и мыслей, но и сделать любые государственные должности доступными для любого способного человека, вне зависимости от его «религиозных, политических, социальных и др. взглядов». Российское же правительство, по мнению исследователя, отменив цензуру, «перешло к репрессивной системе с преследованием направлений. Идти далее оно не решилось» [1, 199]. Именно это является главным недостатком цензурной реформы, определившим ее незавершенность.

С этих позиций В.В.Берви-Флеровский подвергает критике ряд российских законов, регулирующих взаимоотношения литературы с властью и обществом (Уложение о наказаниях 1866 г., закон о цензуре и пр.).

Анализируя конкретные статьи, В.В.Берви отмечает неопределенность употребляемых в них понятий, многочисленные противоречия и т.п.

Подобного рода противоречивость, по мнению мыслителя, характерна не только для отечественного законодательства. «Любой закон о направлении, — пишет Берви, — порождает или неподвижность, или произвол». Только благодаря свободе слова «общество приучается справедливо смотреть на интересы каждого» [1, 225].

Еще одна проблема, представляющаяся В.В.Берви-Флеровскому весьма важной, — это неразвитость провинциальной печати, связанная в первую очередь с характером законодательства, регулирующего ее развитие. Берви резко критикует введение залога, необходимого для освобождения периодики от предварительной цензуры. Отмечая более высокую сумму залога в России в сравнении с европейскими государствами, он пишет, что из-за недостатка средств «газета не может иметь даже направления и должна помещать статьи всех направлений и служить, так сказать, складочным местом всей интеллектуальной деятельности губернии».

Поэтому местные газеты могут издаваться только с предварительной цензурой. Но в этом случае они «вовсе не могут существовать, потому что лишаются всякого местного интереса» [1, 231]. Кроме того, Берви отмечает, что зачастую из местных изданий изымаются наиболее актуальные для местного населения статьи, поскольку чиновники опасаются обвинений в каком-либо упущении. А «если статья затрагивает какую-нибудь личность, то тут нечего и думать, чтобы она увидела печать» [1, 231].

Среди прочих условий, сдерживающих развитие местной печати, Берви-Флеровский особо выделяет систему административных предостережений газетам и журналам, массу ограничений, касающихся книжной торговли, типографского дела, производства и продажи принадлежностей тиснения, более жестких, чем, например, в Пруссии, Франции и Америке [1, 234—235].

Также, с точки зрения Берви-Флеровского, замедляют развитие местной печати законы об оскорблениях и клевете. Они «не мешают распространению ложных слухов, но заглушают голос истины». С позиций Берви наказывать можно лишь за «доказано-умышленную» клевету, а не в том случае, если она — «плод легковерия или опасения за нравственное состояние общества». Употребляющиеся же в законах формулировки «клевета — это ложное обвинение в деяниях, противных правилам чести, это — оглашение обстоятельства, которое может повредить чести, достоинству и доброму имени», согласно представлениям публициста, слишком неопределенны, чтобы быть юридическими терминами. Такой же нечеткостью отличается формулировка закона об оскорблении словом. В.В.Берви-Флеровский пишет, что «оскорбление словом невозможно точно определить, поэтому оно не может быть юридическим термином, это не оскорбление действием, где все понятно и точно» [1, 240—241].

В.В.Берви-Флеровский подчеркивает, что под действие этих законов, ни в коем случае нельзя подводить тех людей, которые обвиняют чиновников в несоблюдении каких-либо должностных обязанностей. Обвинения подобного рода не имеют никакого отношения к чести и достоинству человека, а лишь показывают степень его соответствия должности, которая может и должна свободно обсуждаться в прессе. Берви отмечает, что «везде, где деятельность чиновников подвергалась свободному обсуждению, оказывалось, что чиновники в скором времени начинали действовать так законно и правильно, что печати трудно было к ним придраться и оставалось только обсуждение их знания дела и ловкости» [1, 242—243].

Не обошел вниманием В.В.Берви-Флеровский и вопрос о цензурных учреждениях. Он, как уже указывалось выше, полагал, что любые критические высказывания, содержащиеся в прессе, должны учитываться властью для оценки своей политики. В этом случае «не только подавление обличительной литературы, но и отнесение к ведомству министерства внутренних дел учреждений, наблюдающих за действием прессы, составляет серьезную политическую ошибку». По мнению В.В. Берви, сама цель существования этих учреждений «не в том, чтобы поддерживать министерство, а в том, чтобы указывать момент, когда оно делается непопулярным, и когда его следует сменить». Человек, наблюдающий за печатью, «должен быть независим от министерства и не должен быть связан с его системой управления». Более того, общественное благо требует, чтобы цензурные учреждения контролировались человеком, который «более других способен отдавать справедливость всяким направлениям».

Подводя итог анализу российского цензурного законодательства, В.В.Берви-Флеровский писал, что в нем «как в фокусе, сосредоточены все предосторожности, которые в разные времена и в разных странах принимались против печати, после отмены цензуры. Кажется, не было ни одной страны, где бы после отмены цензуры одновременно существовало столько ограничений».

Мысли, высказанные В.В.Берви-Флеровским, не получили ожидаемого отклика в народнической среде [2, 167]. Точно также не воспринятыми остались призывы Берви-Флеровского к отмене цензуры, системы залогов и административных предупреждений органам печати. Правительственная политика в области цензуры становилась все более жесткой.

Тем не менее, работа Берви-Флеровского, вместе с выступлениями в прессе других публицистов, получивших хорошее юридическое образование (Арсеньев К.К. и др.) способствовали формированию в общественном российском сознании тех принципов, на которых, по его мнению, должно строиться новое российское законодательство о печати [3, 91].

В целом, программа цензурных преобразований, с позиций В.В.Берви, должна была строиться на следующих принципах.

Пресса должна принимать широкое участие в просвещении и воспитании народа, развитии в нем нравственного настроения и общественной активности, т. е., по сути, в формировании гражданского общества. Для этого она должна чутко откликаться на его нужды и потребности, что возможно только при широком развитии не только столичной журналистики, но и местных изданий (тарифы и типографии, залогов и т.д.).

Пресса должна отражать интересы и запросы не только высших слоев общества, а народа в целом.

В публицистических статьях должны быть представлены точки зрения журналистов различных направлений, что подразумевает отмену репрессивной системы преследования направлений.

Журналисты не должны подвергаться наказанию за критику лиц, занимающих высокие чиновничьи, судебные и пр. должности (отмена законов о клевете в их нынешнем состоянии).

Цензурные органы должны превратиться в особые учреждения, не зависящие от министерств и государственных лиц.

Таким образом, работы Берви-Флеровского способствовали формированию в общественном сознании идеи о необходимости новой системы законодательства о печати, которое способствовало бы ликвидации всех негативных последствий стеснения свободы слова.

Литература

1. Флеровский Н. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 254.
2. Макушин Л.М. Берви-Флеровский и его книга «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, август 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 160—179.
3. Прохоров Е.П. Обсуждение проблем свободы печати в России во второй половине XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. М., 2003. № 4. С. 90—100.

А.В.Стрелков

г.Москва

*Российский государственный университет нефти и газа
имени И.М.Губкина*

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ ГАЗА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ)

В рамках стратегии обеспечения национальной энергетической безопасности ключевая роль принадлежит наряду с добычей жидких углеводородов добыче природного газа, составляющего львиную долю потребления топливных ресурсов. Более того — имея уровень его добычи, как минимум на треть выше собственных потребностей, Россия может позиционировать себя на международных рынках как мировая энергетическая сверхдержава. При этом последняя крупная авария на атомной электростанции (Фукусима) и возросшая активность различных самостоятельных общественных экологических организаций, приобретающих существенный политический вес, заставляют ведущие страны на западе (Германия) и на Востоке (Япония) в ближайшем будущем радикально отказаться от использования ядерной энергии.

Соответственно даже при нарастающем уровне использования альтернативных видов топлива и достаточно проблематичного для Европы по экологическим соображениям возможной добыче сланцевого газа спрос на природный газ будет неуклонно возрастать. (Хотя новый виток мирового экономического и финансового кризиса, не прекращающегося с середины 2008 г., вносит свои негативные коррективы в этот прогноз). Согласно Международному энергетическому агентству в сценарии новых стратегий межрегиональная торговля газом увеличится примерно на 80%, с 679 млрд. куб.м. в 2008 г. до 1 200 млрд. куб. м в 2035 г. [3, 28]. А Европе к 2020—25 гг. дополнительно понадобится около 200 млрд. куб. м газа в год. Есть и более смелые прогнозы трехкратного увеличения мирового потребления газа к 2030 г. [1, 184].

Таким образом, производство и экспорт газа является одним из немногих естественных конкурентных преимуществ российской экономики на мировой арене, (67 место в мировом рейтинге конкурентоспособности) позволяющем, в решающей мере обеспечивать приемлемые параметры национального бюджета (налоговые отчисления в бюджет около 29%) и решение насущных народно-хозяйственных задач. Включая получение необходимых валютных поступлений на финансирование импорта как продуктов питания, так и высокотехнологичных, эффективных инвестиционных товаров с высоким уровнем добавленной стоимости. Поскольку многие отрасли отечественной экономики от автомобилестроения и электроники до станкостроения и авиастроения не производят товаров необходимого потребительского качества, сравнимого с мировым уровнем и находятся по сути в депрессивном состоянии не дающим надежд ни на собственное возрождение, ни на возрождение страны.

В середине 1992 г. правительство России дало ОАО «Газпром» эксклюзивное право госзаказа для осуществления поставок газа на экспорт по межправительственным договорам. 45% валютной выручки, получаемой от этих поставок, остаётся в распоряжении концерна, оборот по этим операциям освобождён от пошлин. Осенью 1992 г. Газпром выкупил у ЦБ пакет акций East-West United Bank — бывшего советского зарубежного банка в Люксембурге, через который проходили платежи за весь экспортируемый из России в Европу газ.

Россия является на сегодняшний день крупнейшим в мире производителем и экспортёром природного газа, имеющим около 20% мирового газового экспорта. Экспорт Российской Федерации природного газа за 1992—2012 годы колебался от 27,6% до 37% от объема произведенного.

По данным ЦБ РФ экспорт газа в этот был практически стабильным, но из этого периода выделяется 2005 г. в который экспорт был самым высоким за этот период и составил 209,2 млрд. м. куб. и 2009 г. после

экономического и финансового кризиса середины 2008 г., когда экспорт был наименьшим и составил 168,4 млрд. куб. м.

Совершенно очевидно, что в настоящее время, газ из товара, как материального ресурса, превратился и в стратегический внешнеполитический ресурс. В особенности это касается Европы, где доля в энергопотреблении российского газа составляет до 20% — особенно в Германии, причем объем потребления постоянно растет.

В 1999 г. Россия экспортировала около 188 млрд. куб. м. газа. В 2009 г. из-за кризиса 150 млрд. куб. м. газа на 39,4 млрд. долл. По данным Министерства энергетики РФ, экспорт газа из России в 2011 г. вырос на 10,9% — до 204 млрд. куб. м., по информации ЦДУ ТЭК, в I полугодии 2012 г. экспорт природного газа из России составил 96,0 млрд. куб. м, что на 11,7% ниже аналогичного показателя 2011 г.

Большая часть экспортируемого из России природного газа поставляется в страны дальнего зарубежья. Так, в I полугодии 2012 г. экспорт трубопроводного газа в дальнее зарубежье составил 59,5 млрд. кубометров, в ближнее — 29,0 млрд. куб. Экспорт природного газа из России в дальнее зарубежье сократился в 2009 г. на 23,9% и составил 121 млрд. кубометров.

За 2010 г. «Газпром» экспортировал в страны дальнего зарубежья 139 млрд. куб. м газа. Из них в Германию около 39 млрд. куб. м газа. Германия является крупнейшим импортёром природного газа из России.

Прогноз добычи и экспорта природного газа (ИНЭИ РАН)[2, 518]

Год	2005	2010	2015	2020
Добыча	598—600	650—683	645—675	670—700
экспорт	196—201	211—218	215—217	222—210
Европа	144—150	161—168	165—170	171—168
Страны СНГ	52—51	50	50—47	51—42

Однако прогнозы начала XXI века и реалии состояния мирового энергетического рынка как правило не совпадают с ожиданиями. И цена газа для европейских потребителей в текущем 2013 году много выше 300 долларов, а на азиатском рынке для Японии даже выше 500.

Россия является крупнейшим экспортёром газа в Евросоюз. В 2011 г. Россия экспортировала в ЕС 150 млрд. кубометров природного газа.

В 2009 г. объёмы поставок российского газа в страны СНГ возросли на 90,1% до 30,3 млрд. куб. м, доход от экспорта газа по этому направлению увеличился в 2,4 раза.

При этом Украина и Белоруссия перманентно создавали и продолжают создавать многочисленные проблемы как для самих себя, так для Евросоюза и России.

В феврале 1993 г. «Газпром» впервые отключил Украину от газа за неуплату. Ограничение поставок длилось сутки, но власти Украины обещали перекрыть трубу, по которой Россия поставляет газ в Западную Европу.

В марте 1994 г. «Газпром» на 65% сократил поставки газа Украине из-за долга в 600 млн. долл. В ходе переговоров было решено, что Газпром продолжит поставки газа на Украину в полном объеме. При этом украинская сторона обязалась в течение месяца представить график погашения своей задолженности за российский газ. Поставки восстановили в апреле 1994 г., после обещания правительства Украины погасить долг 1 января 2006 г. «Газпром» снова останавливал подачу газа на Украину.

Украина уменьшила закупки газа в России с более чем 50 млрд. куб. м в 2006—2008 гг. до 37 млрд. куб. м в 2009—2010 гг. В конце августа 2011 г. Украина уведомила Газпром, что в 2012 г. закупит 27 млрд. куб. м. В 2011 г. импорт российского газа составил чуть более 40 млрд. куб. м. насумму 12,4 млрд. долл.

В I квартале 2012 г. на Украину было импортировано 8,55 млрд. куб. м газа что в 2,1 раза или на 9,37 млрд. куб. м. меньше, чем в I квартале 2011 г. По данным Госстата Украины, стоимость импортированного в I квартале 2012 г. российского природного газа составила 3,57 млрд. долл., что на 24,2% или на 1,14 млрд. меньше чем в I квартале 2011 г. А в январе текущего 2013 г. начинается уже третья по счету газовая война с Украиной, в ходе которой ОАО «Газпром» выставляет Украине счет на 7 млрд. долл. за недобор экспортного газа по ранее заключенными контрактами.

Не в последнюю очередь из-за этого по итогам 2012 г. производство Газпромом природного газа уменьшилось на 6,7% до 478,7 млрд. куб. м.

Одной из главных проблем остается проблема обеспечения бесперебойных поставок российского газа его получателям в Европе. И не смотря на то, что существующие экспортные мощности «Газпрома» составляют почти 250 млрд. кубометров, Россия вынуждена строить целый ряд новых газопроводов как в целях диверсификации направления экспортных поставок, так и для того, чтобы минимизировать издержки от непредсказуемых действий некоторых стран-транзитеров.

Среди них: **Ямал — Европа**. 22 марта 1993 г. Газпрома подписал в Варшаве соглашение о том, что транзитный газопровод из Ямала в Западную Европу пройдет по территории Польши в обход Украины.

Голубой поток напрямую по дну черного моря в Турцию мощностью в 20 млрд. куб м в год. Договор предусматривает поставки 365 млрд. куб м газа в течении 25 лет. В декабре 2002 г. сдан в эксплуатацию пусковой комплекс, в 2005 г. торжественно принят в эксплуатацию в полном объеме.

Северный поток. Акционеры компании NordStreamAG-«Газпром» (51%), германские WintershallHolding и E.ONRuhrgas (по 15,5%), французская GDFSuez и нидерландская Gasunie (по 9%). Каждая нитка газопровода протяжённостью свыше 1220 км имеет производительность 27,5 млрд. куб. м в год. Первая из них была введена в эксплуатацию 8 ноября 2011 г. После ввода в эксплуатацию второй нитки в конце 2012 г. по газопроводу «Северный поток» можно транспортировать в Европу до 55 млрд. куб. м газа в год.

Строительство и ввод планируемых третьей и четвертой веток позволит довести суммарный экспорт по «Северному потоку» до 110 млрд.куб. м

Южный поток должен вступить в строй к 2015 г. Планируемая мощность 63 млрд. куб. м газа в год. Оценочная стоимость колеблется от 9 до 25 млрд. евро. Газопровод считается конкурентом проекта «Набукко», планируемого в обход России, поддерживаемый Евросоюзом и США.

Подводный отрезок газопровода будет иметь протяжённость 900 км и будет принадлежать «Газпрому» и Eni поровну — 50% на 50% [4].

В маршрутах прокладки обеих веток «Южного потока» пока нет полной определённости. Юго-Западную ветку планируется проложить через Грецию, откуда она пройдёт через Ионическое море в Италию. Северо-Западная ветка по плану должна пройти в Италию с ответвлением в Австрию. Как транзитные страны изначально рассматривались Румыния, Венгрия и Словения.

Проект «Южный поток» направлен на укрепление энергетической безопасности Европы. Это очередной реальный шаг в реализации стратегии Газпрома по диверсификации маршрутов поставок российского природного газа. Новая газопроводная система, значительно повысит безопасность энергоснабжения всего европейского континента. Основными вопросами энергобезопасности европейского континента становятся наращивание объемов поставок газа и исключение транзитных рисков. Создание альтернативных странам — транзитерам морских маршрутов поставки газа — это основа новой совместной энергетической политики России и ЕС. Другой ее составной частью является реализация проекта «газового кольца», принятого ЕС в ноябре 2008 г. России же важны гарантии выполнения импортерами контрактных обязательств по объемам и ценам, исключение имеющихся различного рода попыток дискриминации ОАО «Газпром» на европейском рынке энергоносителей Евросоюзом.

Литература

1. Миловидов К.Н., Коржубаев А.Г., Эдер Л.В. Нефтегазообеспечение глобальной экономики. М, 2006.
2. Минерально-сырьевая база топливно-энергетического комплекса России. Состояние и прогноз. М., 2004
3. Оздемир В. Перестройка европейского газового рынка в рамках его глобализации. Нефть, газ, бизнес. № 4. 2011
4. ОАО «Газпром»: <http://www.gazprom.ru>

О.Ю.Стрелова

г.Хабаровск

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

ДВА СЪЕЗДА УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ В ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В рамках Года российской истории (2012 г.) состоялось, как минимум, два съезда учителей истории и обществознания. На первый взгляд, события несоизмеримые, поскольку первый носил статус Всероссийского, а второй — краевого.

В этом ракурсе от «меньшего» ожидалось копирование форматов и идей «старшего брата». Однако, нет, интрига сюжета данной статьи и шире — исследовательского интереса к феномену профессиональных съездов учителей-гуманитариев в начале XXI века заключается в их не то, чтобы несовпадении, а, скорее, в их разнонаправленности.

По этому поводу на память приходит название книги В.И.Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905 г.). Книга была написана по горячим следам Третьего съезда партии «сознательного пролетариата», состоявшегося в Лондоне 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 г., и конференции меньшевиков, в это же время проходившей в Женеве. «Главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент» (В.И.Ленин) на самом деле окончательно расколол российских социал-демократов и сделал их непримиримыми врагами.

Последствия двух съездов 2012 года, конечно же, не прогнозируются так далеко и так масштабно, но заслуживают внимания всех, кому безразличны судьбы гуманитарного образования, гражданского общества, отечественной культуры.

Теперь несколько фактов прежде, чем сравнивать и делать выводы-прогнозы. Замечу, что автор данной статьи была участником обоих съездов, сначала в роли ведущего секции, потом в составе оргкомитета, докладчика и модератора краевого форума.

Второй Всероссийский съезд учителей истории и обществознания состоялся в Москве 12—13 декабря 2012 года в здании Президиума РАН. Организаторами съезда выступили Общероссийская общественная организация «Ассоциация учителей истории и обществознания», Министерство образования и науки Российской Федерации, Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет. Съезд был проведен в рамках Года российской истории с целью *консолидации общей позиции учителей истории и обществознания России в отношении путей совершенствования исторического и обществоведческого образования.*

Судя по названиям шести секций и ключевым вопросам делегатам съезда предлагали обсудить перспективы развития школьного исторического и обществоведческого образования в условиях перехода на новые образовательные стандарты; роль учителей истории и обществознания в формировании гражданского мировоззрения и патриотической позиции молодежи; значение исторической науки, социально-гуманитарных дисциплин в учебно-методическом обеспечении образовательного процесса, в подготовке школьных учебников истории и обществознания; перспективы развития отечественной системы оценки качества исторического и обществоведческого образования; роль и место элективных курсов в социально-гуманитарном образовании; внедрение информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс; пути совершенствования системы повышения квалификации педагогов.

Однако на деле трудно было ожидать конструктивной, всех удовлетворяющей работы в секциях, в программе которых числилось около 30 докладчиков (секция 1) или поднимались вопросы ГИА и ЕГЭ (секция 2).

Даже те десять докладов и сообщений, которые нам все-таки удалось заслушать на первой секции, всколыхнули массу вопросов, так или иначе связанных с общей темой — «Преподавание истории в контексте перехода на новые ФГОС». Если обобщить дебаты и, меньше — дискуссии двух дней заседания в Синем зале РАН, то перечень острых вопросов, тревог, претензий и предложений со стороны школьных педагогов и специалистов в сфере исторического образования выглядит так:

в существующем дисбалансе учебных часов на курсы отечественной и всеобщей истории и устойчивой тенденции к сокращению времени на изучение истории зарубежных стран выступавшие на секции учителя увидели угрозу формирования у школьников мировоззренческих взглядов и ценностных установок, несовместимых с жизнью в открытом поликультурном мире;

делегаты усомнились *в целесообразности изучения в рамках курса отечественной истории* последнего периода (конец XX — начало XXI вв.) и предлагали *перенести его в учебный предмет «Обществознание»*, в том числе и потому, что в реальном образовательном процессе он не изучается полноценно из-за подготовки выпускников основной и старшей школы к итоговой аттестации. С другого «фланга», наоборот, раздавались призывы отменить «Обществознание» из-за его «бесполезности»!

учителя требовали *существенно разгрузить содержание учебного предмета «История»* в программах и школьных учебниках, *укрупнить основные предметные единицы, а освободившееся время использовать для практических занятий* по обучению школьников приемам работы с историческими источниками и социально-коммуникативной практики (проектной деятельности);

делегаты вновь говорили *о негативном влиянии ЕГЭ на содержание и процесс изучения истории в школе*, предлагали *модифицировать действующую модель итоговой аттестации*, увеличив долю контрольно-измерительных заданий, диагностирующих деятельностные (метапредметные) и личностные результаты изучения истории;

на секции обсуждался *характер участия школьных учителей в создании рабочих программ* по истории и обществознанию, поскольку в последние годы, в связи с переходом на ФГОС общего образования, администрации школ по указанию органов управления образованием в субъектах РФ заставляют педагогов готовить свои (авторские — ???) рабочие программы. В то же время каждый учебник, прошедший федеральную экспертизу, сопровождается программно-методическим «шлейфом» и включает в себя примерные и рабочие программы, подготовленные авторами учебников и методистами высокой квалификации. Было высказано авторитетное мнение, что педагоги общеобразовательных школ в этих условиях не обязаны разрабатывать собственные рабочие программы, а отражать особенности своего методического подхода и способы реализации познавательных запросов школьников они могут в авторском тематическом планировании (по сути, в третьей части рабочей программы). Этот подход освободил бы учителей от избыточных, не свойственных их профессиональной деятельности функций, но при этом придал бы ей творческий и конструктивный характер;

в связи с вопросами о формировании национально-культурной и гражданской идентичности, обновления содержания исторического образования, организации внеклассной работы и т.д. делегаты съезда не раз привлекали внимание собравшихся к *проблеме реализации регионального компонента содержания историко-обществоведческого образования* в условиях перехода на однокомпонентную модель государственных образовательных стандартов;

из-за многообразия вопросов к «стандартам второго поколения» участники секции признавали *необходимым обновить содержание и формат курсов повышения квалификации учителей истории*, но были не готовы четко и конкретно сформулировать свои предложения.

Этот диапазон вопросов и предложений затронул проблематику фактически всех остальных секций, работавших на Втором Всероссийском съезде, и мог бы стать основой для подготовки общих конструктивных решений. Тех, ради которых, по словам А.О.Чубарьяна, председателя Всероссийской ассоциации учителей истории, съезд собрался во второй раз: «...Рассмотреть итоги деятельности ассоциации учителей истории и обществознания; оценить, что успешно сделано после Первого Всероссийского съезда учителей истории и обществознания (2011 г.), что еще предстоит сделать *для повышения качества образования*» (курсив мой — О.С.).

Однако «призрак цветной революции» возник и забродил в первой секции, как только несгибаемым приверженцем линейной структуры исторического образования удалось вбросить в Синий зал призыв к отмене «концентров». Прозвучав в самом начале рабочего дня, он далее с завидным постоянством повторялся как панacea от всех проблем преподавания истории в современной школе. В какие-то минуты казалось, что вот-вот, объединенные любовью к «линейке», делегаты «возьмут власть в свои руки» и, как минимум, предоставят школам страны право самостоятельно выбирать структуру изучения истории.

«Мы не предмет преподаем, а науку...», «Всякой методике нам достаточно...», «По линейной структуре дети будут профессионально подготовлены...», «В количестве рекомендаций можно утопить главный вопрос — о концентрической структуре» — эти и подобные им высказывания, очевидно, окончательно убедили разработчиков проекта рекомендаций в том, что главным итогом работы секции (а шире — всего съезда) должно быть требование вернуться к линейной структуре исторического образования школьников. Они провели голосование по альтернативным проектам и, получив поддержку большинства участников секции, изложили свои соображения на итоговом заседании съезда.

Как оказалось, именно этого от них и ждали! Доказательства?..

Главный вопрос Первого съезда (2011 г.), судя по аналитическим статьям, был связан с возвращением к линейной структуре исторического образования школьников [1].

Лейтмотив многих докладов на пленарном заседании съезда в 2012 году сводился к изначально неверному и предвзятому представлению о сути концентрической структуры изучения истории в школе: «Содержание, которое прежде ученики осваивали за 7 лет — в 5—11-х классах, теперь предлагается усвоить за 5 лет — в 5—9 классах, а потом повторить на углубленном уровне в 10—11-х классах» (А.В.Торкунов., ректор МГИМО(у) МИД) (курсив мой — О.С.).

О том, что в борьбе против концентров «утонули» многие интересные и эффективные предложения делегатов и почетных гостей, актуализированные Годом российской истории, красноречиво свидетельствует и новый обзор «итогов» Второго съезда в СМИ, составленный по заказу его организаторов: «По мнению участников съезда, *главная проблема исторического образования — это неправильная система преподавания в школах*. Об этом говорили все выступающие. Раньше история изучалась по линейному принципу: знания давались поэтапно от древности до современности. Теперь в школах практикуется концентрическая система, в рамках которой школьники одновременно проходят и отечественную, и зарубежную историю, разные эпохи и периоды. При этом время на обучение сильно сократилось... Подобная методика ведет к упрощению, к цейтноту и к поверхностным результатам». С ректором МГИМО согласны и другие ведущие эксперты. «Нагромождение разрозненных фактов не дает школьникам полного представления об исторической картине, надо покончить с концентрическим подходом, надо менять структуру образования», — высказался Александр Чубарьян. По итогам съезда будут подготовлены предложения Минобрнауки относительно системы преподавания, ЕГЭ и учебников. Будет ли что-то предпринимать ведомство в ответ на данные требования историков — пока что неизвестно. Комментарии на этот счет получить не удалось» [2].

Курсивом в тексте источника мною выделены ключевые фразы и предложения «всех выступающих», демонстрирующие одновременно их некомпетентность в вопросах о сущности (система? методика? принцип? структура? и т.п.) и о ресурсах концентрической структуры школьного исторического образования в современном мире.

Не оправдались прогнозы телеканала «Культура»: ни сам съезд, ни сайт Всероссийской ассоциации учителей истории «площадкой для дискуссий» не стали. Если «повышение качества образования», вопреки мировым педагогическим тенденциям, вновь связано с возвращением к линейной структуре (экстенсивный путь), то съезд и в третий, и в четвертый, и... (столько раз, сколько «хватит пороху» у его организаторов) будет сражаться с ветряными мельницами и растрчивать энергетику общественного профессионального движения...

Через неделю после съезда в Москве (20—21 декабря 2012 г.) на другом конце страны состоялся первый краевой съезд учителей истории Хабаровского края. Идея такого масштабного мероприятия возникла еще два года назад, когда было создано региональное отделение Всероссийской ассоциации учителей истории. Точнее, можно говорить о воссоздании в Хабаровске профессиональной ассоциации, поскольку в 1998 г. была зарегистрирована и несколько лет проработала Хабаровская городская общественная организация учителей истории. Краевой съезд отсрочили на конец декабря в надежде, что Всероссийский съезд даст яркие идеи и импульсы к развитию профессионального движения учителей-гуманитариев...

Сегодня трудно договориться, кому принадлежала инициатива проведения краевого съезда: Президиуму регионального отделения Всероссийской ассоциации или Министерству образования и науки Хабаровского края. Но ясно, что без административной, финансовой и информационной поддержки трудно было собрать вместе более 200 делегатов из всех районов края, пригласить почетных гостей из Москвы, провести съезд на престижных площадках краевой столицы. Не менее значимым стало участие Хабаровского краевого института развития образования в подготовке программы съезда, проведении пленарного заседания, секций и круглых столов. Члены ассоциации предложили темы своих выступлений и мастер-классов, активно пропагандировали съезд на сайте ХК ИРО, участвовали в работе над резолюциями съезда...

Цель, определившая съездовский формат краевого мероприятия: *консолидация историко-научного и педагогического сообщества Хабаровского края в реализации требований ФГОС ОО к результатам гуманитарного образования школьников; поиск и актуализация эффективных подходов к историко-обществоведческому образованию школьников в условиях перехода на стандарты второго поколения и с учетом регионально-культурной специфики Хабаровского края как субъекта Российской Федерации.*

В работе съезда приняло участие более 200 человек: директора и учителя истории и обществознания общеобразовательных учреждений трех городов и 17 муниципальных районов Хабаровского края; преподаватели социально-гуманитарных дисциплин учреждений среднего профессионального образования; преподаватели истории и методики преподавания истории высших учебных заведений; сотрудники краевого музея им. Н.И.Гродекова; методисты центра общего образования ХК ИРО; специалисты министерства образования и науки Хабаровского края.

Почетными гостями краевого съезда и его модераторами были главный научный сотрудник ИСиМО РАО, профессор АППК и ПРО, д.п.н, профессор Е.Е.Вяземский, представители федеральных издательств (Просвещение, Дрофа, Вентана-Граф, Мнемозина), научно-методических журналов (ПИОШ, ПИШ, Просвещение. Общественные науки) и регионального издательства «Частная коллекция», а также авторы школьных учебников и УМК по истории России и обществознанию (Вентана Граф, Мнемозина, Русское слово, Частная коллекция).

Такой представительный список гостей и участников позволил оргкомитету спланировать разнообразную по жанрам и содержательную программу двух рабочих дней съезда. Стратегическое направление определили три главных доклада:

«Основные направления государственной политики в области школьного исторического образования в Российской Федерации» — Е.Е.Вяземский, главный научный сотрудник ИСиМО РАО, профессор АППК и ПРО д.п.н., профессор;

«Новые направления в современной исторической науке» — М.И.Романова, к.и.н, доцент, доцент кафедры всеобщей истории ДВГГУ;

«Год российской истории как фактор профессионального взросления учителей и ресурсы развития системы гуманитарного образования в Хабаровском крае» — О.Ю.Стрелова, д.п.н. профессор, профессор кафедры всеобщей истории ДВГГУ.

Основными принципами формирования секций были следующие требования:

актуальное направление историко-обществоведческого образования школьников и повышения квалификации педагогов-гуманитариев;

минимальное количество докладов, содержащих стратегические идеи или освещающих опыт пилотных площадок, передовую педагогическую практику дальневосточных преподавателей и ученых;

ориентация дискуссий и рекомендаций на действенное повышение качества историко-обществоведческого образования с использованием культурных и интеллектуальных ресурсов Хабаровского края.

Работу всех пяти секций направляли «вопросы для обсуждения», они же были положены в основу проектов резолюций и рекомендаций:

Секция 1. Преподавание истории и обществознания в контексте ФГОС ОО

Ключевые проблемы историко-обществоведческого образования в условиях перехода на ФГОС ОО: участие учителей в разработке рабочих программ по учебным предметам; критерии выбора УМК в условиях вариативности (первый опыт пилотных школ в Хабаровском крае), система диагностики и оценки метапредметных и личностных результатов историко-общ. образования (портфолио, и др.)

В какой научно-информационной и методической поддержке нуждаются учителя Хабаровского края в условиях перехода на ФГОС общего образования?

Секция 2. Школьный учебник истории: старт в новый век.

Какой учебник истории нужен современному школьнику?

Какова роль исторической науки в формировании содержания школьных курсов истории?

Какой учебник может способствовать развитию исследовательских умений школьников?

Как учителя Хабаровского края могут участвовать в общественной экспертизе учебно-методических изданий по истории и обществознанию?

Секция 3. Изучение региональной истории в контексте преподавания истории России. Среда взаимодействия школы и музея.

Роль и место региональной истории в системе исторического образования школьников.

Культурное многообразие Хабаровского края и проблемы воспитания российской идентичности молодых дальневосточников.

Внеурочная деятельность по истории: формы партнерства школы и учреждений культуры Хабаровского края.

Основные подходы к созданию школьного музея.

Роль музейной педагогики в историческом образовании школьников.

Секция 4. Роль учителя истории и обществознания в воспитании гражданской ответственности молодого поколения.

Роль учителя-гуманитария в воспитании гражданина России.

Профессиональный стандарт учителя истории.

Опыт участия учителей Хабаровского края в профессиональных конкурсах.

Курс «Уроки Холокоста — путь к толерантности» в системе дополнительного образования по предметам гуманитарного цикла.

Секция 5. Современные образовательные технологии как средство повышения качества историко-обществоведческого образования в условиях перехода на стандарты второго поколения.

Гуманитарное образование и образовательные технологии XXI века: сферы и ресурсы взаимодействия.

Электронные образовательные ресурсы в преподавании истории и обществознания: подходы к разработке и использованию на уроках и внеклассной работе в школах Хабаровского края.

Опыт участия педагогов нашего края в подготовке школьников к предметным олимпиадам и творческим конкурсам.

Второй день работы краевого съезда открыли мастер-классы по самым разным проблемам и аспектам профессиональной деятельности учителей истории и обществознания в современной школе: «Дорожная карта целей учителя» (И.А.Салова, Е.А.Смирнова), «Как избежать морализаторства при формировании ценностных установок учащихся?» (И.С.Дербина), «Создание музея истории школы» (Т.П.Зеленина), «Система работы с одаренными детьми» (О.Р.Дьяченко), «Организация сетевого взаимодействия педагогов посредством «Дневник.ru» (О.В.Гамидова) и др.

Издательский брифинг «Издательства — учителям и школьникам Хабаровского края» отличался от обычных презентаций новых учебно-методических комплексов тем, что делегаты съезда смогли задать авторам учебников и методистам вопросы о процедурах подготовки учебников, выразить свое мнение о качестве книг, с которыми они работают. Честно говоря, отведенного на брифинг времени явно не хватило, чтобы дать возможность высказаться всем желающим...

Завершил съезд круглый стол, на котором ведущие секций рассказали о результатах своей работы, представили принятые на секциях рекомендации, а все желающие озвучили свои впечатления и новые предложения.

Именно эта часть работы съезда и ее материалы характеризуют результативность краевого мероприятия, конструктивность, нацеленность на актуальные проблемы современной школы, учащихся и педагогов Дальнего Востока. Решать их планируется не за счет возвращения к линейной структуре исторического образования (такой вопрос на краевом съезде вообще не поднимался), а во взаимодействии с научными, учебными и культурными учреждениями, а также с органами управления образованием Хабаровского края.

Приведу отдельные пункты из проекта резолюции, определяющие смысл и перспективы взаимодействия педагогов-гуманитариев в формате краевого профессионального съезда:

Ассоциации учителей истории и обществознания Хабаровского края инициировать и проводить новые формы повышения квалификации преподавателей истории учреждений среднего профессионального образования, учителей истории и обществознания по ключевым аспектам подготовки педагогов к работе по ФГОС, включая: краевые летние школы; фестивали профессионального мастерства; культурно-образовательные экспедиции, музейно-педагогические практики (например, в Музее Отечественной войны 1812 года), профессиональные проекты (в том числе особенности работы с одаренными детьми, подготовка школьников к олимпиадам, разработка и реализация регионального компонента историко-обществоведческого образования в школах и учреждениях среднего профессионального образования Хабаровского края, интеграция исторической науки и исторического образования, интеграция школы и учреждений культуры и т.д.).

Профессиональные встречи педагогов-гуманитариев проводить в исторических местах и культурных центрах Хабаровска, Дальнего Востока, Сибири, центральной России, ближнего и дальнего зарубежья, возродить в России традиции «учительского туризма» начала XX века. Таким образом, предметно-профессиональная компонента повышения квалификации учителей-гуманитариев будет усилена культурно-просветительской. Это принципиально значимо для педагогов Дальнего Востока, которые не могут часто и свободно совершать экскурсии в Москву, Петербург и другие исторические места нашей страны.

Сертифицировать (предметный блок повышения квалификации) участие педагогов в таких мероприятиях, для чего разработать адекватные этим формам творческие виды аттестации педагогов, с одной стороны, диагностирующие их индивидуальный профессиональный рост, с другой, актуализирующие их профессиональные интересы и потребности в самообразовании и самореализации.

Приглашать ведущих специалистов в области социально-гуманитарных наук и гуманитарного образования Хабаровского края и других регионов России, а также научно-исследовательских институтов РАН и РАО, издательств, выпускающих учебную литературу, включенную в Федеральный перечень, для проведения летних школ, профессиональных фестивалей, мастер-классов, вебинаров и т.д.

Обратиться в Министерство образования и науки Хабаровского края с предложением разработать целевую программу учебно-методического сопровождения регионального компонента исторического образования и оказать поддержку в подготовке и издании региональных учебно-методических комплексов для 1—4 классов (проект «Край, в котором я живу») и 5—9 классов по истории Дальнего Востока России.

В настоящее время каждый учебник истории и обществознания, прошедший федеральную экспертизу, сопровождается программно-методическим пакетом материалов, составленных специалистами в области истории и педагогики. Считаем, что педагоги общеобразовательных школ в условиях обязательной публикации примерных и рабочих программ к линиям учебников федерального перечня не обязаны разрабатывать свои собственные «авторские» рабочие образовательные программы, а только конкретизировать особенности своей методической стратегии и реализации познавательных запросов школьников *в развернутом тематическом планировании* (составляющем, по сути, третью часть рабочей программы). Этот подход освободит школьных учителей от несвойственных им функций проектирования содержания образования, но при этом придаст их профессиональной деятельности творческо-прикладной характер, направленный на планирование реального учебного процесса в своем образовательном учреждении...

Лучше других о результативности съезда могут свидетельствовать отзывы делегатов. Они помогают почувствовать атмосферу тех дней и оценить эффекты съезда в отношении личностно-профессиональной самореализации хабаровских педагогов. Приведу несколько выразительных фрагментов: *«Благодаря съезду удалось пропитаться атмосферой инноваций и, надеюсь, выйти на новый виток развития в своей педагогически-личностной практике. Наш хабаровский съезд Ассоциации — это пульс настоящей жизни, живой разговор с профессионалами. Жалею только об одном — что не удалось побывать на всех мастер-классах»; «Дни съезда действительно были ярким, незабываемым событием!... Мы получили заряд бодрости, второе дыхание: наша работа нужна, важна, мы этому получили подтверждение!».*

Спустя месяц, когда эйфория съездовских дней сошла на нет, а проект решений потребовал официального оформления, возник вопрос о его адресатах и исполнителях. Некоторые положения покушаются на монополию краевых ИРО в проведении курсов повышения квалификации учителей, требуют существенно изменить их содержание и форматы. Некоторые пункты резолюции невозможно выполнить без административной и финансовой поддержки органов управления образованием и администрации школ. Отдельные предложения немыслимы без краевой целевой программы... Надеюсь, что рано или поздно материалы первого съезда учителей истории Хабаровского края появятся на сайте ХК ИРО, а региональная ассоциация начнет воплощать его решения в жизнь. Иначе «последний клапан» общественного движения педагогов-гуманитариев выйдет из строя.

Литература

1. Карцев Д. Первый Всероссийский съезд учителей истории // История. 2011.

2. Газета.ru: «Наши учебники формируют культурный расизм». <http://school.historians.ru/?p=900> Российская газета «Нужны нескудные учебники». <http://school.historians.ru/?p=925>; Телеканал «Культура»: «Второй Всероссийский съезд учителей истории — площадка для дискуссий». <http://school.historians.ru/?p=905>

* Все публикации представлены на сайте Всероссийской ассоциации учителей истории и обществознания — <http://school.historians.ru/>

А.А.Стряпихина

г. Нижний Новгород

Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина

ПРИЧИНЫ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР В ПЕРИОД НЭПА

Смена экономического курса в стране в начале 1920-х гг. была вызвана объективными причинами. Острейший политический и социально-экономический кризис создал угрозу существованию советской власти, и поставил руководство страны перед необходимостью изменения методов управления народным хозяйством.

Кардинальные изменения произошли в области трудовых отношений. В первую очередь, была отменена чрезвычайно обременительная для населения всеобщая трудовая повинность, пересмотрено трудовое законодательство. В соответствии с новым КЗоТ 1922 г. не допускались административные методы привлечения

к труду. Исключение составляли лишь случаи, когда, например, требовалось мобилизовать все силы для борьбы со стихийными бедствиями или в иной чрезвычайной ситуации [4].

Однако с переходом к рыночным отношениям в начале 1920-х гг. население столкнулось с новой проблемой — быстрым ростом безработицы. Согласно экономическим законам, безработица является постоянным спутником рыночной экономики, основу которой составляют частная собственность, сокращение государственных расходов, конкуренция и др.

Первая причина безработицы периода нэпа — это сокращение штатов советских органов власти и управления, а также всех учреждений и ведомств, состоящих на государственном финансировании. Цель данной меры состояла в том, чтобы рационализировать и удешевить содержание данных структур, поправить финансовое состояние государственной казны. Для решения этого вопроса 3 мая 1919 г. В.И. Ленин подписал постановление СТО о сокращении штатов отдельных ведомств и учреждений на 25—50% и создании для этой цели специальных штатных комиссий. По данным Народного комиссариата труда, в 1922 — первой половине 1923 гг. сокращение штатов учреждений и предприятий являлось главной причиной безработицы. Так, на 1 марта 1923 г. все безработные Петрограда распределялись образом: уволенные по сокращению штатов — 69,6%, в связи с ликвидацией предприятий — 14,9%, по другим причинам — 3,3% [7, 69].

Вторую причину безработицы следует увязывать с реорганизацией промышленности. В основу деятельности предприятий был положен хозрасчет, т.е. перевод на самоокупаемость. Держать большой штат работников стало крайне не выгодно. Ф.Э. Дзержинский писал: «Лишние рабочие дезорганизуют дисциплину и производство, они пожирают средства, которые данный завод имеет в ограниченном количестве... Нас безработица мучает и мучает очень серьезно, но никоим образом нельзя вести борьбу с безработицей путем предоставления рабочему на заводе места, где для него работы нет» [3, 481]. Значительное число промышленных рабочих оказалось на улице в результате закрытия малорентабельных убыточных предприятий. Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что частники, в руки которых была передана мелкая и средняя промышленность не были заинтересованы в наборе новых рабочих. В целях сокращения расходов и увеличения прибыли, они стремились восстановить производство за счет увеличения рабочей нагрузки имевшегося штата рабочих, а не путем набора новых.

Третьей причиной безработицы является массовый отход крестьян на заработки в города. Разруха в сельском хозяйстве, засуха, неурожай крайне негативно сказались на уровне жизни крестьян, что вынуждало их уходить в города с целью поиска дополнительных источников дохода. Ситуация особенно обострилась в 1922 г. в результате массового голода в Поволжье. Неурожаем охватил 34 губернии: все Поволжье, весь бассейн р. Урал — от Астрахани до Гурьева, Саратов, Самару, Уральск, Оренбург, Симбирск до Казани и Чебоксар [6, 14]. Производились переброски части населения из районов, охваченных голодом, в другие регионы. В результате часть эвакуированных осела в промышленных городах, пополнив собой армию безработных.

Четвертая причина безработицы — демобилизация армии и флота. К гражданской жизни вернулись мужчины, которые желали и могли трудиться, но в условиях значительного снижения спроса на рабочие руки не находили применения своего труда.

Численность граждан, потерявших работу, росла стремительно. Если в 1922 г. насчитывалось 160 тыс. безработных, то в 1924 г. их число составляло уже 1 млн. 240 тыс. человек, а в 1927 г. — 1 млн. 310 тыс. человек [2, 29].

Положение безработных ухудшалось тем, что безработица приняла застойный характер. Согласно сведениям из Петрограда, Ростова-на-Дону, Саратова, Тулы, Иваново-Вознесенска менее 1 месяца находились без работы 23% общего числа незанятых, от 1 до 3 месяцев — 34%, от 3 до 6 — 27%, свыше 6 — 16%. Таким образом, 77% безработных ждало работу от 1 до 6 месяцев [5, 26].

В трудном положении оказалась молодежь. Молодые люди не могли соревноваться в отношении производственного стажа и квалификации с взрослыми рабочими, их труд был менее производительен, нередко они работали неполный день. Поэтому при сокращении штатов большинство хозяйственников в первую очередь увольняли с производства подростков.

В целом, несмотря на положительные результаты в промышленности и сельском хозяйстве, новая экономическая политика содержала в себе ряд противоречий, среди которых возникновение и быстрое распространение безработицы. Безработица негативным образом сказывалась на материально-бытовом уровне жизни населения, ухудшала социально-психологический климат в обществе. Подавляющее большинство всех правонарушений составляли преступления с целью наживы и обогащения. Например, в Вятской губернии за первое полугодие 1927 г. было зарегистрировано более 600 преступлений, половину из которых составляли простые и квалифицированные кражи [1].

Безработица стала острой внутриэкономической проблемой страны в 1920-е гг., решить которую, несмотря на ряд предпринимаемых мер, так и не удалось.

Литература

1. Вятская правда. 1927. 7 сентября. № 203.
2. Гиммельфарб С. Ликвидация безработицы в СССР и проблема кадров // Проблемы экономики. 1931. № 4—5.

3. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х томах. Т 2. 1924—1926 гг. М., 1977.
4. КЗоТ РСФСР 1922 г. http://lse.info-spravka.ru>bse/id_38627
5. Исаев А. Борьба с безработицей в 1922 г. // Вопросы труда. 1923. № 2.
6. Поляков Ю.А. 1921: победа над голодом. М., 1975. С. 14—15.
7. Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. М., 1968.

А.В.Сушко

г.Омск

Омский государственный технический университет

ПОЭЗИЯ БЕЛОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В современной отечественной исторической науке обозначился так называемый антропологический поворот, который привел к тому, что историки сосредоточили внимание на личности. Появился простор для исторического исследования влияния индивидуального жизненного опыта личности на социальную реальность, возросла значимость истории эмоций. Все это требует использования новых источников личного происхождения. В этой связи историками до сих пор не уделено должного внимания информационному потенциалу поэзии Белой Сибири печатавшейся в периодических изданиях — газетах и журналах.

Поэзия красного лагеря в достаточном объеме выявлена, опубликована и охарактеризована советскими исследователями, которые раскрыли связь поэзии с общественно-политической жизнью. «Без знания фактов истории отдельные песни, стихи становятся беспредметными, редко привлекают внимание людей», — отмечал советский исследователь Л.Е.Елиасов [2, 7]. Он также подчеркивал значимость поэтического слова для победы большевиков в Гражданской войне: «Это была поэзия пламенная, искренняя, с честью выполнявшая роль агитатора, пропагандиста и организатора» [2, 7].

Совершенно иная ситуация сложилась с поэзией белого лагеря, которая в советское время не привлекала внимания исследователей и не публиковалась. В посткоммунистической России интерес к поэзии белого движения резко возрос. Однако массовая поэзия, печатавшаяся на страницах сибирских периодических изданий, по-прежнему осталась вне внимания исследователей и общественности, эти стихи еще ждут своих читателей и исследователей. Единственным исключением является работа В.Н.Голдина, в которой предпринята попытка собрать и прокомментировать поэзию, как красного, так и белого лагерей, создав своеобразную стихотворную панораму событий на Урале в период Гражданской войны. В.Н.Голдин дает следующую характеристику поэзии эпохи Гражданской войны: «Гражданская война началась не только с физического уничтожения политических противников, она перекинулась на страницы газет, велась борьба за умы, за сознание людей, и все это коверкало души, устои жизни, сотнями лет складывавшиеся в государстве. Духовная гражданская война ломала литературный русский язык, засоряла его словами никогда раньше не появлявшимися на страницах российской прессы, упрощала форму стихов в угоду идеологическому содержанию, нарушала ритм, музыкальность стиха. В отдельных случаях стих стал играть роль плаката, призыва, приказа. Российское общество разделилось на классы не только на поле боя, но и на страницах газет — по языку, по форме изложения материала» [4, 10—11].

Некоторые аспекты теоретического обоснования использования поэтических произведений напечатанных в газетах Белой Сибири в качестве исторического источника, является целью данной работы.

При анализе поэтических произведений для историка продуктивно использовать историко-культурный анализ. При его применении исследователи исходят из понимания художественного произведения как части духовной культуры конкретной эпохи и опираются на обусловленность творчества писателя этическими, эстетическими, религиозными, философскими исканиями современности и ее мировоззренческими приоритетами [1, 16]. Периодика не просто отражала происходящие в обществе процессы. Она являлась основой государственной пропагандистской системы, активным субъектом формирования общественного мнения. Напечатанные в газетах Белой Сибири стихи оказывали идейное и эмоциональное воздействие на читателя, настраивали его на поддержку режима, побуждали его к борьбе с большевиками.

При историческом анализе содержания стихотворения, важно понять социальные условия породившие его. Поэтому, читая стихи в газетах, историк должен изучить контекст (содержание публикаций в номере, где напечатано стихотворение и ближайших номерах). Зачастую редакции газет помещала в номере стихотворение публицистической направленности в тесной взаимосвязи с информационными материалами номера. Тем самым они рассчитывали оказать более сильное эмоциональное воздействие на читателя. Приведем пример. В стихотворении Бориса Гисси «Спасение Родины — наш долг!», написанном 27 июля 1919 г. Новониколаевске, звучит призыв к жителям Белой Сибири не надеяться на иностранцев, а самим проявлять инициативу в борьбе с большевиками. Показательно, что эпилогом к стихотворению служила цитата из газеты «Военные

ведомости» озаглавленной «Великий соблазн». Приведем это стихотворение полностью вместе с эпиграфом [5].

Великий соблазн нашего времени заключается с мысли о спасении через чужестранцев, о призвании некой огромной военной силы, которая разом бы решила столь затянувшийся спор и разом привела бы его к развязке. Статья «Великий соблазн» Военные ведомости. 1919. 27 июля

Нет! Родину должна спасать
Своя лишь только сила,
А не чужих народов рать
Для чести то могила...
Да! Несмываемый позор!
Прямое наше дело —
Встав грудью, дать врагу отпор
Иного нет удела!
Святую Родину любя,
Должны ее спасти мы:
В надежде только на себя
Бойцы непобедимы...
В такой надежде, словно, лев
Бороться каждый будет,
В душе родится светлый гнев,
Он доблесть в ней разбудит...
Должны Отечество спасать,
Его сыны родные,
И только могут помогать
Народы остальные!

Появление публикаций с призывами не надеяться на иностранцев, а приступать к борьбе с большевиками, для проправительственной прессы было симптоматично. Обыватель ждал спасения об большевиков, но принимать участие в вооруженной борьбе не желал. Видный деятель колчаковского правительства Г.К.Гинс в своих воспоминаниях описал нежелание масс участвовать в борьбе с оружием в руках: «Верховный Правитель на собрании беженцев сказал им: «Бежать больше некуда, надо защищаться. Но все жаждали помощи извне» [3, 472].

Рассматривая возникновение поэтических произведений в контексте исторических событий и культурных особенностей эпохи их породивших, необходимо учитывать, что поэтическое произведение продукт авторского творчества. Индивидуальное измерение отражения исторических событий автором произведения, также представляет интерес для историка. Как отмечает исследователь историографии Гражданской войны на Урале И.В.Скипина: «Сегодня берет верх тенденция изучения исторического процесса применительно к человеку путем анализа его жизненных ценностей и каждодневных проблем, занимающих значительное место в жизни любого человека» [7, 22]. Исследование исторической реальности через поэтические произведения дает возможность осмыслить восприятие личностью окружающей действительности через интериоризацию индивидуального жизненного опыта человека, преобразовывающегося в социальную практику и память. Поэзия подчас высвечивает отличия от общепринятых, устоявшихся, «научнообоснованных» представлений на события прошлого очень точно понятые и переданные авторами стихов.

Так историки традиционно противопоставляют боровшихся «красных» и «белых», выявляли отличия в их политических программах. Но на территориях, конкурирующих в борьбе за власть над Россией режимов, общим был социальный хаос порожденный революцией и Гражданской войной. Его точно отразила поэзия. Сатирическое стихотворение, напечатанное в новониколаевской газете «Русская речь» под рубрикой «Маленький фельетон» у современного читателя не вызывает смеха. Оно состояло из двух частей: «У нас» и «У них». Для удобства прочтения и сравнения, мы поместим текст этого произведения в таблицу [6].

У НАС	У НИХ
Взятки, взятки, взятки, взятки... Самобытные порядки. Спекулянт, карман, наряды, Затруднения, преграды. Стоп... Драконовы законы, Николаевки, купоны, Посрамлен законодатель, Отдувайся обыватель!... Грязь, промозглые телушки,	Совнаркомы, комиссары, Францы, Францы, Лейбы, Сары, Латыши, мадьяры, «ходи», — Что козлы на огороде... Рожа пьяного матроса, Три с полтиной фунт барбоса. Контрибуции, декреты, Комитеты, комитеты... Социальные реформы,

<p>На подножках, друг на дружке... Лом, депо, локомотивы, Невеселые мотивы... Обыватель, холод стужа, С отоплением все хуже. Магазин, пустые полки, Обиралы, барахолки! Слезы, беженцы, квартиры Теснота, пена, вампиры... Борзописцы красной прессы, Лига, радио, конгрессы... Фронт, солдат, пимы, морозы, Тыл шампанское и розы, Куте- жи, разгул, попойки, Рестораны, дамы, тройки... Не выходим из разрухи Слухи, сплетни, сплетни, слухи...</p>	<p>Продовольственные нормы, Холод, голод смерть и горе, Слез потоки, крови море... И от Терека до Вислы Жаркий бой со здравым смыслом...</p>
---	---

Приведенное стихотворение показывает неустроенность жизни обывателя в эпоху социальных катаклизмов, раскрывает общее для Белой и Советской России катастрофическое положение дел так, как его видит современник событий. С одной стороны, «Взятки, взятки, взятки, взятки... / Самобытные порядки. / Спекулянт, карман, наряды, / Затруднения, преграды. / Стоп... Драконовы законы, / Николаевки, купоны, / Посрамлен законодатель, / Отдувайся обыватель!... (Белая Россия), с другой стороны, «Контрибуции, декреты, / Комитеты, комитеты... / Социальные реформы, / Продовольственные нормы, / Холод, голод смерть и горе, / Слез потоки, крови море... (Советская Россия). Стихотворение раскрывает иррациональность русской смуты, в условиях которой торжествует «жаркий бой со здравым смыслом».

На наш взгляд, приведенное стихотворение дает современному читателю для понимания эпохи социальных катаклизмов больше, чем некоторые пространственные и тяжелословные характеристики эпохи, приведенные в трудах историков. Поэтические строфы являются штрихами к картине эпохи, без которых ее невозможно понять во всей полноте. Мы имеем возможность, благодаря лишь нескольким строчкам, получить краткое и достоверное описание сути обыденной жизни людей в условиях Гражданской войны. Через эмоции выраженные в стихотворной форме автором, читатель-историк может прочувствовать дух эпохи, что без сомнения важно для написания исторических работ.

Антропологический поворот в исторической науке, возрастание роли истории эмоций, делают релевантным использование поэзии Белой Сибири как источника по истории Гражданской войны в России.

Литература

1. Асоян А.А. Proscholium. Инструментарий и практика анализа литературного произведения / Арам Асоян. Омск: ООО «Издательский дом “Наука”», 2006. 222 с.
2. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / Сост. Л.Е.Елиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 329 с.
3. Гинс Г.К. Сибирь. Союзники и Колчак / Гинс Г.К. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
4. Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917—1919 годы. Кн. первая. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 272 с.
5. Русская Речь. 1919. 6 июля.
6. Русская Речь. 1919. 9 марта.
7. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2003. 208 с.

С.А.Терехова

г.Сургут

Сургутский государственный педагогический университет

ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧИГИРИНСКОМ УЕЗДЕ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 70-х гг. XIX в: КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОЖАК Ф.Д.ПРЯДКО

История крестьянского движения в Чигиринском уезде Киевской губернии до сих пор остается весьма малоизученной темой. Если об истории «Чегиринского заговора» 1877—1878 гг., подготовленного группой «южных бунтарей» Я.Стефановичем, Л.Дейчем и И.Бохановским еще известно в исторической литературе [1], то более ранних событий, происходящих в этом регионе правобережной Украины, современные историки фактически не касаются. Хотя следует признать, что для «Чигиринского заговора», осуществить который предприняли революционеры-народники, уже имелась достаточно подготовленная почва.

Корни чигиринских событий уходят в итоги реформы государственных крестьян 1866—1867 гг., последовавшей за актом 19 февраля 1861 г. Общей причиной недовольства государственных крестьян Чигиринского уезда было обстоятельство, прямо вытекающее из результатов преобразований 1866—1867 гг. На основании реформы за государственными крестьянами, перешедшими теперь в разряд крестьян-собственников, были закреплены земельные наделы, хотя и несколько большие чем у помещичьих крестьян, но все же до конца не устранившие проблемы малоземелья.

Кроме того, при господствующей в данной местности подворно-участковой системе крестьянского землепользования основное количество удобных земель было захвачено зажиточными крестьянами. Положение крестьянской бедноты осложнялось еще и тем, что, несмотря на сохраняющийся участковый способ надела земли, подушная подать и другие сборы с крестьян собиралась по душевой раскладке, и платежи были достаточно обременительными. Поэтому-то крестьянская беднота была заинтересована в переходе от участкового к подушному землепользованию.

Активное крестьянское движение в Чигиринском уезде началось в связи с проведением в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. новых люстраций (переучета) земель бывших государственных крестьян. Таким способом царское правительство пыталось упорядочить выкупные платежи и налоги. Именно в этот период и родилось основное требование крестьянской массы о том, чтобы переделит все земли исходя из цифры 5 десятин на душу.

Вскоре движение приобретает массовый характер, охватывая все новые территории, но идеологический центр движения устойчиво сохраняется в Чигиринском уезде. В ходе волнений из среды крестьянства выдвигаются и его идейные руководители. Особой популярностью и авторитетом среди крестьян пользовался житель с. Сагуновки Ломоватской волости Черкасского уезда Фома Денисович Прядко, ходивший по селам Чигиринского уезда и призывающий крестьян добиваться передела по душам.

Вскоре имя его обрастает легендами. Вплоть до фамилии Прядко (от слова Прятка, т.е. неуловимый для властей). По сведениям нелегальной газеты революционеров-народников «Начало» отставной солдат Ф.Прядко был «человеком семейным и довольно богатым... В среде крестьян Фома слыл хорошим хозяином, умным, честным и грамотным мужиком и потому пользовался уважением не только у своих сельчан, но и далеко в окрестностях» [2, 17]. Безымянный автор статьи «Первое Чигиринское дело» писал: «Долго ждал он «передела земли» и наконец решился убедить своих сельчан, а также крестьян соседних волостей послать выборных к царю, чтобы сообщить ему о бедственном положении народа, просить о немедленном размежевании земель и устройстве крестьянского быта на общинных началах» [2].

В результате его инициатива была поддержана, и крестьяне избрали 6 ходатаев к царю, в числе коих был и Ф.Прядко. Их снабдили общественным приговором и деньгами и направили в столицу с ходатайством о наделении крестьян землей по 5 десятин на душу. Однако, в Петербурге крестьянам ничего добиться не удалось. Крестьянские ходатаи были арестованы и препровождены в Киев, а оттуда к месту жительства под надзор полиции [3, Л. 30]. Вслед за этим на рубеже 1873—1874 гг. в селах Чигиринского уезда начинаются массовые аресты активных участников движения. Попытались власти арестовать и Ф.Прядко, но крестьяне не дали этого сделать, и он переходит фактически на нелегальное положение.

Возможно, столь сильное влияние Ф.Прядко на крестьян объяснялось еще и тем, что он стал определенным носителем легенды о поддержке царем крестьянских требований. В той же газете «Начало» безымянный корреспондент пересказывает ее следующим образом. По прибытии в столицу Ф.Прядко написал три прошения на имя царя. Одно подал через военного министра, другое прямо на Высочайшее имя и третье через принца Ольденбургского. Первые два не достигли своего назначения. Принц же лично принял от него прошение и, выдав расписку в получении, обещал доставить царю. При этом принц Ольденбургский разрезал записку пополам и одну половину дал ему (в подтверждение Фома показывал своим землякам какую-то бумагу с печатью), а другую оставил у себя, чтобы представить вместе с прошением царю.

Далее автор излагает следующую версию событий: «В назначенный день Фома захватив с собой расписку, данную ему принцем Ольденбургским отправился во дворец. Царь принял его ласково, напоил чаем, долго расспрашивал о житье-бытье крестьянском и сетовал, что не может помочь их горю, так как паны сильны и не допускают его сделать что-либо для них. В конце-концов Фома советовал крестьянам от имени государя, силой добиваться раздела земель и общинного землевладения» [2, 17—18].

Естественно, вооружившись такой легендой, Ф.Прядко имел огромное влияние на селян, и аграрные волнения продолжались. Второй пик крестьянских выступлений начинается весной 1875 г., когда были получены утвержденные в высших инстанциях люстрационные акты с начисленными выкупными платежами.

В этой новой волне выступлений Ф.Прядко играет руководящую роль. Так в Чаплищской волости крестьяне прекратили всякие платежи государству и, разогнав сельские и волостные органы власти, создали свой орган управления из 18 человек во главе с Ф.Прядко. По сообщениям газеты «Киевлянин» эти 18 человек «захватив в свои руки всю власть, собирали совершенно произвольно волостные и сельские сходы и на них убеждали крестьян не принимать люстрационных актов, а держаться сообща одних требований; для достижения единодушного соглашения всех крестьян пропагандисты действовали убеждениями, ложными уверениями, угрозами и даже насилием против тех из крестьян, которые не могли или хотели разделять их взглядов» [4].

Волнения охватили 19 волостей с населением в 40 тысяч. Человек [5, 153]. Во многих селах крестьяне, самовольно собираясь на сельские сходы, принимали приговоры о том, что они не признают люстрационных актов, а требуют передела земель по душам [8]. Крестьяне Чигиринского уезда не только отказывались подписывать люстрационные акты и платить выкупные платежи и налоги, но и начали делить между собой землю кулаков. О чем 12 апреля 1875 г. сообщал киевский губернатор Гессе генерал-губернатору [7, Л. 13].

Итогом столь серьезных и опасных для власти событий стало использование армейских подразделений для локализации и подавления крестьянских выступлений [2, 18—19]. В качестве мер воздействия активно использовались телесные наказания. Предпринимаются и попытки розыска зачинщиков. Однако Ф.Прядко был неуловим, чем еще более усиливал свое харизматическое воздействие на крестьян. В результате власти назначили за его голову денежную награду в 100 рублей [2, 18—19] и, как пишет далее неизвестный автор, «долго не находился охотник, который сумел бы и решился поднять руку на столь любимого и влиятельного человека среди крестьян. Все лето гулял Фома переходя из хаты в хату и поддерживая энергию протеста... Осенью местному шинкарю из жидов, который сильно соблазнился предлагаемой наградой, удалось склонить одного из крестьян знакомого с Фомой, на преступное дело. Крестьянин этот обещался шинкарю дать знать, когда придет к нему Фома. Случай к этому скоро представился и Фома был взят» [2, 18—19].

Внешняя канва событий описана неизвестным автором не совсем верно. Ф. Прядко был арестован в ночь с 7 на 8 ноября 1875 г. в с.Сагуновке Черкасского уезда при посещении своей семьи. При аресте Ф.Прядко со своей семьей оказали сопротивление избив волостного старшину и писаря. До июня 1877 г. Ф.Прядко находился в Киевской тюрьме. Приговором Киевской соединенной палаты от 17 июня 1877 г. Ф.Д.Прядко был лишен всех прав состояния и пожизненно сослан на поселение в отдаленные места Сибири, где след его затерялся.

Однако хотелось бы обратить внимание на тот факт, что при рассмотрении судебного дела о «Чигиринском заговоре», устроенном «южными бунтарями», даже царское правосудие усматривало серьезное влияние на эти события предшествующей деятельности Ф.Прядко и его сподвижников.

В судебном заключении по делу о «Чигиринском заговоре», которое слушалось с 8 по 10 июня 1879 г., все в той же Киевской соединенной палате отмечалось: «Общий характер действий крестьян принявших участие в этих последних событиях выражает стремление принудить правительство или оставить земельное устройство в прежнем виде или исполнить требования о наделении 5 десятин на душу. Еще до рассмотрения судом упомянутого дела, на той же почве, но в более узких географических границах, и в этот раз при содействии нового фактора — революционной пропаганды возникло новое преступление, с более опасным характером, послужившее предметом настоящего дела» [8, Л. 22 об].

Литература

1. См. напр.: Документы по Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 257—261; Памятники агитационной литературы. Т. 1. Черный передел. М. Пг., 1923; Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків, 1929; Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 201—203.
2. Революционная журналистика семидесятых годов. Под ред. Б.Базилевского (В.Богучарского). Б.г.
3. РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. 1870 г. Д. 116.
4. Киевлянин. № 45. 1877.
5. Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. Сб. документов. М., 1968.
6. Киевлянин. № 97. 1877.
7. ЦГИА Украины. Ф. 442. Оп. 314, 1875 г. Д. 47.
8. ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157.

М.З.Хабибуллин

г.Казань

Институт Татарской энциклопедии АН РТ

ВКЛАД ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ЧУВАШЕЙ И МАРИЙЦЕВ¹

Эволюция национальных и конфессиональных отношений остается ключевым социокультурным и идеологическим фактором развития многонациональных государств. В России проживают представители этнических групп, исповедующих все мировые религии. Современная ситуация требует не только поиска путей решения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Народы Татарстана: социально-политические и этнокультурные аспекты взаимодействия и взаимовлияния (2-я половина XVI — начало XXI вв.)), проект № (13-11-16008 а/В/ 2013).

накопившихся проблем, но и конструирования новой модели отношений государства и конфессий, государства и религиозных организаций. Политика укрепления властной вертикали обуславливает актуальность изучения опыта и уроков этноконфессиональной политики России в имперский период. И в этом отношении история крупнейшего религиозного и просветительского центра дореволюционной России — Казанской духовной академии (1842—1920 гг.) представляет большой интерес. Изучение истории, учебно-воспитательного процесса, просветительской, научно-педагогической работы Казанской духовной академии является важной научной проблемой. В этом духовно-учебном заведении проводились исследования по изучению истории и учению христианства, буддизма, ислама, языческих верований, этнографии и языка нерусских народов Российского государства, активно проводились миссионерские мероприятия, разрабатывались методы борьбы с раскольничьим движением в христианстве, обсуждались вопросы межконфессионального взаимодействия русского и нерусских народов. Ее преподаватели внесли существенный вклад в изучение татар, марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов и др. В Национальном архиве Республики Татарстан и в библиотеках Казани сохранилось большое количество документальных источников, научных отчетов преподавателей академии, отражающих культуру, быт, обычаи, национальные праздники, свадебные, похоронные обряды многих нерусских народов. Хотя изучение истории и этнографии народов в Казанской академии было продиктовано, прежде всего, миссионерскими целями не стоит недооценивать научную значимость накопленных сведений. Определенную лепту ученые академии внесли и в изучение истории, этнографии и языка чувашей и марийцев.

Несмотря на то, что нехватка высшего религиозного учебного заведения, которая бы осуществляла подготовку священнослужителей и преподавателей существовала давно, Казанская духовная академия была открыта лишь в 1842 г. [1, 3]. С 1818 г. Казанский учебный округ находился в ведении окружного правления Московской духовной академии. Отметим, что тогда было открыто 3 духовные академии: в Киеве, Москве и С.-Петербурге. Казань включили в Московский округ, а Казанскую духовную семинарию (1797—1818 гг.) закрыли. Игнорирование Казани как важного учебного центра сразу же повлекло за собой большие проблемы. Казанский округ имел огромную территорию, в нее входили Казанская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Вятская, Пермская, Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии и область Якутская. Этот округ занимал громадное пространство почти в 200 000 кв. миль и насчитывал внутри себя 12 духовных семинарий (Казанская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская в г.Уфа, Вятская, Пермская, Тобольская и Иркутская), 38 уездных и 42 приходских училищ, из которых училище камчатское, составлявшее крайний пункт округа, располагалось от Москвы почти в 12 000 верстах.

Одной из главных причин открытия Казанской духовной академии в 1842 г. для правительства и высшей церковной власти стало «желание научно осветить сложный инородческий вопрос в России и выработать рациональные меры к сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры» [4, 634]. Поэтому важной прерогативой академии, безусловно, было изучение языков нерусских народов России для ведения среди них активной миссионерской деятельности. Для выполнения данных задач необходимо было подготовить специалистов, хорошо владеющих знаниями по истории, этнографии, культуре, языку нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири.

В начале 1854—1855 учебного курса в Казанской академии произошло открытие единственных в России миссионерских отделений: «Иноверцы и язычники, находящиеся в Епархиях Казанского духовно-учебного округа, трех родов: а) татары, б) народы монгольского племени, в) чуваша, черемисы и вотяки. Все сие племена говорят разными языками и имеют каждый свои собственные заблуждения в отношении к вере: посему 1) Необходимо открыть при Казанской духовной академии три параллельные миссионерские отделения для образования наставников Семинарий и миссионеров, имеющих действовать на а) татар, на б) монгольское племя и на в) чуваш, черемис и вотяков...» это: 1) противораскольническое 2) противомусульманское, 3) противобуддистское и 4) черемисско-чувашское.

В 1854 г. на черемисско-чувашское отделение записалось 12 студентов I-го и II-го академических курсов. Студентам должны были преподаваться вероучение, этнография, языки чувашей и марийцев и соответствующая часть миссионерской педагогики. Преподавателем на него был назначен протоиерей Виктор Петрович Вишневецкий, хороший знаток чувашского и марийского языков. Ему принадлежит ряд трудов по истории, этнографии и языку чувашей и марийцев, среди них: «Начертание правил чувашского языка со словарем», «О религии некрещеных черемис; из записок миссионера» (1856; перевел на французский язык, СПб., 1859) и др. В первый учебный год он читал студентам чувашскую мифологию и обрядность, описывал нравы и обычаи чувашей, перечислял меры к их обращению в христианство и показывал прогрессивную роль новой религии в жизни новообращенных из представителей этих народов. Со студентами этого отделения он изучал язык по своей собственной чувашской грамматике и приложенному к ней словарю. На занятиях он переводил с учащимися с русского языка Евангелие от Матфея и основы христианской религии, а на практических уроках совместно разрабатывали диалоги и вели устные беседы по разным темам. На втором году обучения он давал студентам информацию о марийской мифологии и обрядности, объяснял правила марийского языка горного и лугового наречий, переводил на луговое наречие краткую священную историю.

12 сентября 1856 г. правление Казанской духовной академии обратилось к ректору преосвященному Григорию с просьбой о закрытии черемисско-чувашского отделения «так как для удовлетворения потребностей края образовано достаточное количество воспитанников по предметам и языкам, которые были преподаваемы на этом отделении, а потому на будущее время и не представляется более нужным обучать студентов языку чуваш и черемис и объяснять им содержание (впрочем скудное) веры сих инородцев» [2]. Хотя по положению об отделениях они не были связаны с организацией миссионерства [11, 744]. По этому представлению вскоре отделение было закрыто, выпустив за два года 5 студентов.

После закрытия черемисско-чувашского отделения лекции по этнографии чувашей и марийцев, а также история распространения христианства среди них, велись преподавателями противомусульманского миссионерского отделения, а затем на татарском отделении. Вплоть до закрытия Казанской духовной академии ее преподавали в разное время М.А.Машанов, Е.А.Малов, М.Г.Иванов.

Преподаватели Казанской духовной академии уделяли большое внимание изучению истории, этнографии и языка нерусских народов России, а также подготовке профессиональных специалистов — учителей из среды мордвы, марийцев, чувашей, удмуртов, крещеных татар и др. Так, при активном участии бывшего преподавателя Казанской духовной академии Н.И.Ильминского в 1870 г. была открыта «Учительская семинария», где готовились учителя из русских, мордвы, марийцев, чувашей, удмуртов, крещеных татар и др. Впоследствии Ильминский стал ее директором [3, 467].

В 1889 г. в здании Спасского монастыря, при активном участии преподавателей Казанской духовной академии, были открыты двухгодичные миссионерские курсы, на которых было уделено большое внимание изучению истории чувашей и марийцев: «На миссионерских курсах преподаются науки обоих миссионерских отделов: 1) татарского а) история и обличение магометанства, б) этнография татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы, в) история распространения христианства между означенными племенами» [10, 1—8].

Неоценима роль преподавателей Казанской духовной академии и в деле развития образования среди детей чувашей и марийцев. Среди них необходимо выделить М.А.Машанова, который одновременно также был сотрудником Братства Святителя Гурия. Ему неоднократно приходилось бывать в чувашских и марийских школах, открывать новые учебные заведения, наблюдать за процессом обучения и воспитания. Так, в 1894 г. Машанов побывал в с.Ишаки Козьмодемьянского уезда на открытии Чувашского миссионерского училища. Можно сказать, что основателем и идейным вдохновителем создания Ишаковской школы был как раз Машанов, который взял деятельность этой школы под свой личный контроль. В первое время своего существования Братство Святителя Гурия старалось уделять внимание всем народам, проживающим на территории Казанской губернии, но в силу ограниченности специалистов, средств и времени, миссионерская политика в полном объеме применялась лишь к татарскому населению. Особенно очевидно недостаток внимания Братства Святителя Гурия проявлялся среди чувашей, у которых, можно сказать, вообще не была развита просветительско-миссионерская деятельность. В 1896 г. Машанов посетил Ишаковскую братскую школу, которая «пользовалась благосклонным вниманием многих образованных лиц». Это было связано с тем, что именно с.Ишаки стало своеобразным форпостом в борьбе за единую православную веру среди чувашского населения. Машанов это ясно осознавал, вот как его отношение характеризуется в отчете Братства Святителя Гурия: «Выражал свое сочувствие и расположение к школе добрыми советами и указаниями относительно наилучшей постановки учебно-воспитательного дела в школе» [5, 13—14]. Ишаковскую братскую школу Машанов посетил и в 1897 г.: «1897 года 22 мая. Посетил школу и испытывал учеников в знании предметов преподавания; успехи оказались вполне удовлетворительными по всем предметам; пение церковное — в совершенстве. Вообще школьное дело поставлено вполне надлежащим образом. Кроме того, осматривал работы по живописи и иконописи и нашел успехи по той и другой удовлетворительными; писание икон показывает знакомство с техникой предмета и отличается строго православным стилем» [6, 13—14]. Братство Святителя Гурия стремилось подготовить здесь миссионеров из числа самих чувашей.

Благодаря усердной деятельности Машанова в чувашских братских школах положение изменилось в лучшую сторону. Это не могло не отметить и руководство Братства Святителя Гурия. Действительно, когда остро встал вопрос о необходимости просвещения черемисов, Совет Братства Святителя Гурия поручил Машанову срочно заняться разрешением этой проблемы. К началу XX в. черемисы оказались менее всего задействованными в процессе христианизации. Машанов решительно взялся за это дело, вскоре появились и определенные результаты. С 1900 по 1903 гг. он побывал во многих черемисских школах Казанской губернии, в числе которых нужно выделить: Ишаковскую, Уньжинскую, Шланскую, Спасскую, Пертылгинскую, Испаринскую, Фадейкинскую, Рушь-Родинскую, Больше-Ярамовскую, Мултанскую [8, 15].

Машанов понимал, что в данном случае для успешной работы необходимо опираться на учителей. Поэтому при его непосредственном участии в 1903 г. были открыты педагогические курсы, на которые были приглашены все учителя марийских братских школ. «Занятия, — отмечаем в отчете, — происходили под главным наблюдением члена Совета Братства Святителя Гурия профессором Академии М.А.Машановым, который сообщил учителям о желательном характере черемисских братских по отношению к черемисскому населению, которое еще в крае сильно коснеет в язычестве» [9, 28]. Им были высказаны и интересные мысли

об особенностях преподавания некоторых предметов. Так, например, Машанов рекомендовал проходить Закон Божий на русском языке по марийскому учебнику после прохождения на марийском языке.

Открытие в 1842 г. Казанской духовной академии стало началом профессионального изучения истории, этнографии и языка нерусских народов дореволюционной России. Инициированные властями меры по усилению миссионерской политики в Поволжье, Приуралье и в Сибири, подтолкнуло руководство академии образовать в своей структуре единственные в России миссионерские отделения. Они, можно сказать, и стали востоковедческими и этнографическими центрами, активно проводившими исследования по изучению чувашей, марийцев, удмуртов, крещеных татар и др. Преподаватели академии внесли весомый вклад в сохранение и развитие чувашского и марийского языков, в подготовке филологов из их среды, они разрабатывали и составляли учебники и словари, курировали процесс обучения в чувашских и марийских школах.

Литература

1. Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования. 1842—1892 гг. Казань, 1892.
2. Дела внутреннего правления Казанской духовной академии за 1856 год. К., 1856. № 64.
3. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за I (дореформенный) период ее существования. 1842—1870 гг. Вып. II. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892.
4. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 18.
5. Отчет о деятельности Братства Святителя Гурия за 29 брат. год. Казань, 1897.
6. Отчет о деятельности Братства Святителя Гурия за 30 брат. год. Казань, 1898.
7. Отчет о деятельности Братства Святителя Гурия за 33 брат. год. Казань, 1901.
8. Отчет о деятельности Братства Святителя Гурия за 35 брат. год. Казань, 1903.
9. Соображения об открытии двухгодичных миссионерских курсов при Казанской духовной академии. Казань, 1889.
10. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. 1842—1907 гг. СПб., 1907.

Т.П.Хлынина

г. Ростов-на-Дону

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДИАСПОР РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК МЕХАНИЗМ «ВСТРАИВАНИЯ» В ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Идея межкультурного взаимодействия, более известная как «диалог культур», своими истоками обязана интеллектуальному обаянию эпохи Просвещения. Именно под его влиянием в общественном сознании и научном дискурсе утвердилось представление о культуре как «живом организме», наделенном подобием воли и осознанной проекцией ее осуществления (И.Г.Гердер). Вместе с тем, предпринимавшиеся на рубеже XIX—XX вв. попытки представить культуру замкнутым продуктом работы человеческого интеллекта и божественного вдохновения, чуждого проникновению воздействиям извне (О.Шпенглер, Н.А.Бердяев), так и не получили своего профессионального признания и практического применения. В результате, из некогда красивой и абсолютно бесплодной метафоры, «диалог культур» превратился для современного российского общества в один из действенных механизмов предотвращения межэтнических столкновений и обеспечения его устойчивого развития. Подобного рода представления уже вызвали к жизни различного рода проекты, в том числе и государственные инициативы, по «всемерной поддержке и осуществлению мероприятий, способствующих укреплению дружбы и взаимопониманию между народами».

Для Ростовской области, этнокультурная мозаика населения которой традиционно представлялась показателем ее успешного развития, «диалог культур» за последнее десятилетие ознаменовался целой серией межэтнических столкновений. Серьезное ухудшение социально-экономической ситуации, резко увеличившийся миграционный поток не могли не сказаться и на уровне «межкультурного взаимодействия» народов области [10; 11; 13]. Явно не срабатывавшие механизмы миротворческого потенциала национальных культур нуждались в своем организационном оформлении. Такими институтами «встраивания» народов области в пространство «межкультурного взаимодействия», собственно говоря, и стали их диаспоры. Общественные организации и национально-культурные автономии как формы их существования и деятельности как раз

¹ Работа выполнена в рамках проекта «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

и оказались тем действенным инструментом, посредством которого не только реализовывались стоящие перед ними задачи, но и вырабатывались комплиментарные практики позиционирования этнических культур. Рассмотрим на примере институционализации украинской диаспоры механизмы ее «встраивания» в «диалог культур» народов Ростовской области.

Трудности исследования. Об этническом самосознании современного украинского населения Дона исторической науке известно немного. Причинами тому, как правило, являются отсутствие необходимой внимательному «слушателю прошлого» временной дистанции и вполне оправданное нежелание осваивать не принадлежащие ему территории. Однако неразрывная взаимосвязь между историей и реалиями дня сегодняшнего, особенно в сфере межэтнического взаимодействия, обрекают исследователя на неизбежный выход за границы некоего привычного профессионального домена. В сфере моих непосредственных исследовательских интересов украинцы Ростовской области оказались чуть более двух лет тому назад. Идея создания в Южном научном центре группы по изучению украинского присутствия в регионе потребовала активного освоения его современного состояния. Собранные тогда материалы, ограниченные в основном Интернет-источниками и несколькими публикациями [6; 7; 8], в последующем были дополнены глубинными интервью с лидерами украинских общественных организаций Ростова-на-Дону (2010) и Таганрога (2012).

Согласно полученным сведениям, донские украинцы относятся к представителям старых диаспор, чей миграционный прирост носит в основном временный характер, связанный с трудовой деятельностью. Ее отличительными особенностями признаются: хороший уровень языковой и культурной адаптации; налаженность взаимоотношений с местным населением, воспринимающим украинцев «своими»; интегрированность в социальную жизнь региона. При этом отмечается плохая сплоченность диаспоры, русифицированность ее молодого поколения и слабость этнического самосознания. Деятельность украинских общественных организаций представлена в основном культурно-образовательным направлением и налаживанием внешних связей с Украиной [7, 384].

Полученные таким образом данные свидетельствуют о наличии на Дону большой украинской диаспоры, по численности уступающей лишь русским и армянам. Однако ее деятельность остается практически незамеченной большой литературой, сосредоточившей свои усилия на освещении более отдаленных сюжетов, связанных с украинской колонизацией юга страны и ее последствиями. Именно это обстоятельство стало решающим для обращения к материалам электронной сети, которая изначально рассматривалась как информационный навигатор в изучении частной проблемы.

Механизмы актуализации этничности: муниципальный case study. На сегодняшний день на территории Ростовской области действуют несколько украинских организаций, представляющих собою интересы 1,9% всего ее населения. Наиболее заметными и типичными из них являются «Союз украинцев Ростовской области» и Ростовская городская украинская национально-культурная автономия. Их заметность связана как с непосредственно осуществляемой деятельностью, так и количеством упоминаний о ней в различных средствах массовой информации. Типичность рассматриваемых организаций проявляется, прежде всего, в настойчиво артикулируемом ими следовании уставным целям и патетике значимости возрождаемой на Дону украинской культуры. При этом регистры актуализации этнического самосознания украинского населения, являющейся непосредственной целью их существования, остаются различными.

«Союз украинцев Ростовской области» был создан в октябре 2005 г. В своей деятельности организация руководствуется *«необходимостью всемерного содействия развитию и укреплению российско-украинских отношений в области культуры, просвещения, экономики, ... способствующих дружбе и взаимопониманию русского и украинского народов»*. Из интервью (2010) с руководителем и непосредственным инициатором ее создания следует, что идея появления союза стала воплощением его давней мечты. Будучи уроженцем Одессы, не так давно перебравшимся в Ростов-на-Дону, он испытывал сильную ностальгию по оставленному *«кусочку колоритной украинской жизни, обильно сдобренной шуткой, душевной песней и шумными застоями»*.

Успешность его основной деятельности (производство соевой продукции), а также *«абсолютно бескорыстные усилия по сплочению своих»*, в конечном итоге, позволили предпринимателю воссоздать на Дону живое напоминание об оставленной родине. Однако в процессе продолжавшегося около двух часов интервью он все время акцентировал внимание на социальной значимости созданной организации, обращаясь к героическому прошлому и богатому культурному наследию Украины, подчеркивая неразрывную духовную связь ее народа с русскими. Тем самым, официальным мотивом создания общественной организации с выраженной этнической спецификой становилось не личное устремление отдельного человека к воспроизводству привычной социокультурной среды, а выражение им устремлений некой этнически ангажированной общности.

Именно этот мотив стал основополагающим в освещении информационными агентствами создания «Союза украинцев Ростовской области»: *«В Ростове создана общественная организация, объединяющая украинцев, проживающих в Ростовской области. Совет новой общественной организации «Украинцы Ростовской области» не поднимает политических вопросов. Свою задачу видит в другом — восстановить культурные связи двух народов, которые строились столетиями. На третьем заседании совета поочередно звучала украинская “мова” и русский язык. Обсуждались различные вопросы: как начать выпускать в Ростове газету на украинском, организовать телестудию, сформировать библиотеки. На Дону по самым*

скромным подсчетам проживает 250 тысяч украинцев. Организованных национальных диаспор много, но украинская обещать стать самой большой» [2]. «В Союзе считают, что государственными делами должны заниматься в Киеве, а ростовским украинцам, которых на Дону четверть миллиона, необходимо, прежде всего, общение» [3].

Печатным органом «Союза» должна была стать газета «Громада», несколько номеров которой вышло в декабря 2006 г. на русском и украинском языках. В настоящее время в связи с определенными финансовыми трудностями ее выпуск приостановлен.

Ростовская городская украинская национально-культурная автономия была создана чуть позднее — в ноябре 2006 г. Главным направлением ее деятельности провозглашалась просветительская работа, посредством которой «*виделось приобщение народа к своему прошлому, истокам и культурному наследию*». С целью разъяснения пользователям Интернета предназначения и ряда организационных особенностей автономии, в сети было размещено интервью с ее председателем под характерным названием «*Маленькая Украина на Дону*». Интервью предварял небольшой комментарий корреспондента, отметившего, что «*украинская община занимает одно из ведущих мест в жизни многонационального населения Дона, а «донские украинцы — одна из самых многочисленных и, без преувеличения, наиболее активных диаспор края*». Из текста самого интервью следовало, что: «*автономия предусматривает объединение по территориальному признаку, а не по политическим симпатиям, как, например, “союз” или “движение”. Тем более что с политикой, даже на местном уровне, наша организация не связана никоим образом. Кроме того, накануне официальной регистрации нашей организации идею объединения украинцев Ростовского региона именно по принципу культурной автономии поддержали большинство нынешних ее участников. Таким образом, к моменту возникновения автономии уже образовался большой и дружный коллектив украинцев Дона, и в сердце каждого живет наша духовная Родина*». «*Организация уже имеет постоянную традицию проводить по случаю выдающихся дат украинской истории и культуры большие празднества. В марте — это Шевченковские дни, которые еще называют “Шевченковская весна” или “Кобзарь на Дону”. Приблизительно в этот же период мы проводим фольклорный праздник “Сорочинская ярмарка”, где в театрализованной форме воспроизводятся самобытные традиции воспетого великим Гоголем действия. В мае — День славянской письменности, в котором украинская диаспора принимает самое активное участие» [4].*

К сожалению, договориться об интервью с его руководителем — человеком, судя по телефонным переговорам, довольно авторитарным — не удалось. Различные источники, в том числе и рядовые участники организации, указывали на верность сложившегося впечатления и отмечали горячее устремление своего лидера к возрождению украинской культуры.

Обе организации неоднократно публично дистанцировались от большой политики. Единственным случаем «выхода» национально-культурной автономии за пределы просветительской деятельности, отмеченным «паутиной», оказался скандал, связанный с попыткой одного из ее членов установить «*контакт с националистической бандеровской организацией*». Инициатор такого рода сотрудничества был исключен из рядов автономии, а вся информация о нем поступила в соответствующие правоохранительные органы [1].

Руководители обеих организаций — бизнесмены, средства для проведения культурных мероприятий и оказания шефской помощи ряду школ изыскивают не только из городского бюджета, но и из добровольных пожертвований друзей и коллег: «*Около 40 процентов необходимых средств наша организация получает из областного бюджета, где предусмотрены расходы на обеспечение культурного развития этнических меньшинств. Остальное обеспечиваем собственными силами. Я руковожу большим акционерным обществом, имею много друзей-украинцев, которые тоже являются крупными бизнесменами в регионе. Они с пониманием относятся к необходимости культурного развития украинцев Дона и оказывают необходимую поддержку» [5].*

В целом семантический акцент в информационном освещении деятельности украинской диаспоры на Дону не выходит за пределы декларируемых ею целей. Исключение составляют аналитические материалы, измеряющие существование диаспоры в режиме «*национальной безопасности страны*». Так, публикуемые на сайте Фонда стратегической культуры материалы свидетельствуют о «*существовании в России влиятельного украинского лобби*», чья «*деятельность, направленная на культивирование украинского национализма, очевидным образом имеет целью экспорт оранжевой революции в Россию*». Комментируя создание «Союза украинцев Ростовской области», один из экспертов Фонда отмечает: «*Организация была создана под эгидой тогдашнего генерального консула Украины в Ростове-на-Дону П. Андриенко. В руководство организации вошли, в основном, граждане России украинского происхождения (главным образом, галичане, в том числе дети репрессированных за националистическую деятельность). Первым руководителем СУРО стал предприниматель Александр Большаков. Официально цели СУРО обозначены как возрождение и поддержка украинской культуры на Дону, декларируется отсутствие интереса к политической деятельности. Однако, активной деятельностью СУРО и П. Андриенко по награждению украинскими наградами деятелей культуры и искусства Ростовской области, исходя из единственного критерия — этнической принадлежности, есть не что иное, как попытка искусственной «украинизации» Дона, подавляющее большинство жителей которого являются носителями русского национального самосознания. В настоящее время, по имеющейся*

информации, СУРО переживает период раскола... Главная цель организаций, подобных Союзу украинцев Ростовской области, — консолидация 5-миллионной украинской общины в России, повышение у ее представителей градуса “национальной свідомості”, перенос “оранжевого” вируса на территорию Российской Федерации» [9].

Подобного рода оценки, вне зависимости от степени их достоверности, при другого рода обстоятельствах могли бы остаться незамеченными. Однако результаты деятельности Фонда, являющегося «независимым аналитическим центром», в виде издаваемых на русском и английском языках «Аналитических записок» распространяются «в органах власти, корпоративных структурах, аналитических центрах, научно-исследовательских институтах, СМИ». Достаточно широкий диапазон информационного воздействия представлений, вырабатываемых Фондом, способствует размыванию, в общем-то, нейтрального образа украинской диаспоры на Дону.

Таким образом, типичными институциональными механизмами поддержания и актуализации этнического самосознания украинского населения Ростова-на-Дону выступают как сами общественные организации, так и накладываемый на восприятие их деятельности внешнеполитический контекст. Живым напоминанием о неразрывной взаимосвязи украинцев Дона и их «исторической родины» становятся разнообразные практики освоения украинского культурного наследия — от участия в фольклорных коллективах до декларации стихов Т.Г.Шевченко.

Механизмы актуализации этничности: неминуемый case study. Еще одним механизмом актуализации этнического самосознания украинцев Дона выступает (хотя и крайне редко принимающее институциональные формы) интернациональное наследие советского общества. Именно оно, в конечном итоге, и стало негласным поводом к возникновению национально-культурной автономии украинцев Таганрога. Первое сообщение в сети о намерении некой инициативной группы объединить украинцев города появилось в феврале 2011 г.: «*Оргкомитет объявляет о создании городской общественной организации “Национально-культурная автономия украинцев Таганрога”. Приглашаются все, кто хотел бы развивать украинскую культуру в нашем городе, способствовать укреплению дружеских отношений Украины и России*». Подчеркивался ее намеренно демократичный характер и стремление совместными усилиями определять планы дальнейшего развития [12]. Среди откликнувшихся на сетевое приглашение оказались люди, которых условно можно разделить на три категории: любящих украинскую культуру и увидевших в создаваемой организации возможность «вместе поспивати», а также послушать хорошую украинскую речь («*Вообще люблю украинские песни и украинскую речь слушать. Звучание такое нежное у мовы*»); раздраженных появлением автономии на «фактически украинской земле» («*Важче у Таганрозі ажно 150 тисяч хохлів — половина населення. Нахрен нам ця ваша автономія?*»); воспринявших автономию поводом «поговорить о российских территориальных потерях («*Дайте національну автономію! Таганрог — українська земля! Была тема: предлагалось менять Таганрог на Ялту! Крым наша земелька, а тут даже обмен предлагают, не просто возврат!*»). Подтверждением тому стал размещенный на форуме «Украинцы Таганрога» материал из Википедии, констатирующий недавнюю принадлежность Таганрога Украине: «*Как центр заселённой украинцами округи Таганрог был определённым очагом украинской жизни: в 1905—1915 годах тут действовало украинское общество. Во время гражданской войны 1917—1921 годов на город претендовала Украинская Народная Республика, с приходом советской власти в 1920—1924 годах Таганрог с округой входил в состав Украинской ССР. По переписи 1926 года украинцы в городе Таганроге составляли 34,6 % всего населения, русские — 55,2%, но во всей Таганрогской округе украинцы составляли абсолютное большинство — 71,5%, русские — только 21,9. С 1937 года город в составе Ростовской области*». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.taganrog.su/phpbb3/viewtopic.php?t> (дата обращения: 22.04.2012)

Сетевой резонанс, вызванный созданием украинской автономии и так и не вышедший за пределы «электронной паутины», в настоящее время практически полностью сошел «на нет». В числе ее сторонников и активных участников, не превышающем 10 чел., люди, по преимуществу далекие от большой политики. Их интерес к украинской истории, культуре и языку продиктован разбуженным таким образом этническим самосознанием и, судя по динамике проводимых организацией мероприятий, не высок.

Инициатор развернувшегося в сети форума «Украинцев Таганрога» и руководитель созданной в апреле 2011 г. украинской автономии В.И.Кравченко неоднократно отмечал неполитическую направленность организации, ее стремление к тому, чтобы «сделать как можно незаметной границу между нашими странами и народами России и Украины. Мы же все недавно жили под одной крышей, и ещё это помним». Здесь и далее приводятся выдержки из 2-х часового интервью с руководителем городской национально-культурной автономии украинцев Таганрога В.И.Кравченко от 24.04.2012 г. По его словам, в настоящее время организация переживает трудные времена («*финансово мы не богаты*»), сосредоточив все свои усилия на «*проведении мероприятий, связанных с праздниками*». В ее активе — январская 2012 г. русско-украинская встреча, посвященная Переяславской Раде, в ближайшей перспективе — организация фестиваля национальных культур. Собираются члены общественной организации нечасто, пытаются решать текущие вопросы в рабочем порядке.

Заслуживают пристального внимания обстоятельства ее появления в одном из наиболее «украинских» городов России. По свидетельству руководителя национально-культурной автономии, она оказалась результатом поступившего предложения от близких друзей, появившегося у него свободного времени и «определенных этнических корней»: *«Мои друзья из Ростова... Там активность была больше. И там были политические даже у них войны на основе того, что одна часть поддерживала крайний националистический блок, какая-то часть осталась на другом полюсе. Ну, в общем, они мне, значит, предложили: “Давай, в Таганроге посмотрим (речь идет о наличии в городе украинских организаций и возможности их создания — авт.)”. Я посмотрел — действительно нет. Сделал вопрос в интернете... И оказалось, что очень многие люди, до полнят там песни, нравится, да вот у меня там бабушка, да вот у меня там родственники Да, вот на вскидку чуть не 30% признают какую-то связь — эмоциональную, там, или прочую, родственную. Ну, оказалось нет организации такой. Ну, нужна она или не нужна — вопрос такой мне, в общем-то, задают. Мне часто задают. Я считаю так: кому нужно — нужно, кому не нужно — тот просто мимо проходит».*

Создание организации с определенной этнической спецификой стало и личным ответом ее руководителя на «пятилетнее правление Ющенко»: *«Мне кажется, что все-таки интернациональное сознание у меня не утеряно потому, что меня очень покорило, когда, во-первых, возникло вот это разделение и все эти границы. Особенно, конечно повлияло пятилетие Ющенко, вот эти все поползновения в том, что настроит друг против друга... Пусть, ладно, государство существует, но сами жители должны общаться так свободно, как для этого только возможно... Вот мы против такого, мы в этом смысле тоже хотим какую-то лепту внести».*

На момент проведения интервью, по крайней мере, сам руководитель национально-культурной автономии освоил «приличный массив украинской художественной литературы», попытался усовершенствовать знание украинского языка и выражал уверенность в нужности «затейного им дела». В отличие от своих ростовских коллег, он бывший преподаватель, в настоящее время занявшийся издательским делом. К обязанностям председателя относится очень ответственно, понимая, что только так «можно преодолеть присущую славянам лень»: *«В городе 300 чел. узбеков появилось из Средней Азии, и они тоже мыслят как-то организоваться... Ну а нам хоть культуру представлять надо».* О своих украинских корнях знал давно. Однако в условиях единого союзного государства большого значения им не придавал. Актуализацию собственного этнического самосознания связывает с распадом СССР и последовавшим за ним возведением границ между «по сути дела одним народом». Главным предназначением деятельности созданной им организации считает «сохранение возможности общения людей, разделенных государственными границами», и если удастся доказать, что «не все украинцы, думают как Ющенко», то будет считать его полностью реализованным.

В данном случае общественная организация выступает нетипичным институциональным механизмом поддержания и актуализации этнического самосознания украинского населения города. Ее мобилизационный потенциал прямо противоречит официально декларируемым целям. В отличие от ростовских организаций, стремящихся быть живым воплощением украинской культуры и, тем самым, формирующих у ее носителей представление о своей инаковости, таганрогская национально-культурная автономия рассматривает историко-культурное наследие в качестве компоненты досуговой деятельности, инкорпорирующей украинское население в поликультурное пространство города. Однако и в том и другом случаях результатами их деятельности неизбежно должен был бы стать рост этнического самосознания украинского населения области. В действительности же процесс этот оказывается не столь однозначным: стремительного роста украинцев в Ростовской области не наблюдается, а их участие в деятельности общественных организаций отставляет желать большего.

В ситуации отмечаемой экспертами успешной этнокультурной адаптации украинцев Ростовской области общественным организациям приходится выполнять не совсем привычные для них функции. Они становятся не только выразителями интересов определенной части населения, но и непосредственными каналами формирования ее этнически маркированных потребностей и поддержания этнического самосознания. Возрождаемые уголки национальной культуры, демонстрирующие глубокую взаимосвязь с историческим прошлым и современной Россией, призваны и порой оказываются действенными механизмами инкорпорации их нынешних носителей в единое социокультурное пространство Ростовской области. Подчеркиваемая той же украинской диаспорой прочная взаимосвязь исторических судеб народов, оказавшихся на территории области, направлена на формирование чувства их коллективной ответственности за судьбы малой родины. Хочется надеяться, что совместными усилиями диаспорам все-таки удастся наполнить пространство «диалога культур» жизнеспособными примерами их взаимодействия на уровне отдельных людей и представляемых ими инокультурных сообществ. В противном случае едва ли стоит вообще об этом говорить.

Литература

1. <http://k-z.com.ua/801> (дата обращения: 3.04.2011).
2. <http://old.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1150280.html> (дата обращения: 18.05.2012).
3. <http://tv.dontr.ru/Environ/WebObjects/dontr.woa/4/wa/Main?te...> (дата обращения: 3.04.2011).
4. <http://www.nazaccent.ru/news/ns09102003309.htm> (дата обращения: 3.04.2011).

5. Актуальное интервью. Ростовская городская украинская национально-культурная автономия активно развивает контакты с регионами Украины — Председатель организации Владимир Макачук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ugcom.ru/857> (дата обращения: 6.06.2012).
6. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века — 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М., 2006.
7. Полуянов В.К. Характерные черты и деятельность украинской диаспоры на Юге России // Труды аспирантов и соискателей Ростовского государственного университета. Том IX. Ростов н/Д., 2005. С. 383—385.
8. Полуянов В.К. Диаспорные общины в Ростовской области: формирование, типология, проблемы адаптации. Автореф. канд. социологических наук. Ростов н/Д., 2007; Полуянов В.К. Характерные черты и деятельность украинской диаспоры на Юге России.
9. Попов Э. Украинские НПО в России: экспорт оранжевой революции начался. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://fondsk.ru/article.php?id=331> (дата обращения: 3.04.2011).
10. Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию: материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (7 февраля 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2012.
11. Ростовская область: приграничная миграция и проблемы безопасности // Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. Ростов н/Д., 2008.
12. Форум «Украинцы Таганрога». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.taganrog.su/phpbb3/viewtopic.php?t> (дата обращения: 22.04.2012).
13. Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000—2005 гг. Ростов н/Д., 2005.

В.В.Цысь

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

О РАЗВИТИИ ПАРОХОДНОГО СООБЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Огромное значение для освоения среднего Приобья во второй половине XIX — начале XX вв. имело развитие пароходного сообщения. Оно связало край с другими районами страны прочными экономическими связями, положило начало активному заселению поймы Оби русскими.

Первый пароходный рейс из Томска в Тюмень состоялся в 1846 году. К 1860 г. на Оби курсировало уже 12 пароходов, к 1863 г. — 16, 1870 г. — 23, 1880 г. — 36, 1883 г. — 50, 1891 г. — 73, 1894 г. — 105, 1903 — 130, 1913 г. — 220. Центром судостроения являлась Тюмень. Только в 1892 г. здесь было изготовлено 19 новых пароходов [3].

Основная линия движения пролегла по маршруту Тюмень — Томск, т.к. «именно к Томску двигались все громадные массы товаров, которыми Европейская Россия снабжает Восточную Сибирь» [3, 24] до постройки Транссибирской железнодорожной магистрали. Течение Оби и Иртыша от устья Томи до Тобольска отличалось многоводием и изобиловало множеством протоков, поэтому в любое время суда могли идти с полной загрузкой. При сильном ветре иногда развивалась почти что морская качка, из-за чего даже мощные, для того времени пароходы старались укрыться у лесистого берега.

Суда принадлежали различным частным фирмам: Корнилова, Плотникова, товарищества Курбатова и Игнатова, Широкова и компании и др. Фирмы Широкова, Курбатова и Игнатова имели контракты с казною на перевозку арестантов и новобранцев. Пароходы буксировали деревянные баржи и паузки (наподобие маленьких барж).

Путь от Тюмени до Томска занимал от 6 до 8 дней. Между Нарымом и Сургутом суда становились отрезанными от внешнего мира. Имел место случай, когда два парохода тов. Курбатова и Игнатова, вышедшие последним рейсом из Томска, не дошли до места назначения. Им пришлось зимовать на плесе, из-за чего команда вынесла большие лишения. Лишь случайно на ближайшем рыболовном промысле удалось найти провизию. О себе команда и пассажиры смогли дать знать лишь в ноябре, после установления санного пути.

О сложностях, с которыми приходилось сталкиваться в пути, говорят скупые строки судовых журналов. Пароход «Обь», 1897 год: «7 мая. Выше у р. Вах в 2 ч. 50 м. дня сделав самый тихий ход собрали у остяков сведения о ледоходе и узнали, что р. Вах [в] верховьях стоит; в 3 ч. 54 м. встретили массу льда, посему сделав поворот встали на якорь у Н.[ижне] Вартовск[ой] дров[яной пристани]... 8 мая... Пройдя 20 верст ниже Вартовского яра встретили сплошной сломанный лед и в 4 ч. 27 м. утра вернулись обратно и встали на якорь в безопасном месте, а в 11 ч. 55 м. у[тра] ввиду долгой задержки внизу стоящих заторов отошли к устью р.Вах для собрания сведений о выходе остального из р.[еки] льда; пропустив его пристали к тому же месту. Отход из Н.[ижне] Вартовской... В 8 часов в местности ниже Ермаковских юрт встретили массу льда, а потому, сделав поворот, стали на якорь за островом пониже...» [1].

По свидетельству немецких ученых О. Финша и А. Брэма, путешествовавших по Оби в начале 1880-х гг., поездка была весьма комфортной для состоятельных людей и представляла немало неудобств для бедняков: «Все пароходы... колесные, весьма солидной конструкции и с приличным и удобным, хотя и не роскошным помещением... каюта первого класса находится на носу; она состоит из уютного павильона, предназначенного для игроков и курильщиков, из отдельной мужской и дамской кают и нескольких маленьких, для двух-четырех пассажиров. Второклассная каюта находится на корме под палубой, которая в свою очередь прикрыта деревянной крышей, а с боков парусинными стенками, и служит помещением для третьего класса. Пассажиры располагаются тут как придется на скамейках стоящих в два ряда или просто на полу» [4, 306—307]. Каюты в холодное время отапливались паром. На судах тов. Курбатова и Игнатова проезд от Тюмени до Томска в 1-м классе стоил 22 руб., во 2-м — 14 руб., в 3-м — 6 руб. Дети до 2 лет провозились бесплатно, от 2 до 10 лет оплачивали половину стоимости.

Топливом для пароходов служили дрова. Особенности, как конструкции двигателей, так и самих дров как топлива требовали регулярного пополнения запасов через каждые несколько десятков верст. Это привело к строительству дровяных пристаней по маршрутам следования водного транспорта. Заготовка и продажа дров становится выгодным делом, привлекавшим внимание предприимчивых людей. По свидетельству А.А. Дунина-Горкавич: «Постепенное развитие в 70—80-х годах [XIX века] пароходства... создало спрос на дрова, заготовка которых дала значительный заработок населению. Места для поставки дров на пароходы, дотоле пустынные, стали застраиваться землянками рабочих-лесорубов. Некоторые из пришлых рабочих, ввиду выгодности заработка, остались на постоянное жительство. Таким путем создались новые русские поселения на пристанях...» [2, 3]. Как следствие, уже к началу 1890-х гг. на территории Нижневартковского края функционировало четыре пароходных пристани: Усть-Вах, Нижнее-Вартовская, Маион, Покур [5, 5]. Изначально это были хозяйственные объекты, некоторые из которых стали ядром будущих русских селений.

Вот как описывали одну из таких пристаней О. Финш и А. Брэм: «Дрова (преимущественно сосновые и лиственничные) стоят на берегу расколотые и распиленные; они обходятся, средним числом, по 1 р. 60 к. за кубическую сажень. Пароход в 120 [лошадиных] сил истребляет их ежедневно 35 сажень, а в 80 сил по 20 сажень. За доставку дров на пароход платится везде по 25 коп. на человека; таскают их на носилках, причем работой занимаются отчасти туземцы, отчасти служащие на баржах для ссыльных, а иногда матросы... На пристанях царило большое оживление и суэта; кроме носильщиков, таскавших крупные поленья дров, тут толпились обыкновенно и местные жители с разными припасами. Они... привозят для продажи хлеб, излюбленные плоские кольцеобразные калачи, яйца, масло, свежее и кислое молоко, свежую и соленую рыбу. Все это охотно покупается пассажирами третьего класса и матросами, которым продовольствие, таким образом, обходится очень дешево» [4, 307].

Заведывание водными путями по течению Оби от границ Томской губернии до устья реки относилось к «Участку Нижней Оби» Управления Томского округа путей сообщения МПС. В его функции входило обеспечение условий для судоходства, в том числе оборудование пристаней, устройство бакенов, надзор за техникой безопасности, исследовательские работы и т.п.

Притоки Оби находились в стороне от основных транспортных маршрутов. В конце XIX в. лишь раз за лето вверх по Ваху приходил пароход с грузом казенной муки.

Тем не менее, следует отметить, что в течение нескольких десятилетий пароходное сообщение превратилось в фактор, оказавший огромное влияние на экономическое, демографическое развитие края.

Литература

1. Государственный архив Томской области. Ф. 134. Оп. 1. Д. 4. Л. 19об-20.
2. Дунин-Горкавич А.А. Сельское хозяйство на Тобольском Севере в 1911 году // Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. 1911. № 25.
3. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири. М., 1893.
4. Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. Т. 2.
5. Экспликация к карте Самаровского лесничества, составленной А.А. Дуниным-Горкавичем и значащейся в каталоге Северного отдела под № 104-а // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1896. Вып. VI.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В НИЖНЕВАРТОВСКОМ РАЙОНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В социальной политике Нижневартовского района одним из приоритетных направлений является образование. Изучение тенденций и особенностей его развития представляет несомненный интерес для понимания происходящих в начальной и средней школе процессов, выявления достижений и проблем, нуждающихся в решении.

В последние годы инструментом развития образовательной среды стала система долгосрочных программ и инициатив. На их основе на региональном и муниципальном уровнях намечаются конкретные шаги, направленные на реализацию намеченных высшими органами государственной власти перспективных планов.

Поэтому *первой* особенностью развития образования на территории района следует признать активную политику муниципальных властей, направленную на совершенствование образовательной системы в рамках таких программ и подпрограмм как «Новая школа Югры» в Нижневартовском районе на 2011—2013 годы» (утверждается главой администрации Б.А.Саломатиным 24 января 2011 года) [7], «Поддержка способной и талантливой молодежи», «Поддержка образовательных учреждений, активно внедряющих инновационные технологии», «Поддержка лучших учителей», «Информатизация образования» и др. Это дает возможность сосредоточить усилия на выявлении и приоритетной поддержке лидеров — «точек роста» в образовательной среде, внедрять в практику новые управленческие механизмы и подходы. Координация деятельности, контроль исполнения намеченных программ осуществляются Управлением образования Нижневартовского района (начальник — М.В.Любомирская), МАУ «Центр развития образования» (директор — В.В.Белова).

Вторая особенность — стирание грани между сельским и городским образовательным учреждением в вопросе качества подготовки учащихся, уровня доступности современных технологий.

Заметно улучшились возможности получения населением качественных образовательных услуг. Как свидетельствуют данные социологических опросов, в 2012 г. доля родителей, довольных предоставляемыми образовательными услугами, в дошкольных учреждениях составляет 84,2% (в 2009 г. — 77,6%), в общеобразовательных учреждениях — 80% (в 2009 г. — 66,9%), в центрах дополнительного образования — 88,2% (в 2009 г. — 84,9%). Ватинская средняя школа в этом отношении добилась 100% показателя. Повышение качества общего и среднего образования выразилось еще и в том, что в 2010 г. доля лиц, сдавших единый государственный экзамен по русскому языку и математике в общей численности выпускников, участвовавших в едином государственном экзамене по данным предметам достигла 100%. В 2012 г. ЕГЭ в районе сдавали 264 выпускника 11-х классов, государственную итоговую аттестацию — 312 учеников 9-х классов. Увеличилось количество предметов, по которым абсолютно все экзаменуемые набрали количество баллов выше установленного минимального порога, в том числе и по обязательным предметам — русскому языку и математике. Выросло и число учеников, которые набрали от 90 до 99 баллов.

Администрацией Нижневартовского района осуществляется помощь образовательным учреждениям, внедряющим инновационные технологии; приобретаются учебно-лабораторные комплексы по физике, химии, биологии и др. предметам, интерактивные устройства, серверного и коммуникативного оборудования. К 2013 г. намечается повысить долю образовательных учреждений района, оснащенных современным учебным и компьютерным оборудованием с 68% до 89% [5].

Создаются условия для обучения детей с ограниченными возможностями. В общеобразовательных учреждениях района обучается 32 ребенка-инвалида, 16 из которых — на дому по индивидуальным учебным планам. Открыто 7 классов компенсирующего обучения, в которых занимаются 75 детей [6].

Третья особенность заключается в постоянно расширяющихся возможностях участия учащихся в олимпиадах, смотрах, конкурсах, конференциях и иных образовательных, культурно-просветительских мероприятиях не только районного, но и регионального, всероссийского уровня.

Так, в районе функционирует очно-заочная школа для одаренных детей. Команды школьников являются постоянными участниками Всероссийских спортивных соревнований «Президентские состязания». Особый интерес вызывает у учащихся всех возрастных групп участие в международных конкурсах «Русский медвежонок» (по языкознанию) и «Кенгуру» (по математике), районной ученической конференции «История школы в истории судеб», районной конференции молодых исследователей «21 век. В поисках совершенства», межрегиональном фестивале исследовательских работ школьников «Открытие мира», всероссийской дистанционной викторине «Фактор Роста».

На Всероссийской олимпиаде (муниципальный, региональный этапы) обучающиеся школ района в 2010/2011 учебном году получили 80 призовых мест (победителями стали — 19 человек, призерами — 61 человек) [6].

Четвертая особенность состоит в формировании в районе интеллектуальной культурной среды, которая способствует росту профессионального мастерства учителей.

На 2011—2012 учебный год имеют ведомственные награды «Заслуженный учитель Российской Федерации», «Отличник народного просвещения», «Почетный работник общего образования», «Заслуженный работник общего образования ХМАО — Югры» 60 педагогов, являются ветеранами педагогического труда 63 педагога. Имеют высшее образование 624 педагога, что составляет 73,4% от их общего числа.

Педагоги района являлись победителями окружного и Всероссийского конкурсов. Так, Н.В. Помпеева — учитель-логопед Новоаганского детского сада «Снежинка» стала победителем II-го Всероссийского профессионального конкурса «Воспитатель года России — 2011», А.В.Шинкевич — учитель химии Излучинской общеобразовательной средней школы № 1 — победитель окружного конкурса «Учитель года Ханты-Мансийского автономного округа — Югры 2011». Директор Излучинской ОСШ № 1 Н.А.Зеленская по итогам первого тура Всероссийского конкурса «Директор школы — 2012» вошла в тридцатку лучших директоров страны.

Пятая особенность обусловлена объективными демографическими процессами, протекающими в крае. Изменение демографической ситуации приводит к тому, что число учащихся школ в последние годы стабилизировалось, имея перспективы к постепенному увеличению. Это связано с выходом из демографической ямы, в которой оказалась наша страна в 1990-е годы. Незаполненность старших классов школ сочетается с дефицитом мест в детских садах. Тем не менее, охват детей дошкольным образованием неуклонно возрастает: 1459 в 2009 г., 1519 в 2010 г., 1570 в 2011 году. В целях обеспечения равных стартовых возможностей для подготовки к обучению в школе в течение 2007—2011 годов полностью обеспечены местами в дошкольных учреждениях дети 5—6 лет, родители которых обратились в дошкольные учреждения [6].

Шестая особенность заключается в расширении возможностей для получения высшего образования выпускниками школ Нижневартовского района. С одной стороны это следует связать с постоянно возрастающим качеством обучения в образовательных учреждениях. В то же время высокие цифры могут объясняться и большей доступностью высшего образования в настоящее время, что в свою очередь вызвано расширением сети вузов и ростом благосостояния населения, имеющего возможность посылать молодежь в крупные научные и образовательные центры Югры и России.

В 2008 г. три четверти выпускников средних школ района поступили в высшие учебные заведения [4]. В 2012 г. школы Нижневартовского района покинули 260 выпускников, 203 из которых поступили учиться в ВУЗы (78%). Из них 65 выбрали вузы Югры, в том числе 15 поступили в Сургутский государственный университет, 12 — в Югорский гуманитарный университет и 38 — в Нижневартовский государственный гуманитарный университет. 138 выпускников будут получать высшее образование за пределами округа [3].

Отличники, обучающиеся в различных вузах страны, получают дополнительно стипендию главы района в размере 1200 руб. в месяц. Кроме того, оказывается поддержка студентам из малообеспеченных семей. Только в 2010 г. на это было выделено из районного бюджета 800 тыс. рублей [2, 3].

Седьмая особенность состоит в сохранении противоречивых явлений в системе национального образования. С одной стороны, много делается для совершенствования преподавания национальных языков, традиционной культуры. При 5 школах существуют интернаты для детей коренного населения. Язык ханты изучают 205 ребят в школах Агана, Охтеурья, Ларьяка, Варьегана, Соснового Бора, Чехломея. В Варьегане еще 35 детям преподается ненецкий язык. В районе работают 7 учителей родного языка.

В то же время, до сих пор в полной мере не удается преодолеть тенденции, связанные с ассимиляционными процессами молодежи. «Удивительно, — отмечала учитель родного языка Варьеганской средней школы В.Комарова, — русские дети с большим интересом относятся к урокам ненецкого языка. Для них это прикосновение к тайнам древней культуры. Дети — аборигены, обучающиеся родному языку, воспринимают язык как попытку удержать их на месте» [1, 5]. Лишь небольшая доля детей свободно владеет разговорным родным языком.

В целом можно отметить позитивную динамику в развитии и совершенствовании образовательной среды на территории Нижневартовского района в последние годы. Показателем успехов образования стал тот факт, что в 2011 г. Нижневартовский район занял I место по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Югры в направлении «Динамика результативности деятельности органов местного самоуправления в сфере образования». Глава администрации Нижневартовского района Б.А.Саломатин награжден Почетной грамотой Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры за эффективные меры в сфере образования.

Литература

1. Данилова Е. Лебединая песня родного языка // Новости Приобья. 2009. № 21.
2. Косолапов И. Где родился, там и пригодился // Новости Приобья. 2011. 29 янв.
3. Нижневартовский район: официальный сайт администрации (Электронный ресурс): <http://www.nvraion.ru/news/32977/>
4. Новости Приобья. 2009. № 30.
5. Новости Приобья. 2011. 25 янв.

6. Отчёт администрации района о работе за 2011 год: Электронный ресурс (режим доступа) // <http://www.nvraion.ru/organy-vlasti/district-administration/reports/>

7. Официальный Бюллетень. Приложение к газете «Новости Приобья». 2011. 25 янв.

М.С. Чирков

г. Самара

Самарская государственная академия культуры и искусств

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ: МАРШАЛ ВОРОШИЛОВ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В 1946 ГОДУ

Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969) — одна из наиболее знаменитых и противоречивых фигур советского периода отечественной истории. Находившийся на вершине политического Олимпа на протяжении многих десятилетий (ему принадлежит рекорд членства в Политбюро ЦК КПСС — 34 года), он участвовал в выработке многих политических решений. На протяжении 15 лет Ворошилов возглавлял главное военное ведомство страны, не обладая при этом даже начальным военным образованием.

Его путь к вершинам власти начался с активной революционной деятельности в партии большевиков ещё в начале XX столетия. Скромный слесарь машиностроительного завода из Луганска оказался втянут в водоворот профессиональной подпольной деятельности, участвовал в революционных событиях 1905—1907 годов. Ворошилову довелось изведать «прелестей» царской тюрьмы и ссылки. Он принимал участие во всех партийных съездах, начиная с 1906 года, общался с В.И. Лениным, подружился с И.В. Сталиным, и эти обстоятельства сыграли ключевую роль в его политической карьере после 1917 года. В годы Гражданской войны 1918—1922 годов он командовал воинскими соединениями (в том числе 10-й армией под Царицыным), но военной славы не снискал, его опыт руководства боевыми действиями был признан неудачным. Куда больший авторитет Ворошилов стяжал на почве политического руководства в штабах различных фронтов и, главным образом, 1-й Конной армии С.М. Буденного. Окончание войны и нехватка военных специалистов привела к тому, что Ворошилов остался в Красной Армии. Ему было поручено командование Северо-Кавказским военным округом. Близость к Сталину способствовала вовлечению во внутрипартийную борьбу в большевистском руководстве. Устранение Л.Д. Троцкого из большой политики приводит Ворошилова на пост командующего Московским военным округом, а преждевременная кончина М.В. Фрунзе в 1925 году — на пост народного комиссара по военным и морским делам. С начала 1930-х годов, наряду с формированием культа личности И.В. Сталина, происходит и складывание более мелких культов советских руководителей, в том числе и Ворошилова. Климент Ефремович был объявлен непобедимым полководцем Гражданской войны, одним из создателей Красной Армии. Его именем назывались города и улицы, заводы и колхозы. В 1935 году Ворошилову в числе первых было присвоено звание Маршала Советского Союза. Его имя было прославлено песенным творчеством того времени:

«Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер,
сумеем кровь пролить за СССР!» [6, 32].

Советско-финляндская война 1939—1940 годов выявила слабую боеготовность Красной Армии, недостатки в оперативном управлении и материально-техническом обеспечении. Весной 1940 года последовали оргвыводы: Ворошилов был уволен с поста народного комиссара обороны. Однако преданность Сталину и активное участие в массовых репрессиях 1930-х годов стали некоей индульгенцией против принятия более строгих мер. Климент Ефремович был назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров, выполняя различные поручения вождя и не участвуя более в решении военных вопросов. С началом Великой Отечественной войны Ворошилов получил шанс доказать свою состоятельность в качестве полководца. Он получил должность главнокомандующего Северо-Западным направлением, пытался остановить продвижение немцев к Ленинграду, но после ряда неудачных действий был заменен Г.К. Жуковым. Дальнейшая военная карьера «первого маршала» клонилась к закату: Ворошилов получил малозначительные посты главнокомандующего партизанским движением и представителя Ставки Верховного Главнокомандования. Вместе с тем политическое влияние маршала было по-прежнему высоким. Он сопровождал Сталина в поездке в Тегеран в 1943 году, участвовал в заседаниях Политбюро, выезжал в штабы фронтов. В 1946 году с реорганизацией правительства Ворошилов получил пост заместителя председателя Совета министров СССР, где отныне курировал вопросы развития культуры и спорта.

В 1946 году европейскую часть СССР поразила серьезнейшая засуха. Во многих регионах страны дождей не было два и более месяца, температура воздуха стабильно держалась выше 30 градусов, причем наибольший удар пришелся как раз по зерновым районам страны. По своим природным показателям это была одна из самых сильных засух в XX веке, и ударила, прежде всего, по экономически слабым территориям. Урожай

погиб на 4,3 млн. га, на остальных едва превышал засеянные нормы. Собрано и заготовлено зерна было меньше, чем в 1945 г.; и в два раза меньше, чем в 1946 г. [7, 15] Например, Чкаловская область сдала 602 тыс. пудов зерна вместо запланированных 1,5 тыс., Куйбышевская область — 327 тыс. пудов вместо 700 тыс., Саратовская — 327 тыс. вместо 400 тыс. Таким образом, количество урожая, собранного по трем областям, составила половину от запланированного [9, 97].

В стабильно стрессовых условиях психофизическое состояние человека может коренным образом измениться, действия людей подчиняются порой врожденным инстинктам, а не предписаниям правительства. Один из крестьян Сталинградской области писал своим родственникам: «Мы сейчас не живем, а существуем. И когда только кончатся эти мучения? Мы уже начали пухнуть, переживаем, страшный голод, смерть стережет нас» [5, 10]. Многие голодающие начинали задумываться о сведении счетов с жизнью: «Два месяца не кушали хлеба, питаемся только свеклой, но она тоже кончается. Дети в школу не ходят, нет хлеба. Я кончу жизнь самоубийством, чтобы не видеть этих мук» [5, 15]. Для некоторых колхозников пребывание в тюрьме или лагере выглядело более предпочтительным, чем смерть от голода: «Я продал все, чтобы спасти жизнь. Больше продавать нечего, остается одно: или умереть, или решиться на что-то другое, иначе гибель. Я уже начинаю пухнуть. Мне не страшна тюрьма, ибо там я смогу получить кусок хлеба» [5, 12].

Общее количество голодающих трудно подсчитать: не случайно никто из историков не взял на себя смелость предположить более или менее точную цифру. Тем не менее, число умерших, по подсчетам вышеназванных исследователей колеблется в районе 2 миллионов человек (включая и союзные республики). Сократить число голодающих могло помочь прекращение экспорта зерна за границу, но этого не было сделано. По подсчетам В.Ф.Зима, в течение 1946—1947 гг. из СССР было вывезено около 2,5 млн. тонн хлеба [3, 149]. Эшелоны с продовольствием уходили в сторону западной границы — в Польшу и Чехословакию. Весной 1946 г. соглашение о поставках зерна было достигнуто с Францией. И в первом, и во втором случае геополитические интересы перевесили нужды собственного народа: в Польше и Чехословакии у власти находились коалиционные правительства, где местные коммунисты играли главные роли; во Франции пост премьер-министра занимал антиамериканист генерал Ш. де Голль, отношение к которому в СССР был самым дружественным.

К чести государства, оно не бросило голодающих на произвол судьбы, оказывая посильную помощь из государственных резервов — в виде зерна, овощей и фруктов. Активно выделялся фураж, семена летних посевов, техника [4, 1]. Однако социально-экономическое положение СССР было значительно подорвано Великой Отечественной войной: страна потеряла более 27 миллионов человек, в огне пожарища войны сгорела треть национального богатства. В самой деревне положение к 1946 г. было крайне тяжелым. Убытки, которые понесло отечественное сельское хозяйство, Чрезвычайная Государственная комиссия о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков оценила следующим образом: пострадали 98 тыс. колхозов, 70 тыс. сел и деревень, 1876 совхозов, погибло 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. голов свиней, 27 млн. голов овец и коз. Общая сумма потерь сельского хозяйства составила 181 млрд. рублей (в ценах 1940 г.) [8, 12]. Впечатляющими были и людские потери. Население колхозов за годы войны сократилось на 32,5% (вместе с безвозвратными потерями) [2, 21], причем преимущественно это были мужчины трудоспособного и детородного возраста. Такое положение, в свою очередь, не могло не привести к колоссальным демографическим изменениям в деревне. Если в 1940 году соотношение мужчин и женщин на селе составляло примерно 1 к 1,1, то в 1945 году оно стало 1 к 2,7 [1, 318]. Таким образом, тяжелейшие последствия неурожая 1946 года неминуемо должны были перерасти в катастрофическую продовольственную ситуацию — голод.

Наряду со здоровыми экономическими мерами в голодающих областях широко проводились административные кампании. Они были связаны с поиском виноватых в срыве хлебозаготовок, и зачастую главными виновниками объявлялись руководители районов и областей. Для проверки ситуации с «хлебозаготовительным кризисом» на места, как и период кризиса НЭПа в 1927 г., направлялись крупные советские руководители. Г.М.Маленков выехал в Сибирь, А.И.Микоян — в Казахстан. В Поволжье были направлены заместитель председателя Совета министров СССР маршал К.Е.Ворошилов и министр технических культур Н.А.Скворцов. Они посетили Чкаловскую, Куйбышевскую и Саратовскую области. Впервые Ворошилову пришлось окунуться в совершенно новую для себя отрасль. Так тесно с сельским хозяйством Климент Ефремович никогда еще близко не был связан. В общей сложности поездка заняла чуть больше двух недель: свое первое донесение участники поездки датировали 29 октября, возвращение в Москву состоялось в середине ноября. Проехав по регионам, они пришли к выводу, что в Чкаловской области «первый секретарь тов. Денисов плохо знает сельское хозяйство, руководство хлебозаготовками пытается осуществлять единолично». При этом часть урожая, по мнению Ворошилова, скрыта и «растекается по разным каналам», то есть идет на помощь голодающим крестьянам. Однако уровень жизни крестьянского населения не беспокоил московских вышестоящих чиновников, отсюда убеждение Ворошилова, что область в состоянии сдать до 3 млн. пудов хлеба. В Куйбышевской области, сообщили Ворошилов и Скворцов, «первый секретарь тов. Пузанов много работает, добросовестно хочет выполнить постановление ЦК и правительства, но дело знает слабо и авторитетом не пользуется. Работники всех рангов убеждены, что в области хлеба нет, и пора уже покончить со всеми заготовками». И лишь в Саратовской области партийное руководство «работает добросовестно и

слаженно» [9, 97]. Добиться положительного результата стало возможным за счет «вскрытия разных утечек и сознательных хищений». Каким образом выправить существовавшее положение вещей, очевидно, ни Ворошилов, ни Скворцов четко не представляли. Для преодоления ситуации метод был выбран традиционный: посоветовавшись с секретарем ЦК по идеологии А.А.Ждановым, московские посланцы «решили провести накоротке (в один день) при обкомах партии совещания секретарей, председателей райисполкомов и уполномоченных Минзага (Министерства заготовок СССР — М.Ч.).». План этих совещаний был выработан простой: «заслушаем пять-шесть отчетов районов, дадим взбучку кому следует и обсудим практические мероприятия по хлебосдаче» [9, 98].

Оставив в стороне вопрос о кадровом соответствии московских руководителей их миссии (Скворцов, как и Ворошилов, в довоенные годы не имел никакого отношения к сельскому хозяйству); мы можем отметить полное торжество советского стиля руководства. Власть прекрасно представляла себе обстоятельства, вызвавшие неурожай и последовавший за ним голод. Вместо детального анализа ситуации и практических мер по спасению людей дело ограничилось оргвыводами и обвинениями местных руководителей в некомпетентности, которые вряд ли могли серьезно повлиять на ситуацию. Руководитель Чкаловской области Г.А.Денисов был вскоре освобожден от должности и отправлен в Москву на курсы переподготовки при ЦК ВКП(б) для повышения квалификации [9, 421]. Таким же маршрутом проследовал спустя два года и саратовец П.Т.Комаров, правда, опыт работы в критических условиях неурожая 1946 года забыт не был, и в 1951—1952 годах он занимал пост заместителя министра заготовок СССР [9, 430]. Куйбышевец А.М.Пузанов сохранил свой пост до 1952 года, но в дальнейшем использовался лишь на дипломатической работе [9, 450]. Примечательно, что речь о людях во время поездки московских посланцев вообще не велась; из телеграммы, посланной Ворошиловым и Скворцовым из Чкалова, говорится только о нормах хлебозаготовок и слабых местных руководителях, которые «упустили много драгоценного времени, когда можно было бы организовать уборку, обмолот и хлебопоставки иначе и с хорошими результатами» [9, 98]. Справедливости ради нужно сказать, что после этой командировки Ворошилова в дела сельского хозяйства более не допускали. Скворцов по итогам оргвыводов в отношении местных руководителей получил пост министра совхозов и членство в коллегии Министерства сельского хозяйства СССР, но уже после смерти Сталина был изгнан со всех постов как «не справившийся с работой» [9, 454].

Преодоление последствий неурожая 1946 и последовавшего за ним голода 1946—1947 годов является одной из наиболее трагичных страниц советской истории. Огромное количество погибших и голодавших свидетельствует о том, что власть в сложных политических и экономических условиях первых послевоенных лет оказалась не в состоянии справиться с тяжелой ситуацией. Недостаточность экономических мер по спасению людей привела к росту административного ресурса. Командировка в различные регионы страны высших московских руководителей уровня К.Е.Ворошилова должна была помочь в решении целого ряда вопросов. Отсутствие профессионализма в области сельского хозяйства, желание отличиться на данном поприще и равнодушие к проблемам рядовых людей привели к обратному эффекту: подобные чиновничьи миссии со своими задачами не справлялись, лишь создавая новые проблемы для хозяйственных руководителей всех рангов, ухудшая и без того сложный психологический микроклимат в регионах.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963.
2. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 годах. М., 1972.
3. Зима В.Ф. Голод 1946—1947: происхождение и последствия. М., 1996.
4. Известия. 1946. 10 ноября.
5. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 57. Д. 20.
6. Русские советские песни (1917—1977). Сост. Н.Крюков и Я.Шведов. М., 1977.
7. Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1988.
8. Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1948.
9. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953 / Сост. В.В.Денисов и др. М., 2004.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ КОНТАКТЫ В СРЕДЕ ГОРОЖАН В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Процесс развития и укрепление капиталистического уклада в экономике России во второй половине XIX века наиболее отчетливо проявился в промышленной сфере. Развитие промышленного капитализма в XIX веке прошло три стадии: мелкое товарное производство — капиталистическая мануфактура — фабрика. В связи с длительными и холодными зимами, неурожаями в сельском хозяйстве основное место в Вятской губернии занимало производство промышленных товаров. В неурожайные годы промышленность являлась важным доходом крестьянским хозяйствам, которые работали на крупных заводах, (например, Бондюжский химический завод). Выявления и анализ коммуникационных контактов в среде горожан Вятской губернии в сфере экономики XIX — начала XX века позволит применить полученные результаты анализа в современных условиях.

В Вятской губернии в XIX века в связи с длительными и холодными зимами, неурожаями в сельском хозяйстве основное место занимало мелкое товарное производство. В неурожайные годы мелкая промышленность являлась важным доходом крестьянским хозяйствам. Короткий сельскохозяйственный сезон оставлял крестьянам зимой массу свободного времени, которое использовалось для занятия промыслами и продажи изделий на рынке и большое количество людей уходило работать на заводы. Благодаря этим занятиям сократилось число бедных и нищающих крестьян.

Проблемы нехватки сырья не существовала благодаря обилию лесов в губернии. Вятская губерния по численности составляла 2 717,8 тыс. человек и занимала в России десятое место, а по количеству занятых в мелкотоварном производстве — первое 210,2 тыс. человек. По количеству промышленников на 10 тыс. сельского населения 774,1 человек, губерния шла на втором месте. По числу производителей изделий из дерева Вятская губерния была первой в России 77 282 человека, изделий из волокна — второй после Московской 63 102 человека, изделий из рога — третьей, изделий из кожи — второй после Тверской, изделий из минералов — первой 9 464 человека, изделий из металлов — третьей после Московской и Нижегородской [5, 27].

На заводах работали как и крепостные крестьяне так и вольнонаемные. «<<...работа производится 1 300 собственных крепостных, а для рудокопания нанимаются еще 1 000 свободных людей. У каждого молота стоит по три человека, могущие еженедельно выковать 80 пудов» [6, 46]. Работа была тяжелой, нормированного рабочего дня не существовало, заработная плата была гроши или её совсем не выдавали, ссылаясь на плохой сбыт товаров и за многочисленные нарушения. Люди были не довольны своим положением и высказывали свои претензии, собираясь в забастовки и устраивая рабочие сговоры.

Одним из передовых заводов химической промышленности России являлся Бондюжский химический завод. Завод был построен в 1868 году. Его строительство было результатом расширения дела династии Ушковых, владевших уже Кокшайским химическим заводом, построенным в 1850 году. В конце XIX века на заводе трудился великий русский ученый химик Д.И.Менделеев. Завод специализировался на производстве чистых химических веществах: неорганической химии, технической, пищевой, лекарственных средств, а также и строительных материалов.

На заводе трудилось большое количество работников, которые жили в деревнях или в бараках, предоставляемых заводом. Работали целыми семьями: женщины и дети. В газете XIX — начала XX века большое внимание уделяется рабочему вопросу, где описываются жалобы и недовольства рабочих на начальников и руководителей предприятия.

В 1910 года в первых числах декабря по заводу прошел слух, что в нынешнем году в праздники всем рабочим будет выдана награда. У рабочих было столько радости, надежд и ожиданий. После рабочего дня все выстроились в очередь и ждали награды, награду действительно выдали, но не рабочим, а служащим предприятия. Недовольные они пошли к управляющему, но управляющий просто пообещал в следующий раз наградить их тоже [3].

Февральский номер газеты сообщал, что к Рождеству хозяева завода расщедрились и отпустили несколько тысяч рублей, но управляющие и директора распорядились так чтобы они получили более или менее порядочное содержание, а рабочим, получающим гроши и теряющие свое здоровье при химическом производстве, не дали ни гроша. Конечно рабочие были недовольны: «И теперь страшно возмущены, тем более, что для конторских служащих, к слугам все: и удобные квартиры, и лошади, рабочие же ютятся в каких то грязных и полуразвалившихся казармах, как например, на берегу Камы. Казармы эти не имеют даже двойных рам, а про грязь нечего и говорить» [1]. Ко всему этому рабочие нередко даже бывали лишены бесплатной медицинской помощи, когда доктор куда-нибудь отлучался. По данным известно, что старший фельдшер Сергей Лукич Тихонов отказывался лечить на дому бесплатно. «Хорошо, если больной может еще дойти до приемного покоя, там он получит помощь, а на дом — пожалуйста денежки! Если же к этому надо будет

дорогой лекарь, то опять ему надо хоть немного сунуть. А ведь он, С.Л.Тихонов, получает 80 рублей жалования, да награды получать полностью к Рождеству. Лошадь у него безотлучно стоит у его крыльца, даже и во время присутствия доктора, якобы для того, чтобы ездить по больным, а на самом деле, то прокатить его служанку Дуню (служит в больнице экономкой), то сам Тихонов ездит к своим приятелям, а летом — то на охоту, то покататься по полям. Рабочие ропщут и подумывают как-нибудь его отучить от любостяжания» [2].

«Экономия, экономия и экономия... вот девиз администрации нашего завода», как говорилось в газете. В погоне за экономией администрация завода отказывала в дровах рабочим, живущим на хозяйских квартирах. На настоятельные требования рабочих о дровах им разрешалось пользоваться старыми, полусгнившими корзинами от кислотных бутылей, сложенных в бунтах на площади, не далеко от номеров [3].

Между заводом и деревней Бондюга, расположенной в 1-ой версте от Бондюжского завода, был заключен договор о ключевой воде для завода. Заключалось условие на 12 лет, по которому товарищество обязалось вымостить от завода до деревни камнем дорогу и исправлять обществу пожарные инструменты. Но эти обещания спустя время не были исполнены и мужики деревни заблокировали водопровод. И поставили условие: «Не дадим воды! Пусть выполнят условия! Сказано — сделано» [4]. Администрация завода посылает урядника, но мужики отвечают отказом. Второй раз урядник приезжал с сопровождением четырех стражников с винтовками в руках. С угрозой жестоким наказанием и упечением за решетку, им пришлось отдать ключи от часовни. Страх того, что их накажут, приводил людей к бездействию, как и нахальное обращение начальства предприятия, которое пользовалось безграмотностью и беспомощностью рабочих.

Повседневная жизнь горожан сводилась к тому, что весь день они работали на заводе в несколько смен, их продуктовый пакет был скуден и не велик. Основным продуктом в каждом доме был хлеб, его в большей степени не хватало, так как климат Вятской губернии был суровым с длительными зимами это служило к короткому сезону для выращивания зерновых культур, которые отправлялись на прилавки в разные губернии. Много товаров шло на экспорт, основными путями перевозки груза являлись речные пути. Зимой эти дороги застывали, чем усложняло торговый оборот в губернии. Поэтому начинается строительство железной дороги, в те губернии и регионы, куда отправлялись экспортный груз. Строительство железных дорог требовало больших людских ресурсов, которых отправляли с заводов по определенному количеству человек, обещая двойную заработную плату — это предложение заинтересовало много людей, большинство охотно соглашались. В начале строительства все шло как по маслу, заработную плату платили исправно без опозданий и задержек, рабочие жили и питались за счет денег, которые шли с губернии. Но со временем денег стало не хватать, и начались недовольства и волнения среди рабочих, которые не хотели работать бесплатно, но грамотное выступление руководителя и обещания о достойной заработной плате поставило все вопросы на свои места, и рабочие снова принимались за работу [7, 37].

Мелкое товарное производство в Вятской губернии являлась основой для горожан. В начале XIX века был построен каменный гостиный ряд со 113 лавками. В 1813 году город имел 164 лавки, в середине века уже 9 магазинов и 219 лавок [9, 31]. Городские жители выставляли предметы собственного производства: изделия из дерева, кухонную утварь, посуда и разные предметы домашнего обихода. Это были небольшие лавки, которые контролировались городскими купцами «предпринимателями». Эти лавки сдавались в аренду мастерам и мелким производителям.

В губернии проводились ярмарки, куда съезжались со всех концов, и можно было купить по розничным ценам все. В редких случаях употреблялся бартерный обмен между продавцами [8]. Неотъемлемой частью торговли на ярмарке был торг, так как покупателями были горожане, работающие на заводе, и денег не хватало даже на элементарные продукты питания. Поэтому ярмарки ждали с нетерпением, они сопровождались гуляниями и увеселительными программами.

Горожане всегда были в центре экономических отношений, потому что они выполняли различные социальные роли: рабочие на заводе, покупатели, продавцы мелкой товарной продукции. Жизнь горожан была тяжелой, заработная плата способствовала лишь существованию человека и поддержанию его жизни, поэтому они старались заниматься помимо работы мелкой торговлей, предоставлением различных услуг. На сегодняшний день рабочий вопрос так же остается актуальным — по-прежнему рабочие отстаивают свои права, прибегая к помощи судебных органов и социальных организаций, которые защищают их от самовольного отношения работодателя.

Литература

1. Бондюжский завод // Вятская речь. 1910. 11 апреля.
2. Бондюжский завод // Вятская речь. 1910. 13 февраля.
3. Бондюжский завод // Вятская речь. 1910. 21 февраля.
4. Бондюжский завод // Вятская речь. 1910. 24 февраля.
5. Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории XIX—XX вв.: Сборник научных статей. Киров: Изд-во ВГПУ, 1999.
6. Описание экономического состояния Казанской губернии и некоторых уездов Вятской губернии, в связи с вопросом о соединении этих губерний рельсовым путем: Казань — 1899 г. // <http://www.knigafund.ru>

7. Описание экономического состояния Казанской губернии и некоторых уездов Вятской губернии, в связи с вопросом о соединении этих губерний рельсовым путем: Казань — 1899 г. // <http://www.knigafund.ru>
8. Торговые отношения Вятской губернии // <http://book-science.ru>
9. Хрестоматия по истории Кировской области: Учебное пособие. Киров: Волго-Вятское кн. изд., Кировское отд., 1982.

Э.Р.Шамсиева
г.Нижевартовск

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ СОСЛОВНОЙ ГРУППЫ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР В СИБИРИ

Группы служилых татар формировались в сибирских городах и острогах постепенно, в несколько этапов. Начальным этапом был период от проникновения русских в новый ясачный район и освобождения наиболее лояльной по отношению к русским части местного населения от уплаты ясака до «верстания государевым жалованьем» и документального оформления привилегированного положения группы служилых татар в составе гарнизона города или острога, который был основан в этом районе.

Процесс приема татар на русскую службу начался сразу после похода Ермака. В 1595 году татарский воевода А.В.Елецкой сформировал войско из 276 человек, включая 7 юртовских татар, а через три года татарским служилым татарам была поручена самостоятельная операция. По сведениям Г.Ф.Миллера, уже в 1595 г. в гарнизоне г.Тюмени имелись служилые татары. В источниках сообщается об уходе из Тюмени в 1595 г. 50 служилых татар с женами и детьми, которые направились в область, лежащую по верхнему течению Тобола, и захватили с собой еще 30 «ясашных» и тюменских служилых татар [8, с. 15]. В 1601 г. в грамоте «на Тюмень» воеводе князю Л.Щербатому упоминается о 50 юртовских служилых татарах, которые «служат на Тюмени всякие наши сибирские службы зимние и летние, пешие и конные и отъезжие караулы» [8, с. 192].

Основа служилого татарского войска складывалась из представителей военно-служилой элиты Сибирского ханства — владельцев самостоятельных уделов. Происхождение татарского служилого сословия в Сибири от прежних феодалов — «тарханов» явствует из целого ряда примеров. В состав татарской знати Сибирского ханства входили хан, султаны, беки, мурзы, есаулы, представители мусульманского духовенства, сановники ханского двора, а также рядовые воины [18, с. 36].

В исследованиях С. В. Бахрушина среди тобольских служилых татар упоминается сын владельца Баишева городка князя Бегиша — Кельмамет князь Бегишева [2, с. 164]. Таким же владельческим беком был, очевидно, князь Енбулат, служивший в Тобольске в 90-х годах XVI в. Его сын князь Кутук князь Енбулатов при царе Михаиле считался «лучшим человеком»; в первой половине столетия упоминается внук Енбулата Аллагур-мурза, который был отставлен от службы вследствие происков другого татарина — Ешки Кутабердыева. Тобольские окладные книги называют еще потомков князя Ишмамета Аганина [2, с. 164], а также мурзу Кайдаула Байсеитова и его сыновей Мамет, Читей и Аиткула Кайдауловы, тарского князца Тынмамета Берделей — мурзина, его сына Кучука Тынмаметова и внука Талайку Кучукова. В результате разгрома Черного городка аялыньские татары были возвращены на р. Тару под контроль русской администрации, самыми видными из них были два есаула — Мамык и Сейткула, и два князца — Зуюндук и Илгулуй [6, с. 7].

Среди татарских мурз начала XVII в. известны тюменский служилый татарин «князь Аткачарко Ахманав», а также тюменские «юртовские служивые татарове лучшие люди» Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин и др.» [19]. В 1596 году в царской грамоте пельмскому воеводе упоминается татарский мурза Курманак Танаев [17, с. 77]. Самый известный юртовский голова тюменских татар из среды их самих — Маитмас (Маатмас, Матамас, Моюмас) Ачекматов (Азехматов, Азихматов). Сражавшийся, если верить Ремезовской летописи, еще с «ермаковыми казаками», он в 1596 г. посылался за бежавшими из Тюмени татарами [16, с. 93].

В состав юртовских служилых татар вошли и простые мурзы. Одним из наиболее уважаемых мурз Кучума С.У.Ремезов называет «Чайдаула (вернее, Кайдаула) мурзу Закайдаму», который при дележе доспехов Ермака получил, по преданию, его второй панцирь. Байсеитов после падения Сибирского царства служил московскому государю в Тобольске, получал значительное денежное и хлебное жалованье, продолжал жить в 20-х и 30-х годах в своей Багайской деревне. После смерти Кайдаула несли службу его сыновья — бек Мамет (иначе князь или мурза Магомет), Читей и Аиткул Кайдауловы. В источниках говорится о князьях Ишбердее и Суклеме, которые привозили подарки и продовольствие для ермаковой дружины. В последующее время Ишбердей был преданным слугой России и «многих других князцов с их родами помог обложить ясаком, служа проводником казакам, которых отправляли к ним с этой целью» [8, с. 230].

Число служилых татар пополняли и представители духовной знати бывшего татарского «царства», вроде тарского юртовского татарина сеида Тенелея Берелеева сын ходжи Миралия сеид Дин — Али [8, с. 192].

Звание служилого татарина было наследственным, как легко усмотреть из окладных книг. В 1622 г. последовал указ «на... татарские выбылые места... верстать в нашу службу детей их и братью и племянников новишным окладом». В 1629 г. татарские служилые татары добились даже того, что их сыновья и другие родственники были поверстаны сверх штата. Но, как общее правило, было установлено твердое число штатных окладов, и молодежь версталась по мере освобождения мест [2, с. 165].

В течение всего XVII в. состав местного татарского служилого сословия пополнялся отчасти и со стороны, благодаря непрекращающемуся наплыву въезжих знатных иноземцев. В тюменской окладной книге 1626—1627 гг. среди служилых татар упоминается один табынец, один «сарт» (узбек) и два бухарца [18, с. 150]. С середины XVII в. среди тюменских, а затем тобольских служилых татар появляется касимовский мурза Семеней Аганин [18, с. 150].

Нехватка в Сибири служилых людей заставляла правительство искать помощи у местного населения. Власти сибирских городов, испытывая постоянную нужду в людях, не прочь были поверстать в состав служилых подгородних татар, тоже заинтересованных в этом, так как военная служба освобождала их от уплаты ясака. Уже в конце XVI в. на царскую службу привлекались представители местного сибирского населения. Тех из них, кто приняли крещение, специальный указ предписывал верстать в службу [10, с. 27].

Татары «новокрещены» служили в русских либо «литовских» подразделениях и выделялись в отдельный «список». По этому «списку» в 1633 г. тобольских новокрещеных татар и новокрещеных казаков числилось 25 человек [18, с. 51].

Сохранились сведения о многочисленных челобитных инородцев с просьбами «о поверстании» их на службу. Типична челобитная 1628 г. сына тюменского служилого татарина «о поверстании на упалое место» его убитого отца [18, с. 51]. На службу верстались и ясачные татары. Так, в 1649 г. была удовлетворена челобитная ясачного татарина Чулымской волости Томского уезда Богдана Артыбаева [11, с. 110].

Особой категорией среди сибирских татар являлись захребетные татары. Они составляли единую этническую общность со служилыми татарами того уезда, к которому относились [2, с. 170]. По предположению С.В.Бахрушина, в состав захребетников вошла значительная масса чужеродцев, поселившихся в деревнях служилых татар [2. С. 170].

В служебном отношении юртовские татары образовывали в каждом городе особый корпус. Юртовские татары при этом состояли под началом русского чиновника — татарского головы, в распоряжении которого находились толмач, подьячий, деньщик татарский (выделяемые на определенный срок из числа рядовых служилых) и приставы, имелись свои канцелярии — «приказы» с «войсковой казной».

Иногда на должность татарских голов назначали представителей аборигенного населения, и уже в 1600 г. Майтмас Ачекматов числился одним из «лучших людей», а в 1606 г. он был «головой» тюменских татар и пожалован высшим окладом [2, с. 164]. В 1594 г. Г.Ф.Миллером упоминается татарские головы Байзеит и Байбахта, которые возглавили отряд тобольских служилых татар в 100 человек, взятых в поход на Тару под общим предводительством воеводы князя А.В.Елецкого [18, с. 116]. «Жалованные» татарские старшины передавали свою должность по наследству.

Итак, начиная с конца XVI в., на царскую службу стали привлекать представителей коренного сибирского населения. Татарские отряды принимали участие уже в военных действиях против Кучума как составная часть служилых. В состав служилого сибирско-татарского сословия вошли представители татарской знати Сибирского ханства, генетически восходившие к золотоордынским татарам. Они продолжали составлять основу этого служилого сословия на протяжении всего XVII в.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3.
2. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1.
3. Будицкий П.Н. Соч.: В 2-х т. Тюмень, 1999. Т. 1.
4. Вершинин Е.В. Неверность «бродячих царевичей» // Родина. 1998. № 1.
5. Книги разрядные, по официальным оных спискам. СПб., 1853. Т. 1.
6. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство в 1584—1598 гг. // Исторический ежегодник. Отечественная история. Омск, 2008. Вып. 1.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 2000. Т. 2.
9. Никитин Н.И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал, 1994. № 1.
10. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
11. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин М., 1895—1901. Ч. 1—4.
12. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2.
13. Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.
14. Пузанов В.Д. Тюменский уезд в Сибири в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. 2007. № 1 (15).
15. Пузанов В.Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. 2005. № 1 (11).
16. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI—XVII вв.). СПб., 2009.

17. Резун Д.Я. Тара в первые века своего существования // Служилый город: Тара в конце XVI — начале XVIII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/tara/index.html>.
18. Солодкин Я.Г. Из комментариев к двум челобитным сибирских служилых людей конца XVI — середины XVII вв. (о первых головах юртовских татар Тюмени) // Документ в оперативной и ретроспективной среде. Тюмень, 2012.
19. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981.
20. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII—XIX вв.). Казань, 2010.
21. Тычинских З.А. Из истории тобольской Татарской слободы // II Ремезовские чтения: 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008.
22. Тычинских З.А. Татарское казачество в Сибири // Города и остроги земли Сибирской. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/t/tychinskikh>.
23. Тычинских З.А. Татарские головы в системе управления служилыми татарами в XVII—XIX вв. // Сулеймановские чтения: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск, 2009.
24. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар. С древнейших времен до начала XX в. Казань, 2002 г.

Е.В.Шевченко

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

РОССИЯ И КРЫМ В КОНЦЕ МОСКОВСКОЙ СМУТЫ (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

Контакты между Российским государством и Крымским ханством на протяжении нескольких столетий являлись важной составляющей внешней политики двух стран. В истории русско-крымских отношений периоды противостояния и войн сменялись сближением, а затем новой конфронтацией. Контакты с Крымом всегда занимали значительное место во внешней политике России, в том числе в начале XVII в.

Время царствования Михаила Федоровича явилось важным этапом в истории двусторонних отношений. По словам А.Сергеева, новому царю предстояло решить очень трудную задачу — вернуть Московскому государству тот внутренний порядок и устойчивый международный статус, которыми оно пользовалось до начала Смуты. Положение государства было в высшей степени сложным: казна пустовала, во многих уездах продолжали действовать отряды «лихих людей», на западе и северо-западе страны действовали поляки и шведы [6, 8].

По мнению видного историка Д.И.Багалея, правительству Михаила Федоровича требовалось освободить страну от «воровских» черкас. Это был вопрос большой важности, ибо от него зависело «преобладание» Москвы над Польшей либо наоборот. Как считал ученый, «польские пограничные отношения» теперь выступили на первый план, отстранив даже отношения с Крымом [1, 136].

Сохранился наказ А.Лодыженскому, отправленному с П.С.Даниловым 24 октября 1613 г. в Бахчисарай, и две грамоты относительно размена послов в Ливнах [6, 8].

По мнению А.Сергеева, изложенный в наказе проект наступательного союза России с Крымом носил, в сущности, характер военно-коммерческой сделки. Московское правительство обещало татарам «рухлядь» и денежное вознаграждение только при условии разгрома ими поляков, т.е. если ханские войска «короля и сына его и его гетманов столкнуть и разгонять и из государевы земли выбьют». В противном же случае, хотя крымцы и «придут на короля, и бой будет, а не выбьют его ... вон», хан Джанибек-Гирей лишался выговоренной платы. Так формулировало свое предложение московское правительство. На дипломатическом же языке наказа эта финансовая сделка деликатно обозначена как «изъявление братской любви и дружбы его царского Джанибек-Гиреева величества» с Московским государством [6, 10].

По заключению украинского исследователя В.М.Базилевича, сношения Московского государства и Крыма, хотя и постоянно поддерживались, носили характер торгового, взаимного недоверия и частых нарушений ханом своих обещаний, когда это было ему выгодно [2, 9].

А.А.Новосельский в своей широко известной монографии «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» считал, что Крым в интересующее нас время был враждебен России, и находил, что «для Московского государства было большой удачей, что в 1618 г. оно встретилось в последнем, решающем столкновении лишь с одними польскими силами ... русское правительство не создавало новой ситуации, а лишь воспользовалось изменением отношений между Турцией и Польшей» [5, 45, 79, 87—88].

В коллективном труде по истории внешней политики России отмечено, что в начале XVII в. отношения Московского государства с южными соседями — Турцией и Крымом — складывались непросто. Сближению этих держав мешала Речь Посполитая. Из Варшавы в Константинополь отправилось посольство А.Горского, который должен был довести до сведения султана, что правительство Михаила Федоровича не располагают

реальной властью. Однако из Крыма в Турцию поступили сведения, что новая русская династия обладает прочными позициями, и в процессе переговоров с московскими посланниками С.Протасьевым и М.Даниловым султан убедился, что Россия представляет собой реальную политическую силу, почему и отказался от намерения совершить поход на Астрахань. Мирный договор, однако, не был заключен; этому препятствовали азовские походы казаков, поощряемых Россией.

В последующие годы Крым и Турция сохраняли мирные отношения с Россией. Последняя, воспользовавшись ухудшением отношений Польши и Турции, пыталась возобновить войну с Речью Посполитой и использовать в этой борьбе Крым, но главное, смогла выйти из враждебного окружения. Политика нового русского правительства могла привести к союзу с татарами против Польши [3, 220—221].

Современный московский исследователь Д.В.Лисейцев на основании архивных документов приходит к выводу о мирном характере дипломатических связей Москвы и Крыма в начале царствования Михаила Федоровича. Основной темой переговоров и споров были все те же поминки, но эти разногласия, в отличие от дипломатических отношений с другими странами, были обычным и, можно сказать, нормальным явлением в московско-крымских дипломатических контактах, не портили их сами и не нарушали мира. В то же время предпринимались попытки склонить крымских татар к набегам на земли Речи Посполитой. Например, в грамоте, посланной в Бахчисарай в апреле 1617 г. с И.Ембулатовым, хана призывали совершить нападения на владения Сигизмунда III [4, 276].

Крымский хан был заинтересован в совместных с Россией действиях против Речи Посполитой, поэтому часто отправлял в Москву дипломатические миссии. Крымские дипломаты добивались в Москве возобновления выплаты традиционных поминок хану и его приближенным. В октябре 1615 г. Посольский приказ принимал нового гонца Ислам-агу, прибывшего от Джанибек-Гирея с предложением вести совместную борьбу против Речи Посполитой [4, 273—275].

Таким образом, отношения Московского государства и Крымского ханства в 1613—1618 гг. носили относительно мирный характер; на протяжении всего этого периода происходил активный обмен посольствами, причем для Крыма традиционно главным оставался вопрос об уплате поминок.

Литература

1. Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
2. Базилевич В.М. Из истории московско-крымских отношений в первой половине XVII века. Киев, 1914.
3. История внешней политики России в конце XV—XVII вв. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999.
4. Лисейцев Д.В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.
5. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
6. Посольство Амвросия Лодыженского и подьячего Петра Данилова в Крым 1613 г. (К 300-летию юбилею Царствующего Дома Романовых) / Сообщил А.Сергеев // Изв. Тавр. уч. архив. комиссии. Симферополь, 1913. № 50.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Быковских П.А.</i> ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ 1569 г. И РОССИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.	3
<i>Давыденко Е.А.</i> ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ О КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДАХ СЕВЕРА, ИХ ПРИРОДОСООБРАЗНОСТИ И РОЛИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ	4
<i>Ерохина Н.А.</i> ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ И ЭФФЕКТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ РУКОВОДИТЕЛЯ	5
<i>Ерохин В.Н.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭТНОСА	8
<i>Зубов В.Н.</i> Л.Е.ВЕРЕИН И ПРИСОЕДИНЕНИЕ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ К РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ 30—50-х гг. XX в.	13
<i>Зырянова Л.Г.</i> Р.Г.СКРЫННИКОВ О РОЛИ СЫНОВЕЙ Н.Р.ЮРЬЕВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА	16
<i>Казанова Е.П.</i> ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	19
<i>Колясникова С.А.</i> ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	21
<i>Корсунская Л.Г.</i> ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА В ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ	22
<i>Кузь В.В.</i> КУМРАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА	24
<i>Лысенко Е.Г.</i> ПОНЯТИЕ «МАРГИНАЛЬНОСТЬ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ	26
<i>Мерзлякова И.Л.</i> ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	28
<i>Невельская-Гордеева Е.П.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АГИОГРАФИИ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ ДИОДОРА ЮРЬЕГОРСКОГО).....	32
<i>Нехаев А.В.</i> ЛИНГВИСТИКА '+' ИЛИ '-' ИСТОРИЯ? ФЕРДИНАНД ДЕ СОССЮР О РОЛИ ДИАХРОНИИ.....	35
<i>Нехаева И.Н.</i> ИСТОРИЯ ИСКУССТВА КАК СОБЫТИЙНАЯ АУТЕНТИКА ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ	37
<i>Платонова Н.В.</i> ИСТОРИЯ ПИТАНИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ	38
<i>Рахматуллина С.М.</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ	41
<i>Сологуб Т.Г.</i> РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	43

<i>Солодкин Р.Я., Солодкина Е.Н.</i> К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАПИСОК АНГЛИЧАН О «МОСКОВИИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ (ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ И ВОПРОСЫ АРХЕОГРАФИИ)	45
<i>Супрович С.В.</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I КОНЦА XVII ВЕКА В РАБОТАХ Б.Б.КАФЕНГАУЗА	48
<i>Хазанов О.В.</i> О ПРОЧТЕНИИ «НЕЧИТАЕМОГО»: К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ МИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	50
<i>Хуторова Л.М.</i> ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В.Н.АВТОКРАТОВА	52
<i>Шепель О.В.</i> ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ДИЗАЙНА В АНГЛИИ	55
<i>Шмакова Н.Н., Шабанова А.А.</i> ИСКУССТВО СТРАН МАГРИБА (ТУНИС, АЛЖИР, МАРОККО) VII—XV ВЕКОВ	56
<i>Шмакова Н.Н.</i> ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ О ПРАВЛЕНИИ МУХАММЕДА АЛИ В ЕГИПТЕ	59

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Алексеева Л.В.</i> НАСЕЛЕНИЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО И ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРУГОВ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	62
<i>Алятина А.Г.</i> РАБОТА БИБЛИОТЕК НА ЮЖНОМ УРАЛЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1945—1953 гг.)	64
<i>Артамонова Л.М.</i> «ОБЩЕНАРОДНОЕ ТОРЖЕСТВО» 1912 ГОДА И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ШКОЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРЫ)	69
<i>Баженова К.Е.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 — ФЕВРАЛЬ 1917)	72
<i>Бауэр Е.А.</i> «РОМЕЙСКОЕ ЦАРСТВО» СКВОЗЬ ПРИЗМУ «ВРЕМЕННЫХ ЦИКЛОВ» Б.А.УСПЕНСКОГО	74
<i>Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	77
<i>Бодрова Е.В., Калинов В.В.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ — ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КОНКУРЕНТНОСПОСОБНОСТЬ	79
<i>Бондаренко Е.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И МЕКСИКИ	82
<i>Бренич Н.Е.</i> ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ ГОРОДА МЕГИОНА	83
<i>Василевский В.П.</i> ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ РЕПРЕССИЙ ОРГАНОВ ОГПУ СИБИРИ В ОТНОШЕНИИ БЫВШИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ В СВЯЗИ С РЕАБИЛИТАЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ	86
<i>Васильева С.Н.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	89

<i>Волобуева М.М.</i> ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ В РЫБИНСКОМ АВИАЦИОННОМ ИНСТИТУТЕ В 1930-е ГОДЫ	91
<i>Волошенко К.В.</i> ИСТОРИКО-МЕДИЦИНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ	92
<i>Воробьева Н.В.</i> «ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ НИКОНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО»: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	94
<i>Гольцов В.И.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ	96
<i>Горшенин А.В.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ТРОЛЛЕЙБУСНОГО СООБЩЕНИЯ В ГОРОДЕ КУЙБЫШЕВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	100
<i>Горькова Л.В.</i> ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ	102
<i>Гребенюков В.И.</i> «НОВЫЙ» НОРМАННИЗМ, ИЛИ «ЗАПРЕТНАЯ ИСТОРИЯ РУСИ»	104
<i>Григорьев А.Д.</i> ЗАБЫТЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ	109
<i>Дубинин В.О., Печенкина А.А., Виниченко К.В.</i> ПРОБЛЕМА УЧЕТА ОПЫТА ВОСПИТАНИЯ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)	113
<i>Журавлёв А.А.</i> МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА ЖЕНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	115
<i>Зварцев И.А.</i> СССР НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ В ЖЕНЕВЕ 1932—1934 гг.	119
<i>Зубова И.Л., Лунин Д.И.</i> ЛЕВ ЕРОХИН — ЛЕГЕНДА СОВЕТСКОГО СПОРТА	122
<i>Иоаниди А.Ф., Лидер Н.В.</i> О ПРАКТИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАГЛЯДНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИСТОРИИ РОССИИ	125
<i>Калинов В.В.</i> МЕСТО ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ	128
<i>Калинова К.В.</i> НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ «ОТРАСЛЕВОЙ» НАУКИ В 1920—1930-е гг.	129
<i>Кондратьева К.Е.</i> СПОРТИВНОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В НАЧАЛЕ XXI в.	130
<i>Косых Е.С.</i> ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1920-х гг. ОБ ИНОСТРАННЫХ КОНЦЕССИЯХ	132
<i>Кузьминых А.Л.</i> ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ПЛЕНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД	134
<i>Макарова И.Н.</i> УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ И ВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ В 1955—1965 ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)	138

<i>Макарова Т.А.</i> ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ О ЕВРОПЕЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА I	141
<i>Мартынова Ю.А.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНИ)	143
<i>Мауль В.Я.</i> О КОНЦЕПЦИИ «КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН В РОССИИ»	145
<i>Милевский О.А.</i> МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. РАБОТАХ Л.А.ТИХОМИРОВА	147
<i>Митрофанов В.В.</i> НЕПРОЧИТАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ ДОКЛАДА С.Ф.ПЛАТОНОВА «НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИИ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ» В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ 19 НОЯБРЯ 1882 ГОДА.....	150
<i>Мокина Н.Н.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСТАВКИ ПОЧТЫ В КУЙБЫШЕВСКОЙ И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТЯХ В 1941—1945 гг.	154
<i>Николаев Н.Ю.</i> ИДЕИ МИРОТВОРЧЕСТВА В ТРУДАХ Л.А.КАМАРОВСКОГО	156
<i>Обухова Ю.А.</i> «ЦАРЬ-АНТИХРИСТ» И «ЦАРЕВИЧ-ИЗБАВИТЕЛЬ» В НЕПРИГОЖИХ РЕЧАХ XVIII ВЕКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ПОЯВЛЕНИЯ САМОЗВАНЦЕВ	159
<i>Платонова М.В.</i> СТРУКТУРА ОРГАНОВ ГУБЕРНСКОЙ ВЛАСТИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ).....	161
<i>Пискунов Н.В.</i> СЕЛО ВЕРХНЯЯ АХТУБА В 1930-е ГОДЫ.....	163
<i>Самаркина Ю.Ю.</i> АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1928—1929 гг.....	165
<i>Сапожникова Н.В.</i> ВОСПОМИНАНИЯ Р.Р. ФОН РАУПАХА «FACIES HIPPOCRATICA (ЛИК УМИРАЮЩЕГО)» О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ РОССИИ	166
<i>Смирнов Ю.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ И ОБУСТРОЙСТВА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ В ОРЕНБУРГСКИХ «ПРОЖЕКТАХ» Д.В.ВОЛКОВА 1763—1764 ГОДОВ.....	168
<i>Смирнова А.А.</i> К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ДЕМОНСТРАЦИИ 5 ДЕКАБРЯ 1965 ГОДА НА ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ.....	171
<i>Соколов А.С.</i> ДЖ.ХИКС И «ДЕЛО» СОВЕТСКИХ БАНКОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1928 г.)	173
<i>Солодкин Я.Г.</i> К ИСТОРИИ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ КОНЦА XVI ВЕКА: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	174
<i>Степаненкова З.В.</i> КРИТИКА В.В.БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИМ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОВ О ПЕЧАТИ	177
<i>Стрелков А.В.</i> РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ ГАЗА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ).....	180
<i>Стрелова О.Ю.</i> ДВА СЪЕЗДА УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ В ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	182
<i>Стрятихина А.А.</i> ПРИЧИНЫ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР В ПЕРИОД НЭПА.....	187

<i>Сушко А.В.</i> ПОЭЗИЯ БЕЛОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ	189
<i>Терехова С.А.</i> ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧИГИРИНСКОМ УЕЗДЕ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 70-х гг. XIX в: КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОЖАК Ф.Д.ПРЯДКО	191
<i>Хабибуллин М.З.</i> ВКЛАД ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ЧУВАШЕЙ И МАРИЙЦЕВ	193
<i>Хлынина Т.П.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДИАСПОР РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК МЕХАНИЗМ «ВСТРАИВАНИЯ» В ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	196
<i>Цысь В.В.</i> О РАЗВИТИИ ПАРОВОДНОГО СООБЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.	201
<i>Цысь О.П.</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В НИЖНЕВАРТОВСКОМ РАЙОНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	203
<i>Чирков М.С.</i> ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ: МАРШАЛ ВОРОШИЛОВ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В 1946 ГОДУ	205
<i>Шагидуллина Г.И.</i> КОММУНИКАЦИОННЫЕ КОНТАКТЫ В СРЕДЕ ГОРОЖАН В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА	208
<i>Шамсиева Э.Р.</i> НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ СОСЛОВНОЙ ГРУППЫ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР В СИБИРИ	210
<i>Шевченко Е.В.</i> РОССИЯ И КРЫМ В КОНЦЕ МОСКОВСКОЙ СМУТЫ (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)	212